

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ОБЩЕПОНЯТНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.

1864.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ; чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Московская Духовная Академія. Генваря 25 дня, 1864 года.

Цензоръ Протоіерей Павелъ Беневоленскій.

С Л О В О

НА НОВЫЙ ГОДЪ а).

Тщаниемъ не лниси, духомъ горяще, Господеви работающе. Рим. XII, 11.

Полезный урокъ на новый годъ мы находимъ себѣ въ этомъ наставленіи св. апостола Павла: «въ усердіи не ослабѣвайте; духомъ пламенѣйте; Господу служите».

Въ сихъ немногихъ словахъ Апостола указываются тѣ свойства, или черты, изъ которыхъ слагаются такъ-называемые сильные характеры, столь высоко цѣнимые на всякомъ поприщѣ дѣятельности. Цѣльность и единство въ направленіи силъ къ благимъ цѣлямъ во имя истины, добра и чести, или, что тоже, во славу Божию, огонь ревности въ духѣ, постоянство и неутомимость въ трудѣ, не прекрасныя ли это черты? Можемъ ли мы не пожелать ихъ для себя въ

а) Произнесено въ московскомъ большомъ Успенскомъ соборѣ 1-го января 1864 года.

будущемъ, чтобъ обезпечить наши успѣхи во вѣхъ великихъ преобразованіяхъ, предначатыхъ для развитія благосостоянія нашего отечества?

Какъ не пожелать, чтобы съ умноженіемъ людей просвѣщенныхъ, умножались въ нашемъ обществѣ тѣ честные, неутомимые труженики, для которыхъ все равно, гдѣ бы ни трудиться, только бы трудиться во славу Божию и съ пользою для общества? Какъ не пожелать, чтобъ умножались тѣ сильные, энергическіе дѣатели, которые увлекаютъ за собою другихъ не громкими словами, а достоинствомъ дѣлъ, славою подвиговъ? Какъ не пожелать, чтобы чаще являлись въ нашемъ отечествѣ мужи, съ *духомъ и силою Илииною*, которые, исходя на поприще общественной дѣятельности во имя истины и правды, какъ буря сокрушаютъ препятствія, которыхъ ни порицанія и насмѣшки, ни происки тайныхъ и явныхъ враговъ не только не охлаждають и не утомляютъ, а напротивъ возбуждаютъ и воспаляютъ къ дѣятельности? Въ обиліи людей сильныхъ духомъ и крѣпкихъ характерами—свидѣтельство силы народовъ, залогъ ихъ долговѣчности, могущества и славы; оскуднѣніе ихъ всегда было предвѣстіемъ паденія царствъ. Въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія нашъ русскій народъ отличался великою силой духа и обиліемъ сильныхъ и мужественныхъ людей, которыхъ имена мы съ любовію и благодарностію встрѣчаемъ въ нашихъ бытописаніяхъ.

Какъ же не желать и какъ не молить Господа о томъ, чтобъ и въ будущемъ такіе люди умножались въ нашемъ отечествѣ?

Но люди съ сильными характерами, какъ и съ сильными умами, не только рождаются, но и воспитываются. Какъ богатые умственные дарованія, полученныя отъ природы, безъ образованія могутъ заглухнуть, затеряться, или даже получить превратное направленіе во вредъ обществу: такъ и природныя зачатки нравственной силы духа, оставленные безъ воспитанія и развитія, могутъ исчезнуть безъ слѣда, или, что еще хуже, обратиться въ орудія для распространенія зла. Поэтому не только нужно желать и молиться, но нужно и заботиться о томъ, чтобы сильные характеры у насъ воспитывались и въ средѣ нашей общественной жизни развивались и укрѣплялись.

Обратимся опять къ апостольскому наставленію, съ котораго мы начали. Въ немъ указываются не только черты сильныхъ характеровъ, но и условія ихъ воспитанія.

«Господу служите», говоритъ Апостоль. По законамъ души человѣческой сила воли, составляющая основаніе характера, направляется желаніемъ; желаніе воспламеняется и устремляется къ ясно понятому и сознанному благу и совершенству. Христіанское ученіе указываетъ намъ это благо и совершенство въ исполненіи воли Божіей. Никогда человѣческая наука не изобра-

жала такого первообраза совершенства для духа человеческого, какое изобразило намъ Евангеліе, и никогда она не осмѣлится ни одной черты этого совершенства назвать не чистою, или излишнею. Что заповѣдуетъ намъ Евангеліе? Внутреннюю чистоту мыслей и желаній, совершенную честность передъ самими собою и передъ другими,—соединенную съ строгимъ обсужденіемъ себя и снисходительностію къ другимъ,—воздержаніе и умѣренность, терпѣніе и трудолюбіе, безкорыстіе, благожелательность, привѣтливость и любовь къ ближнимъ, простирающуюся до самопожертвованія. Современная наука, забывшая Евангеліе, назвала многія изъ этихъ прекрасныхъ свойствъ, подъ именемъ *у-манныхъ*, своимъ собственнымъ приобрѣтеніемъ, недавно находкою; но мы знаемъ, что они тысячу лѣтъ уже были извѣстны предкамъ нашимъ, а еще раньше всему христіанскому міру. Въ чемъ же прежде всего должна бы состоять для насъ задача воспитанія характеровъ? Въ раскрытіи, въ ясномъ изображеніи этихъ свойствъ юнымъ душамъ, съ тѣмъ, чтобъ онѣ полюбили ихъ и возгорѣлись желаніемъ осуществить ихъ въ себѣ. Какъ раскрыть ихъ, чтобы не ввести въ заблужденіе неопытные умы, чтобы не исказить чистыхъ чувствъ невинныхъ сердецъ, чтобы ложно не направить молодую волю? На основаніи и подъ руководствомъ тогоже Евангелія, изъ котораго почерпнуто ученіе объ этихъ

чертахъ совершенства, на основаніи примѣровъ дѣятельнаго совершенства, представленныхъ намъ въ жизни Господа Иисуса Христа и святыхъ Его. Какъ легко прививается при опытномъ руководствѣ это ученіе къ душамъ неиспорченнымъ, какимъ благодатнымъ огнемъ ревности къ совершенству оно воспаляетъ ихъ!

Это ли мы видимъ въ опытѣ въ современномъ движеніи научнаго просвѣщенія, которое угрожаетъ овладѣть нашимъ православнымъ, великимъ народомъ? Мы видимъ, что все, относящееся къ человѣческому совершенству, нынѣ обращено въ предметъ преній и противорѣчивыхъ сужденій. Всѣ основы нравственной дѣятельности потрясены, разпатались. Понятія о добрѣ и злѣ, о законномъ и незаконномъ, о дозволенномъ и недозволенномъ, о честномъ и безчестномъ, о человѣколюбіи и правдѣ, о власти и отношеніяхъ къ ней, о правахъ и уваженіи къ нимъ, обратились въ истины еще искомыя, подлежащія изслѣдованію и повѣркѣ, какъ будто мы живемъ во времена до-христіанскія, какъ будто мы язычники, блуждающіе во тьмѣ и ищущіе свѣта. *А свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не обзятъ. Воля Божія благая и совершенная* намъ давно извѣстна и такъ легко изучить ее, а съ нею и всѣ черты истиннаго совершенства.

Говорятъ: «изъ преній возникаетъ истина, изъ разрушенія жизнь, изъ борьбы побѣда».

Такъ; но не тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ основаніяхъ нравственнаго совершенства, и не тогда, когда они давно уже извѣстны. Въ нерѣшительности и недоумѣніяхъ проходитъ напрасно дорогое время, которое нужно для дѣйствованія; оставляется безъ развитія воля, которая требуетъ движенія по ясно сознанному пути, убиваются характеры, которые развиваются дѣятельностію, а не словопреніями. Борьба мнѣній нужна въ приложеніи началъ къ частнымъ случаямъ дѣятельности; но споръ о началахъ нравственности въ народѣ христіанскомъ разрушителенъ для цѣлости и силы его духа. Этотъ духъ сомнѣнія, эта запутанность въ убѣжденіяхъ, эти споры о совершенствѣ могутъ сбить народъ русскій съ пути, по которому онъ шель тысячу лѣтъ съ такою честію и славою. *Будите совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.* Вотъ безспорный Первообразъ совершенства! На Него намъ нужно смотрѣть, Его познавать, познавши возлюбить, а возлюбивши къ Нему возвышаться.

«Въ усердіи не ослабѣвайте». Горячее желаніе блага и совершенства движетъ и увлекаетъ волю, а усердіе къ труду, которымъ достигается совершенство, укрѣпляетъ ее, дѣлаетъ ее рѣшительною и настойчивою въ побѣжденіи трудностей и препятствій. Здѣсь основаніе твердаго, сильнаго характера. Безъ упражненія воли въ добрѣ можно воспитать людей съ многосторон-

ними познаніями, съ добрыми чувствами, способныхъ увлекаться добромъ, начинать великія дѣла; но нельзя воспитать людей, которые бы великія дѣла совершали, которые бы исходили на дѣла съ рѣшимостію умереть, или сдѣлать. Эту великую задачу воспитанія опускаетъ изъ виду современная наука. Мы настойчиво внушаемъ юношамъ: «учись, какъ можно больше учись», а говоримъ ли: «и дѣлай, какъ можно больше добраго дѣлай»? Мы почитаемъ еще лучшими тѣхъ воспитателей, которые остерегаютъ юность отъ страстей и пороковъ. Но этого мало. Если хотите имѣть людей сильныхъ духомъ, нравственно твердыхъ; если хотите воспитать сильные характеры, предлагайте имъ опыты въ дѣланіи добра, опыты требующіе терпѣнія, постоянства, труда. Давайте уроки волѣ, какъ даете ихъ уму, и отъ начальныхъ и легкихъ ведите къ труднѣйшимъ и высшимъ. Что это за уроки? Ихъ мало знаетъ человѣческая наука воспитанія; ихъ знаетъ въ совершенствѣ только наука христіанская. Она состоитъ въ самоотверженіи, въ исполненіи заповѣдей Божіихъ; она преподается Церковію.

И уставы Церкви, ея заповѣди, ея обряды и благочестивые обычаи нынѣ подвергаются порицанію. Ихъ почитаютъ лишними, обременительными, безпрестанно спрашиваютъ: зачѣмъ это, и для чего это? Весьма многіе въ наше время уже и не понимаютъ тайнаго смысла и великаго

значенія церковныхъ учреждений. Эта тайна— воспитаніе нравственно-твердыхъ характеровъ въ христіанскомъ обществѣ. Первообразъ нравственнаго совершенства, начертанный Спасителемъ, предносится всюду въ дѣйствіяхъ Церкви, проникаетъ всѣ ея учрежденія. Зачѣмъ урочные часы церковныхъ богослуженій? Чтобы пріучить насъ къ порядку въ дѣлахъ добрыхъ. Зачѣмъ рано звонитъ церковный колоколъ? Чтобы пріучить чадъ Церкви для дѣла Божія разставаться съ покоемъ и нѣгою. Зачѣмъ продолжительны молитвы? Чтобы пріучить насъ содержать нашъ умъ и сердце безъ утомленія въ духовномъ напряженіи и устремленіи къ мыслямъ чистымъ и чувствамъ святымъ. Зачѣмъ запрещеніе тѣхъ и другихъ удовольствій? Чтобы не дать намъ пристраститься къ нимъ, чтобъ они не поработили и не разслабили нашего духа. Зачѣмъ длинныя и строгіе посты? Чтобы сдѣлать для насъ легкими и безопасными всякія лишенія. Эти начальныя уроки Церкви вводятъ насъ въ высшее училище самоотверженія, въ ту внутреннюю христіанскую жизнь, гдѣ не видно конца борьбы съ нашими страстями, гдѣ кровавымъ трудомъ достается побѣда, гдѣ въ безпрестанномъ напряженіи воля, гдѣ характеръ христіанина крѣпнетъ и закаляется, если онъ, по слову Апостола, не ослабѣваетъ въ усердіи. Кто привыкъ къ трудамъ и бдѣніямъ для очищенія своего духа, тотъ не побоится ихъ, когда

они будутъ пужны для общаго дѣла; кто привыкъ къ лишеніямъ для укрощенія своихъ страстей, того не испугаютъ лишенія, встрѣчающіяся на службѣ отечеству; кто не отступалъ въ борьбѣ съ врагами невидимыми, тотъ не отступитъ въ борьбѣ съ видимыми; кто расположился внутренно такъ, что всегда готовъ лучше страдать, нежели согрѣшить, тотъ никогда не измѣнитъ ни долгу, ни присягѣ, ни чести.

Воспитанники этого божественнаго училища не будутъ излишне говорливы, какъ это бываетъ съ воспитанниками науки, наполняющей только умъ и развязывающей языкъ: такъ какъ они знаютъ, что кто много говоритъ, тотъ мало дѣлаетъ. Они будутъ добрыми совѣтниками, но не будутъ нещадными порицателями: потому что знаютъ, какъ легко порицать, и какъ трудно исправляться. Они не будутъ порываться цѣлыми толпами въ начальники и законодатели: потому что увѣрились опытомъ, что безопаснѣе повиноваться, нежели повелѣвать. Они не будутъ увлекаться только новостію дѣла, а внутреннимъ его достоинствомъ. Они не будутъ братья нынѣ за одно, а завтра за другое: потому что не въ ихъ духѣ бросать другимъ то дѣло, которое они начали. Они не будутъ стремиться туда, гдѣ веселѣе служить, а гдѣ они нужнѣе, гдѣ могутъ больше принести пользы отечеству. Они не будутъ выбирать дѣла почище, оставляя черную работу другимъ, потому что они себя не дорого

цѣнять. Они не будутъ убѣгать отъ службы по тайной лѣности и подъ явными предлогами, что тамъ учрежденія не хороши, тамъ общество дурно, потому что они увѣрены, что разумная служба восполняетъ недостатокъ учреждений, а добрый примѣръ исправляетъ другихъ. Когда другихъ смущаютъ легкіе выговоры, ихъ не смутитъ и явная несправедливость: они привыкли къ внутренней скорби и тугѣ сердечной въ борьбѣ со зломъ. Цѣль ихъ службы, не отличія, а миръ совѣсти и правота передъ Богомъ. Не испытавъ себя въ маломъ, они не возьмутся за великое, по завѣту ихъ Учителя Христа: *вѣрный въ малъ, во мнозъ вѣренъ будетъ*. Только характеры христіанскіе могутъ быть характерами надежными. Только ученики Христовы могутъ быть мучениками за истину, за правду, за благо ближнихъ, за честь и славу царя и отечества. Для нихъ однихъ не дорога жизнь земная и ея удовольствія, а дорога жизнь вѣчная и ея блаженство.

Это устремленіе всѣхъ мыслей, желаній и надеждъ къ Богу и вѣчности святой Апостоль выражаетъ словами: «духомъ пламенѣйте». Какъ пламя тѣмъ выше поднимается въ воздухѣ, чѣмъ больше находитъ для себя на землѣ горючихъ веществъ: такъ духъ человѣка, утвердившійся въ добръ дѣятельностію, получаетъ свойство возвышаться къ небу, питаясь добромъ, на землѣ собираемымъ. Онъ съ жаждою ищетъ дѣлъ доб-

рыхъ, съ быстротою пламени ихъ обнимаетъ и переносится отъ одного къ другому, единственно потому, что они питаютъ и возвышаютъ его. Это огненные души, не знающія покоя и отдыха; это люди, смотря на которыхъ, мы удивляемся, гдѣ они берутъ силы, и гдѣ находятъ время для своей необъятной дѣятельности. Огонь ихъ ревности не пощадитъ ихъ самихъ, какъ это бываетъ съ людьми возбужденными страстію, когда отнимаютъ предметъ ихъ страсти, или пресѣкаютъ ихъ любимую дѣятельность. Они всегда освѣщаютъ все вокругъ себя пламенемъ чистымъ и свѣтлымъ, они находятъ для себя пищу, дѣло, всегда и вездѣ, гдѣ есть люди, гдѣ есть жизнь. Дѣлать добро и одно добро—ихъ потребность, свойство ихъ природы. Это слуги общества, которымъ только смерть даетъ отставку. За ними не нужны смотрители и ревизоры, они всегда выше всякой ревизіи. Они не боятся суда закона; потому что законъ воплощенъ въ нихъ самихъ. Какъ Ангелы Божіи, какъ блюстители чести и славы Божіей, они сами поражаютъ пламеннымъ мечемъ противную ихъ природѣ лесть, неправду, хитрость, обманъ, корыстолюбіе и всякіе пороки и преступленія. Это вожди народовъ, это сила царствъ, это пріемники и раздаятели благословеній небесныхъ на всѣхъ своихъ соотечественниковъ, на все челоуѣчество. Кто ихъ можетъ воспитать, кромѣ Самого Христа и Духа Божія? Вотъ о чемъ осо-

бенно намъ надобно молиться, чтобы ими не оскудѣвала наша Русская земля.

На твердомъ камени—Христѣ основаль Промысль Божій великое зданіе Русскаго царства. Въ божественномъ училищѣ Церкви Христовой воспитался великій духъ нашего народа. Не будемъ переосновывать этого зданія на рыхломъ пескѣ человѣческихъ мнѣній и новоизобрѣтенныхъ ученій: *разрушеніе велие* постигаетъ храминны на пескѣ основанныя. На Христѣ утвержденное Русское Царство всегда, при всѣхъ буряхъ и потрясеніяхъ, будетъ твердо стоять, какъ стояло доселѣ: *и сниде дождь, и приидоша рѣки, и възвѣяша вѣтры, и нападоша на храмину ту, и не падеся: основана бо бѣ на камени* (Матѣ. VII, 25.).

Священникъ Алексѣй Ключаревъ.

ЖИЗНЬ

СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,

АРХІЕПИСКОПА КЕСАРИИ КАППАДОКІЙСКІЯ.

ГЛАВА I.

Уваженіє къ св. Василю въ древней Церкви.—Знаменитость его предковъ и ихъ благочестіе.—Домашнее воспитаніе Василія у бабки Макрины.—Внушенія матери его.—Предметы обученія въ Кесарійскомъ училищѣ.—Уроки въ Константинополѣ и Аѳинахъ.—Пріемъ Василю въ аѳинскомъ училищѣ и первыя его впечатлѣнія.—Образъ жизни его здѣсь и дружба съ Григоріемъ Назіанзиномъ.—Прощаніе съ училищемъ.—Взглядъ сестры его на первыя его занятія по возвращеніи изъ Аѳинъ.—Путешествіе Василія по монастырямъ.

Св. Василій Великій принадлежитъ къ числу тѣхъ пастырей Церкви, которые пользовались уваженіемъ и любовію не только при жизни своей отъ своихъ современниковъ, но и по кончинѣ своей, отъ всѣхъ, для кого дорога была св. вѣра, и кто умѣлъ цѣнить истинное благочестіе. Въ день памяти Василія обыкновенно поется такой припѣвъ на 9-й пѣсни канона: «величай душе моя во іерарсѣхъ Василія Вели-

каго, вселенныя пресвѣтлаго свѣтильника и красиваго св. Церковь». Эти слова почти буквальное повтореніе отзыва о Василіѣ вселенскихъ соборовъ. Такъ отцы Халкидонскаго собора утвердили за нимъ названіе великаго. Отцы 2-го Константинопольскаго собора, высказавъ мысль, что у кого естество одно, у того и воля и дѣйствіе едино, прибавили: такъ насъ научилъ свѣтило вселенной, дивный Василій. Соборъ Трульскій въ 32-мъ правилѣ такъже ясно говоритъ, что слава Василія прошла по всей вселенной; а похвальные отзывы о немъ, встрѣчающіеся въ писаніяхъ древнихъ отцевъ и учителей, неизчислимы. Только нечестивый Евномій, аріанскій епископъ, имѣлъ безтыдство въ своихъ апологіяхъ называть Василія и хитрымъ и коварнымъ и трусливымъ и софистомъ, и смѣялся надъ тѣмъ, что онъ постоянно питался чечевицей и отъ продолжительныхъ постовъ имѣлъ на лицѣ постоянную блѣдность. Вопреки дерзкимъ ругательствамъ этого еретика, всѣ знаменитѣйшіе пастыри Церкви никогда не считали себя и способными восхвалить Василія по достойно а),

---

а) Вотъ отзывъ о немъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Григорій Богословъ писалъ о себѣ, что онъ лучше всѣхъ знаетъ Василія (п. 41.), но онъ называетъ его вождемъ жизни, учителемъ догматовъ, окомъ вселенной, палатою учености и всѣмъ, что ни сказалъ бы кто прекраснаго. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: каждый преуспѣваетъ въ чемъ нибудь своемъ, а нѣко-

и можно сказать словами св. Григорія Бого- слова, что нѣтъ ни одной человѣческой похвалы, которая бы не приличествовала Васи- лію, и что онъ столько усовершился во всемъ,

---

которые и въ нѣсколькихъ изъ многочисленныхъ видовъ добродѣтелей. Василій же столько усовершился во всемъ, что сталъ какъ бы образцовымъ произведніемъ природы. Это именно былъ мужъ, къ которому можно примѣнить слова апостола: *быхъ въмъ вся, да всяко нѣкія спасу*. Еще болѣе увеличиваетъ Григорій важность и значеніе Василія, когда прибавляетъ: „это былъ мужъ—единственная почти оставшаяся у насъ искра жизни и жизненная сила (п. 41). Григорій увѣряетъ еще, что всѣ слова Василія съ неизмѣрною быстротою дѣлались извѣстными во всемъ мірѣ. Вотъ собственныя выраженія Григорія, писавшаго еще въ то время, какъ самъ былъ пресвитеромъ: „я стою не на виду, многимъ неизвѣстенъ, иные почти и не знаютъ, что мною бываетъ сказано и даже проповѣдую ли я. О Василіи же много рѣчей, какъ о человѣкѣ, который извѣстенъ самъ по себѣ и по Церкви. Все сказанное имъ переходитъ въ общую извѣстность.“ Къ Василю питалъ высокое уваженіе и св. Аѳанасій Великій. Любовь послѣдняго къ первому такъ была извѣстна и несомнѣнна, что Василій съ увѣренностію напоминалъ объ ней преемнику Аѳанасію (128). А пять дошедшихъ до насъ писемъ Василія къ Аѳанасію показываютъ еще, что Василій съ довѣрчивостію предлагалъ Аѳанасію иногда свои совѣты для устройства дѣлъ церковныхъ, и видѣлъ одобрительное вниманіе къ своимъ предложеніямъ. Изъ писемъ же самаго Аѳанасія извѣстно, что онъ съ твердostí защищалъ Василія противъ подозрѣній въ неправомыслии о Св. Духѣ. Вотъ собственныя слова Аѳанасія: „наши возлюбленные братія, смотря на цѣль Василія и приспособленіе къ обстоятельствамъ, должны прославлять Господа за то, что онъ

что сталъ какъ бы образцовымъ произведеніемъ природы. Василия любила вся паства, уважало свѣтское правительство, даже такой императоръ, которъй былъ покровителемъ Аріанъ; его знакомствомъ дорожили ученые язычники, его превозносили похвалами современные ему епископы, болѣе извѣстные по своей вѣрѣ и святости жизни. Правая вѣра и добрые нравы пасомыхъ,

---

далъ Каппадоціи такого епископа, какого бы желала имѣть всякая страна“ (къ Палад. и Іоанну). Григорій Нисскій при всей родственной близости къ Василию, находилъ для себя всего лучшимъ называть Василия учителемъ, какъ будто это было собств. имя его брата, и въ похвальномъ своемъ словѣ сравниваетъ его съ апостоломъ Павломъ, Моисеемъ и Іоанномъ Крестителемъ. Если судить по писаніямъ Василия, то нельзя сказать, замѣчаетъ Григорій, что онъ не былъ восхищенъ и до третьяго неба; ибо онъ подобно Павлу проникъ въ тайны Божества. Ефремъ Сиринъ считалъ также непременно долгомъ возвѣстить о заслугахъ Василия своимъ соотечественникомъ, и въ похвальномъ словѣ называетъ его самыми почтительными именами, прииѣнительно къ духу восточнаго краснорѣчія, именно: онъ именуетъ его основаніемъ добродѣтелей, книгою похвалъ, жизнію чудесъ, драгоценнымъ смычкомъ духовной цѣвницы, услаждающимъ область святыхъ ангеловъ, и яслями догматовъ; кромѣ сего Ефр. говоритъ, что поелику Василій возлежалъ всегда на писаніяхъ, отдыхалъ на апостольскихъ пажитяхъ, то слово его текло какъ рѣка, и рѣчи его были подобны розѣ и лиліи, шафрану и корицѣ, что онъ возсѣдалъ въ уляхъ добродѣтелей и выдѣлывалъ медъ Божеств. и неукоризненной вѣры. Св. Софроній Іерусал. называлъ Василия славою и красотою церкви, блажен. Феодоритъ свѣтиломъ вселенной, Сократъ опорю истины.

благоговѣніе и умиленность богослуженія , слава духовенства, утѣшеніе несчастныхъ, благотворительность нуждающимся всякаго рода, благосостояніе всѣхъ православныхъ церквей и взаимное единеніе самихъ епископовъ, раздѣленныхъ неосновательными подозрѣніями, все это было предметомъ самой дѣятельной заботливости Василія. Не недоставало къ славѣ имени Василіева и дарованій Св. Духа. Такъ по его молитвамъ получилъ исцѣленіе и пархъ Модестъ (109 стр. похвал. сл. Григ). О прибытіи въ Кесарію св. Ефрема Сирина, по увѣренію сего послѣдняго, Василій извѣщенъ былъ Духомъ Святымъ. Такимъ обр. если даже не признавать подлиннымъ сочиненіемъ св. Амфилохія Иконійскаго приписываемую ему жизнь Василія, которая помѣщается въ славянскихъ Четвынеяхъ, то отсюда нельзя еще заключать, что будто писатель, хотя бы это и не Амфилохій, не имѣлъ въ основаніи своихъ сказаній истиннаго преданія.

Какъ бы то ни было, мы увѣрены, что для истинныхъ чадъ правосл. церкви дороги и возжеланны всякія достовѣрныя сказанія о жизни и дѣяніяхъ такого великаго святителя, и потому соберемъ всѣ свѣдѣнія о немъ изъ источниковъ, достовѣрность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Василій Великій происходилъ по отцу и по матери отъ такихъ фамилій, о которыхъ долгое время помнили и говорили Каппадокіяне съ ве-

ликимъ уваженіемъ и благодарностію. Григорій Богословъ не зналъ фамилій, въ которыхъ были бы столь часты примѣры военачальства, народоправленія, могущества при царскихъ дворахъ, также богатства, гражданскихъ почестей и блистательнаго краснорѣчія, какъ въ фамиліи предковъ Василія. Но по суду христіанскому всего досточестіе должно быть въ предкахъ Василіевыхъ ихъ глубокое благочестіе. Въ гоненіе Максиминово дѣдъ его по матери скончался мученическою смертію за имя Христово, а дѣдъ по отцѣ лишенъ былъ имѣнія и со всѣмъ своимъ семействомъ, немногими знакомыми и слугами семь лѣтъ укрывался въ лѣсу на горахъ понтійскихъ. Ихъ страданія на открытомъ воздухѣ были для нихъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ въ большемъ довольствѣ жили они до гоненія. При этомъ естественно имъ приходилось терпѣть недостатокъ и скудость въ пищѣ. Но Богъ, по молитвамъ и желанію ихъ, говоритъ св. Григорій Богословъ, посылалъ имъ впрочемъ иногда нѣчто и къ услажденію. Такъ утомленные временемъ и ослабѣвшіе отъ продолжительнаго поста и сухояденія, они пожелали однажды мясной пищи, и для сего рѣшились выйти на ловитву, но напередъ съ простотою вѣры открыли предъ Богомъ свои желанія и молитвенно воспомянули всѣ чудеса, совершенныя Моисеемъ въ пустыни аравійской. И что же? Едва только вышли на охоту, говоритъ Григорій Богословъ, вскорѣ,

невѣдомо откуда, взялись на холмахъ олени. И какіе рослые, какіе тучные, какъ охотно поспѣшающіе на закланіе! Можно было почти догадываться, что они негодуютъ, почему не прежде были вызваны. Никто не гналъ, не понуждалъ ихъ. Они связаны были молитвою и праведнымъ прошеніемъ. Послѣ сего пустыньники стали еще ревностнѣе къ тому подвигу, за который получили такую награду, то есть къ молитвѣ. Эти высокія христіанскія добродѣтели: терпѣніе, вѣра, пламенная молитва, примѣръ которыхъ имѣлъ предъ своими глазами въ состояннн воспитанія отецъ Василія, по имени также Василій, перенли и къ сыну и прочимъ членамъ семейства, коихъ всѣхъ было до десяти человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ были епископами, какъ Василій, Григорій и Петръ, нѣкоторые дѣвственниками, а нѣкоторые, говоритъ Григорій Богословъ, обязались и супружествомъ, впрочемъ такъ, что и супружеская жизнь не воспрепятствовала имъ наравнѣ съ первыми преуспѣть въ добродѣтели.

Старшій между братьями Василій родился въ то время, когда св. Аѳанасій уже успѣлъ стяжать себѣ славу поборника православія и уже съ годъ времени управлялъ церковію Александрійскою въ санѣ епископа (именно въ 329 году). Еще во дни младенчества тяжкая болѣзь угрожала Василію смертію, но, по молитвамъ отца, онъ вскорѣ выздоровѣлъ и былъ порученъ руковод-

ству бабки своей—Макрины, которая жила въ сельскомъ уединеніи близъ Неокесаріи. Чему и какъ она обучала своего внука, взявъ его изъ дома отеческаго въ первыя лѣта дѣтства, объ этомъ можно судить по тому, что св. Василій въ послѣдствіи, какъ на лучшее доказательство правоты своей вѣры, указывалъ на первоначальное свое воспитаніе въ дому Макрины. Вотъ его слова: «о вѣрѣ же моеи какое доказательство можетъ быть яснѣе того, что воспитанъ я бабкою, блаженною женою? Говорю о знаменитой Макринѣ, отъ которой заучилъ я изреченія блаженнаго Григорія Неокесарійскаго, сохранившіяся до нея по преемству памяти, и которыя и сама она соблюдала, и во мнѣ еще съ малолѣтства напечатлѣвала, образуя меня догматами благочестія». По возвращеніи отъ бабки въ домъ родительскій, сами родители занялись образованіемъ своего сына. Отецъ Василія еще до рукоположенія во священника славился своимъ краснорѣчіемъ, а потому онъ ознакомилъ сына съ началами риторики. Но кромѣ того онъ продолжалъ и ученіе, начатое бабкою. Въ одномъ (228) письмѣ св. Василій пишетъ, что онъ въ дѣтствѣ еще слышалъ отъ своего отца о томъ, въ какомъ смыслѣ говорится, что Иисусъ Христосъ не знаетъ дня и часа кончины міра. Мать Василія Еммелія болѣе занималась образованіемъ его сердца и помогала ему при чтеніи священ. Писанія. По свидѣтельству Григорія Нисскаго,

сестра Василия — Макрина подь руководствомъ матери изучала притчи Соломоновы и такъ полюбила книгу псалмовъ, что вставала ли съ ложа, принималась ли за ученіе, отдыхала ли предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, идучи ко сну, стоя на молитвѣ, вездѣ она имѣла при себѣ псалтирь, какъ добрую спутницу, которая нигдѣ не отлучается отъ своей подруги. Также конечно мать обучала и сына. Поэтому конечно, указывая на домашнее воспитаніе, св. Василій писалъ о себѣ: я съ младенчества сталъ изучать св. Писаніе и не перемѣнилъ въ послѣдствіи мыслей о Богѣ; но то понятіе о предметахъ вѣры, какое приобрѣлъ съ дѣтства отъ отца и матери моей и бабки Макрины, то понятіе возрастало во мнѣ, и я усовершенствовалъ только преподаанныя ими мнѣ начала (пис. 215).

Еще въ юношескихъ лѣтахъ ясно опредѣлилось благочестивое настроеніе Василия. По выраженію Григорія Богослова, онъ съ ревностію молодого коня стремился къ добродѣтели и не отставалъ отъ старшихъ въ высокихъ порывахъ добродѣтели. Посему родители Василия не усумнились для дальнѣйшаго образованія отправить его, несмотря на то, что онъ еще не былъ крещенъ, къ языческимъ наставникамъ. Родину Василия и мѣсто будущаго его служенія—Кесарію можно было назвать съ Григоріемъ Богословомъ митрополіею наукъ, такъ что еслибы кто лишилъ ее первенства въ наукахъ, то отнялъ

бы у нея самую лучшую ея собственность. Сюда-то, въ кесарійскія училища, послѣ домашняго образованія и отправленъ былъ Василій изъ Неокесаріи—мѣста временнаго пребыванія его родителей. Здѣсь вскорѣ превзошелъ онъ «своихъ товарищей во всякомъ родѣ свѣденій и поравнялся съ учителями, пріобрѣлъ большую славу и у простолюдиновъ и у первостепенныхъ гражданъ, потому что обнаруживалъ въ себѣ ученость выше возраста и твердость нрава выше учености». Онъ былъ, по словамъ Григорія Богослова, риторомъ между риторамъ еще до кафедры софиста, философомъ между философами еще до выслушанія философскихъ положеній, а что всего важнѣе, іереемъ для христіанъ еще до священства. Тогдашній архіепископъ кесарійскій Діаній такъже показывалъ предпочтительное расположеніе къ Василю. Въ Кесаріи же каппадокійской положилъ начало своему научному образованію и св. Григорій Богословъ и скоро замѣтилъ во вновь поступившемъ въ школу товарищѣ, по его собственному выраженію, отрѣшеніе отъ міра и пребываніе съ Богомъ, и это побудило его предпочесть Василю всѣмъ другимъ товарищамъ. Изъ Кесаріи, увлекаемый жаждою познаній, Василій отправился въ Константинополь, потому что Византія также славилась совершеннѣйшими софистами и философами,—и при естественной своей даровитости въ короткое время собралъ у нихъ все отличнѣйшее. Здѣсь однимъ изъ

учителей Василия былъ риторъ Ливаній, который любилъ своего ученика самою живѣйшею любовію. Но Аѳины—отечество Платона и Демосѳена были въ это время самою высшею обителію наукъ, куда стекались ревнители учености со всѣхъ концовъ имперіи. Въ эту эпоху, граничившую съ упадкомъ наукъ и искусствъ, умирающій ел-линизмъ напрягалъ всѣ послѣднія силы свои; здѣшніе софисты всѣми приѣмами своего красно-рѣчія старались привлекать къ себѣ юношество, со всѣмъ усиліемъ раскрывали изящество древнихъ произведеній поэзіи и высокое значеніе философіи, давали глубокій нравственный смыслъ самымъ безнравственнымъ міѳамъ. Въ Аѳинскомъ училищѣ нѣкоторые съ особенною ревностію занимались софистикой, имѣя въ виду главнымъ образомъ борьбу съ христіанствомъ. При всемъ этомъ въ это лучшее училище словесности, хотя и языческое, стекались дѣти и христ. родителей, подобно тому какъ нѣкогда русскіе православнаго исповѣданія отдавали дѣтей своихъ въ коллегіи іезуитовъ; въ Аѳины стремился и Василій, но съ цѣлію принести всѣ плоды образованія въ жертву евангельскому ученію. Здѣсь уже ожидалъ Василия кесарійскій пріятель и готовилъ ему въ пріемъ доказательство истинной дружбы. Ждали здѣсь Василия и многіе другіе и притомъ съ обширными и великими надеждами; имя его еще до прибытія повторялось въ устахъ у многихъ. Но нужна была вся преду-

предительность Григорія, чтобы удовольствіе видѣть себя предметомъ общаго расположенія не было отравлено для Василя нѣкоторыми странными обрядами, которыхъ держалось тогда Аѳинское училище и которые сами собой напоминаютъ знающимъ множество дурачествъ въ средневѣковой жизни университетовъ европейскихъ. Всякій новопоступающій подвергался этимъ унижительнымъ обрядамъ и невольно дѣлался посмѣшищемъ при первой неосторожности. Для Василя, искавшаго одной истины и постоянно благоговѣйнаго, это было бы нестерпимо, и, можетъ быть, онъ лучше рѣшился бы отказаться отъ мамѳренія быть аѳинскимъ студентомъ, нежели сдѣлаться предметомъ глупыхъ шалостей, какія дозволяли себѣ аѳинскіе юноши. Примѣръ этихъ шалостей св. Григорій указываетъ въ грубомъ приѣмѣ всякаго, кто только являлся въ Аѳины для обученія: ученики софистовъ не только незнатнаго рода и имени, но и благородные, получившіе уже извѣстность, въ торжественномъ сопровожденіи отводили новопробынаго чрезъ площадь въ баню, а подходя къ ней, поднимали громкій крикъ и начинали плясать какъ изступленные; за тѣмъ послѣ продолжительной пляски заставляли новичка выломать двери въ баню. Только подъ этимъ условіемъ давали повичку свободу и встрѣчали его изъ бани, какъ человѣка, съ ними равнаго и включеннаго въ ихъ собратство. Зная дурныя при-

вычки своихъ товарищей, Григорій убѣдилъ обходиться съ Василиемъ уважительнѣе, и слѣдствіемъ сего было то, что почти онъ одинъ изъ прибывшихъ принять былъ безъ обычныхъ дурачествъ. Кромѣ сего въ Аѳинахъ были и такіе изъ прежнихъ знакомыхъ и даже пріятелей Василія, которые встрѣтили его съ злобною завистию. Такъ отзывается св. Григоріи о пришельцахъ Арменіи: они вскорѣ по прибытіи Василія вступили съ нимъ въ какой-то ученый споръ, въ которомъ твердо надѣялись одержать надъ нимъ верхъ и на первый разъ желали представить его человѣкомъ не понимающихъ самыхъ простыхъ истинъ. Не подозрѣвая низости побужденій, самъ Григорій сначала поддерживалъ сторону противниковъ Василія и, придавъ имъ силу своимъ вмѣшательствомъ, ввелъ въ битву равныя силы; но когда же замѣтилъ цѣль собесѣдованія, то какимъ-то нечаяннымъ изворотомъ далъ возможность Василию одержать побѣду надъ своими соперниками. Василій понялъ, въ чемъ дѣло, и, исполненный ревности, не прежде пересталъ поражать, по выраженію Григорія, отважныхъ смѣльчаковъ своими силлогизмами, какъ принудивъ ихъ къ совершенному бѣгству и рѣшительно взявъ надъ ними верхъ. Эти два случая убѣдили Василія въ преданности къ нему Григорія, и они постепенно тѣснѣе и тѣснѣе соединялись между собою узами дружбы.

Но при всемъ видимомъ уваженіи, съ какимъ

встрѣтили Василя большая часть аѳинскихъ студентовъ, и послѣ побѣды надъ завистниками Аѳины сначала произвели на Василя непріятное впечатлѣніе. Когда, надѣясь великаго, вдругъ получаемъ ожидаемое, тогда оно кажется намъ ниже составленнаго мнѣнія. Василій подвергся, говоритъ Григорій Богословъ, именно этой человѣческой немощи, сдѣлался печалень, сталъ скорбѣть духомъ, готовъ былъ осуждать самъ себя за пріѣздъ въ Аѳины, и называлъ Аѳины обманчивымъ блаженствомъ. Приближенный другъ поспѣшилъ внушить ему въ этомъ состояніи раздумья и грусти, что ни о людяхъ, ни объ урокахъ учителей недолжно судить по первымъ впечатлѣніямъ, напомянулъ ему о томъ, что какъ характеръ чловѣка можетъ быть извѣданъ не вдругъ, но только съ продолженіемъ времени, и при обращеніи совершенно короткомъ, такъ и ученость познается не по немногимъ, и не по маловажнымъ опытамъ. Напоминаніе объ этихъ простыхъ истинахъ разсѣяло большую часть скорби Василя; онъ успокоился, и около 4-хъ или 5-ти лѣтъ слушалъ уроки языческихъ учителей и аѳинскихъ софистовъ, особенно Имерія и Прозерсія. О занятіяхъ Василя и успѣхахъ въ наукахъ Григорій выражается такимъ образомъ: «у него неотставали другъ отъ друга ни прилежаніе, ни даровитость, отъ которыхъ знанія и искусства получаютъ силу.... Грамматика, риторика, астрономія, философія по преимуще-

етву нравственная, музыка, физика, медицина и естественная исторія были изучены имъ съ такою основательностію, съ какою другою не изучаетъ и одного предмета; каждую изучалъ онъ до такого совершенства, какъ бы неучился ничему другому».

Когда по прошествіи нѣкотораго времени, говорить Григорій Богословъ, открыли мы другъ другу и желанія свои и предметъ оныхъ любовмудріе, тогда уже стали другъ для друга все: и товарищи и сотрапезники и родные; одну имѣя цѣль, мы непрестанно возрастали въ пламенной любви другъ къ другу.... Оба мы домогались не того, чтобы которому изъ насъ самому стать первымъ, но какимъ образомъ уступить первенство другъ другу, потому что каждый изъ насъ славу друга почиталъ собственною славою. Казалось, что одна душа въ обоихъ поддерживаетъ два тѣла. И хотя не заслуживаютъ вѣроятія утверждающіе, что все разлито во всемъ, однакоже должно повѣрить намъ, что мы были одинъ въ другомъ и одинъ у другаго. У обоихъ насъ одно было упражненіе—добродѣтель, и одно усиліе до отшествія отсюда, отрѣшаясь отъ здѣшняго, жить для будущихъ надеждъ. Къ сей цѣли мы направляли всю жизнь и дѣятельность и поощряли другъ друга къ добродѣтели... Мы вели дружбу и съ товарищами; но не съ наглыми, а цѣломудренными, не съ задорными, а съ миролюбивыми, съ которыми можно было не

безъ пользы сойтись. Ибо мы знали, что легче заимствовать порокъ, нежели передать добродѣтель, такъ какъ скорѣе можно заразиться болѣзнію, нежели сообщить другому свое здоровье. Что касается до уроковъ, то мы не столько любили пріятнѣйшіе, сколько совершеннѣйшіе. Намъ извѣстны были двѣ дороги: одна — это первая и превосходнѣйшая—вела къ нашимъ священнымъ храмамъ, куда ходили по преимуществу слушать христіанскія наставленія, другая вела къ наставникамъ наукъ внѣшнихъ. Другія же дороги на праздники, въ зрѣлища, въ народныя стеченія на пиршества предоставляли желающимъ. Ибо вниманія достойнымъ не почитали того, что не ведетъ къ добродѣтели, и недѣлаеть лучшимъ своего любителя. У другихъ бываютъ иныя прозванія, или отцевскія или свои, по роду собственнаго званія и занятія; но у насъ одно великое дѣло и имя—быть и именоваться христіанами... Для другихъ душепагубны Лейны, потому что изобилуютъ худымъ богатствомъ—идолами, которыхъ тамъ больше, нежели въ цѣлой Элладѣ, такъ что трудно не увлечься за другими, которые ихъ защищаютъ и хвалятъ; однако же небыло отъ нихъ никакого вреда для насъ съ Василиемъ. Напротивъ того, живя въ Лейнахъ, мы утвердились въ вѣрѣ, потому что узнали обманчивость и лживость идоловъ, и тамъ научились презирать демоновъ, гдѣ имъ удивляются; и ежели дѣйствительно есть, или только

въ народномъ вѣрованіи, существуетъ такая рѣка, которая сладка, когда течетъ и чрезъ море, и такое животное, которое прыгаетъ въ огнѣ всеистребляющемъ: то мы походили на это въ кругу своихъ сверстниковъ.... Чрезъ сіе самое пріобрѣли мы не только извѣстность у своихъ наставниковъ и товарищей, но и въ цѣлой Эладѣ, особенно у знатнѣйшихъ мужей Элады. Слухъ о насъ доходилъ и за предѣлы ея, какъ дѣлалось это явно изъ разсказа о томъ многихъ. Ибо кто только зналъ Аонны, тотъ слышалъ и говорилъ о нашихъ наставникахъ, а кто зналъ нашихъ наставниковъ, тотъ слышалъ и говорилъ о насъ».

Къ концу 5-лѣтняго пребыванія въ Аѳинахъ Василій достигъ 25 лѣтняго возраста. Надобно было возвращаться на родину. Насталъ день отъѣзда и, какъ обыкновенно бываетъ при отъѣздахъ, начались, говорить Григорій Богословъ, прощальныя рѣчи, проводы, упрашиванія остаться, рыданія, объятія, слезы. Василія и Григорія окружила толпа друзей и сверстниковъ, между ними были нѣкоторые и изъ учителей; тѣ и другіе увѣряли, что ни подъ какимъ видомъ не отпустятъ ихъ изъ Аѳинъ, и послѣ просьбъ и убѣжденій прибѣгли даже и къ мѣрамъ принудительнымъ. Григорій не могъ отказать такимъ живымъ и искреннимъ выраженіямъ душевной къ нему пріязни. Василій остался непреклоннымъ, и удерживавшіе противъ воли согласились на

его отъѣздъ. Онъ возвращался, по словамъ Григорія Богослова, какъ корабль, столько нагруженный ученостію, сколько сіе вмѣстительно для человѣческой природы. Но при всемъ этомъ хотѣлъ еще ознакомиться съ философіей Евстафія, вѣроятно, ученика Ямвлихова, своего соотечественника; впрочемъ не нашелъ его ни въ Константинополѣ, ни въ Кесаріи и принужденъ былъ отказаться отъ своего желанія.

По возвращеніи въ домъ родительскій Василію самому предстояло теперь званіе учителя: и Кесарія и Неокесарія убѣдительно просили Василія принять на себя образованіе юношества. Изъ Неокесаріи явилось къ ученику Ливанія съ этимъ предложеніемъ посольство изъ почетныхъ гражданъ и всѣ, толпою окруживши его, употребляли всѣ возможныя убѣжденія, высказывали многія и очень лестныя обѣщанія, но онъ не принялъ предложеній. Отечественному же городу не могъ отказать въ подобной просьбѣ. Платя дань міру, далъ нѣсколько публичныхъ чтеній въ кесарійской школѣ, и эти чтенія сопровождались шумными рукоплесканіями. Но послѣ этихъ опытовъ блистательнаго краснорѣчія родная сестра Василія—строгая дѣвственница и подвижница Макрина, стала думать, что аонская ученость породила въ ея братѣ излишнее о себѣ мнѣніе; въ надеждѣ смирить это самомнѣніе, она вмѣстѣ съ матерію поспѣшила оторвать своего брата отъ обольстительнаго по ея мнѣнію поприща. Отецъ Василія

скончался года за три до возвращенія его изъ Аѳинъ ; внушенія любимой и старшей сестры, подкрѣпляемыя совѣтомъ матери и именемъ почившаго отца, должны были сильно подействовать на душу Василія, да и самъ по себѣ онъ не имѣлъ расположенія жить для зрѣлища или на показъ, и не дорожилъ рукоплесканіями своихъ учениковъ и слушателей; итакъ вскорѣ отказался онъ отъ публичныхъ чтеній, а вскорѣ за симъ поспѣшилъ очистить себя отъ всѣхъ грѣховъ, принявъ святое крещеніе, вѣроятно, отъ кесарійскаго архіепископа Діанія.

Образъ жизни и занятій послѣ крещенія предначертанъ былъ по взаимному совѣщанію съ Григоріемъ еще въ Аѳинахъ. Именно еще здѣсь они изъявили рѣшительное желаніе по возвращеніи изъ Аѳинъ посвятить себя монашеской жизни въ какой нибудь пустынѣ и никогда не разлучаться другъ съ другомъ. Теперь надлежало только позаботиться объ исполненіи обѣщанія, высказаннаго другу. Но Григорій сверхъ всякаго ожиданія прислалъ письмо, въ которомъ читались такія слова: «признаюсь, измѣнилъ я обѣщанію жить и любомудрствовать вмѣстѣ съ тобою, какъ далъ слово еще въ Аѳинахъ во время тамошней дружбы и тамошняго сліянія сердець. Но измѣнилъ не добровольно, а потому что законъ, повелѣвающий прислуживать родителямъ, превозмогъ надъ закономъ товарищества и взаимной привычки. Впрочемъ и въ этомъ не измѣню совершенно, если

ты будешь согласенъ на тоже самое. Иногда я буду у тебя, а иногда ты самъ благоволишь навѣщать меня, чтобы все было у насъ общее и права дружбы остались равночестными». Тяжело было слышать о такой перемѣнѣ мыслей, но нельзя было осуждать за нее, по уваженію къ долгу дѣтей въ отношеніи къ родителямъ. При томъ письменныя сношенія показали, что только на время отлагаетъ Григорій исполненіе своего обѣщанія. Оставленный другомъ Василій почелъ за нужное предварительно посѣтить палестинскихъ и египетскихъ пустынножителей для того, какъ самъ говоритъ, чтобы научиться отъ нихъ, какъ не заботиться о мірской жизни и не вдаваться душою ни въ какое пристрастіе (пис. 45). 357 годъ весь прошелъ въ путешествіяхъ уже не для научнаго образованія, какъ прежде, но для изученія жизни подвижнической. Александрія, Оиваида, Келесирія, Месопотамія представили ему множество примѣровъ изумительнаго самоотверженія, неутомимыхъ молитвъ и подвиговъ любви. Въ его дупѣ совершенно утвердилось желаніе подражать житію такихъ людей, каковы были сіявшіе въ то время въ мірѣ иноческомъ Пахомій, два Макарія, Пафнутій и сонмы ихъ сподвижниковъ. Къ тому же онъ не терялъ еще надежды на то, что и Григорія въ непродолжительномъ времени привлечетъ на свою сторону. Но и рассказы о впечатлѣніяхъ, какія произвело на Василія путешествіе по иноческимъ пустынямъ,

не могли отклонить Григорія отъ попеченія о родителяхъ, нуждавшихся въ его содѣйствіи. Василій одинъ рѣшился принять на себя всѣ заботы объ устроеніи монастыря и предначати подвижнической жизни, по примѣру видѣнныхъ имъ пустынножителей. Его бесѣды съ неокесарійцами и каппадокійцами вскорѣ нанли ему подражателей и соучастниковъ въ образѣ жизни.

Г Л А В А П.

Мѣстоположеніе пустыни Васиіевой.— Отвѣтъ Григорія Божслова на приглашеніе въ эту пустыню. — Занятія Васиіа въ пустынѣ и отзывъ Григорія о здѣшней жизни. — Первые подвиги ревности Васиіа въ борьбѣ съ аріанами.— Противодѣйствіе его замысламъ Юліана.— Посвященіе Васиіа во пресвитера и письмо къ нему по сему случаю Григорія.— Огорченія Васиію со стороны кесарійскаго епископа.— Противодѣйствіе Васиіа аріанамъ, покушавшимся ввести свою ересь въ Кесаріи. — Заботливость Васиіа о своихъ пасомыхъ во время голода и о присоединеніи къ православной церкви полуаріанъ.

Въ Понтѣ, не вдалекѣ отъ Неокесаріи и Чернаго моря, на дикихъ берегахъ рѣки Ириса, въ своихъ собственныхъ дачахъ жили благочестивая Еммелія, мать Васиіа, и святая Макрина, сестра его, окруженныя соборомъ женщинъ, давшихъ обѣтъ безбрачной жизни. Протизоноложная берегу гора, заросшая густымъ лѣсомъ, представ-

ляла всё удобства для основанія мужскаго монастыря. Здѣсь и поселился Василій съ учениками, которые прежде другихъ вняли его увѣщаніямъ и совѣтамъ. Избранное мѣсто вполне соответствовало его желаніямъ. Почему въ одномъ изъ писемъ къ Григорію живописно изображая свою пустыню, эту колыбель восточнаго монашества, онъ шутливо смѣялся надъ Тивериномъ, мѣсто-пребываніемъ Григорія, загороднымъ селеніемъ близъ Назіанза.

Вотъ извлеченіе изъ этого замѣчательнаго письма: « Пора уже мнѣ удалиться въ Понтъ, гдѣ на послѣдокъ, если угодно Богу, положу, можетъ быть, конецъ своему скитанію. Съ трудомъ отказавшись отъ напрасныхъ надеждъ, какія имѣлъ некогда на тебя, иду теперь въ Понтъ учиться, какъ жить. Здѣсь конечно указываетъ мнѣ Богъ мѣсто, въ точности соответствующее моему нраву. Это высокая гора, покрытая частымъ лѣсомъ, на сѣверной сторонѣ орошаемая холодными и прозрачными водами, но подъ горою стелется покатая долина непрестанно утучняемая влагами изъ горы. Кругомъ долины самъ собою выросшій лѣсъ, изъ различныхъ всякаго рода деревьевъ, служитъ ей какъбы оградой. Съ двухъ сторонъ прорыты глубокіе овраги, а съ боку рѣка служитъ также непрерывной и неприступной стѣной. Поелику же гора тянется въ обѣ стороны и луковидными изгибами примыкаетъ къ оврагамъ, то доступы въ подгорье заграждены.

Одинъ только есть въ него входъ, которымъ владѣемъ мы. За мѣстомъ нашего жительства есть другой гребень, возвышенную свою вершину подъемяющій надъ горою, и съ него вся вершина развертывается передъ взоромъ. Съ высоты можно видѣть и текущую мимо равнины рѣку; эта рѣка, будучи быстрѣе всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, свирѣпѣетъ нѣсколько при сосѣднемъ утесѣ, и отражаясь отъ онаго, кружится въ глубокомъ водоворотѣ, чѣмъ доставляетъ мнѣ и всякому зрителю весьма пріятный видъ; въ пучинахъ своихъ она питаетъ и неизчислимое множество рыбъ. Нужно ли говорить о земной прохладѣ, о вѣтеркахъ съ рѣки? Множеству цвѣтовъ, и нѣвчихъ птицъ пусть дивится кто другой, а у меня нѣтъ досужаго времени обращать на это вниманіе. Изъ всего, что могу сказать о своемъ убѣжищѣ, наиболѣе важно то, что по удобству положенія будучи способно произращать всякіе плоды, для меня оно возвращаетъ сладотнѣйшій изъ плодовъ-безмолвіе, потому что нетолько освобождаетъ отъ городскихъ мятежей, но и не заводитъ къ намъ ни одного путника, кромѣ встрѣчающихся съ нами на звѣриной ловлѣ. Ибо сверхъ всего прочаго здѣсь водятся и звѣри, впрочемъ не медвѣди или волки, какъ у васъ въ Тиверинѣ; нѣтъ, здѣсь живутъ стада оленей, дикихъ козъ, зайцы и тому под. Поэтому разсуди, какой опасности подвергся бы я скудоумный, еслибы подобное убѣжище упорно вздумалъ промѣнять на

Тиверинъ—эту земную пропасть». Такое поэтическое описаніе ясно свидѣтельствуесть о глубокомъ сочувствіи автора шестоднева къ красотамъ мѣстоположеній, но не могло привлечь Григорія. Григорій хотя и сильно желалъ побывать въ пустынь Василіевой, но взаимно шутя надъ разборчивостію мѣстъ, подавалъ видъ, что письмо Василіево нѣсколько показалось ему страннымъ. «Положеніе мѣста, писалъ онъ, не много значить и неможетъ въ душѣ моей произвести сколько нибудь влеченія къ тому, чтобы жить съ вами вмѣстѣ, пока не узнаю чего нибудь о вашемъ образѣ жизни и о препровожденіи у васъ времени». Кромѣ сего Григорій дозволилъ себѣ посмѣяться надъ описаніемъ выбраннаго мѣста для монастыря. Вотъ его собственныя слова: «въ правду или шутку ты смѣешься и чернишь все наше...; я же буду дивиться твоему Понту и понтійскому сумраку, этому жилищу достойному бѣглецовъ, этимъ висящимъ надъ головой гребнямъ и дикимъ звѣрямъ, этой лежащей въ низу пустынькѣ или кротовой норѣ, съ почетными именами: обители, монастыря и училища, этимъ лѣсамъ дикихъ растеній, этому вѣнцу стремнистыхъ горъ, которымъ вы не увѣнчаны, но заперты. Буду дивится тому, что въ мѣру у васъ воздухъ и въ рѣдкость солнце, которое какъбы сквозь дымъ видите вы, понтійскіе киммеріане, люди безсолнечные, не на шестимѣсячную только осужденные ночь, но даже никогда въ жизни небывающіе безъ тѣни, люди

у котсрыхъ цѣлая жизнь одна длинная ночь.... Рѣка у васъ велика и стремительна, непреходима, мутна и негодна для питья, въ одномъ только снисходительна, что неуносить вашей обители, когда горные потоки и ненастья приводятъ ее въ ярость. Невыхвляй мнѣ и тѣхъ луковидныхъ изгибовъ, которые больше подавляютъ, нежели ограждаютъ подходъ въ ваше подгорье, не хвали мнѣ и этихъ провѣвающихъ вѣтерковъ, и этой земной прохлады, которые освѣжаютъ васъ утомленныхъ до омраченія, не хвали и пѣвчихъ птицъ, которыя хотя воспѣвають, но голодъ, хотя порхаютъ, но въ пустынѣ. Никто къ вамъ не заходитъ, развѣ для того, какъ говоришь ты, чтобы погонятся за звѣрями, присовокупи же къ этому, и посмотри на васъ, живыхъ мертвецовъ»... Такъ дружески и простосердечно осмѣивалъ сначала святой Григорій мѣстоволоженіе Василіева монастыря. Но занятія Василія имѣли высокую важность, и онъ съ твердою увѣренностію ожидалъ отъ устройства своей пустыни великихъ и благотворныхъ послѣдствій и для себя и для другихъ. Еслибы онъ вздумалъ устроить монастырь въ лѣтахъ старческихъ, послѣ того какъ почувствовалъ или утомленіе отъ трудовъ по дѣламъ обширной митрополіи, или крайнюю суетность земной славы и почестей, съ которыми и тогда соединялось высокое служеніе Архидіаконовское; еслибы въ то время принялся за устройство монастырей, то стремленіе его къ аскетизму было

бы не такъ удивительно. Но Василій всею душею предался заботамъ о заведеніи монастырскаго братства по особому чину, въ лѣтахъ еще юношескихъ и немедленно по совершеніи ученыхъ путешествій во всѣ знаменитыя школы, послѣ блистательнаго окончанія курса наукъ. Посему нельзя не благоговѣть предъ такимъ основателемъ монастырской общины. Въ своей пустынѣ святой Василій занимался часто и учеными трудами, каково изъясненіе Писанія и чтеніе предшествовавшихъ ему по времени отцевъ и писателей церковныхъ, о чемъ свидѣтельствуешь составленная въ это время книга подъ названіемъ: *Добротолубіе*. А это еще болѣе можетъ мирить историковъ съ взглядомъ Василія на аскетическую жизнь. Если бы онъ искалъ уединенія изъ одной любви къ подвижничеству: то нельзя было ничѣмъ объяснить несоразмѣрности его всестороннаго образованія съ избраннымъ родомъ жизни. Но теперь это затрудненіе совершенно исчезаетъ.

Василій не провелъ еще и трехъ лѣтъ въ своей пустынѣ, какъ «эта лежащая внизу пустынька, по выраженію Григорія Богослова, кротова нора», получила уже почетныя названія: обители, монастыря, училища. Уже эти одни названія приводятъ къ мысли, что къ концу 3-хъ лѣтнихъ своихъ аскетическихъ подвиговъ, Василій успѣлъ собрать вокругъ себя большое количество людей, которые хотѣли подражать его образу жизни и

руководствоваться его наставленіями. Недовольствуясь тѣмъ, что многіе изъ каппадокійцевъ изъ-являли готовность раздѣлять съ нимъ подвижническіе труды по одному слуху о его образѣ жизни, Василій, по словамъ Руфина, и самъ обтекалъ многіе села и города и своею вдохновенною проповѣдію воспламенялъ лѣнивыхъ и беспечныхъ понтійцевъ до такого самоотверженія, что они наперерывъ повергали предъ своимъ учителемъ часть своихъ имѣній, оставляя всѣ мірскія почести, и давали обѣтъ жить только для Бога. Множество учениковъ, приходившихъ въ пустыню къ Василію, побудило его положить начало жизни киновитовъ, т. е. такихъ монаховъ, которые въ отличіе отъ еремитовъ — уединяющихся жили бы въ сообществѣ другъ съ другомъ и могли оказывать пособіе другъ другу. Новое письмо Василія къ Григорію, гдѣ основатель понтійской пустыни съ довольною подробностію изложилъ правила подвижнической жизни, принятыя имъ для монастыря, описалъ внѣшнюю жизнь своихъ подвижниковъ и напомнулъ о пользѣ уединенія, чтенія писаній и молитвы, подѣйствовало на Григорія гораздо сильнѣе; онъ захотѣлъ посмотрѣть вновь устроенный монастырь и посѣтивъ Василія съ его братствомъ, немогъ отыскать достойныхъ похвалъ введенному здѣсь образу жизни. Вотъ собственное его признаніе въ томъ: «Что прежде писалъ я о понтійскомъ препровожденіи времени, то была шутка, а не правда;

а что пишу теперь, то уже очень правда. Кто мя устроить по мѣсяцамъ прежнихъ дней, въ которые я 'увеселялся съ тобою злостраданіемъ? Кто дастъ мнѣ сіи псалмопѣнія, бдѣнія и молитвенныя къ Богу преселенія? Кто дастъ жизнь какъбы невещественную и безплотную? Кто дастъ согласіе и единодушіе братій, которыхъ ты ведешь на высоту и къ обоженію? Кто дастъ соревнованіе и поощреніе къ добродѣтели, которое мы ограждали письменными уставами и правилами? Кто дастъ поденныя и ручныя работы—переноску дровъ, тесаніе камней, сажаніе и поливаніе растеній? Кто дастъ этотъ золотой яворъ, подъ которымъ сиживалъ не царь пресыщенный, но монахъ изнуренный, который насадилъ я, напоилъ Аполлосъ или твоя пречестность, а возрастилъ Богъ къ моей чести, чтобы сохранился онъ у васъ памятникомъ моего трудолюбія? Легче пожелать всего этого, но не такъ легко получить сіе... Охраняй же меня своими молитвами, чтобы неразсѣяться мнѣ по немногу, какъ разсѣвается тѣнь съ преклоненіемъ дня. А я тобою дышу болѣе, нежели воздухомъ, и тѣмъ единственно живу, что бываю ли съ тобою вмѣстѣ или розно, но мысленно всегда неразлученъ». Такъ сильно желалъ св. Григорій поселиться въ пустынѣ Василіевой, и подчиниться всѣмъ правиламъ его обители. Это тѣмъ удивительнѣе, что угощеніе, предложенное Григорію при посѣщеніи Василія, было очень скудное, и что онъ раздѣлялъ здѣсь

съ Григоріемъ труды не высокіе и даже такіе, которые не называютъ благородными. Хижина, въ которой жилъ Василій, не имѣла ни порядочныхъ дверей, ни огня, ни кровли; это былъ, по выраженію Григорія, кровъ безъ крыши и дверей, очагъ безъ огня и дыма, и стѣны высушенныя на огнѣ. За трапезой подавалось правда и горячее какое-то кушанье, но съ такимъ хлѣбомъ, по кускамъ котораго, отъ крайней его черствости или сухости, зубы сначала скользили, а потомъ вязли въ нихъ и съ трудомъ вытаскивались, какъ изъ болота. Все это слова самаго Григорія. Слѣдствіемъ же сего сухояденія были такія страданія, отъ которыхъ если бы избавила дорогаго гостя великая нищелюбица, мать Василія, и не принесла съ собою болѣе вкусныхъ и питательныхъ печеній, то можно было бы опасаться за здоровье юныхъ друзей подвижниковъ. Кромѣ общихъ молитвъ, чтеній св. Писанія, ученыхъ трудовъ, были и другія занятія, переноска дровъ, тесаніе камней, сажаніе и поливаніе; въ придачу къ этому на собственныхъ же своихъ плечахъ Григорій и Василій возили въ огороды телегу величиною съ гору, а эта телега наполнена была навозомъ. Всѣ эти обстоятельства конечно достаточно характеризуютъ направленіе Василія, занятаго устройствомъ своей обители. Если припомнимъ, что его правила для иноковъ стали впослѣдствіи закономъ для всего монашества восточнаго, то ясна будетъ и причина, почему съ такою подроб-

ностію собраны здѣсь свѣденія о занятіяхъ св. Василія по окончаніи курса наукъ въ Аѳинахъ.

Сколь ни пріятны были для Василія заботы объ устроеніи монастыря, но по нуждамъ Вселенской церкви, онъ долженъ былъ прерывать пустынный занятія и предпринимать отдаленныя путешествія даже за предѣлы своего отечества. Весьма вѣроятно, что юнаго пустытника посѣщали въ его уединеніи нѣкоторые епископы, отправлявшіеся на соборы по случаю различныхъ смуть церковныхъ. Они сообщали ему достовѣрныя извѣстія о современномъ состояніи православія, о замыслахъ Аріанъ, и вызывали его на борьбу съ врагами, возмущавшими покой церкви. Такъ онъ еще въ качествѣ чтеца церкви Кесарійской присутствовалъ на томъ самомъ Константинопольскомъ соборѣ въ 360 году, на которомъ усильно подвизался за православіе Иларій Поатьерскій, и подобно Иларію не только въ Константинополь, но и въ окрестностяхъ его Халкидонъ и Гераклеѣ съ искусствомъ и силою защищалъ истину въ спорахъ съ еретиками. Какъ сильно ревновалъ онъ теперь о чистотѣ вѣры и какъ глубоко понималъ догматы ея, видно и изъ того, что по возвращеніи съ собора, онъ прервалъ общеніе съ своимъ епископомъ Діаніемъ, подписавшимся подъ двусмысленнымъ аріанскимъ символомъ. Естественно можно было опасаться, что подобное дѣйствіе сочтено будетъ непокорностію и даже возмущеніемъ противъ

епископа; но ревность по истинѣ не дозволяла Василию принимать на себя ложный видъ. Послѣ обличенія епископа въ неправославіи онъ не находилъ удобнымъ жить среди своего братства. Посему онъ удалился на короткое время въ Назіанзъ, но и отсюда вразумлялъ своихъ понтіійскихъ иноковъ посланіями, въ которыхъ излагалъ истинное ученіе о спорномъ догматѣ; важнѣйшее же соч. написанное около этого времени было опроверженіе апологіи Евноміевой, это самое лучшее пособіе для тогдашнихъ христіанъ въ спорѣ съ Аріанами. Поэтому-то и говоритъ Созомень, что Василій еще въ царствованіе Констанція славился какъ ревностный защитникъ православія противъ послѣдователей Арія.

Въ царствованіе Юліана Василій, по свидѣтельству тогоже Созомена, ходя вездѣ, всенародно и открыто убѣждалъ христіанъ держаться своихъ догматовъ, не оскверняться языческими жертвами и возліянїями, и ни во что вмѣнять даруемая отъ царя почести. Изъ этихъ сказаній Созомена о Василіѣ можно съ вѣроятностію заключить, что Василій, и по возобновленіи своего общенія съ епископомъ Діаніемъ, не могъ подолгу жить въ своей мирной обители, хотя ожидалъ и искалъ здѣсь полнаго успокоенія. Частыя отлучки изъ монастыря дѣйствительно были необходимы по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Юліанъ въ наказаніе за разрушеніе языческаго

храма Счастія наложилъ на христіанъ кесарійскихъ тяжкую пеню и всѣхъ клириковъ приказалъ внести въ списокъ областного войска, въ которомъ служба почиталась самою убыточною и низкою (Созом. 5, 4.); кромѣ сего онъ съ клятвою угрожалъ, что если Кесар. христіане не воздвигнутъ капище, онъ не согласится оставить головы на ихъ плечахъ. Зная обо всемъ этомъ, св. Василій и письменно увѣрялъ друзей своихъ, что замыслы отступника скоро разрушатся, и сравнивалъ его возвышеніе съ болиголовомъ или волчьимъ корнемъ и другими ядовитыми растеніями, которыя не долго цвѣтутъ и скоро засыхаютъ.

Чѣмъ усильнѣе заботился Василій о распространеніи монашества, чѣмъ ревностнѣе противодействовалъ замысламъ и Аріанъ и Юліана, тѣмъ съ большею надеждою смотрѣлъ на него преемникъ Діанія Евсевій, особенно при новыхъ покушеніяхъ Аріанъ при Валентѣ. Не смотря на желаніе Василія проводить жизнь въ своей уединенной пустынѣ, въ 364 году Евсевій рукоположилъ Василія въ пресвитера, и заставилъ его жить при своемъ архіерейскомъ домѣ. Состояніе духа Василіева послѣ этого разлученія съ пустынею было такъ неспокойно, что нужно было утѣшеніе со стороны друзей. И Григорій Назіанзинъ не замедлилъ утѣшить новопоставленнаго пресвитера. Онъ писалъ Василію слѣдующее: «и ты взятъ въ плѣнъ, какъ и я,

включенъ въ списокъ; оба мы принужденно возведены на степень пресвитерства, хотя добивались и не этого, ибо достовѣрнѣ всякаго другаго можемъ засвидѣтельствовать мы другъ о другѣ, что намъ по сердцу любомудріе тихое, которое держится низу. Но хотя можетъ быть и лучше было бы, если бы не случилось съ нами этого, однако же, поелику случилось это, надобно терпѣть, особенно принявъ во вниманіе время, которое у насъ развязало языки многимъ еретикамъ, надобно терпѣть и не посрамить какъ надежду возложившихъ на насъ свое упованіе, такъ и собственную жизнь свою». Дѣйствительно Василій покорился призванію и всѣ свои силы посвящалъ трудамъ пресвитерск. служенія, особенно проповѣданію слова Божія; его бесѣды на шестодневъ, на псалмы и другія относятся къ этому именно времени. Въ санѣ пресвитера не оставилъ Василій попеченія и объ инокахъ имъ собранныхъ, какъ это видно изъ наставительныхъ къ нимъ писемъ; но кромѣ сего у него было много и другихъ заботъ, по которымъ онъ отказывался теперь даже отъ переписки съ прежними друзьями (п. 20.). А при этомъ на новомъ поприщѣ онъ скоро пріобрѣлъ себѣ такое уваженіе, какимъ не пользовался и самъ архіепископъ, еще не довольно опытный въ дѣлахъ церковныхъ, такъ какъ онъ избранъ былъ на престолъ Кесарійскій изъ оглашенныхъ (Гр. Б. п. 88.). Но едва прошелъ годъ его пресвитерства, какъ епископъ Евсевій,

находившійся въ подозрѣніи у народа, завидуя славѣ Василія, сталъ притѣснять и оскорблять его. Охлажденіе любви между епископомъ и пресвитеромъ было весьма замѣтно и для постороннихъ. Иноки приняли сторону своего настоятеля и отваживались на самое опасное дѣло, замыслили отдѣлиться отъ своего епископа, отсѣкши и не малую часть народа изъ низкаго и высокаго сословія. Желая предотвратить такое возмущеніе, Василій, по совѣту Григорія Богослова, вмѣстѣ съ нимъ предался бѣгству и удалился изъ Кесаріи въ свою мирную пустыню.

Слухъ о томъ, что императоръ Валентъ ведетъ съ собою аріанскихъ епископовъ, чтобы водворить и въ Кесаріи злочестивое ученіе, и письма Григорія, отца Григорія Назіанзина, вскорѣ впрочемъ расположили Евсевія къ примиренію съ Василіемъ; желаніе примиренія было такъ сильно, что Евсевій первый рѣшился писать просительное и пригласительное письмо къ избивенному пресвитеру. Но миролюбивый пустыльникъ, узнавъ о перемѣнѣ мыслей и расположенія Евсевія, хотѣлъ совершенно побѣдить любовію и великодушіемъ своего врага; по совѣту Григорія, Василій самъ пришелъ въ Кесарію прежде еписк. приглашенія. Возвращеніе его было какъ нельзя болѣе кстати и во время; это потому, что скопище еретиковъ уже напало на кесарійскую церковь и одни изъ нихъ уже явились, и производили безпокойство, а другіе обѣщали явиться,

много полагаясь на неопытность тогдашняго предстоятеля (Похв. сл. Гр.). Василій вскорѣ далъ узнать имъ, какъ напрасна была ихъ надежда. И въ настоящемъ случаѣ въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ Василія, ревности объ истинѣ, по словамъ Григорія Богослова, соотвѣтствовали твердость воли и благоразуміе. Но въ чемъ именно состояла дѣятельность Василія въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ пресвит. его служенія, неизвѣстно. Указаніе на это заключается только въ слѣдующихъ общихъ выраженіяхъ друга Василіева. «Тотчасъ по узнаніи опасности, говоритъ Григорій, Василій отправляется со мною изъ Понта, дѣлается добровольнымъ споборникомъ истины и самъ себя предаетъ на служеніе матери Церкви,.. примиряется, подаетъ совѣты, приводитъ въ порядокъ воинство, уничтожаетъ встрѣчающіяся препятствія, преткновенія и все то, на что положившись, противники воздвигли на насъ брань. Одно пріемлетъ, другое удерживаетъ, а иное отражаетъ. Для однихъ онъ твердая стѣна и оплотъ, для другихъ млатъ, сотрующій камень. Съ сего времени и церковное правленіе перешло къ Василію, хотя по каедрѣ занималъ онъ второе мѣсто. Ибо былъ у предстоятеля всѣмъ добрымъ совѣтникомъ, правдивымъ предстателемъ, истолкователемъ Божія слова, наставникомъ въ дѣлахъ, жезломъ старости, опорой вѣры, самымъ вѣрнымъ въ дѣлахъ внутреннихъ, самымъ дѣятельнымъ въ дѣлахъ внѣшнихъ. А въ отноше-

ніяхъ его къ Евсеію было какое-то чудное согласіе и сочетаніе власти: одинъ управлялъ народомъ, а другой управляющимъ. Василій уподоблялся укротителю львовъ, своимъ искусствомъ смиряя властителя, который имѣлъ нужду въ руководствѣ и поддержкѣ, потому что показывалъ еще въ себѣ нѣкоторыя слѣды мірскихъ привычекъ, и не утвердился въ духовномъ». «Но много, продолжаетъ Григорій, и другихъ доказательствъ Василіевой заботливости и попечительности о Церкви; таковы: смѣлость Василія предъ начальниками, какъ вообще предъ всѣми, такъ и самыми сильными въ городѣ, его рѣшенія распрей, чрезъ употребленія обратившіяся въ законъ; его предстательство за нуждающихся, большею частію въ дѣлахъ духовныхъ, а иногда и въ плотскихъ, препитаніе нищихъ, страннопріимство, попеченіе о дѣвахъ, чиноположеніе молитвъ, т. е. вѣроятно литургія извѣстная подъ именемъ Василія Великаго; благоукрашеніе олтаря и многое иное, чѣмъ только Божій воистину человѣкъ можетъ быть полезнымъ народу».

Не въ общихъ выраженіяхъ, но съ подробностію рассказалъ Григорій только о подвигѣ благотворительности Василія во время пресвитерства при открывшемся сильномъ голодѣ. Это было въ 368 г. Весь городъ изнемогалъ отъ постигшей засухи, ни откуда небыло ни помощи, ни средствъ къ облегченію зла. Самъ Василій

яркими красками описалъ это общественное бѣдствіе. Вотъ его слова: «зима по сухости своей неимѣла обычной ей мокроты, но оковала льдомъ и изсушила всю влагу. Весна хотя показала теплоту, но не пріобщила влажности. Отъ сильной засухи земля разсѣлась трещинами, обильные и неизсыхающіе источники оскудѣли, потоки большихъ рѣкъ до того изсякли, что малыя дѣти могли переходить ихъ на своихъ ногахъ. Въ поляхъ засѣянныхъ иныя сѣмена засохли до восхода, а другія и давъ зелень жалкимъ образомъ увяли отъ зноя; посему съ наступленіемъ обычныхъ дней жатвы, можно было сказать вопреки евангелію: дѣлателей мною, а жатвы нѣтъ ни малой. Земледѣльцы, сидя на нивахъ и сложивъ руки на колѣнахъ (обыкновенное положеніе сѣтующихъ), горько оплакиваютъ напрасно потерянные труды свои, посмотрятъ на молодыхъ дѣтей и начнутъ рыдать, устремятъ взоръ на женъ и зальются слезами, потрогаютъ и пощупаютъ сухія листья взошедшихъ стеблей и громко зарыдають». Всего несноснѣе въ подобныхъ случаяхъ безчувственность и ненасытность богачей. Они хотѣли извлекать прибытокъ изъ скудости, собирать жатву съ бѣдствій. Василій въ это время былъ обремененъ скорбію по случаю кончины своей матери, равныхъ которой по достоинствамъ (какъ писалъ одному епископу) невидѣлъ въ оставшихся; кромѣ сего онъ былъ въ изнехоженіи оскудѣвающихъ силъ и только

съ часу на часъ ожидалъ неминуемаго конца жизни; при всемъ этомъ Василій неоставилъ свою паству безъ утѣшенія. Онъ собралъ въ одно мѣсто изнемогавшихъ отъ голода, иныхъ даже едва дышавшихъ, мужей и женъ, младенцевъ, старцевъ, весь жалкій возрастъ, (чрезъ служителей) приказалъ выставить котлы полные овощей и соленыхъ припасовъ, и своими руками раздалъ хлѣбъ, похлебку большей части требующихъ, и нѣкоторымъ притомъ не погнушался омыть ноги, на угощеніе голодавшихъ употребилъ большую часть имущества, оставнагося послѣ матери; его благотвореніями пользовались въ сіе время даже и дѣти Іудеевъ. Вслѣдъ за этимъ угощеніемъ онъ сказалъ сильное и трогательное слово, въ которомъ доказывалъ, что отъ того изсохла земля, что изсякла любовь, и что немногіе принимали участіе съ нимъ въ церковныхъ молитвахъ, да и изъ тѣхъ, которые приходили въ церковь, многіе зѣвали, непрестанно оборачивались и наблюдали, скоро ли псаломпѣвецъ окончитъ стихословіе, и скоро ли они освободятся изъ церкви, какъ изъ училища, и отъ молитвы, какъ отъ неволи». Такъ какъ увѣщаніе къ благотворительности было подкрѣплено живымъ примѣромъ проповѣдника, то богачи послѣ сего отворили свои житницы и доставили пропитаніе изнемогавшимъ отъ голода.

Св. Григорій Богословъ въ похвальномъ словѣ Василию говоритъ только о пресвитер. трудахъ

и заботахъ его, относящихся до кесарійской папсты. Письма же самого Василия содержать довольно ясное указаніе и на внѣшнія сношенія церкви кесарійской, предпріятыя по его ревности и вліянію: эти сношенія еще болѣе объясняютъ то мѣсто изъ похвальнаго слова Василию, въ коемъ сказано, что со времени примиренія Евсевія съ Василиемъ церковь православная дѣйствительно перешла къ послѣднему. Вотъ свѣденія, какія передаетъ объ этомъ предметѣ Василій въ нѣкоторыхъ изъ своихъ писемъ: еще въ санѣ пресвитерскомъ самымъ сильнымъ и искреннимъ желаніемъ его было присоединеніе къ Церкви тѣхъ полуаріанъ, которые начинали искать союза съ православными, когда увидѣли, что Валентъ никого не терпитъ, кромѣ аріанъ. Ему сильно хотѣлось еще соединить между собою раздѣленныхъ взаимными недоразумѣніями и недовѣрчивостію православныхъ архипастырей, каковы были Аѳанасій александрійскій и Мелетій антиохійскій, и утвердить союзъ между восточными и западными церквами; извѣстно, что западные въ царств. Валента не оказывали восточнымъ никакого вспоможенія въ борьбѣ съ аріанствомъ, тогда какъ при ихъ болѣе дѣятельномъ содѣйствіи скорѣе можно было низложить аріанъ, или по крайней мѣрѣ ослабить ихъ силу. Для первой цѣли Василию нужно было или отправиться самому, или послать довѣренныхъ на соборъ въ Лампсакъ,

куда собрались полуаріанскіе епископы для уничтоженія опредѣленія того константинопольскаго собора, бывшаго въ 360 г., на коемъ постановлено исповѣдывать Сына Божія, какъ хотѣлось полуаріанамъ, только подобнымъ Отцу по писаніямъ. Василій избралъ послѣднее; въ Лампсакъ (п. 215) отправились другъ его Евстаѳій и многіе другіе, и они были напутствованы въ Евсевоѣ продолжительнымъ разсужденіемъ о вѣрѣ, которое тогда же записано было скорописцами. Свѣденій о томъ, что во время пресвитерства сдѣлано для соглашенія двухъ архипастырей, не осталось ни какихъ. Но по отношенію къ послѣдней цѣли, т. е. вразумленію западныхъ еписк., обстоятельства устроились такъ благопріятно для Василія, что друзьямъ его, тремъ епископамъ, поручено было войти въ сношеніе съ тогдашнимъ папою Ливеріемъ и просить помощи у западн. императора. Въ слѣдствіе сего общеніе съ римскою церковію получено и съ радостно открыто на соборѣ Тіанскомъ, который состоялся подъ предсѣдательствомъ Евсевія кесарійскаго. Но дѣянія сего собора не дошли до насъ.

(Продолженіе булетъ).

Архимандритъ Порфирій.

ИЗЪЯСНЕНИЕ МОЛИТВЫ ГОСПОДНЕЙ а).

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.

Предшествующими прошеніями молитвы Господней мы научены обращаться къ Отцу небесному съ моленіемъ о томъ, что относится прямо къ славѣ Его, именно о томъ, чтобы повсюду распространилось и утвердилось истинное Богопочтеніе, чтобы вездѣ водворилось Его царство, чтобы все покорено было Его царской волѣ. Предметомъ дальнѣйшихъ прошеній молитвы Господней служатъ собственныя наши нужды, духовныя и тѣлесныя.

Нужды духовныя, безъ сомнѣнія, важнѣе тѣлесныхъ; однакожъ послѣднія въ ряду разсматриваемыхъ прошеній занимаютъ первое мѣсто (*хлѣбъ нашъ насущный. . .*), конечно потому, что для большинства онѣ оцутительнѣе духовныхъ, такъ что иной и понятія о духовныхъ не можетъ составить, если напередъ не укажешь ему на тѣлесныя потребности; эти онѣ пони-

---

а) Окончаніе. Начало см. въ январской и сентябрьской книжкахъ Душеп. Чтенія за 1863 годъ.

маеть и уже по сравненію съ ними можетъ судить о потребностяхъ духовныхъ, напримѣръ о духовной алчбѣ правды и освященія.

Нужды тѣлесныя разнообразны: мы нуждаемся въ здоровьѣ, въ пицѣ, одеждѣ, жилищѣ, благо-растворенномъ воздухѣ, хорошемъ общественномъ устройствѣ и т. п. Безъ сомнѣнія, мы должны просить у Бога помощи во всѣхъ этихъ нуждахъ, но въ молитвѣ Господней упоминается только объ одной изъ нихъ, о хлѣбѣ или пицѣ. Почему? Потому что въ ряду тѣлесныхъ потребностей пища нужнѣе всего для человѣка. Человѣкъ хоть кое-какъ можетъ жить безъ денегъ, безъ домашняго крова, безъ разныхъ удобствъ жизни общественной и физической, даже безъ одежды,—онъ можетъ закалить себя къ перенесенію всѣхъ этихъ нуждъ; но безъ пици онъ никакъ обойтись не можетъ; безъ хлѣба по обыкновенному порядку природы онъ и двухъ недѣль не проживеть. Когда же у него есть хлѣбъ, тогда онъ можетъ обезпечить себя и въ прочихъ нуждахъ, тогда онъ можетъ пріобрѣсти и другія блага, или по крайней мѣрѣ съ болынею легко-стію переносить недостатокъ въ нихъ. Прежде всего пища есть необходимое условіе для здоровья, а при здоровьѣ человѣкъ можетъ трудиться и трудами добывать себѣ все, что нужно для тѣлесной жизни и благосостоянія. Всѣхъ этихъ благъ онъ долженъ просить отъ Бога, но преимущественно хлѣба.

Хлѣбъ насущный даждь. Чему научаетъ насъ Господь, повелѣвая намъ просить у Отца небеснаго хлѣба только насущнаго, т. е. необходимаго для существованія, или для жизни? Научаетъ умѣренности и воздержанію въ употребленіи пищи. Должно употреблять и слѣдственно просить у Бога столько пищи, сколько нужно для того, чтобы не умереть съ голоду, чтобы поддержать жизнь. Всякій лишній кусокъ хлѣба, съѣденный сверхъ утоленія голода, а тѣмъ болѣе роскошный и дорогой столъ, есть уже прихоть; а служить прихоти грѣшно, и просить Бога объ умноженіи средствъ къ удовлетворенію ея—для Него оскорбительно. *Имъюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 8.). Не тотъ счастливъ, кто пресыщается и разными изысканными блюдами притупляетъ въ себѣ вкусъ къ простой пищѣ, а тотъ, кто пріучилъ себя къ воздержанію, кто привыкъ довольствоваться малымъ: для его неиспорченнаго многояденіемъ и лакомствомъ вкуса черствый кусокъ хлѣба и стаканъ чистой воды слаще роскошнаго обѣда.

Дажьдъ намъ днесъ. Господу Иисусу, повелѣвшему намъ просить у Отца небеснаго одного насущнаго хлѣба, т. е. только необходимѣйшаго средства для поддержанія тѣлеснаго состава, угодно, чтобы мы и это необходимѣйшее средство просили у него только *днесъ*, т. е. на одинъ текущій день. Ближайшимъ образомъ и

весьма просто это примѣняется къ нищимъ, къ получающимъ пропитаніе отъ заработной поденной платы, достаточное на одинъ день, вообще къ людямъ не имѣющимъ никакой собственности, которые кое какъ перебиваются изо дня въ день, нынѣшній день не знаютъ, будетъ ли у нихъ пища завтра. Но какъ это примѣнить ко всѣмъ? Вѣдь нельзя же думать, что всѣ мы должны на каждый день ожидать отъ Бога пищи, о заготовленіи которой сами не позаботились заблаговременно, что никто изъ насъ не долженъ помышлять о средствахъ обезпеченія себя въ пропитаніи на будущее время. Кто не посѣетъ, тотъ не пожнетъ. Законъ: *въ потъ лица твоего събси хлѣбъ твой* (Быт. 3, 19.), относится не только къ живущимъ отъ земледѣлія, которые должны заблаговременно усиленнымъ трудомъ запастись въ одну часть года то, что нужно потребить въ другую, но вообще ко всѣмъ людямъ имѣющимъ силы трудиться. Этотъ законъ не отмѣненъ и новозавѣтнымъ Законодателемъ. Правда, Онъ сказалъ: «не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ. Ибо завтрашній самъ будетъ заботиться о своихъ нуждахъ. Довольно для каждаго дня своей заботы» (Матѹ. 6, 34.). Но этими словами воспрещаются не вообще заботы о тѣлесныхъ нуждахъ, а только заботы чрезмѣрныя, которыя отнимаютъ у людей столько времени, что его не остается для главнаго дѣла жизни—спасенія души, предаваясь которымъ, люди по-

забываютъ заповѣдь Спасителя искать прежде и паче всего царствія Божія (—33) и не помышляютъ о промыслѣ Божіемъ. Равнымъ образомъ, когда заповѣдуются намъ просить у Бога хлѣба на одинъ текущій день, это не значить, что несогласно съ волею Божіею заготовленіе хлѣба за нѣсколько дней, недѣль, мѣсяцевъ и даже годовъ. Понимать такъ слова Спасителя значило бы думать, что Онъ учитъ насъ праздности и безопасности. Нѣтъ, иное дѣло заготовлять средства пропитанія заблаговременно, иное—просить ихъ на нынѣшній день. Заповѣдуя послѣднее, Господь не запрещаетъ перваго, а только внушаетъ, чтобы мы не дерзали приступать къ употребленію пищи, не испросивъ напередъ у Бога благословенія на то. Мы должны признавать полнѣйшую нашу зависимость отъ Отца небеснаго и нужду въ Его благословеніи не только тогда, когда трудомъ пріобрѣтаемъ себѣ пропитаніе, потому что успѣхъ нашихъ трудовъ зависитъ отъ благословенія Божія, но и тогда, когда пользуемся плодами нашихъ трудовъ; потому что какъ бы ни были мы богаты средствами жизни, они все-таки не наша собственность, а Божія: «Господня земля и что наполняетъ ее» (Псал. 23, 1.). А собственностію Божіею грѣшно располагать самовольно, безъ всякой мысли о нашей зависимости отъ Бога. И для земнаго отца горько, если его дѣти самовольно распоряжаются въ его хозяйствѣ, не спрашиваютъ его

дозволенія на употребленіе принадлежащей ему собственности. Менѣе ли оскорбляютъ Отца небеснаго тѣ, которые употребляютъ дары Его благодати, не испросивъ Его всеосвящающаго благословенія, которые садятся за столъ, не помолвившись Богу, не исповѣдавъ Его неизреченной благодати, дающей пищу всѣмъ живымъ существамъ?—Не всегда безопасно поступать такъ въ отношеніи къ Богу. Не всегда это забвеніе о Богѣ сходитъ съ рукъ тѣмъ, которые не почитаютъ себя обязанными просить благословенія Божія единственно потому, что у нихъ всего припасено довольно, что заготовленныхъ ими средствъ жизни достанетъ на много лѣтъ. Къ чему можетъ вести подобная самонадѣянность, это видно изъ Евангельской притчи о богачѣ, рѣшившемся, по случаю обильнаго урожая хлѣба, построить для хлѣбнаго склада новыя просторныя житницы. Едва онъ успѣлъ сказать: «реку душъ моей: душе, имаша многа блага, лежаща на лѣта многа: почивай, яждь, пій, веселися»,—и вотъ его мечты, внушенныя гордостію, прерываетъ голосъ: «безумне, въ сію ночь душу твою истяжутъ отъ тебе: а яже уготовалъ еси, кому будутъ?» (Лук. 12, 19. 20.). Подобный приговоръ Божескаго гнѣва угрожаетъ всякому, кто не на Бога надѣется, а на свое богатство. И не частоли случается, что сегодня всего много у такихъ людей, а завтра нѣтъ ничего, что нынче они сыты и пресыщены, а на другой день остаются безъ куска хлѣба?

Впрочемъ долготерпеливый и милосердый Господь не всегда отнимаетъ пищу у тѣхъ, которые не просятъ у него благословенія на употребленіе ея. Это потому, что Онъ ожидаетъ отъ нихъ покаянія и желаетъ обратить ихъ къ Себѣ своими милостями. Но горе имъ, если они не вразумляются Его милостями! Питаясь хлѣбомъ въ сытость, они откармливаются для червей неумирающихъ и для огня геенскаго. Итакъ если нельзя безнаказанно забывать о Богѣ при употребленіи Его даровъ, то пусть каждый изъ насъ съ благоговѣніемъ ежедневно испрашиваетъ благословенія Божія на принятіе пищи словами молитвы Господней: *хлѣбъ нашъ даждь намъ днесь.*

Но если хлѣбъ есть собственность Божія, если мы должны употреблять его не иначе, какъ съ молитвою о благословеніи Божіемъ, то почему заповѣдано намъ называть его *нашимъ хлѣбомъ*: *хлѣбъ нашъ даждь намъ?*—По отношенію къ Богу мы не имѣемъ права хлѣбъ полученный отъ Него называть нашимъ хлѣбомъ, нашею собственностію; но мы можемъ называть его *нашимъ* по отношенію къ ближнимъ. Мы какъ бы такъ говоримъ: «Господи! намъ не хотѣлось бы питаться чужимъ хлѣбомъ; мы не желаемъ жить на счетъ ближняго, въ ущербъ ему, съ обидою ему, какъ живутъ тунеядцы, лихоимцы, воры, игроки. Нѣтъ, Господи, дай намъ такой хлѣбъ, который бы мы могли вкушать съ чистою со-

вѣстію , какъ законную нашу собственность, честно и безобидно для другихъ пріобрѣтенную». Таковъ смыслъ слова *намъ хлѣбъ*. Но кто сталъ бы просить у Бога хлѣбъ, и въ то же время жить неправдою и притѣсненіями ближнимъ , тотъ къ одному грѣху прибавилъ бы другой,— къ грѣху неправды въ отношеніи къ ближнимъ— грѣхъ кощунства въ отношеніи къ Богу.

И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

Такъ читается въ Евангеліи отъ Матѳея, а въ Евангеліи Луки вмѣсто *долги наша* написано грѣхи *наши*. Изъ этого видно, что подъ долгами, объ оставленіи которыхъ идетъ рѣчь въ молитвѣ Господней, должно разумѣть грѣхи. Подъ образомъ долговъ изображаются грѣхи также въ притчѣ Спасителя о должникѣ (Матѳ. 18.). Почему грѣхи называются долгами? Потому что за нихъ лежитъ на насъ отвѣтственность предъ правосудіемъ Божіимъ подобная той, какой подвергается несостоятельный должникъ предъ заимодавцемъ. Послѣдній имѣетъ право предать суду и законному наказанію должника, не исполнившаго долговыхъ обязательствъ. Право это есть право собственности. Неплатежъ долга есть нарушеніе права собственности и потому навлекаетъ на нарушителя кару закона. Нѣчто подобное можно сказать и о нашемъ отношеніи къ

Богу. Не только все, что мы имѣемъ, дары природы и благодати, но и сами мы—собственность Божія, которая никакимъ образомъ не должна быть отчуждаема. По когда мы грѣшимъ, мы посягаемъ на права собственности Божіей; потому что каждый грѣхъ есть нарушение обязательствъ, которыя лежатъ на насъ въ отношеніи къ Богу, какъ полновластному надъ нами господину. Богъ далъ намъ свободу располагать самими собою и Его дарами съ тѣмъ условіемъ, чтобы мы не злоупотребляли этою свободою и служили Ему одному. Но грѣхъ есть злоупотребленіе дарованной свободы: вмѣсто того, чтобы служить Богу, угождать Ему одному, грѣшникъ служить плоти, міру и діаволу, и такимъ образомъ нарушаетъ права собственности на него Господа Бога.

Если наши грѣхи суть долги предъ Богомъ, то мы неоплатные должники предъ Нимъ. Ибо намъ нечѣмъ заплатить нашихъ долговъ, нечѣмъ удовлетворить правосудію Божію. Мы можемъ перестать повторять прежніе грѣхи; но это только значитъ не дѣлать новыхъ долговъ, не увеличивать ими число старыхъ. Мы можемъ начать вести жизнь добродѣтельную; но это всегдашняя наша обязанность, а не какая либо особенная заслуга, достаточная для заглаженія прежнихъ грѣховъ. Если мы не исполняемъ этой обязанности, то прибавляемъ къ старымъ новые долги предъ Богомъ; если исполняемъ, то остаемся при од-

нихъ старыхъ долгахъ. Мы рѣшительно должны отказаться отъ мысли, будто добрыя дѣла даютъ намъ *право* ожидать отъ Бога снисхожденія къ прежнимъ грѣхамъ. «Когда исполните все повелѣнное вамъ, сказалъ Спаситель, говорите: мы рабы, ничего нестоющіе, потому что сдѣлали только должное» (Лук. 17, 10.). Притомъ добрыя дѣла и потому не могутъ быть приняты въ уплату нашихъ долговъ предъ Богомъ, что суть плодъ не однихъ нашихъ усилій, но вмѣстѣ благодати Божіей, которая сообщаетъ намъ потребныя къ тому силы. «Богъ, говоритъ св. Апостоль, производитъ въ насъ и хотѣніе и дѣйствіе по своему благоволенію» (Филип. 2, 13.). Слѣдственно, какъ не имѣющіе полного права собственности на наши добрыя дѣла, мы не имѣемъ права требовать, чтобы они приняты были въ уплату за прежніе наши долги. Нельзя ли для снятія съ себя, или по крайней мѣрѣ для облегченія долговой отвѣтственности предъ Богомъ, прибѣгнуть къ помощи ближнихъ, чтобы они заплатили за насъ долги, — подобно тому, какъ обыкновенно должники въ крайнихъ обстоятельствахъ, чтобы не попасть въ заключеніе, ищутъ и успѣваютъ находить сострадательныхъ людей, которые принимаютъ въ нихъ живое участіе и платятъ за нихъ долги? Нельзя, ибо каждому изъ ближнихъ впору отвѣчать за самого себя предъ Богомъ, на каждомъ есть свои долги предъ Нимъ. Но съ другой

стороны не въ отчаяніе же впадать грѣшнику, сознающему свою отвѣтственность предъ правдою Божіею. Да спасеть насъ Господь отъ сего грѣха Каина и Иуды. Что же намъ остается дѣлать? А что обыкновенно дѣлають несостоятельные должники, когда теряють всякую надежду удовлетворить заимодавца? Что сдѣлалъ упоминаемый въ притчѣ Спасителя рабъ, задолжавшій царю десятыю тысячами талантовъ (около 20 милліоновъ руб. серебромъ), и не имѣвшій чѣмъ заплатить ему? Что сдѣлалъ онъ, когда царь приказалъ продать его, и жену его и дѣтей его, и что будетъ выручено, обратить въ уплату долга? Неоплатный должникъ палъ царю въ ноги и, кланяясь ему, говорилъ: государь! потерпи на мнѣ, и все тебѣ заплачу. Царь сжаился надъ рабомъ, прибѣгшимъ къ его милосердію и явившимъ предъ нимъ смиреніе. Что и намъ остается дѣлать, какъ не прибѣгнуть со смиреніемъ и покаяніемъ къ милосердію Отца небеснаго? Итакъ прійдите, поклонимся и припадемъ къ Нему, и отъ сердца сокрушеннаго и смиреннаго скажемъ Ему: «остави намъ долги наши единственно по милосердію Твоему, Отецъ нашъ небесный. Мы неоплатные должники предъ Твоимъ правосудіемъ, но мы знаемъ, что у тебя есть милость и многое избавленіе; знаемъ, что ты самъ даровалъ намъ средство получить отъ Тебя помилованіе,—оно заключается въ вѣрѣ въ крестныя заслуги Сына Твоего, Господа нашего, Иисуса

Христа. Единородный Сынъ Твой для того и сошелъ съ неба на землю, чтобы тяготѣвшее на насъ праведное осужденіе за грѣхи наши принять на себя одного; для того Онъ, самъ невинный и праведный, пострадалъ и умеръ на крестѣ, чтобы насъ избавить отъ вѣчныхъ страданій и смерти. Онъ своею умиловительною крестною жертвою уничтожилъ долговое рукописаніе согрѣшеній нашихъ. Онъ «язвень бысть за грѣхи наши, мучень бысть за бсззаконія наши. . . ., язвою Его мы вси исцѣлѣхомъ» (Иса. 5, 3. 5.). Посему теперь «ни едино осужденіе суцимъ о Христѣ Иисусѣ» (Рим. 8, 1.). Вѣруемъ, искренно вѣруемъ, Отецъ нашъ небесный, въ спасительную для насъ силу страданій и смерти Христовой, и по сей вѣрѣ умоляемъ Тебя оставить намъ долги наши; призри на нашу вѣру и смиреніе, и не посрами нашей надежды на ходатайство предъ Тобою Сына Твоего, давшего себе избавленіе за всѣхъ» (1 Тим. 2, 6.).

Прося прощенія своихъ долговъ у Бога, грѣшникъ выражаетъ смиреніе предъ Нимъ. Но истинное смиреніе предъ Богомъ не можетъ быть безъ смиреннаго расположенія души въ отношеніи къ ближнимъ. Кто смиренно чувствуетъ свою виновность предъ Богомъ и нужду въ Его милосердіи, тотъ уже не помышляетъ о несправедливостяхъ, обидахъ, враждѣ, какія самъ терпитъ отъ ближнихъ. Люди, которымъ свойственно такое расположеніе духа, говорятъ предъ Богомъ и

своею совѣстію: «какъ бы ни были тяжки оскорбленія, какія наносятъ намъ ближній, они ничего не значатъ въ сравненіи съ оскорбленіемъ, какое мы сами наносимъ Богу нашими грѣхами, нашимъ неповиновеніемъ Его святой волѣ. Оно безмѣрно тяжело и дѣлаетъ насъ достойными вѣчнаго гнѣва Божія и безконечныхъ мукъ, потому что Существо, которое мы оскорбляемъ, безконечно велико и безпредѣльно милосердо къ намъ. Можемъ ли мы помыслять о нашихъ счетахъ съ ближними, требовать отъ нихъ удовлетворенія за ихъ обиды намъ, когда сами кругомъ виноваты предъ нашимъ Богомъ, и эта вина наша безмѣрно тяжелѣе вины противъ насъ нашего ближняго? Нѣтъ, Господи, мы не захотимъ подражать тому неблагодарному, упоминаемому въ евангельской притчѣ должнику, который, по усиленной просьбѣ получивъ отъ царя прощенье великаго долга въ десять тысячъ талантовъ, самъ не захотѣлъ простить своему товарищу малѣйшаго долга во сто денаріевъ (по нашему около десяти рублей серебромъ), и посадилъ его въ темницу. О такомъ поступкѣ царскаго должника доведено было до свѣденія царя, и царь, обличивъ его въ неблагодарности и жестокости, отдалъ его изъятателямъ, пока не отдастъ всего, чѣмъ долженъ ему. Знаемъ, Отецъ нашъ небесный, что и каждому изъ насъ угрожаетъ подобная участь, если мы, пуждаясь въ прощеніи отъ Тебя, сами откажемъ въ немъ нашему ближнему,

ибо помнимъ слова нашего Спасителя: *аще отпущаете чловѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный: аще ли не отпущаете чловѣкомъ прегрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Матѳ. 6, 14. 15.) ^{д)}. Итакъ, просимъ Тебя, Отецъ нашъ небесный, не только во имя Твоего милосердія, но и во имя нашей любви къ ближнимъ, готовой всегда прощать имъ, просимъ оставить намъ долги наши, *якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*.

Такимъ образомъ въ словахъ: *якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*, выражается то миролюбивое расположеніе духа въ отношеніи къ ближнимъ, которое требуется отъ насъ, какъ необходимое условіе для полученія прощенія отъ Бога. Но да не подумаетъ кто либо, что выполнение этого условія даетъ намъ право на помилованіе отъ Бога, какъ на награду, вполне заслуженную. Между заслугою и наградою всег-

д) И въ заключеніе упомянутой притчи сказано Спасителемъ: *такъ и Отецъ мой небесный сотворитъ вамъ* (то есть поступитъ съ вами такъже строго, какъ царь съ жестокимъ должникомъ), *аще не отпустите кійждо брату своему отъ сердецъ вашихъ прегрѣшенія ихъ*. Изъ этихъ словъ видно, что какъ въ притчѣ подъ долгами разумѣются не внѣшніе долги деньгами, или другими вешами, а грѣхи противъ ближнихъ, такъ и въ молитвѣ Господней подъ должниками разумѣются не должники въ буквальномъ смыслѣ, а обидчики наши.

да бываетъ нѣкоторая равномерность, такъ что отказывать въ наградѣ было бы несправедливо. Но ничего подобнаго нельзя сказать о нашемъ миролюбіи къ ближнему и о всепрощающей милости къ намъ Божіей. Мы видѣли, что грѣхи, которыми мы оскорбляемъ Бога, безмѣрно превосходятъ виновность противъ насъ нашихъ ближнихъ; слѣдственно и прощеніе грѣховъ, какое мы получаемъ отъ Бога, есть такая безпредѣльная милость къ намъ, съ которою ни въ какомъ отношеніи не можетъ идти въ сравненіе наше снисхожденіе къ ближнимъ, и которая потому не можетъ быть заслуженною за это снисхожденіе наградою. Но съ другой стороны надобно же чѣмъ нибудь засвидѣтельствовать предъ Богомъ искренность нашего желанія быть отъ Него помилованными. Чѣмъ же ближе засвидѣтельствовать это, какъ не веегдашнею готовностію прощать обиды ближнимъ? Въ комъ нѣтъ этой готовности, въ томъ нѣтъ ни истиннаго смиренія предъ Богомъ, ни истинной любви къ ближнимъ. Посему горе намъ, если мы не выполняемъ этого необходимаго условія для полученія прощенія отъ Бога! Судь безъ милости не сотворившему милости (Іак. 2, 13.).

И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.

Въ предшествующемъ прошеніи была рѣчь о прощеніи прежде содѣянныхъ грѣховъ; въ настоя-

щемъ прошеніи мы молимся о предохраненіи насъ отъ грѣховъ на будущее время. Прошеніе сіе раздѣляется на два члена, изъ которыхъ одинъ служитъ необходимымъ дополненіемъ и объясненіемъ другаго ⁶⁾. Разсматриваемое въ связи обоихъ членовъ, оно можетъ быть изложено такъ: мы находимся въ опасности впасть въ искушеніе отъ лукаваго; не введи насъ, Отецъ небесный, въ таковое пагубное искушеніе, но избавь насъ отъ него, и вмѣстѣ отъ власти надъ нами лукаваго.

Подъ искушеніемъ отъ лукаваго, объ отвращеніи котораго заповѣдано намъ молиться, разумѣется, безъ сомнѣнія, искушеніе на зло, или наведеніе, прельщеніе на грѣхъ. Оно тѣмъ для насъ опаснѣе, тѣмъ пагубнѣе, чѣмъ враждебнѣе намъ та сила, которая принимаетъ главнѣйшее въ немъ участіе. Эта сила есть сила лукаваго, т. е. діавола, исконнаго врага нашего спасенія. «Лукавымъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, объясняя разсматриваемое прошеніе, — Иисусъ

---

6) Можно, конечно, эти члены разсматривать, какъ два разные прошенія, но гораздо удобнѣе и съ требованіями ясности сообразнѣе разсматривать ихъ нераздѣльно, допуская взаимное между нами соотношеніе, въ силу котораго восполняется и объясняется въ одномъ изъ нихъ то, что не довольно полно и ясно выражено въ другомъ. Нераздѣльность обоихъ членовъ признавали св. Іоаннъ Златоустъ и св. Григорій Нисскій въ своихъ толкованіяхъ на молитву Господню.

Христось называетъ діавола, заповѣдую намъ всегда вести противъ него непримиримую брань»^{в)}). Въ какомъ смыслѣ діаволь называется лукавымъ какъ въ разсматриваемомъ прошеніи, такъ и въ другихъ мѣстахъ Писанія ^{г)}? Въ томъ, что онъ и самъ золь, и людямъ старается сдѣлать какъ можно больше зла искушеніями на грѣхъ. По ученію св. Писанія, онъ, «какъ левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити» (1 Петр. 5, 9.). Онъ удерживаетъ однихъ въ невѣріи, «ослѣпля ихъ умы, такъ что для нихъ не сіяетъ свѣтъ славнаго благовѣствованія о Христѣ» (2 Кор. 4, 4.); а у тѣхъ, для кого уже возсіялъ сей свѣтъ, «уноситъ слово *Божіе* изъ сердцеъ, чтобы они не увѣрвали и не спаслись» (Лук. 8, 12.). Сатана вложилъ въ сердце Іуды мысль предать Спасителя (Іоан. 13, 2.); сатана исполнилъ сердце Ананіи солгать Духу Святому (Дѣя. 5, 3.); сатана располагаетъ къ употребленію имени Божія всеу (Матѣ. 5, 37.); сатана возбуж-

в) Бесѣды на Ев. Матѣ. М. 1846. стр. 409. И св. Григорій Нисскій подъ лукавымъ въ молитвѣ Господней разумѣлъ діавола. Твор. Свят. Отц. т. 37-й стр. 467.

г) Напримѣръ самъ Христось, объясняя третью заповѣдь, сказалъ: „да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго (*πονηρος*). Мѣ. 5, 37. Св. Іоаннь Богословъ назвалъ Канна сыномъ *лукаваго*; о человекѣ въ рожденномъ сказалъ, что *лукавый* къ нему не прикасается (1 Іоан. 3, 12; 5, 18.). Слич. Еф. 6, 16.

далъ враждебныхъ Христу іудеевъ поступать по его похотямъ (Іоан. 8, 42.); сатана самаго Начальника нашей вѣры старался искутить въ пустынѣ. До пришествія Христова сатана успѣлъ склонить на грѣхъ нашихъ прародителей; Іова подвергъ многоразличнымъ искушеніямъ, чтобы отвратить его отъ вѣры и любви къ Богу; въ сердце Давида царя вложилъ тщеславную мысль произвести, вопреки волѣ Божіей, перепись своего народа (1 Парал. 21, 1.). Вообще сатана всегда старался и доселѣ старается уловлять людей въ свою волю (2 Тим. 2, 26.). Отъ искушеній лукаваго никто не безопасенъ: бѣдныхъ, уничиженныхъ, больныхъ онъ старается склонить къ ропоту на Бога, къ унынію, къ обману, воровству; въ людяхъ богатыхъ, знатныхъ, крѣпкихъ здоровьемъ возбуждаетъ гордость, тщеславіе, пристрастіе къ плотскимъ удовольствіямъ. Люди ведущіе жизнь мірскую, преданные суетѣ и заботамъ земнымъ безъ борьбы отдаются въ его власть; но и вступившихъ на путь покаянія и духовной жизни онъ старается поймать въ свою сѣть, возбуждая въ нихъ духъ раздраженія, скуку, уныніе. Отъ его сѣтей не безопасны даже преуспѣвшіе въ духовной жизни. Исторія христіанскаго подвижничества представляетъ намъ множество примѣровъ въ доказательство, что отъ разженныхъ стрѣлъ лукаваго неспасаютъ жизнь въ пустыняхъ и въ глубокихъ пещерахъ, пребываніе въ постоянной молитвѣ и постѣ. Самопрель-

шеніе и духовная гордость—вотъ обычное искушеніе, которому нерѣдко подвергаются отъ лукаваго христіанскіе подвижники. — Можно сказать, что онъ принимаетъ участіе во всѣхъ нашихъ грѣхахъ. Правда по слову ап. Іакова, *кїйждо искушается отъ своя похоти влекомъ и прельщаемъ. Также похоть зачененши рождаетъ грѣхъ* (1, 14. 15.). Ближайшій источникъ грѣховныхъ искушеній—въ насъ самихъ, въ самой нашей природѣ, испорченной грѣхомъ, въ природныхъ влеченіяхъ ко злу, господствующихъ въ насъ несмотря на то, что умъ и совѣсть признають превосходство добра (Рим. 7, 14). Врагъ искушитель, безъ сомнѣнія, ничего не успѣлъ бы сдѣлать съ нами, еслибы въ насъ самихъ не было для него опоры, если бы внутри насъ самихъ не скрывался предатель, заодно дѣйствующій съ нимъ. Но кто какъ не сатана подкупаетъ этого предателя, возбуждаетъ въ насъ грѣховные помыслы и желанія? Или покрайней мѣрѣ кто какъ не онъ же старается усилить, разжечь ихъ въ людяхъ, въ которыхъ они независимо отъ его внушеній легко возбуждаются? Онъ, какъ духъ, дѣйствуетъ на насъ духовно, и слѣдственно невидимо. Надобно имѣть очищенное, изощренное духовное чувство, чтобы усмотрѣть его близость къ намъ. Большинство людей, хотя любятъ слагать вину своихъ грѣховъ на сатану, не примѣчаютъ, когда и какъ именно онъ обнаруживаетъ на нихъ свое вліяніе; а многіе даже существо-

ваніе его отвергають и смѣются надъ другими, допускающими его бытіе и злую дѣятельность. Въ томъ и другомъ случаѣ облегчается успѣхъ сатанинскихъ нападеній на насъ,—ибо чѣмъ врагъ непримѣтнѣе, чѣмъ меньше мы подозрѣваемъ присутствіе его около насъ, тѣмъ онъ свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и сталобыть тѣмъ опаснѣе. Большою частію онъ дѣйствуетъ въ союзѣ съ господствующими въ насъ худыми склонностями. Онъ тщательно изучаетъ слабыя стороны каждаго и пользуется ими для того, чтобы заронить въ насъ худую мысль, худое чувство; въ особенности онъ старается возбуждать наше воображеніе разными грѣховными мечтами и соблазнительными картинами, а чрезъ воображеніе возбуждаетъ и воспаляетъ наши страсти. Иногда онъ, можно сказать, съ нѣкоторымъ насиліемъ вторгается въ насъ съ своими внушеніями: среди богомыслія, молитвы, изліянія чувствъ умиленія и сокрушенія, вдругъ являютя въ душѣ помыслы нецѣломудренные и хульные. Откуда они, какъ не отъ духа злобы? — Иногда врагъ искуситель, какъ князь міра сего, употребляетъ въ орудія своей злобы и лукавства противъ насъ людей, съ одними сближая, съ другими приводя во враждебное столкновеніе.

Страшенъ и злокозненъ врагъ искуситель, но и мы не беззащитны. Главную защиту мы можемъ находить въ помощи Божіей, которую намъ заповѣдано испрашивать у Отца небеснаго сло-

вами: *не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.* Но эти слова заключаетъ смыслъ, по видимому, несогласный съ тою истиною, что Богъ, по слову Ап. Іакова, «нѣсть искушитель злымъ, не искушаетъ же той никогоже» (1, 13.). Если Бога нужно просить о томъ, чтобъ Онъ не ввелъ насъ въ искушеніе діавольское, то не ведетъ ли это къ заключенію, что Онъ можетъ положительно ввести насъ въ такое искушеніе?—Нѣтъ, богохульно было бы думать такъ о Богѣ,—пособникомъ діаволу Существо святѣйшее и всеблагое ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ. Правда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Писанія говорится объ искушеніи человѣка отъ Бога, напримѣръ: «Богъ искушаше Авраама» (Быт. 22, 1.), но это искушеніе было не на грѣхъ, а на святой подвигъ послушанія Богу и вѣрности Ему. Правда и то, что безъ воли Божіей діаволь никого не можетъ искушать. Такъ по волѣ Божіей онъ искушалъ Іова. Самъ «Исусъ Христосъ отведенъ былъ Духомъ въ пустыню, для искушенія отъ діавола» (Мѡ. 4, 1.). Предъ страданіями Іисуса Христа сатана просилъ Бога сѣять учениковъ Христовыхъ какъ пшеницу (Лук. 22, 31.),—стало быть безъ воли Божіей самъ онъ не смѣлъ этого сдѣлать. Но во веѣхъ подобныхъ случаяхъ идетъ рѣчь о волѣ Божіей не предприсывающей, а только попускающей, дозволяющей, и притомъ, какъ увидимъ, съ премудрымъ и благимъ намѣреніемъ и по закону правды. Равно и

выраженіе: *не введи насъ во искушеніе*, — предполагаетъ не то, что Богъ положительно можетъ вводить насъ въ искушеніе отъ діавола, а то, что онъ можетъ попускать это искушеніе, можетъ дозволить діаволу прельщать насъ на грѣхъ. Въ Писаніи нерѣдко встрѣчаются обороты рѣчи, которые повидимому выражаютъ прямое дѣйствіе Божіе, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ должно разумѣть о попущеніи Божіемъ. Напримѣръ: «Богъ кого хочетъ, милуетъ, и кого хочетъ, ожесточаетъ» (Рим. 9, 18. Слич. Рим. 11, 8. 32.); т. е. Богъ однимъ даруетъ свою благодать и спасаетъ ихъ, другихъ лишаетъ ея въ наказаніе за недостатокъ въ нихъ пріемлемости къ ней, вслѣдствіе чего они ожесточаются, утверждаются во злѣ. Также, когда говорится о Богѣ, что Онъ «предалъ язычниковъ, по похотямъ сердце ихъ, нечистотѣ» (Рим. 1, 24.), это опять не то значить, что Богъ былъ прямымъ виновникомъ плотской нечистоты язычниковъ, а то, что Онъ оставилъ язычниковъ безъ своего вразумленія, безъ своего откровенія, безъ своей благодати, въ слѣдствіе чего они погрязли въ плотской нечистотѣ. Яснѣе тоже сказано въ другомъ мѣстѣ о язычникахъ: «Богъ въ прошедшія времена попустилъ всѣмъ народамъ ходить своими путями» (Дѣя. 14, 15. Слич. Псал. 80, 13.). Равнымъ образомъ и при изъясненіи словъ: *не введи насъ во искушеніе*, надобно имѣть въ виду болѣе ясныя выраженія объ этомъ въ

другихъ мѣстахъ Писанія, напримѣръ : «Вѣренъ Богъ, который неопуститъ вамъ быть искушеннымъ сверхъ силъ» (1 Кор. 10, 13.).—Но если не безъ воли Господа діаволь искушаетъ насъ на грѣхъ, то для чего Господь попускаетъ это?— Иногда это бываетъ дѣломъ одного праведнаго гнѣва Божія къ нераскаяннымъ грѣшникамъ, но болѣею частію Господь поступаетъ такъ съ премудрымъ и благимъ намѣреніемъ—черезъ искушеніе отъ діавола споспѣшествовать духовной нашей пользѣ. Людямъ нетвердымъ въ добрѣ искушенія отъ діавола подають случай утвердиться въ немъ черезъ борьбу съ ними. Людей же преуспѣвшихъ въ добрѣ искушенія предохраняють отъ духовной гордости, давая имъ чувствовать немощь свою въ борьбѣ съ лукавымъ и нужду въ благодатной помощи Божіей, и научають ихъ смиренію и упованію на Бога (2 Кор. 12, 7—9.), безъ чего неможетъ быть никакой истинной добродѣтели. Для всѣхъ же искушенія служатъ удобнѣйшимъ случаемъ достигать большихъ и большихъ наградъ отъ праведнаго Мздовоздаятеля: «блаженъ человекъ, который переноситъ искушеніе: потому что, прошедши испытаніе, онъ получитъ вѣнецъ жизни, который обѣщаль Господь любящимъ Его» (Іак. 1, 12.).

Но по какимъ бы причинамъ Господь ни попускалъ на насъ искушенія отъ діавола, во всякомъ случаѣ мы должны просить Бога объ избавленіи отъ нихъ. Безъ благодатной помощи

Божіей, при немоци нашихъ силъ и испорченности нашей природы, намъ неустоятъ противъ козней врага нашего, хитраго и злобнаго. И не такія слабыя трости, какъ мы, но и такія мужественныя души, какъ апостоль Петръ, могутъ пасть отъ искушеній діавольскихъ. Спаситель предварялъ Симона и другихъ учениковъ своихъ объ угрожающей имъ опасности отъ сатаны, который просилъ сѣять ихъ какъ пшеницу (Лук. 22, 31.); Онъ также говорилъ имъ: «всѣ вы соблазнитесь о мнѣ въ сію ночь (Мѡ. 26, 31.). Симонъ самонадѣянно отвѣчалъ: «Господи! Съ тобою я готовъ и въ темницу, и на смерть итти (Лук. 22, 34.); если и всѣ соблазнятся о тебѣ, я никакъ не соблазнюсь....; хотя бы мнѣ и умереть съ тобою, не отрекусь отъ тебя» (Мѡ. 33, 35.). Но когда пришло время искушенія, то онъ вскорѣ «началъ клясться и божиться, что не знаетъ сего человѣка» (Мѡ. 26, 74.). Подобной опасности можетъ подвергнуться каждый изъ насъ, если мы или совсѣмъ пренебрежемъ ею, или понадѣмся избѣжать ея собственными силами, и не призовемъ помощь Божію. Посему Христось еказалъ Апостоламъ, и въ лицѣ ихъ всѣмъ намъ: «бдите и молитесь, да не впадете въ искушеніе. Духъ бодръ, но плоть немощна» (Мѡ. 26, 41.). Т. е. искушеніе, ожидающее васъ, такъ велико, что для избавленія отъ него потребна великая бдительность духа, а паче всего молитва о помощи свы-

ше; иначе немощная ваша природа не вынесетъ его, хотя бы вы одушевлены были благородною рѣшимостію сопротивляться ему. Посему приготовьтесь встрѣтить его духовнымъ бдѣніемъ, а паче всего молитвою къ Богу, да поможетъ вамъ Своею благодатною силою не пасть отъ искушенія.—Лучшее руководство для такой молитвы даютъ слова: *не введи насъ во искушение, но избави насъ отъ лукаваго*. Они могутъ быть раздѣльно изложены такъ: «Отче небесный! по немощи нашей, безъ твоей всемогущей благодати, мы не можемъ обѣщать себѣ побѣду надъ искушеніемъ отъ лукаваго; посему просимъ Тебя: или недопускай насъ до самой встрѣчи съ этимъ искушеніемъ, отвори его отъ насъ, такъ чтобы оно совсѣмъ не коснулось насъ, не приразилось къ намъ; или, если тебѣ угодно попустить лукавому напасть на насъ съ своими искушеніями и соблазнами, подай потребную для противоборства ему силу, «не попусти намъ быть искушенными сверхъ силъ, но при искушеніи дай и облегченіе, такъ чтобы мы были въ силахъ перенести» (1 Кор. 10, 13.) и восторжествовать надъ кознями сатаны».—На чемъ преимущественно должна утверждаться надежда наша на услышаніе такой молитвы? На вѣрѣ въ Сына Божія, который затѣмъ и являлся въ мірѣ, «да разрушитъ дѣла діавола (1 Иоан. 3, 8.) и да смертію своею сокрушитъ имѣющаго смерть во власти своей, т. е. діавола» (Евр. 2, 14.).

Въ заключеніе молитвы Господней мы исповѣдуемъ вѣчное царство, и силу, и славу Трїипостаснаго Бога, и чрезъ сіе исповѣданіе свидѣтельствуемъ нашу надежду, что Онъ услышитъ нашу молитву, потому что это въ Его власти, и относится на Его славу.

Свящ. В. Нечаевъ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ

ЗАИМСТВОВАННЫХЪ ИЗЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА

НАИМѢНОВАНІЙ

ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ БЛАГОДАРСТВЕННОМЪ ЕЙ КАНОНѢ И
АКАѢИСТѢ ^{а)}.

30. «Исплетшая мірови (сплетшая для міра) перукоплетенный вѣнецъ». Канона пѣсни 4-й тропарь 5-й.—Въ стихѣ 5-мъ 28-й главы книги пророка Исаи Господь именуется для останка народа Своего «великолѣпнымъ вѣнцемъ и прекрасною діадимою». Эти слова церковный пѣснопѣвецъ отнесъ къ Иисусу Христу, который истинѣ есть великолѣпный вѣнецъ для народа Божія, или яснѣе, по выраженію Симеона Богопріимца, слава Израиля (Лук. 2, 32.). Соотвѣтственно сему и пресвятая Дѣва Марія, какъ избранное орудіе промысла Божія въ сплетеніи сего чудеснаго и непостижимаго вѣнца, именуется въ канонѣ: «сплетшею для міра вѣнецъ, и при-

---

а) Начало сей статьи см. въ октябрьской книгѣ Душ. Чтен. за 1863 годъ.

томъ *нерукоплетенный*, такъ какъ она родила Сына Божія неискусомужно, наитіемъ на нсе Святаго Духа.

31. «Отъ потопа грѣховнаго міръ спасная». Кан. пѣсн. 5-й троп. 1-й.—Ной, спасній отъ потопа всемірнаго всѣхъ, находившихся въ устроенномъ имъ ковчегѣ, по ученію слова Божія и святыхъ Отцевъ Церкви, прообразоваль Господа Иисуса Христа, спасающаго отъ потопа грѣховнаго всѣхъ, входящихъ въ устроенный Имъ ковчегъ святая Церкви. Сказавъ о спасеніи въ ковчегѣ Ноевомъ восьми душъ отъ потопа, св. апостоль Петръ говоритъ далѣе: «и насъ нынѣ подобное сему образу крещеніе ^{б)}», не плотской нечистоты омытіе, но обѣщаніе Богу доброй совѣсти, спасаетъ воскресеніемъ Иисуса Христа, Который, по возшествіи на небо, пребываетъ одесную Бога» (1 Петр. 3, 20—22.). «Повѣствованіе о потопѣ, — говоритъ св. Златоустъ, — содержитъ въ себѣ тайны, и бывшее тогда служило образомъ вещей будущихъ, именно: ковчегъ былъ образомъ Церкви, а Ной — образомъ Христа» ^{в)}). Пресвятая же Дѣва Марія есть Матерь по плоти Основателя ковчега Церкви,— Господа Иисуса Христа, и потому именуется въ канонѣ «отъ потопа грѣховнаго міръ спасшею».

б) Таинство крещенія есть дверь въ ковчегъ святая Церкви Христовой. Иоан. 3, 5.

в) Hom. VI. in Terr. mot. et Lasar.

«Радуйся ковчегъ,» — взываетъ св. Дамаскинъ къ Богородицѣ, — «Богоустроенное жилище, Управительница новосозданнаго міра, отъ Которой происходитъ Христосъ—новый Ной, наполняющій высшій міръ нетлѣніемъ» (въ словѣ на Рожд. Богород.).

32. «Мѣсто освященія славы» (священное селеніе славы). Кан. пѣсн. 5-й, тр. 2.—Священнымъ мѣстомъ славы Божіей были въ ветхомъ завѣтѣ сначала скинія Моисеева, потомъ храмъ Соломоновъ. Какъ только освятилъ Моисей, согласно съ повѣщеніемъ Господа (Исх. 40, 9. 10.), скинію и принадлежности ея елеемъ помазанія: «покры облакъ скинію свидѣнія, и славы Господни исполнися скинія. И неможаше Моисей внити въ скинію свидѣнія, яко осѣняше надъ нею облакъ, и славы Господни исполнися скинія» (—ст. 33—35.). Въ царствованіе Соломона, подвижная скинія замѣнена была неподвижнымъ храмомъ,—и какъ только ковчегъ завѣта,—самая священная часть скиніи,—перенесенъ былъ въ храмъ,—онъ содѣлался священнымъ мѣстомъ Божіей славы. «И внесоша іереи кивотъ Завета Господня на мѣсто его въ давіръ храма, во святая святыхъ подъ крыла Херувимовъ. И бысть, егда изыдоша іереи изъ святилица и облакъ исполни храмъ Господень,—и неможяху іереи стати служити отъ лица облака, яко исполни слава Господня храмъ (3 Цар. 8, 6. 10—11.)». Какъ скинія, такъ и храмъ обитаніемъ въ нихъ славы Божіей служили про-

образованіемъ лучшей и совершеннѣйшей скиніи (Евр. 9, 11.), живаго и одушевленнаго храма Божія—Пресвятыя Дѣвы Маріи. Она была освящена елеемъ багодати Св. Духа (Лук. 1, 35.), и Богъ славы явился въ Неѣ и изъ Неѣ («тѣлеснѣ (Кол. 2, 9.)»),—и такимъ образомъ Она содѣлалась «пространнымъ селеніемъ Слова» (— пѣс. 5, троп. 5), какъ говорится далѣе въ канонѣ; или «скиніею святою и пространнѣйшею небесъ, вмѣстившею въ себѣ невмѣстимое во всей твари Слово Божіе» (октоиха гл. 3-го, кан. Богор. пѣсни 5. Богородиченъ). Въ семь же смыслѣ и въ акаѣистѣ Она именуется «Бога Невмѣстимаго вмѣстилищемъ» (Икосъ 8.).

Во второмъ храмѣ Иерусалимскомъ, воздвигнутомъ на мѣстѣ разрушеннаго храма Соломонова, не было чудеснаго облачнаго осѣненія славы Божіей (Иез. 10, 18—19.); между тѣмъ храмъ сей, удостоился преимущественной предъ храмомъ Соломоновымъ славы. Въ сей храмъ явилось живое и одушевленное селеніе Божіей славы, достойное удивленія самихъ ангеловъ: «пречистый храмъ Спасовъ, многоцѣнный чертогъ и Дѣва, священное сокровище славы Божія, днесь вводится въ домъ Господень, благодать совводящи, яже въ Душѣ Божественномъ, юже воспѣвають ангели Божіи: «сія есть селеніе небесное» (кондакъ въ праздникъ введенія во храмъ Прес. Дѣвы Маріи)». Какъ скоро явилась истина, сѣнь болѣе не нужна. «Домъ Божій, принимая нынѣ

дверь непроходимую, прекращаетъ всякое служеніе подзаконное; ибо истинно явилась истина, возвѣщаетъ онъ живущимъ на землѣ» (1 кан. введ. во храмъ Прес. Богор., пѣсни 4, троп. 1).

33. «Огнеобразная колесница Слова (кан. пѣсни 5. троп, 3). Колесница солнца умнаго (духовнаго)». Кан. пѣс. 7, троп. 1.

Пророкъ Іезекіиль призванъ былъ къ пророческому служенію (гл. 1) таинственнымъ видѣніемъ Господа во образѣ челоуѣка, сѣдящаго на престолѣ, подѣ которымъ въ постепенномъ низхожденіи представлялись твердь, четыре царственныхъ животныхъ, означавшихъ, по изъясненію самаго Пророка (слич. 10 г. ст. 20—22), херувимовъ,—и столько же одушевленныхъ колесъ. По ученію св. Церкви, Господь сѣдящій на престолѣ носимомъ херувимами — это былъ Богъ Слово, второе лице св. Троицы; а таинственная колесница прознаменовала пресвятую Дѣву Марію, во чревѣ которой возсѣдалъ Онъ, какъ на таинственныхъ колесахъ, видѣнныхъ пророкомъ Іезекіилемъ: «радуйся колеснице пресвятая Сущаго на херувимахъ (акаѡ. ик. 8)!» Пресвятая Дѣва Марія именуется въ канонѣ колесницею Слова огнеобразною, колесницею Солнца умнаго, ибо Господь, вселивъ въ Нее, есть огонь, посядающій все нечистое и грѣховное (Втор. 4, 24. Евр. 12, 29), есть духовное солнце, разливающее повсюду свѣтъ мира и благодати (Малах. 4, 2. Мѡ. 4, 16). «И видѣлъ я какъ бы свѣтъ

электра (янгаря)», такъ описываетъ Пророкъ свойства видѣннаго имъ Господа,—«какъ бы огонь нѣкій внутри Его, сіяющій на всѣ стороны. Въ какомъ видѣ является радуга, которая бываетъ на облакахъ во время дождя, такой видъ имѣло оное сіяніе, распространяющееся на всѣ стороны. Таковъ былъ видъ подобія славы Иеговы (гл. 1 ст. 27—28)!» Отъ близкаго соприкосновенія съ симъ божественнымъ Огнемъ, всенепорочная Дѣва, осѣняемая Духомъ Святымъ, содѣлалась, сколько возможно это для брэннаго существа, ему подобною, явилась чистою въ нравственномъ отношеніи и свѣтоносною.

Въ 8 икосѣ акаоиста Пресвятая Дѣва Марія именуется еще «преславнымъ селеніемъ Суцаго на серафимахъ». Наименованіе это заимствовано изъ таинственнаго видѣнія пророкомъ Исаіею (6, 1—4) Господа на престолѣ Великаго и Превознесеннаго, Котораго славословили стоящіе окрестъ его серафимы. Пресвятая Дѣва Марія именуется селеніемъ Господа, суцаго на серафимахъ, «преславнымъ». Вмѣстивъ, благодатію Св. Духа, въ безсѣменной утробѣ Своей Господа славы, отъ сіянія которой, какъ видѣлъ пророкъ Исаія, самые серафимы двумя крылами закрываютъ лица свои,—неисполнилась ли она, въ возможной степени для твари, Его божественною славою? «Все изумляется божественной славѣ Твоей, ибо Ты, непознавшая брака Дѣва, имѣла во чревѣ Всевышняго Бога и родила безлѣтнаго

Сына, даруя миръ всѣмъ воспѣвающимъ Тебя (кан. пѣс. 5, ирмосъ)». «Ты превознеслась выше серафимовъ, родивъ Царя-Христа (кан. пѣс. 7, троп. 3)».

34. «Одушевленный рай» (кан. пѣс. 5, троп. 5).— Рай—Богонасажденный садъ, первобытное блаженное жилище человѣка (Быт. 2, 8. 16), украшенъ былъ множествомъ красивыхъ и вкусныхъ деревьевъ: «и прозябе», сказано, «Богъ еще отъ земли всякое древо красное въ видѣніе, и доброе въ снѣдь (Быт. 2, 9)». И Пресвятая Дѣва Марія, какъ прекраснѣйшій, духовно-нравственный рай, представляла Собою видъ удивительной нравственной красоты и являла въ Себѣ чудные плоды добродѣтелей. «Радуйся тайныхъ цвѣтовъ (то есть цвѣтовъ внутренняго совершенства, цвѣтовъ добродѣтелей) прекраснѣйшій сущій раю!» (Кан. Одигитри, пѣс. 9, слава). Но какъ главнымъ украшеніемъ рая было стоявшее посреди его древо жизни: «и (прозябе Богъ) древо жизни посреде рая» (Быт. 2, 9): такъ и Пресвятая Дѣва Марія,—какъ далѣе тотчасъ говорится въ тропарѣ канона,—имѣла посреди Себя,—во утробѣ Своей древо жизни—Господа: «радуйся одушевленный рай, имѣющій посреди себя Древо жизни — Господа!» — «Новоцвѣтный безсмертія рай, говорится въ другомъ канонѣ (декабр. мин. подъ 5 числомъ 4 пѣснь канона), и красенъ во истинну показалася еси, Древо жизни въ Тебѣ насажденное, Богоначальнѣйше чревоносящи и

раждаючи».—Назначеніемъ плодовъ древа жизни было—предохранять тѣло человѣка отъ тлѣнія и смерти и чрезъ то содѣлывать его вѣчно блаженнымъ (Быт. 3, 22). Не съ цѣлію ли духовно оживить и вѣчно облаженствовать подвергнугося чрезъ грѣхъ тлѣнію и смерти человѣка возрасло и божественное Древо—Господь Иисусъ Христосъ?—Сладость плодовъ Его, говорится далѣе въ тропарѣ канона,—«оживляетъ и подвергнушихся тлѣнію, причащающихся Его съ вѣрою». Самъ Господь Иисусъ сказалъ о семъ плодѣ: «ядый Мою плоть, и пій Мойю кровь, имать животъ вѣчный, и Азь воскрешу его въ послѣдній день» (Іоан. 6, 54). И въ настоящей жизни сладостно общеніе съ Христомъ въ таинствѣ евхаристіи, но еще совершеннѣе будутъ причащаться Христа избранные Его въ невечернемъ днѣ царствія (канонъ пасхи 2 пѣсни, тропарь 2).—Древо жизни возрасло въ раю, безъ воздѣланія земли руками человѣческими: «не бо одожди Господь Богъ на землю, и человѣкъ не бяше дѣлати ю» (Быт. 2, 5). Не такъ ли возрасло и въ одушевленномъ раѣ живоносное древо—Господь Иисусъ Христосъ?—«Ты—таинственный рай, Богородица, невоздѣланно возрастившій Христа». (Кан. на Воздвиж. Честнаго кр., пѣсн. 9 ирмосъ).

35. «Градъ всѣхъ Царя, преславная и досто- слышанная о нейже глаголана быпна явѣ» (городъ Царя всѣхъ, о которомъ ясно изречено дивное и достославное). Канона пѣс. 5, троп. 4.—На-

именованіе это взято изъ 3 стиха 86 псалма, который читается такъ: «преславная глаголаша о тебѣ, граде Божій», (то есть—великое возвѣщено о тебѣ, градъ Божій). Подъ градомъ Божиимъ разумѣется здѣсь городъ Иерусалимъ,— что ясно видно изъ предъидущаго стиха: «любитъ Господь Богъ врата Сіона ^{Г)} паче всѣхъ селеній Иаковлихъ». Въ чемъ заключалось «преславное» города Иерусалима?—Первоначально въ томъ, что великій силою Божию царь Давидъ, утвердившій побѣдами миръ и безопасность своего царства и заслужившій чрезъ сіе всеобщую любовь и уваженіе своихъ подданныхъ, избралъ его, при всей его незнатности, столицею своего царства и, какъ въ столицѣ, построилъ въ немъ домъ свой.... (2 Цар. 5, 7. 9.). По смерти Давида, надъ городомъ Иерусалимомъ возсіяла особенная слава Божія. Царемъ Соломономъ, сыномъ Давида, въ немъ воздвигнуть былъ великолѣпный храмъ имени Божию, и такимъ образомъ Самому Господу Богу, которому «небо и небо небесе не довлѣютъ» (3 Цар. 8, 27), благоугодно было утвердить въ немъ именно, а не въ другомъ какомъ городѣ іудейскомъ, жилище Себѣ. «Призрѣлъ (Господь) шатеръ Іосифовъ и колѣна Ефре-

---

(Г) Городъ Иерусалимъ въ свящ. Писаніи часто именуется Сіономъ,—именемъ той горы, на которомъ главнымъ образомъ былъ расположенъ. См. напр. псал. 47, 13—14. Ис. 12, 6.

мова не избралъ, а избралъ колѣно Іудино, гору Сіонъ, которую возлюбилъ, и устроилъ святилище Свое. . . Се мѣсто покоя Моего на вѣки, здѣсь вселюся, ибо Я возлюбилъ его». (Псал. 77, 67 — 69. Пс. 131, 14). Городъ Іерусалимъ, со времени сооруженія въ немъ храма, содѣлался средоточіемъ истиннаго богослуженія для всего міра, мѣстомъ для всѣхъ вождельнымъ и драгоценнымъ, всѣми посѣщаемымъ и благословляемымъ. Со всѣхъ сторонъ стремились къ нему сонмы іудейскаго народа съ молитвами и жертвами Богу отцевъ своихъ. Въ Іерусалимѣ было большое стеченіе и язычниковъ. Весьма многіе изъ нихъ великолѣпіемъ храма Соломонова возбуждались къ благоговѣнію предъ Богомъ истиннымъ и обращались къ вѣрѣ въ Него. Ожидая этого обращенія язычниковъ, Соломонъ просилъ Господа принимать въ новоосвященномъ храмѣ молитвы не только Іудеевъ, но и язычниковъ (3 Цар. 8, 41—43).

По ученію святыхъ церкви, — Пресвятая Дѣва Марія, относительно Своей славы, подобна (конечно только въ несравненно высшей степени) городу Іерусалиму, о которомъ изречено преславное. Она не пользовалась, также какъ и крѣпость Сіонская въ началѣ, никакою внѣшней славою, происходила хотя изъ царскаго племени Давидова, но въ то время уже усѣченнаго до корене, лишеннаго своихъ царственныхъ правъ; между тѣмъ Первообразъ Давида (Іер. 30, 9.

Иезек. 34, 24), Царь неба и земли (Лук. 1, 32 33), едиnorodный Сынь Божій, Господь Иисусъ Христосъ — вождельнное Чаяніе народовъ (Быт. 49, 10), благоволиль содѣлать ее какъ бы столичнымъ городомъ для Своей Богочеловѣческой природы: воздвигнулъ въ Ней нерукотворенный домъ плоти Своей, который въ тоже время былъ и славнымъ храмомъ Божества Его. «Придемъ всѣ видѣть какъ бы отъ малаго чертога раждающійся нынѣ городъ Божій, Ту, Которая имѣла исходъ, изъ дверей чрева, но не знала входа сообщенія, ибо Одинъ Создатель прошелъ сею дивною стезею (2 канонъ Рожд. Богор. Пѣс. 8, троп. 4)». Ставши живымъ и одушевленнымъ храмомъ Богочеловѣка, пресвятая Дѣва Марія, по прославленіи Божественнаго Сына Своего, содѣлалась, подобно славному городу Иерусалиму, предметомъ благословенія для всего міра, — лицомъ, для всѣхъ вождельннымъ и драгоцѣннымъ, всѣми почитаемымъ и благословляемымъ. Согласно съ ея прореченіемъ, ее ублажаютъ всѣ роды (Лук 48). Со всѣхъ концевъ міра устремляются къ ней, — какъ древле въ столичный городъ Иерусалимъ, сонмы различныхъ народовъ съ славословіями, молитвами и благодареніями. «Радуйся, Одигитріе, всемірное чудо и слышаніе (кан. Одигит. пѣс. 9 слава)». «Блажимъ Тя вси роди, Богородице Дѣво: въ Тя бо невмѣстимый Христосъ Богъ нашъ вмѣститися благоволи» (повседн. полунощ.).

36. «Гора несѣкомая» (кан. пѣс. 5 троп. 4).— Во второй главѣ книги пророка Даниила содержится описаніе знаменательнаго сновидѣнія Навуходносора, царя Вавилонскаго. Въ сновидѣніи семь, подѣ образомъ сокрушенія огромной, сложенной изъ различныхъ металловъ, статуи камнемъ, безъ помощи рукъ человѣческихъ отсѣкшимся отъ горы, потомъ обратившимся въ великую гору и наполнившимъ всю землю (—ст. 34 и 35), представлена была Навуходносору, какъ изъяснилъ ему пророкъ,—общая печальная судьба четырехъ великихъ царствъ земныхъ (вавилонскаго, мидо-персидскаго, греко-македонскаго и Римскаго), сокрушеніе ихъ царствомъ Христовымъ и распространеніе сего царства по всей землѣ.

Таинственная гора, отъ которой чудеснымъ образомъ, безъ помощи рукъ человѣческихъ, отсѣкъся камень, названная по сему случаю въ канонѣ «несѣкомою»,—прознаменовала живую и одушевленную гору Пресвятую Дѣву Марію, отъ Которой чудеснымъ образомъ, безъ нарушенія Ея дѣвственнаго состоянія, благоволилъ тѣлесно отсѣчься краеугольный камень—Христосъ (Ис. 28, 16). «Тя величаемъ, Богородице, вопіюще: Ты еси гора, отъ неяже неизглаголанно отсѣчешя камень и врата ада сокруши (см. въ Часословѣ отпустительн. Богородичны—стр. 140 на обор.)». «Въ горѣ и двери небесной и мысленной лѣстницѣ Богоприлично предуказалъ Тебя Божествен-

ный сонмъ (пророковъ): ибо отъ Тебя отдѣлился камень безъ рукъ, безъ мужа, и Тобою, какъ дверью, пришелъ Господь, чудодѣйствующій Богъ отцевъ нашихъ (1 кан. Рожд. Богор. пѣс. 7, троп. 2)». «Камень нерукоуспѣшный отъ несѣкомыя горы Тебе, Дѣво, краеугольный отсѣчеса, Христось совокупивый разстоящаяся естества, тѣмъ веселящеса Тя, Богородице, величаемъ». (Ирмол. гласа 4, пѣс. 9) ^{в)}.

(Продолженіе будетъ).

Діаконъ Николай Воиновъ.

---

^{в)} Подробное изъясненіе сей пѣсни см. въ декабрьской книгѣ Душеп. Чт. за 1862 годъ.

С Л О В О

ПРИ ПОГРЕБЕНИИ

ГОСПОДИНА МОСКОВСКАГО ВОЕННАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА,
ГЕНЕРАЛА ОТЪ ИНФАНТЕРІИ, ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА

Павла Алексѣевича Тучкова а).

*Хочеша ли не бояться власти?
Благое твори. (Рим. 13, 3.).*

Святѣй апостолъ Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ представляетъ намъ поразительную, потрясающую сердце картину умственнаго омраченія и нравственнаго растлѣнія древняго міра языческаго (гл. 1.). Мудрецы этого міра, по слову Апостола, «обезумѣли», религіозныя понятія у людей ученыхъ и неученыхъ извратились и упали до степени самаго грубаго поклоненія и служенія тварямъ; всѣ погрузились въ жизнь плотскую, предъ которою жизнь самыхъ живот-

---

а) Произнесено 26-го января, въ Московскомъ, кафедральномъ, Чудовѣ монастырѣ.

ныхъ представляла болѣе законности и порядка. По замѣчательно, что въ этомъ нравственно тлѣющемъ мѣрѣ Апостоль нашелъ сохранившимися «божественныя установленія»; между этими язычниками нашелъ «слугъ Божіихъ». Какія это установленія?—Правительственныя власти. Кто эти слуги Божіи?—Законные правители и начальники (гл. 13, 1—8.). И этимъ властямъ и начальникамъ языческимъ Апостоль требуетъ повиновенія, уваженія, чести, исправной платы податей и оброковъ отъ учениковъ своихъ, христіанъ, просвѣщенныхъ познаніемъ божественной истины, представлявшихъ невѣдомые въ мѣрѣ языческомъ образцы нравственной чистоты и всевозможныхъ добродѣтелей. Такъ просвѣтительныя и животворныя начала христіанства входили въ растросанный, разрушавшійся мѣрѣ языческій.

Совершенно иное явленіе представляетъ намъ въ настоящее время мѣрѣ христіанскій. Въ странахъ христіанскихъ, наиболѣе просвѣщенныхъ и благоденствующихъ, гдѣ цѣлымъ многочисленнымъ народамъ извѣстна божественная истина, гдѣ открыты все пути къ совершенству и счастью, гдѣ вѣнценосцы и властители—христіане, гдѣ учрежденія и законы изъ вѣка въ вѣкъ совершенствуются и подъ благотворнымъ духомъ христіанства становятся безпристрастнѣе, свободнѣе, чловѣколюбивѣе,—въ этихъ благословенныхъ странахъ нынѣ является умственное,

а иногда и дѣятельное возстаніе противъ властей предержанныхъ. Слышится болѣе, или менѣе, громкій ропоть противъ власти; видны стремленія подорвать ея права. Порицаніе властителей и правителей у новыхъ поколѣній почитается признакомъ образованности, принадлежностью независимаго характера; безпрекословное повиновеніе власти—свойствомъ ограниченныхъ душъ. Безусловная, ничѣмъ не воздерживаемая свобода мысли, слова и дѣла,—вотъ единственный законъ, который признаютъ они. Въ безнадзорномъ развитіи всѣхъ силъ cadaго человѣка и всего человѣчества они видятъ залогъ постепеннаго усовершенствованія и возрастающаго благоденствія всего міра. Пусть жизнь идетъ какъ хочетъ, и куда хочетъ. Нужно дать ей беспрепятственное теченіе и каждый долженъ отдаться съ довѣренностію этому теченію, этому движенію впередъ. Древнія учрежденія, на старыхъ началахъ утвержденныя власти, только задерживаютъ это движеніе жизни. Проповѣдники этого ученія, вопреки внушеніямъ осторожной опытности и благоразумія, жаждутъ не постепеннаго улучшенія, а крушенія вѣками утвержденного порядка, обѣщая намъ благо, которое будтобы выростетъ само собою на его развалинахъ. Имъ тѣсно въ правительственномъ порядкѣ; имъ ненавистны распорядительныя и обязательныя дѣйствія власти. . . . Что это за явленіе? Что оно значитъ? Это новое язычество вторгается въ міръ христі-

анскій. Оно не сохраняетъ и той доли добра, которую Апостоль находилъ въ древнемъ. Оно направляется противъ божественныхъ учрежденій, которыя сохраняло и чтило древнее язычество. Оно заражаетъ довѣрчивыхъ христіанъ, овладѣвая ихъ умами подъ благовиднымъ именемъ просвѣщенія; оно возбуждаетъ духъ недоувѣрія къ власти, духъ порицанія и противленія.

Хочешь ли не бояться власти? Благое твори.

Это мудрое слово Апостола подаетъ намъ ключъ къ раскрытію тайнаго смысла этой вражды противъ властей, отличающей современное движеніе молодыхъ поколѣній.

Исторія говоритъ намъ, что отъ начала міра не было народа безъ правительства, безъ властей и начальниковъ. Зараждаясь въ правахъ родительскихъ, по мѣрѣ размноженія рода человѣческаго, власть изъ семейной возростала въ племенную, общественную и государственную. Слово Божіе усваиваетъ ей божественное происхожденіе и божественныя права. Изображая міръ поприщемъ непрестающей борьбы добра со зломъ, Откровеніе почитаетъ священною обязанностію власти дѣлать дѣло Божіе, охранять добро, уничтожать, или ограничивать зло. Отсюда происходятъ дѣйствія власти предупредительныя, исправительныя, наказательныя и карательныя. «Начальникъ, говоритъ Апостоль, есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ не напрасно носитъ мечъ» (Рим.

13, 4.). Требуя отъ христіанъ повиновенія властямъ даже языческимъ, Апостоль зналъ, что и язычники, руководимые совѣстію, различаютъ добро отъ зла, добродѣтели отъ преступленій, понимаютъ, что благопріятствуетъ, и что вредить общественному спокойствію и благосостоянію. Онъ былъ увѣренъ, что первообразъ совершеннѣйше й жизни, начертанный въ евангеліи, и дѣйствительныя добродѣтели христіанъ скоро удивятъ міръ языческій своимъ свѣтомъ и силою. Онъ предвидѣлъ, что истина и жизнь христіанская мирно, но твердо поведутъ міръ языческій къ великимъ преобразованіямъ, будутъ руководствомъ и образцемъ для законодателей и правителей. Власть увидитъ, училъ онъ, и признаетъ добро, которое ты дѣлаешь, и ты не будешь ея бояться; тебя ждетъ похвала отъ нея. Ученіе, тобою исповѣдуемое, и жизнь, требуемая симъ ученіемъ, скоро покорятъ себѣ самихъ царей и правителей.

У проповѣдниковъ новыхъ ученій нѣтъ новаго добра, которое они могли бы указать христіанскому міру, какъ невиданное и вождельнное благо, подобно тому, какъ христіанство указало такое благо міру языческому. Попросите ихъ начертать ясную картину того счастья, къ которому они хотятъ вести человѣчество путемъ разрушенія древнихъ основъ общественнаго благосостоянія. Спросите ихъ: что вы намъ дадите взамятъ просвѣщающей, усовершенствующей и утѣ-

шающей насъ вѣры во Христа, Сына Божія, которую вы порицаете и называете устарѣвшимъ суевѣріемъ? Что вы намъ дадите взамѣнъ заповѣдей евангельскихъ, которыя вы почитаете стѣснительными? Какимъ научите добродѣтелямъ, называя христіанскіе подвиги суровыми, убивающими жизнь? Какое общаете благо взамѣнъ благодатнаго мира чистой совѣсти? Чѣмъ оградите, при требуемой вами свободѣ, общественный порядокъ и благосостояніе, потрясая и подрывая своими сужденіями силу власти церковной, общественной, государственной?—Они не укажутъ вамъ никакого блага, котораго бы вы не знали, кромѣ какихъ нибудь новыхъ открытій въ наукахъ естественныхъ, кромѣ какихъ нибудь новыхъ удобствъ жизни, и всегда кончатъ пустыми словами: «изъ разрушенія стараго выдетъ новое, и тогда увидимъ, что принесетъ оно намъ». Итакъ они влекутъ насъ въ безбрежное море безъ кормила—вѣры, безъ кормчаго—Провидѣнія. Это—языческое боготвореніе сотворенной жизни; это—языческая вѣра въ человѣческую природу, которой воздается поклоненіе, если не внѣшними знаками, то подчиненіемъ ума и свободной воли всѣмъ ея случайнымъ движеніямъ и естественнымъ измѣненіямъ. Апостоль сказалъ бы, что и новые учителя, «называя себя мудрыми, обезумѣли».

Духъ отрицанія и разрушенія, отличающій этихъ новыхъ учителей, въ порица-

ніи власти. Въ этомъ порицаніи власти таится страхъ, что власть не признаеть новаго ученія, что приметъ мѣры противъ учителей. Ее нельзя обольстить искусною игрою мыслей и красными словами, какъ обольщается юность. Ея довѣріе пріобрѣтается добромъ дѣйствительнымъ и видимымъ, или ожидаемымъ и несомнѣннымъ. *Хочешь ли не бояться власти? Благое твори.*

Вѣра въ природу человѣческую, открытіе ей совершенной, неограниченной свободы, привела міръ языческій къ развращенію; къ нему же она ведетъ и послѣдователей новаго ученія. Божественное откровеніе возродило древній міръ, указавъ ему великую тайну смѣшенія добра и зла въ человѣкѣ, преобладаніе зла надъ добромъ, и даровавъ ему средства возвращать въ себѣ добро и уничтожать зло. Называя всякую мысль, чувство, склонность, желаніе, дѣло—добрыми и позволительными, новое ученіе снимаетъ съ зла тѣ узы, которыми сковалъ его законъ христіанскій. Зло вырывается на свободу и выражается прежде всего въ страсти къ чувственнымъ наслажденіямъ. Наслажденія, называемыя изящными и невинными, день-ото-дня становятся нецѣломудреннѣе, безстыднѣе, преступнѣе. Въ слѣдъ за этимъ и люди становятся день-ото-дня неразборчивѣе въ пріобрѣтеніи средствъ для наслажденій, которыхъ ищутъ съ увлеченіемъ и жаждою. Міръ христіанскій уже видитъ горькіе плоды новаго ученія и, по завѣту Спасителя,

начинаетъ оцѣнивать достоинство ученія и учителей по плодамъ ихъ. Много дѣтей уже перепорчено такъ называемымъ свободнымъ воспитаніемъ, при которомъ дали волю развиться въ юныхъ душахъ дурнымъ склонностямъ; склонности обратились въ навыки и пороки; добро заглохло, и горе цѣлой жизни ждетъ невинныя жертвы ложныхъ убѣжденій. Довольно уже родителей, которые терпятъ отъ дѣтей, воспитанныхъ въ полной свободѣ, и не только отъ юношей, но и отъ дѣвицъ пренебреженіе и униженіе. Не мало счастливыхъ супружескихъ союзовъ расторгнуто проповѣдниками свободы чувства; не мало невинныхъ душъ сдѣлались жертвами обольщенія своихъ просвѣтителей, освободившихъ ихъ отъ власти и страха закона. Уже не рѣдкость нынѣ слышать, какъ юноши, ослабленные преступными наслажденіями, уставшіе повторять безплодныя мысли и пустыя слова, не проложившіе себѣ дороги къ земному счастью честнымъ трудомъ, повергаются въ бездну отчаянія. Апостоль сказалъ бы: «Богъ предалъ ихъ превратному уму и постыднымъ страстямъ». Власть видитъ, какъ нарушается законный порядокъ жизни; она старается предупредить умноженіе беспорядка, поставяетъ преграды распространенію зла: ее укоряютъ въ излишней строгости, въ несовременности мѣръ исправительныхъ. И во всемъ этомъ—тайный страхъ правед-

наго суда власти. *Хочешь ли не бояться власти? Благое твори.*

Намъ могутъ сказать, что мы смѣшиваемъ порицанія властей съ тѣми разумными, откровенными и правдивыми сужденіями и совѣтами опытности, которыхъ въ наше время требуетъ отъ образованнаго общества сама правительственная власть, ища себѣ въ познаніяхъ и усердіи подданныхъ и подчиненныхъ помощи и содѣйствія къ устроенію общаго блага. Нѣтъ! Христіанское ученіе всему доброму знаетъ цѣну и всему указываетъ надлежащее мѣсто и употребленіе. Апостоль Павелъ, требуя отъ христіанъ, чтобы они воздавали всякому начальству должную покорность, честь и уваженіе, не разумѣетъ подъ этимъ рабскаго, бездѣтельнаго, ко всему равнодушнаго подчиненія. Онъ прибавляетъ: «не оставайтесь должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви: любовь есть исполненіе закона» (Рим. 13, 8. 10.). Христіанская любовь, почтительно обращенная ко властямъ, видитъ въ нихъ людей, несущихъ тяжкое бремя, обязанныхъ быть представителями божественной правды на землѣ, участниками божественнаго міроуправленія, споспѣшниками дѣйствіямъ Божіа промысла, направленнымъ къ уничтоженію зла и торжеству добра на землѣ. Она видитъ, что власть часто обязана поднимать труды, превышающіе силы человѣческія. Она

возносить о власти молитвы, обращаетъ къ ней свои благожеланія, посвящаетъ ей труды ума, подвиги доброй воли. Безукоризненная, правая передъ властію, она не чувствуетъ надъ собою власти; власть не тяготитъ и не устрашаетъ ее. Въ ней не можетъ быть ропотливыхъ движеній: ея языкъ правдивъ и честенъ, но чуждъ порицанія. Такъ обращаясь къ власти, она и въ ней встрѣчаетъ одну заботливость, попеченіе и благоволеніе. Такъ нынѣ въ нашемъ отечествѣ добрые христіане и честные граждане подъ властію милосердаго и любвеобильнѣйшаго Царя и кроткаго правительства пользуются совершенною свободою дѣлать всякое добро и, чуждые страха передъ властію, только утѣшаются попеченіемъ Царя и правителей о благѣ нашемъ, и сердцемъ сочувствуютъ, и умомъ и дѣломъ соучаствуютъ въ благихъ мѣрахъ, предприемлемыхъ къ устроенію благоденствія, къ славѣ и чести нашего отечества.

Всѣ эти мысли были внушены намъ воспоминаніемъ о высококомъ служеніи Царю и отечеству, пройденномъ на глазахъ нашихъ почившимъ сановникомъ, которому мы нынѣ отдаемъ послѣднюю почесть. Благословенны усопшіе, коихъ жизнь раждаетъ въ живыхъ благія мысли, а добрыя дѣла располагаютъ къ подражанію! Они оставляютъ сѣмя добра на землѣ. Это сѣмя развертывается и возрастаетъ въ дѣятельности

преемниковъ и составляетъ живой памятникъ почившимъ, угодный Богу и благодѣтельный для человѣчества.

Мы не будемъ обзрѣвать всей жизни и общественной дѣятельности, не будемъ исчислять всѣхъ добрыхъ свойствъ почившаго: это сдѣлаетъ исторія; это уже и начали наши благонамѣренные писатели въ поврежденныхъ изданіяхъ. Цѣль проповѣди церковной есть назиданіе, и для этой цѣли довольно одной мысли, осуществленной въ дѣятельности Павла Алексѣевича, именно: какую является правительственная власть въ лицѣ христіанина, въ соединеніи съ истинно христіанскими свойствами?

Искренно вѣрующій и благочестивый, кроткій и смиренный Павелъ Алексѣевичъ, служа въ первопрестольной столицѣ представителемъ Царя, облеченный Монаршимъ довѣріемъ и высокою властію, можно сказать, носилъ дарованную ему власть и честь на себѣ, а не въ себѣ. Власть не проникала въ его душу, не приростала къ ней и потому не воздымала и не надмевала ее. Отъ того и въ его властныхъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ не видно было, какъ перѣдко случается, вмѣшательства личныхъ свойствъ души, упоенной властію: надменности, горделивости, гнѣвливости. Онъ былъ всегда и равно доступенъ и для богатаго и для бѣднаго, и для знатнаго и для крестьянина. Почитая свое высокое

званіе служеніемъ обществу, онъ ничего не извлекалъ для себя изъ своихъ правъ и власти, и потому совершеннѣйшее безкорыстіе было отличительною чертою его самого и близкихъ къ нему исполнителей его распоряженій. Онъ не любилъ безъ нужды показываться обществу въ блескѣ власти. Безъ лишней огласки, безъ желанія производить сильныя впечатлѣнія и возбуждать говоръ, лестный для тщеславія, въ тишинѣ и уединеніи онъ обдумывалъ благія предначертанія и исполнялъ полезныя для общества распоряженія. Отъ того Москва и не чувствовала надъ собою тягости отъ власти Павла Алексѣевича. Власть съ такимъ христіанскимъ характеромъ въ своихъ распоряженіяхъ уподобляется дѣйствіямъ благаго Провидѣнія, которыя незримы и неслышимы, но постоянно выражаются въ благотворныхъ вліяніяхъ на устроеніе блага и счастья живыхъ существъ.

Въ наше время нерѣдко въ такой христіанской тихости думаютъ видѣть недостатокъ силы. Нѣтъ, тверда и мужественна кротость христіанская. Почившій не напрасно носилъ знакъ отличія за гражданскую доблесть. Намъ Царь—любитель правды, награждалъ его особеннымъ благоволеніемъ за прямое и откровенное ея выраженіе.

Душѣ сановника, смиренной и кроткой, не пристрастившейся къ власти и почестямъ зем-

нымъ легче предстать на судъ Всевышняго, куда не доходятъ и гдѣ не оправдываютъ земныя отличія, а только добрыя дѣла. Обратимъ нашу общую любовь къ почившему, такъ живо выразившуюся въ скорби объ его утратѣ, въ сердечную молитву, да удостоитъ его Господь почестей небесныхъ за равнодушіе къ почестямъ земнымъ ! — Аминь.

Священникъ Алексѣй Ключаревъ.

КАКЪ ПОНИМАТЬ СЛОВА СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА О КРЕЩЕНІИ МЕРТВЫХЪ РАДИ?

(1 Кор. 15, 29.).

На рѣшеніе этого не легкаго вопроса вызвалъ насъ одинъ изъ близкихъ нашихъ знакомыхъ. У него былъ братъ, который съ полнымъ сознаниемъ и намѣренно совершилъ самоубійство. Извѣстно, что Церковь запрещаетъ поминать таковыхъ и молиться за нихъ а). Но любовь неистощима въ изобрѣтеніи средствъ ко спасенію любимаго лица. Что удивительнаго, если она, какъ утопающій за соломину, ухватится иногда за такое средство, безнадёжность котораго можетъ быть яснѣ примѣчена только со стороны? Братъ вольно умершаго юноши, готовый все сдѣлать для спасенія его, обратился къ намъ съ вопросомъ: нельзя ли приносить за умирающихъ въ такомъ грѣхѣ покаяніе, въ на-

---

а) „Если кто, будучи внѣ себя, подыметъ на себя руки, о такомъ священнослужителѣ долженъ дознать, подлинно ли онъ былъ внѣ ума. Ибо если онъ сдѣлалъ это по страху человѣческому, по какому либо малодушію и проч., то за него, какъ самоубійцу, не должно быть приношенія (молитвъ и таинствъ)“ Правил. 8. Св. Тимоѳея александрійскаго.

деждѣ, что Господь приметъ это покаяніе и вмѣнитъ его тѣмъ, за кого оно приносится. Въ сообщенной намъ запискѣ, онъ такъ изложилъ личное свое мнѣніе касательно этого предмета : «первые христіане, приступая къ таинству св. крещенія, крестились не только ради своей души, но и за умершихъ изъ близкихъ имъ по крови и по духу. Такъ я понималъ слова ап. Павла: «иначе, что дѣлаютъ крестящіеся для мертвыхъ? Если мертвые совѣмъ не воскресаютъ, то для чего и крестятся для мертвыхъ?» (1 Кор. 15, 19.)... Итакъ, если апостолы допускали крещеніе для *мертвыхъ*, вѣроятно поминовеніемъ отцевъ и братій, т. е. произнесеніемъ ихъ именъ во время совершенія надъ крещаемымъ таинства крещенія, подобно какъ при совершеніи проскомидіи произносятся имена покойниковъ и живыхъ, то позволительно, думаю, допустить и покаяніе за умершихъ». Что сказать на это? По нашему убѣжденію, каяться за другихъ, не только за тяжкихъ грѣшниковъ, каковы самоубійцы, но за кого бы ни было, и особенно за тѣхъ, которые умерли нераскаянными, бесполезно. Непонятно, какимъ образомъ мое покаяніе могло бы вмѣниться другому, который самъ не помышляетъ о покаяніи. Можно молиться за нераскаянныхъ, чтобы Господь коснулся ихъ сердцею своею благодатию и обратилъ ихъ къ покаянію, — но и молиться съ успѣхомъ за нихъ можно только до тѣхъ поръ, пока они живы.

За умершихъ нераскаянными молиться поздно, ибо по смерти покаяніе невозможно. А каяться за другихъ, когда они сами за себя не каются, и умирають нераскаянными, это не мыслимо. Что же касается до *крещенія для мертвыхъ*, то слова о немъ апостола отнюдь не могутъ быть примѣнены къ рассматриваемому случаю. Слова эти отцами и учителями Церкви объясняемы были различно, но никто изъ нихъ не давалъ имъ того смысла, какой находятъ въ нихъ нашъ почтенный знакомый. Какъ извѣстно, Апостоль ссылается на крещеніе для мертвыхъ въ доказательство истины воскресенія мертвыхъ. Излагая силу этого доказательства, св. Златоустъ полагаетъ, что Апостоль какъ бы такъ говорилъ: «если нѣтъ воскресенія, то для чего крестимся за мертвыхъ, т. е. за мертвыя тѣла? Мы потому крестимся (т. е. *погружаемся въ воду тьломъ*), что вѣруемъ въ воскресеніе мертваго тѣла, т. е. что оно не пребудетъ мертвымъ»^{б)}. Златоустово толкованіе повторяетъ Θεофилактъ въ своемъ изъясненіи на 1 посл. къ Коринѳянамъ. Въ томъ же смыслѣ изъясняетъ слова апостола св. Исидоръ Пелусіотъ, говоря: «мы крещаемся ради мертвыхъ по естеству тѣлъ, вѣруя, что они преобразятся въ нетлѣніе»^{в)}. Тоже говоритъ бл. Θεодоритъ въ объясненіи на это мѣсто въ посл.

б) На 1 Кор. бес. 40.

в) Письмо 221.

къ Коринѳянамъ: «крещаемый спогребается Господу, дабы, причастившись смерти, содѣлаться общникомъ воскресенія. Если же тѣло мертво и не востанетъ, то для чего оно и крещается?» Изъ латинскихъ древнихъ писателей Церкви одинаковое съ представленнымъ толкованіе встрѣчаемъ у Тертуліана: «для мертвыхъ крещаться значитъ— ради тѣлъ крещаться, ибо мертвымъ мы называемъ тѣло. Если же тѣла не встаютъ, то за чѣмъ крещаются ради тѣлъ г)? Такимъ образомъ приведенные нами толкователи словъ Апостола о крещеніи для мертвыхъ согласно утверждаютъ, что въ этихъ словахъ идетъ рѣчь не о крещающихся за другихъ, а о крещающихся въ надеждѣ собственнаго воскресенія, воскресенія своихъ тѣлъ: если бы принимающіе крещеніе не имѣли этой надежды, то за чѣмъ погружать въ водѣ крещенія тѣло? Нельзя впрочемъ приписать этому толкованію исключительную важность; противъ него могутъ замѣтить, что апостолъ говоритъ не обо всѣхъ, а только о нѣкоторыхъ, крестящихся для мертвыхъ, и что трудно догадаться, что для мертвыхъ значитъ: для мертвыхъ тѣлъ.

Другіе толкователи, правда, признаютъ, что креститься для мертвыхъ, значитъ креститься вмѣсто, взамѣнъ умершихъ; только по ихъ мнѣнію, Апостолъ, говоря объ этомъ обычаѣ, имѣетъ въ виду не православныхъ христіанъ, а

г) Lib. V. ad. Marcion. c. X.

нѣкоторыхъ суевѣровъ и еретиковъ. Именно этотъ обычай былъ сначала у Керинѳіанъ. Св. Епифаній свидѣтельствуетъ: «когда кто изъ нихъ умиралъ не окрещенный, то другіе принимали крещеніе за него отъ его имени, дабы по воскресеніи онъ не потерпѣлъ мукъ за то, что не крещенъ» ^д). Тоже суевѣріе было у Маркіонитовъ. О нихъ св. Златоустъ говоритъ: «когда у нихъ умереть какой оглашенный, тогда они, спрятавъ подъ одръ его кого либо изъ живыхъ, приступаютъ къ умершему и спрашиваютъ его: хочеть ли онъ принять крещеніе? Спрятанный отвѣчаетъ, что хочеть, и тогда крещаютъ его вмѣсто покойнаго» ^е). Тертуліанъ, упоминая объ этомъ крещеніи Маркіонитовъ, называетъ его подставнымъ (*vicarium*) ^ж). И на сей-то суевѣрный обычай указываетъ Апостоль Павелъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ отцевъ. Такъ св. Амвросій медиоланскій говоритъ: «Апостоль приводитъ примѣръ тѣхъ, которые такъ увѣрены были въ будущемъ воскресеніи, что крестились даже за мертвыхъ, если кто умиралъ не успѣвши окреститься,—изъ опасенія, чтобы неокрещенный или совсѣмъ не былъ лишенъ воскресенія, или не воскресъ для мученій» ^з). Когда Апостоль

д) Haeres. 28

е) На 1 Кор. бес. 46.

ж) De resurrectione carnis. 48.

з) На 1 Кор. XV.

въ доказательство истины воскресенія ссылается на суевѣрный обычай, это не значитъ, что онъ одобряетъ его; онъ хочетъ сказать только то, что въ основаніи этого обычая лежитъ вѣра въ воскресеніе, хотя самъ по себѣ онъ неразуменъ.

Намъ извѣстно еще иное толкованіе неясныхъ словъ Апостола, которое кажется намъ достойнымъ вниманія. Крещеніе есть таинство, вводящее въ Церковь, есть дверь въ нее, а вмѣстѣ оно есть необходимое условіе для полученія царства небеснаго, для вступленія въ церковь торжествующихъ на небесахъ. Случалось, что нѣкоторые принимали крещеніе находясь на смертномъ одрѣ, или въ виду мученической смерти, одушевляясь не столько желаніемъ общенія съ живущими христіанами, съ которыми должны скоро разлучиться, сколько надеждою путемъ крещенія переселиться въ блаженное общество отшедшихъ изъ сей жизни. По ученію Апостола основаніемъ этой надежды служитъ вѣра въ воскресеніе мертвыхъ. Не будь этой вѣры, не было бы и побужденія принимать крещеніе для мертвыхъ, т. е. для достиженія блаженнато съ ними общенія.

Заклучимъ: если у первыхъ христіанъ, по крайней мѣрѣ православныхъ, не было обычая креститься однимъ за другихъ; то не можетъ быть допущено основанное на предположеніи этого обычая мнѣніе, будто можно однимъ каяться за другихъ.

Свящ. В. Нечаевъ.

СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,

АРХІЕПИСКОПА КЕСАРІИ КАППАДОКІЙСКІЯ а).

ГЛАВА III.

Избраніе Василя въ епископа кесарійскаго. — Состояніе церквей каппадокійскихъ въ это время. — Примиреніе съ Василиемъ дяди его и другихъ епископовъ. — Письма Василя къ епископамъ. — Усиленіе аріанства. — Просительныя письма о помощи къ западнымъ епископамъ. — Объясненіе Василя съ префектомъ Модестомъ. — Прибытіе въ Кесарію императора Валента и бесѣда съ нимъ Василя въ алтарѣ. — Приговоръ къ изгнанію Василя изъ Кесаріи и отмѣненіе сего приговора. — Новыя нападенія аріанъ на церкви каппадокійскія при намѣстникѣ Димосеѣнѣ. — Усиленная просьба Василя къ западнымъ епископамъ о содѣйствіи восточной Церкви въ борьбѣ съ аріанами. — Причины, по которымъ не оказано было испрашиваемое содѣйствіе.

Къ концу шестилѣтняго пресвитерскаго служенія умеръ кесарійскій архіепископъ Евсевій, и самъ Василій подвергся такой тяжкой болѣзни, что ожидалъ себѣ скорой смерти. Посему вызывалъ къ себѣ друга своего Григорія только для того, чтобы передать ему свою послѣднюю волю (Похв. сл. Григ.). Но сверхъ всякаго ожиданія,

---

а) Начало см. въ январской книжкѣ Душеп. Чтенія.

какъ только начали проходить болѣзненные припадки, епископы, собравшись въ Кесарію, по случаю смерти Евсевія, предоставили больному Василию полное управленіе кесарійскою Церковію. Это было сдѣлано главнымъ образомъ по настоянію назіанзкаго епископа, отца Григоріева. Впрочемъ только завистники и самые порочные граждане неохотно соглашались на избраніе Василія въ епископа. Причина же, по которой они не изъявляли согласія, вовсе не заслуживала уваженія, тѣмъ болѣе, что, возводя Василія на степень епископа, нужно было только *de jure* сдѣлать его тѣмъ, чѣмъ давно онъ былъ уже *de facto*. Они указывали на болѣзненное состояніе Василія. «Но вы избираете не борца, а учителя, съ силою отвѣчалъ на это епископамъ отецъ Григорія Богослова. Я увѣренъ, что есть и другіе, достойные предстоять у васъ, но никого изъ уважаемыхъ вами не могу предпочесть боголюбивѣйшему сыну нашему, пресвитеру Василию, мужу (говорю это предъ свидѣтелемъ Богомъ), и въ жизни и въ ученіи достигшему чистоты болѣе всякаго другаго; онъ вполне способенъ противостать нынѣшнему времени и преобладающему языкоболію еретиковъ» (Григ. Бог. п. 34.). И Евсевію самосатскому тотъ же Григорій писалъ: «еслибы сподобились мы предоставить епископскую кафедру Василию, то знаю, что пріобрѣли бы великое дерзновеніе предъ Богомъ и сдѣлали бы великое благодѣяніе пригласившему насъ народу» (п. 36.).

Дѣйствительно, самыя событія скоро для всѣхъ сдѣлали явнымъ, что предоставленное Василию высокое служеніе было дѣломъ не человѣческой милости, но Божія промышленности о Церкви. «Удостоенный предсѣдательства, Василій не только ничѣмъ не посрамилъ ни своего любомудрія, ни надежды ввѣрившихъ ему служеніе, но еще оказывался, по выраженію Григорія Богослова, непрестанно превосходящимъ самого себя, потому что получилъ большой кругъ дѣйствій и при власти нашелъ больше предметовъ, гдѣ показать себя. Быть не худымъ, продолжаетъ Григорій, или сколько ни есть, и какъ ни есть, добрымъ, онъ почиталъ добродѣтелию частнаго человѣка, а въ начальникѣ и предстоятелѣ, по его суду, и то уже порокъ, если онъ не оказывается постоянно лучшимъ и лучшимъ, и если не соразмѣряетъ добродѣтели съ саномъ и высокостію престола». Въ письмахъ, писанныхъ Василиемъ во время его епископства, онъ нерѣдко и въ сильныхъ выраженіяхъ упоминалъ о множествѣ дѣлъ и заботъ, обременявшихъ его до разслабленія силъ. «Такъ много у меня дѣлъ, говоритъ наприм. въ одномъ письмѣ, и такъ они необычайны, что нужно было бы вести ежедневную исторію, которую и составилъ бы я, если бы непрерывность событію не отвлекала меня отъ моего намѣренія». Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ еще: «велико число облегающихъ меня дѣлъ, тысячами заботъ объята у меня мысль, и только

кратковременное отдохновеніе я могу улучшить отъ постоянныхъ моихъ недосуговъ». Но до насъ дошли только отрывочныя свѣденія о тѣхъ мѣрахъ, какія онъ употреблялъ, для умиренія недовольныхъ имъ епископовъ, для прекращенія безпорядковъ между кесарійскимъ духовенствомъ и для противодѣйствія коварнымъ замысламъ аріанъ, которые нападали какъ на его митрополию, такъ и на другія восточныя церкви. Изъ изложенія сихъ-то сохранившихся свѣденій и слагается историческая жизнь Василія Великаго, какъ архіепископа кесарійскаго.

Церкви зависѣвшія отъ митрополиі кессарійской, по словамъ самого Василія, — въ началѣ его епископства находились въ такомъ же почти худомъ состояніи, какъ и его тѣло (п. 30 къ Евсевію). Недоброжелательные люди причинили ему много огорченій, и даже произвели раздѣленіе въ Церкви кападокійской тотчасъ, какъ только удалились изъ Кесаріи епископы, болѣе другихъ благопріятствовавшіе Василію, именно Евсевій самосатскій и Григорій назіанзскій. Молва неблагопріятная для Василія быстро распространилась и въ отдаленныхъ странахъ, и вредныя послѣдствія угрожали не одному или двумъ, но цѣлымъ городамъ и народамъ (п. 59.). Даже какой-то дядя Василія, епископъ Григорій, не хотѣлъ имѣть съ нимъ общенія. Отъ епископа Воспорія Василій получилъ извѣстіе о томъ, что нѣкоторые обвиняли его въ чрезмѣрной стро-

гости къ уклонившимся отъ православія и клеветали на него, будто онъ, еще будучи священникомъ, епископа своего Діанія предалъ проклятію за то, что послѣдній по неосторожности подписалъ еретическое исповѣданіе вѣры. Извѣстіе это такъ обезпокоило Василія, что въ слѣдующую за тѣмъ ночь онъ немогъ заснуть, по собственнымъ его словамъ, ни на минуту. Другіе же враги Василія называли его напротивъ слишкомъ снисходительнымъ къ неправомыслящимъ, потому что онъ сближался съ полуаріанами. У кесарійскаго архіепископа было въ подчиненіи 50 хорепископовъ. По тогдашнимъ церковнымъ правиламъ они должны были съ согласія архіепископа назначать на праздныя вакансіи клириковъ. Но они взяли на себя все полномочіе и новому архипастырю даже не доносили о томъ, кого возводили на церковныя степени; дозволяли пресвитерамъ и діаконамъ причислять къ клиру людей недостойныхъ, по пристрастію, по родству или по какимъ нибудь дружескимъ связямъ. Были и такіе хорепископы, которые брали деньги съ рукополагаемыхъ и называли это безгрѣшнымъ, потому что брали деньги не до рукоположенія, но по рукоположеніи.

Для примиренія съ недовольными епископами, Василій не прибѣгалъ къ угодливости или хитрости (похв. сл. Гр.); онъ искусно умѣлъ растворять твердость съ уступчивостію. Когда нельзя было вступать съ клеветниками въ личное

объясненіе, онъ отражалъ неблагопріятныя для себя толки и пересуды письмами или къ тѣмъ лицамъ, которыя довѣряли нелѣпой молвѣ, или къ тѣмъ, которыя распространяли ее. Особенно прискорбно было для Василія нерасположеніе къ нему дяди его, епископа Григорія, человѣка во всѣхъ другихъ отношеніяхъ благонамѣреннаго (п. 56.). Враги Василія съ удовольствіемъ смотрѣли на это несогласіе и говорили: если ближній его родственникъ не хочетъ имѣть съ нимъ общенія, то несомнѣнно, что есть къ тому достаточныя причины. Братъ Василія Григорій Нисскій, желая облегчить скорбь его, прибѣгъ къ хитрости, какъ оказалось, очень невыгодной и опасной для Василія; именно Григорій сначала самъ доставилъ ему вымышленное письмо будто бы отъ общаго имъ дяди, письмо, въ которомъ высказывалось сильное желаніе примиренія; потомъ съ служителемъ прислалъ два также подложныя письма, и въ этихъ письмахъ мнимый дядя тоже изъявлялъ готовность на примиреніе съ своимъ племянникомъ. Василій принялъ первое письмо съ необычайною радостію, показывалъ его многимъ изъ друзей своихъ и благодарилъ Бога за радостное окончаніе непріязни. Извѣстіе объ этомъ передано было и дядѣ Василія; но онъ, какъ и слѣдовало ожидать, сталъ увѣрять, что не писалъ никогда письма Василію.—Василій приведенъ былъ чрезъ это въ большой стыдъ; отъ упрековъ, какіе приходилось ему слышать

по этому случаю, желалъ даже, чтобы разступилась подъ нимъ земля. И о другихъ письмахъ также поздно было узнано, что они подложныя. Въ такихъ обстоятельствахъ Василиій сдѣлалъ довольно рѣзкій письменный выговоръ брату, а дядю убѣдительно просилъ назначить мѣсто и время для личнаго объясненія по этому дѣлу.

Нужно было вразумить еще епископа Воспорія; св. Василиій въ письмѣ къ нему раскрылъ свои отношенія къ предмѣстнику своему Діанію и требовалъ отъ клеветниковъ доказательствъ на то, гдѣ, когда и при комъ проклиналъ своего епископа. А монахинямъ, которыя соблазнились общеніемъ Василія съ полуаріанами, онъ чрезъ письмо же раскрылъ и объяснилъ причины, почему заслуживаютъ нѣкотораго снисхожденія люди, которые съ отцами антїохійскаго собора, бывшаго противъ Павла самосатскаго, несоглашаются принять выраженіе: *единосущный*.

Послѣ свиданія съ Василіемъ дядя дѣйстви-тельно помирился съ нимъ, а вслѣдъ за дядею и другіе недоброжелатели начали сблизаться съ Василіемъ, приносили свое извиненіе и сколько прежде оказывали вражды, столько теперь расположенія, и добровольно уступали его разуму, признавали добродѣтель его для себя недосыгаемою, и сопротивленіе ему или отступленіе отъ него почитали отчужденіемъ отъ Бога (пох. сл. Гр.). Въ этоже вѣроятно время и тѣ епископы, которые сначала негодовали и злословили

Григорія епископа назіанзскаго за благорасположеніе къ Василію, извинялись предъ Григоріемъ, припадали къ его колѣнамъ и, отложивъ ненависть, признали его своимъ патріархомъ, законодателемъ и судіею (18 сл. Гр. Б. стр. 140.).

Въ сношеніяхъ съ хореепископами св. Василій при самомъ началѣ своего епископства показалъ такую твердость, которую въ другихъ рѣдко можно встрѣчать и при концѣ жизни. Увѣрившись въ слухахъ касательно симоніи, онъ написалъ окружное посланіе и въ немъ рѣшительно угрожалъ хореепископамъ удаленіемъ отъ алтарей, если они и послѣ этого окружнаго посланія сдѣлаютъ что нибудь подобное. Въ предотвращеніе своеволія священниковъ, принимавшихъ къ себѣ въ причтъ людей недостойныхъ, Василій требовалъ отъ всѣхъ хореепископовъ, чтобы высланы были ему списки всѣхъ церковнослужителей сельскихъ съ означеніемъ, къмъ кто опредѣленъ и какого рода жизни, и самъ у себя завелъ подобный списокъ, чтобы никому невозможно было приписать себя къ клиру, когда захочетъ. Кромѣ сего онъ предписалъ тщательно изслѣдовать о всѣхъ принятыхъ дотолѣ церковникахъ, достойны ли они причетническихъ должностей, и недостойныхъ исключить въ число мірянъ; особенно же запрещалъ причислять къ клиру кого бы то ни было безъ своего утвержденія. Еше извѣстно сдѣланное Василіемъ подтвержденіе прежнихъ церковныхъ правилъ о

томъ, чтобы лица духовнаго званія, вдовые или не вступившіе въ бракъ, не держали у себя ни подъ какимъ предлогомъ постороннихъ женщинъ (такъ называемыхъ сизиктовъ). Такія мѣры заботливости архипастыря объ улучшеніи клира возвысили духовенство кесарійское до такой степени, что сосѣдніе и отдаленные города просили у Василія священнослужителей для благоустроенія своихъ Церквей и для назначенія ихъ на епископскія каѳедры. Такъ епископъ Иннокентій просилъ себѣ пресвитера изъ кесарійскаго клира (77 п.). Сатальскіе граждане просили у Василія себѣ епископа, и онъ далъ своего сродника, несмотря на слезы его прихожанъ и престарѣлой его матери (п. 28.). И св. Амфилохій иконійскій изъ кесарійскаго же клира просилъ кандидата на епископскую каѳедру въ Исавріи (217. п.).

Бѣдствія, какія терпѣли православные отъ аріанъ, также причиняли много скорби Василію, хотя они касались не столько его митрополиі, сколько другихъ восточныхъ церквей. «Другіе, говоритъ Григорій Богословъ, смотрятъ только у себя подъ ногами, рассчитываютъ только, какъ бы свое было въ безопасности, далѣ же не простираются и не могутъ выдумать или привести въ исполненіе ничего великаго и смѣлаго. Но Василій хотя во всемъ другомъ соблюдалъ умѣренность, въ этомъ же не зналъ умѣренности. Примѣчая, что наслѣдіе Божіе приведено

въ худое положеніе, увлечено въ тысячи мнѣній и заблужденій, онъ не призналъ достаточнымъ въ безмолвіи оплакивать бѣдствіе и къ Богу только воздѣвать руки, напротивъ вмѣнилъ себя въ обязанность и отъ себя привнести нѣчто и оказать какую нибудь помощь; онъ не давалъ ни сна очамъ, ни дреманія вѣждамъ, и заботами изнурялъ останокъ плотей дотолѣ, пока не нашелъ уврачеванія злу». Въ такихъ выраженіяхъ св. Григорій указываетъ на усиленную заботливость своего друга о низложеніи аріанства за предѣлами своей митрополи. Дошедшая до насъ переписка Василія Великаго съ восточными и западными епископами по сему дѣлу еще болѣе уясняетъ глубокій смыслъ выраженій Григорія. По свидѣтельству сихъ писемъ вотъ въ чемъ состояло худое положеніе православныхъ на востокѣ: «Аріане такъ усилились, говоритъ Василій, что предстоятели праваго ученія во всѣхъ епархіяхъ по клеветамъ насильственно лишаются своихъ церквей; и повсюду отъ предѣловъ Иллирика до Оиваиды свирѣпствуетъ зло-вредная ересь. И предсѣдательство въявь предлагается въ награду за нечестіе, такъ что кто произносилъ болѣе тяжкія хулы, тотъ предпочтительнѣе избирался на епископство въ народѣ; исчезла сановитость священническая, мало людей пасущихъ стадо Господне разумно; сбереженное для бѣдныхъ честолюбы неперестанно тратили на свои удовольствія и на раздачу по-

дарковъ». Тогдашній императоръ Валентъ, по выраженію Гр. Богослова (похв. сл.), скрежеталъ зубами на церковь, принимая на себя львиный образъ, рыкалъ какъ левъ и для многихъ былъ неприступенъ. Уже и первые опыты отважности сего царя покровителя аріанъ были: изгнаніе, описанія имуществъ, явные и скрытныя совѣты, принужденія за недостаточностію убѣжденій; сосженіе пресвитеровъ на морѣ, обагреніе безкровной жертвы кровью людей и оскорбленіе стыдливости дѣвъ. Въ самой Кесаріи въ 371 г. (п. 68.), явился уже аріанскій епископъ, славившійся ученостію Евиппій; опасались прибытія еще единомысленныхъ съ нимъ епископовъ изъ Арменіи и Киликіи. Письменныя сношенія Василія съ друзьями при дворѣ императора Валента не имѣли успѣха; придворные отвѣчали только, что надобно благодарить Бога и за то, что состояніе православія еще не хуже. Итакъ св. Василій придумалъ слѣдующія, по словамъ Григорія (похв. сл.), весьма спасительныя средства: «сколько могъ, углубившись въ себя самого и затворившись съ духомъ, напрягаетъ всѣ силы человѣческаго разума, перечитываетъ всѣ глубины Писанія, дѣлаетъ возраженія еретикамъ, борется и препирается съ ними, отражаетъ ихъ чрезмѣрную наглость; къ однимъ идетъ самъ, къ другимъ посылаетъ, иныхъ зоветъ къ себѣ, даетъ совѣты, обличаетъ, запрещаетъ, угрожаетъ, укоряетъ, защищаетъ народы, города, людей

частныхъ; тѣхъ, которые были подъ руками, низлагаетъ вблизи разящимъ оружіемъ, а тѣхъ, которые находились вдали, поражаетъ стрѣлами письменъ, вообще придумываетъ всѣ роды спасенія и врачуетъ всѣхъ». Однимъ изъ этихъ родовъ спасенія было сношеніе съ западными церквами, которое Василій началъ еще въ званіи пресвитера, и которое еще тогда почиталъ надежнымъ способомъ къ уврачеванію зла. Незадолго предъ тѣмъ западные епископы успѣли низложить сильныхъ защитниковъ аріанства, епископовъ венгерскихъ Валента и Урзація, и Авксентія медиоланскаго. Потому можно было почти съ увѣренностію разсуждать, что если только западные захотятъ, то могутъ расположить въ пользу православія на востокѣ своего императора и чрезъ него подѣйствовать на Валента, который со дня на день усиливалъ гоненія противъ православныхъ. Склонятъ западныхъ къ тому, чтобы они убѣдили своего императора къ покровительству православнымъ, всего лучше было св. Аѳанасію Великому, который уже пользовался особеннымъ уваженіемъ на западѣ. И Василій убѣдительноше просилъ св. Аѳанасія принять на себя это дѣло. Когда и большая часть восточныхъ епископовъ изъявили согласіе на сношеніе съ римскою церковію, Василій призналъ за лучшее въ дополненіе къ письму св. Аѳанасія и отъ себя написать письмо папѣ Дамасу; въ этомъ письмѣ онъ усердно просилъ

папу прислать на востокъ людей опытныхъ и кроткихъ для вразумленія упорныхъ еретиковъ (пис. 70.). Но успѣхъ посольства не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ. Папа не удостоилъ Васи-лія даже отвѣта. вмѣсто требуемыхъ епископовъ присланъ былъ только діаконъ Савинъ съ частными письмами къ Василю отъ епископовъ Иллирійскихъ, Италійскихъ и Галльскихъ, и съ извѣстіемъ объ опредѣленіи незадолго предъ тѣмъ бывшаго Римскаго собора ⁶⁾, которымъ отвергались всѣ другіе символы, кромѣ православнаго Никейскаго. Приличіе требовало, чтобы кто нибудь отъ общаго собранія посланный доставилъ западнымъ епископамъ вторыя письма, и Василій, вѣроятно по порученію св. Мелетія антiохійскаго, отъ лица 32 епископовъ восточныхъ написалъ уже къ западнымъ епископамъ вообще, а не къ папѣ, трогательное посланіе; въ семъ письмѣ онъ настоятельно просилъ своихъ собратій западныхъ прислать нѣсколько довѣренныхъ людей для составленія общаго съ ними собора, который бы могъ примирить разномыслящихъ самымъ большинствомъ голосовъ. Въ посланіи (92 п.) было сказано: «просимъ васъ возбудиться ревностію по истинѣ и состраданіемъ къ намъ; просимъ васъ облечься во *утробы щедроты*, отложить всякое медленіе, принять на себя трудъ любви

---

6) Соборъ былъ противъ Авксентія медіол. Созом. IV, 23. Θεод. II, 22. Пис. 89.

и не брать въ расчетъ ни дальности пути, ни домашнихъ недосуговъ, ни другихъ человѣческихъ препятствій. Пока хранится еще слѣдъ древняго состоянія, прежде нежели постигло церкви совершенное крушеніе, поспѣшите къ намъ, поспѣшите же, ей, ей; просимъ васъ, искреннѣйшіе братья. Да подвигнется къ намъ братское ваше сердоболіе, да проліются слезы сострадательности. Не пренебрегите тѣмъ, что половина вселенной погружена въ заблужденіе». Но это письмо очень не понравилось западнымъ, какъ выражается св. Василій, любителямъ точности, и на слѣдующій годъ прислано было обратно безъ всякаго исполненія и отвѣта (п. 133.). Хотя папа Дамасъ, по словамъ бл. Теодорита, былъ украшенъ всѣми видами добродѣтелей, но св. Василій не далекъ былъ отъ мысли причину безуспѣшности посольства приписать надменности римскаго епископа, и послѣ сего онъ уже не считалъ нужнымъ повторять предъ нимъ свою просьбу. «Что нужно, говорилъ Василій, о томъ было уже писано прежде, а писать излишнее совершенно напрасно. Безпокоить же объ одномъ и томъ же нѣсколько разъ не смѣшно ли будетъ»? Поэтому онъ совѣтовалъ только западнымъ принимать не безъ разбора въ общеніе съ собою всѣхъ приходящихъ съ востока, и не довѣряться всякому, кто подъ видомъ православія пишетъ свое изложеніе вѣры (п. 124.).

Но хотя обширная переписка св. Василія съ западными епископами не вполнѣ достигала желанной цѣли, за то собственный его примѣръ твердости въ исповѣданіи вѣры не остался безъ подражанія и пріобрѣталъ ему болѣе и болѣе друзей между ревнителями православія. Въ 371 году присланъ былъ въ Кесарію первый сановникъ имперіи, префектъ Модестъ, единственно для того, чтобы расположить Василія къ общенію съ аріанами, въ противномъ же случаѣ изгнать его изъ Кесаріи; но всѣ, напередъ рассчитанныя, угрозы и льстивыя обѣщанія нимало не поколебали твердости кесарійскаго епископа. Это объясненіе Василія съ префектомъ есть такой подвигъ вѣры, для котораго у другихъ, облеченныхъ даже высшею гражданскою властію, въ подобныхъ случаяхъ недоставало силы воли и непреклоннаго дерзновенія. Такъ позднѣе, когда военачальникъ Гайна просилъ у императора Аркадія для единовѣрныхъ ему аріанъ особой церкви въ Константинополь, Аркадій готовъ былъ по малодушію уступить этому требованію; только совѣтъ и настояніе Златоуста спасли императора отъ униженія. Но и св. Златоуста могло воодушевлять въ этомъ дѣлѣ святой ревности между прочимъ сказаніе о Василіѣ д).

д) Григ. Нисскій въ 1 кн. противъ Евномія пишетъ: „кто изъ обитателей востока, кто изъ населяющихъ самые края нашей вселенной не зналъ борьбы Василія за истину съ преобладающими“?

Василію же въ настоящемъ случаѣ нужно было обладать еще бѣльшею силою воли и непреклонностію характера. Отъ него съ львиною яростию требовалъ быстрого отвѣта самый приближенный сановникъ государя, съ увѣреніемъ, что вслѣдъ за нимъ явится съ тоюже цѣлію преклонить Василія на сторону аріанъ и самъ императоръ. Какъ же отразилъ требованіе префекта Василій? Вотъ сказаніе объ этомъ друга Василіева Григорія Богослова ^{е)}: «что съ тобою сдѣлалось, Василій, говоритъ префектъ, не удостоивая даже назвать его епископомъ, — какъ ты дерзнулъ возстать противъ самодержца и одинъ больше всѣхъ упрямисься? Для чего не держишься одной вѣры съ царемъ, когда всѣ другіе склонились и уступили?»—Не могу поклониться твари, отвѣчаетъ Василій, — будучи самъ Божія тварь.—«Но что же мы, по твоему мнѣнію? спросилъ правитель. Почему не важно для тебя присоединиться къ намъ, и быть съ нами въ общеніи?»—Вы—правители, отвѣчалъ Василій,—и не отрицаю, что правители знаменитые, однако же не выше Бога. И для меня важно быть въ общеніи съ вами; впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ общеніи со всякимъ другимъ изъ подчиненныхъ вамъ; потому что хри-

---

е) Хотя объ этомъ говоритъ и Григорій Нисскій, но въ болѣе общихъ выраженіяхъ; обстоятельнѣе же передаетъ дѣло Григ. Богословъ, потому и пользуемся его словами.

стіанство опредѣляется не достоинствомъ лицъ, а вѣрою.—Тогда правитель пришелъ въ волненіе, сильнѣе воскипѣлъ гнѣвомъ, всталъ съ своего мѣста, и началъ говорить съ Василиемъ суровѣе прежняго. «Что же, сказалъ онъ, развѣ не боишься ты власти?»—Нѣтъ, что ни будетъ, и чего ни потерплю.—«Даже хотя бы потерпѣлъ ты отнятіе имущества, изгнаніе истязаніе, смерть?»—Ежели можешъ, угрожай инымъ; а это нимало насъ не трогаетъ. — «Какъ же это, и почему?» спросилъ правитель.—Потому, отвѣчаетъ святитель, что не подлежитъ описанію имуществовъ, кто ничего у себя не имѣетъ; развѣ потребуешъ отъ меня и этого волосянаго рубища и немногихъ книгъ, въ которыхъ состоятъ всѣ мои пожитки. Изгнанія не знаю; потому что не связанъ никакимъ мѣстомъ; и то, на которомъ живу теперь, не мое, и всякое, куда меня ни кинуть, будетъ мое. Лучше же сказать, вездѣ Божіе мѣсто, гдѣ ни буду я *пресельникъ и пришлецемъ* (Пс. 38, 13.). Смерть же для меня благодѣтельна: она скорѣе препощлетъ къ Богу, для Котораго живу и тружусь, для Котораго большею частию себя самого я уже умеръ, и къ Которому давно поспѣшаю.—Правитель, изумленпый сими словами, сказалъ: «такъ и съ такою свободою никто доселѣ не говаривилъ передо мною».—Можетъ быть, отвѣчалъ Василій, ты не встрѣчался съ епископомъ: иначе, безъ сомнѣнія, имѣя дѣло о по-

добномъ предметѣ, услышалъ бы ты такія же слова. Ибо во всемъ иномъ, о правитель, мы скромны и смиренѣ всякаго, это повелѣваетъ намъ заповѣдь, и не только предъ такимъ могуществомъ, но даже предъ кѣмъ бы то ни было, не поднимаемъ брови; а когда дѣло о Богѣ, и противъ Него дерзають возставать, тогда, презирая все, мы имѣемъ въ виду одного Бога. Огонь же, мечь, дикіе звѣри и терзающіе плоть когти скорѣе будутъ для насъ наслажденіемъ, нежели произведутъ ужасъ. Сверхъ этого оскорбляй, грози, дѣлай все, что тебѣ угодно, пользуйся своею властію. Пусть слышитъ о семъ и царь, что ты не покоришь себѣ насъ и не заставишь приложиться къ нечестію, какими ужасами ни будешь угрожать.—«Императоръ хочетъ немногаго, были предпоследнія слова префекта Модеста ^{с)}); онъ хочетъ только, чтобы исключено было изъ символа слово: едѣносущный». Но святитель рѣшительно сказалъ: царю стать членомъ Церкви—это весьма важно, но допустить исключеніе въ изложеніи вѣры хотя бы одного слова, или прибавленіе и даже перемѣнить порядокъ въ написанномъ, никакъ не соглашусь.

Вскорѣ прибылъ въ Кесарію самъ Валентъ. Модестъ донесъ ему: «побѣждены мы, царь,

---

с) Гр. Нисс. противъ Евн. кн. 1, 12. (Твор. св. Отцевъ 1863, кн. I. стр. 64).

настоятелемъ этой церкви: это мужъ, который выше угрозъ, тверже доводовъ, сильнѣе убѣжденій». Императоръ какъ бы нехотѣлъ вѣрить, и для привлеченія Василія на свою сторону присылалъ еще къ нему многихъ изъ придворныхъ и людей военнаго званія, и проходящихъ должность судей, и женскихъ приставниковъ, и главнаго своего повара Димосеена, который грозилъ убить архипастыря своимъ поварскимъ ножемъ. Но всѣ эти послы должны были сознаться, что твердость архипастыря непреодолима. Послѣ сего царь показалъ столько благоразумія, что никакъ не соглашался употребить открытую силу противъ архіепископа, несмотря на совѣтъ царедворцевъ, а искалъ только случая переговорить съ Василіемъ лично. Наступилъ праздникъ Богоявленія, въ который Василій совершалъ богослуженіе въ своемъ соборномъ храмѣ. Въ Кесаріи не было аріанскихъ храмовъ. Посему и императоръ съ своею свитою вошелъ въ православную церковь, и присоединеніемъ къ народу показывалъ видъ нѣкотораго единенія съ нимъ въ вѣрѣ. Когда же слухъ Валента какъ громомъ пораженъ былъ начавшимся пѣснопѣніемъ, когда Валентъ увидѣлъ море народа, а въ алтарѣ и близъ онаго не столько человѣческое, сколько ангельское благолѣпіе; тогда пришелъ въ изнеможеніе; и взоръ и душа его покрылись мракомъ и пришли въ круженіе. При всемъ этомъ онъ самъ понесъ къ божественной трапезѣ дары,

вѣроятно золотые сосуды, но никто изъ клира не прикасался къ нимъ, потому что не зналъ, приметъ ли ихъ отъ еретика архипастырь. Царь до того смутился, что не могъ твердо стоять на своихъ ногахъ, и если бы одинъ изъ служителей алтаря не поддержалъ его, то произошло бы паденіе государя, достойное слезъ. При такомъ смущеніи онъ сдѣлался вовсе неспособнымъ вступить въ бесѣду съ Василиемъ, и такимъ образомъ вышелъ изъ храма ни съ чѣмъ. Для вознагражденія первой неудачи, нужно было въ другой разъ посѣтить православную церковь. Въ это время Василій не былъ служащимъ, пригласилъ императора въ алтарь, гдѣ стоялъ самъ, и много говорилъ ему о божественныхъ догматахъ (Оеод. 4, 19.). Царь съ довольнымъ вниманіемъ слушалъ слова святителя, и хвалилъ его за мудрость, благолѣпіе въ священнослуженіи. Только бывшій тутъ между прочими сановниками, царскій поваръ Димосѣенъ укорилъ вселенскаго учителя за то, будто онъ допустилъ въ рѣчи какой-то барбаризмъ; на такое замѣчаніе Василій отвѣтилъ сначала только улыбкою, а потомъ когда замѣтилъ, что Димосѣенъ начиналъ сердиться и чѣмъ-то угрожать ему,—сказалъ: «твое дѣло заботиться о приправахъ къ похлебкамъ, а не постановлять божественные догматы» (Соз. 6, 16.). При этомъ свиданіи Валентъ не только не обнаружилъ никакого нерасположенія къ Василию, но, по свидѣтельствѣ Оеодорита, былъ

еще восхищенъ бесѣдою Василія. И Григорій Богословъ бывшій при этой бесѣдѣ засвидѣтельствовалъ, что этою бесѣдою Василія съ Валентомъ остановлена большая часть обидъ, какія дотолѣ наносимы были православнымъ.

Но твердость и постоянство не были достоинствами сего государя; по настоянію аріанскихъ епископовъ и своихъ придворныхъ, Валентъ чрезъ нѣсколько времени рѣшился было подписать приговоръ объ изгнаніи Василія. Уже назначена была для приведенія въ исполненіе царскаго указа слѣдующая ночь, приготовлена была колесница, враги рукоплескали, благочестивые уныли, а друзья Василія съ глубокою скорбію смотрѣли на его спокойное приготовленіе къ отъѣзду. Осужденный на изгнаніе, по словамъ Григорія Б., онъ о томъ только позаботился, что одному изъ провожатыхъ сказалъ: «возьми записную книжку и слѣдуй за мной» (Похв. сл.). Въ это самое время единственный сынъ императора Галатъ заболѣлъ горячкою, и такъ сильно, что не помогали ни врачества, ни молитвы аріанскихъ епископовъ. Нельзя было не признать въ этомъ происшествіи дѣйствія наказующей руки Божіей. Императоръ хотя со стыдомъ, но вынужденъ былъ пригласить къ себѣ Василія. Василій пришелъ не отговариваясь, какъ сдѣлалъ бы другой, и тотчасъ съ его приходомъ горячка въ больномъ уменьшилась. Святитель обѣщалъ и совершенное выздоровленіе, но только въ томъ слу-

чаѣ, если надъ больнымъ совершатъ крещеніе православные. Но условіе не было принято и младенецъ померъ. Это же событіе такъ сильно подѣйствовало на Валента, что онъ немедленно отмѣнилъ приговоръ объ изгнаніи. Вскорѣ приключилась тяжкая болѣзнь и съ префектомъ Модестомъ. Но этотъ съ большимъ довѣріемъ прибѣгъ къ молитвамъ святителя и получилъ полное исцѣленіе. Слухъ объ этихъ событіяхъ увеличивалъ славу архипастыря и усиливалъ къ нему расположеніе не только паствы, но и тѣхъ епископовъ, которые прежде не соглашались на предполагаемое имъ сношеніе съ западною церковію. По этимъ дѣйствіямъ Василія можно судить, какъ много истины въ слѣдующихъ словахъ Василія о самомъ себѣ (195 п.): «я поставленъ у всѣхъ на виду; подобно подводнымъ камнямъ выдавшимся изъ моря, на себя принимаю ярость еретическихъ волнъ, и онѣ разбиваясь о меня, не затопляютъ того, что за мною».

Только чрезъ 4 года аріане рѣшились сдѣлать новое нападеніе на церкви Кесарійской митрополіи. Но и въ это время бдительный архипастырь вѣрно предусмотрѣлъ приближавшуюся опасность и для отраженія ея принялъ всѣ возможные мѣры (пис. къ Халкидіянамъ въ 375 году). «Пожаръ опустошившій большую часть востока, писалъ теперь Василій въ одномъ письмѣ, подвигается уже къ нашимъ предѣламъ и подпалитъ все въ окрестности, усиливается коснуть-

ся церковей кашпадокійскихъ, у которыхъ доселѣ вынуждалъ слезы только дымъ, достигавшій изъ сосѣдственныхъ странъ». Оправданіе этимъ словамъ опасливаго предчувствія вскорѣ представили слѣдующія событія. Въ первые годы епископства Василія, въ Кашпадокіи былъ правитель Илія, который былъ истиннымъ стражемъ правды, былъ доступенъ обиженнымъ, страшень преступникамъ закона, равно и бѣднымъ и богатымъ, и, что всего важнѣе, возвратилъ христіанству древнюю его честь (*утраченную при Юлианѣ*). Но по навѣту аріанъ высшія гражданскія должности Валентъ давалъ только врагамъ православія. Посему и этотъ правитель скоро лишенъ былъ своей должности, а на его мѣсто назначенъ былъ Димосѣенъ, человекъ, о которомъ Василій почиталъ справедливымъ въ одномъ письмѣ употребить такія выраженія: «прибылъ къ намъ намѣстникъ,—это первое и величайшее зло изъ всѣхъ золъ для Кашпадокіи». Хотя онъ не имѣлъ никакого усердія къ дѣламъ вѣры, и не занимался ими, но столько любилъ еретиковъ, сколько ненавидѣлъ православныхъ. Среди зимы собралъ онъ въ Галатіи сонмище людей безбожныхъ и низложилъ тамъ православнаго епископа Ипсія, а на мѣсто его поставилъ Екдикія. По жалобѣ одного ничтожнаго человека велѣлъ привести къ себѣ подъ стражей Григорія Нисскаго, и несмотря на просьбы о немъ всей кесарійской церкви, назначилъ на

его мѣсто во епископа въ Ниссы невольника, купленнаго за нѣсколько оловъ, по своимъ правамъ и вѣрѣ сходнаго съ Анисіемъ и Екдикіемъ, которыхъ Василиій называетъ развращенными и подлыми. Дыша яростію и убійствомъ, по возвращеніи изъ Галатіи, всѣхъ священнослужителей церкви Димосѡенъ причислилъ къ вѣдомству городской думы. Въ Севастіи нѣсколько дней онъ дѣлалъ засѣданія, занимаясь разборомъ гражданъ, и тѣмъ, которые были въ общеніи съ православными, поручилъ исправленіе болѣе обременительныхъ, чѣмъ выгодныхъ должностей, а приверженцевъ Евстаѳіа севастійскаго (полуаріанина, какъ увидимъ послѣ) отличалъ самыми высокими почестями. По его же вліянію, приведены были въ растройство и дѣла Никопольскія (п. 229.). По смерти Оеодота, митрополита Арменскаго, Василиій употреблялъ всѣ старанія перемѣстить на кафедру Никопольскую (въ Арменіи) Евфронія, епископа колонійскаго. Но какъ клиръ и граждане колонійскіе неохотно разставались съ своимъ любимымъ епископомъ, аріанскіе епископы успѣли завладѣть Никополемъ и рукоположили туда жалкаго Фронтонна, священника Никопольскаго же, который съ такою жестокостію и насиліемъ оскорблялъ православныхъ, что послѣдніе, особенно священники, должны были искать для себя спасенія въ бѣгствѣ (п. 239.). Около сего же времени, аріане сожгли нѣсколько обителей

православныхъ монаховъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Василій считалъ долгомъ утѣшить Никопольцевъ и писалъ нѣсколько писемъ къ друзьямъ своимъ, служившимъ при дворѣ Валента о томъ, чтобы своимъ предстательствомъ обуздали столь неистоваго человѣка, каковъ былъ Фронтонъ. Но нѣкоторые изъ придворныхъ отвѣтили (пис. 121 и 205.), что Валентъ, находясь въ Антиохіи, намѣревался вызвать самого Василія въ Антиохію и здѣсь рѣшался выдать его обвинителямъ еретикамъ. И вотъ въ это-то вѣроятное время и сокрушилась трость императора, уже готовившагося подписать приговоръ противъ Василія, о чемъ рассказываетъ святой Ефремъ въ похвальномъ словѣ Василію. Узнавъ о сихъ козняхъ и о бѣдствіяхъ другихъ православныхъ церквей, которыми владѣли аріане (п. 231.), Василій, по совѣщаніи съ другомъ своимъ, епископомъ самосатскимъ Евсеіемъ, рѣшился снова просить западныхъ епископовъ о содѣйствіи въ борьбѣ съ аріанами.

Въ двухъ посланіяхъ, написанныхъ по сему поводу, св. Василій такъ живо и трогательно раскрылъ предъ взоромъ западныхъ іерарховъ бѣдствія, какимъ подвергались единовѣрные имъ на востокѣ въ теченіе 13-ти лѣтняго царствованія Валента, что нельзя не привести подлинныхъ его словъ. «Наши страданія, писалъ онъ, достигли до предѣловъ и обитаемой вами страны, досточестнѣйшіе братіе. Когда страждетъ одинъ

удѣ, съ нимъ страждутъ и всѣ уды. Посему конечно и вашему сердоболію прилично поскорбѣть съ нами, страдающими столь долгое время. Почему же нѣтъ отъ васъ ни письма утѣшительнаго, ни братскаго посѣщенія, ничего такого, на что имѣемъ право по уставу любви? Насъ постигло гоненіе и гоненіе самое тяжкое. Ибо гонятъ пастырей, чтобы разсѣялось стадо. А всего тягостнѣе то, что озлобляемые пріемлютъ страданія не съ увѣренностію въ мученичествѣ, и народъ не воздастъ почестей подвижникамъ на ряду съ мучениками, потому что гонители носятъ на себѣ имя христіанъ. Одна нынѣ вина, за которую жестоко наказываютъ—точное соблюденіе отеческихъ преданій. За это благочестивыхъ изгоняютъ изъ отечества и переселяютъ въ пустыни. Неправедные судіи не уважаютъ ни сѣдины, ни подвиговъ благочестія, ни жизни, отъ юности до старости проведенной по евангелію. Тогда какъ ни одного злодѣя не осуждаютъ безъ обличенія, епископовъ берутъ по одной клеветѣ и предають наказанію безъ всякаго доказательства вносимыхъ на нихъ обвиненій. А иные изъ нихъ не знали обвинителей, не видали судилищъ, даже не были сперва оклеветаны, но похищены насильственно ночью, сосланы въ отдаленныя страны, и злостраданіями, какія должны терпѣть въ пустынѣ, доведены до смерти. А за симъ слѣдовало: бѣгство пресвитеровъ, бѣгство діаконовъ, расточеніе всего

клира, народныя стенанія, непрестанныя слезы и по домамъ и въ обществѣ. Гласъ плачущихъ слышанъ въ городѣ, слышанъ въ селахъ, по дорогамъ и въ пустынѣ. Въ плачь обратились наши праздники: дома молитвенные затворены, на алтаряхъ не совершается духовнаго служенія, нѣтъ христіанскихъ собраній, не предсѣдательствуютъ учителя, нѣтъ спасительныхъ поученій, ни торжественныхъ, ни всенощныхъ пѣснопѣній. Народъ, оставивъ молитвенные дома, собирается въ мѣстахъ пустынныхъ. Женщины, дѣти, старцы и другіе немощные бѣдствуютъ подъ открытымъ небомъ, при проливныхъ дождяхъ, или лѣтомъ на солнечномъ зноѣ, и все это терпятъ потому, что не хотятъ пріобщиться лукаваго Аріева кваса. . . . Пусть будетъ для васъ доказательствомъ нашего злостраданія и то, что намъ нельзя никуда и отлучаться. Ибо если кто и на самое краткое время оставитъ церковь свою, то предастъ симъ народъ свойъ людямъ злокозненнымъ, каковы аріане. Мы опасаемся даже, чтобы возрастающее зло подобно пламени, распространяющемуся по горючему веществу, не коснулось со временемъ и отдаленнаго края; зло ереси опустошительно, есть опасность, что прокрадется оно и въ здравую часть близкихъ къ вамъ странъ. . . . Обольщается слухъ людей простодушныхъ, онъ привыкъ уже къ еретическому злочестію. Чада церкви воскормляются нечестивыми ученіями. Во власти еретиковъ кре-

щеніе, сопровожденіе отходящихъ, посѣщеніе больныхъ, утѣшеніе скорбныхъ, вспомошествованіе угнетеннымъ, всякаго рода пособія, причащеніе таинъ. Все это, будучи ими совершаемо, дѣлается для народа узломъ единомыслія съ еретиками. Посему по прошествіи нѣкотораго времени, если бы и настала свобода, нѣтъ уже надежды содержимыхъ въ долговременномъ обманѣ снова возвратить къ познанію истины. И прежде вzywали мы къ вашей любви о помощи и состраданіи къ намъ; но конечно потому, что не исполнилась мѣра наказанія, не поупущено было вамъ востать на помощь нашу. Всего болѣе домогаемся, чтобы чрезъ ваше благоговѣніе сдѣлалось извѣстнымъ наше затруднительное положеніе и самому Державствующему въ обитаемыхъ вами странахъ. Если же это не удобно, то пусть придутъ нѣкоторые изъ васъ посѣтить и утѣшить скорбящихъ и своими глазами увидѣть бѣдствія востока, о которыхъ невозможно приобрѣсти свѣденія посредствомъ слуха, потому что не найдется и слова, которое бы ясно изобразило вамъ наше положеніе».

Недошли до насъ отвѣтныя письма западныхъ епископовъ; покрайней мѣрѣ извѣстно то, что письма эти были утѣшительны для Василія и исполнили радостію его седрце (Пис. 255.). Вѣроятно, что западные обѣщали кого нибудь прислать для ободренія и утѣшенія восточныхъ Церквей, и если не исполнили этого, то потому,

что нашествіе Готѣовъ на имперію воспрепятствовало отправленію епископовъ (Пос. Соб. Аквил. Граціану.—Амвр. Мед. пис. 12.). Но въ слѣдующемъ за симъ году пресвитеръ Дороеей, который чаще всего былъ отправляемъ съ письмами къ западнымъ, сообщилъ Василию, что папа Дамасъ въ разговорѣ съ нимъ святыхъ Мелетія антиохійскаго и Евсевія самосатскаго причислилъ ко послѣдователямъ Арія. Послѣ этого нельзя было ожидать ничего добраго отъ сношеній съ западомъ. Дѣствительно это были чрезвычайно неосторожныя слова. Еслибы и ничто другое не подтверждало православія Мелетія и Евсевія, скажемъ вмѣстѣ съ Василиемъ, то одни нападенія на нихъ аріанъ могли служить твердымъ доказательствомъ ихъ правоты. Изъ письма св. Василия къ Италійскимъ и Гальскимъ епископамъ видно, что прежде медлительность ихъ въ содѣйствіи своимъ собратіямъ на востокѣ онъ объяснялъ путями Промысла. Вѣроятно потому, что неисполнилась мѣра наказанія, писалъ онъ, не поупущено было вамъ востать на помощь нашу. Но въ дружескомъ письмѣ къ Евсевию, писанномъ около этого времени, онъ рассуждалъ нѣсколько иначе. Еще прежде онъ предъусматривалъ бесполезность послѣднихъ сношеній съ западными. Ибо когда пресвитеръ Санктиссимъ просилъ у него писемъ къ своимъ соотечественникамъ, то на время Василій отказывался отъ этого. И Евсевию писалъ: «мнѣ приходитъ на

мысль сказать словами Діоміда: «лучше тебѣ не просить, потому что, говорятъ, онъ чловѣкъ надменный». Если умилосердится надъ нами Господь, то чего еще намъ желать сверхъ этого? А если пребудетъ на насъ гнѣвъ Божій, то какая намъ будетъ помощь отъ западной гордости? Они и не знаютъ дѣла и нехотятъ его узнать. Самъ я желалъ бы не въ видѣ общаго посланія написать къ ихъ верховному и не о дѣлахъ церковныхъ, но вообще о томъ, что не должно нападать на людей угнетенныхъ искушеніями и признавать достоинствомъ гордость, этотъ грѣхъ, который и одинъ можетъ сдѣлать насъ врагами Богу» (Пис. 231.). Последнія извѣстія изъ Рима конечно утвердили св. Василія въ этомъ мнѣніи о папѣ. Такъ еще въ 4-мъ вѣкѣ архипастыри восточные имѣли основаніе жаловаться на высокомеріе папъ.

Только за четыре мѣсяца до своей смерти св. Василій могъ утѣшиться твердою надеждою на улучшеніе участи православныхъ. Такъ думать можно на основаніи послѣдняго письма его къ Евсевію бывшему въ заточеніи; изъ сего письма видно, что по смерти императора Валента онъ надѣялся на скорое возвращеніе этого исповѣдника въ свою епархію.

Безсомнѣнія очень горько и прискорбно было для Василія видѣть такую безсострадательность западныхъ епископовъ къ единовѣрнымъ своимъ

братіямъ. Но этимъ неограничивались горести и подвиги Василя; немало скорбей, заботъ и трудовъ породили для святителя кесарійскаго и раздѣленіе Капподокіи по гражданскому управленію на двѣ провинціи (въ 371 г.), и вѣроломство друга его Евстаѳія епископа севастійскаго.

(Продолженіе будетъ).

Архимандритъ Порфирій.

ГОЛОСЪ МАТЕРИ

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ.

Воспитаніе необходимо человѣку съ перваго дня рожденія. Лишь родится дитя, его уже встрѣчаютъ любовь и заботы родителей, и особенно матери, чтобы ему по возможности жилось лучше, чтобы ему былъ покой и довольство; и это не прихоть матери, а ея естественная потребность. Воспитаніе человѣка продолжается до совершеннаго его возраста; но первоначальное воспитаніе, первое вырощеніе, питаніе его до семилѣтняго возраста есть самое главное и самое важное въ жизни человѣка. Хорошо первоначальное воспитаніе, и человѣкъ будетъ хорошо развиваться и въ послѣдующее время; плохо, безразсудно первоначальное воспитаніе, и человѣкъ захирѣетъ и останется на весь вѣкъ хилымъ и вялымъ, или, что еще скорѣе, умретъ на первыхъ же годахъ; чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, стоитъ только взглянуть въ календарь, гдѣ постоянно показывается, что число дѣтей умирающихъ до пятилѣтняго возраста въ двадцать разъ

больше число дѣтей умирающихъ отъ десяти лѣтъ до пятнадцатилѣтняго возраста. Эта послѣдняя цифра лучше всего убѣждаетъ, какъ важно первоначальное воспитаніе, обыкновенно лежащее на матери; а посему я, какъ мать, на первый разъ займусь разборомъ того, какъ въ настоящее время у насъ ведется большею частию первоначальное воспитаніе въ семействахъ богатыхъ и достаточныхъ, гдѣ можно распорядиться этимъ дѣломъ, нестѣсняясь, по своему усмотрѣнію,—гдѣ нестоитъ за спиной матери голодная нужда съ кучею ребятишекъ; ибо о семьяхъ бѣдныхъ, гдѣ мать вѣдно время и люльку качаетъ и бумагу мотаетъ, говорить нечего; тамъ прежде всего нужна матеріальная помощь а не разборъ и пересуды воспитанія, а то тамъ мать какъ разъ скажетъ: хорошо вамъ толковать о воспитаніи, а мнѣ надо хлѣбушка добыть, чтобы ребятишекъ накормить.

У насъ при первоначальномъ воспитаніи дѣтей въ достаточныхъ семействахъ есть свои всѣми почти принятыя правила, которыя каждое достаточное семейство старается соблюдать по мѣрѣ средствъ. По симъ правиламъ первоначальное воспитаніе раздѣляется на два приема: на питаніе и воспитаніе; для перваго приискиваются кормилицы и мамки, а для втораго гувернантки.

Первый приемъ воспитанія, или просто питаніе, производится слѣдующимъ порядкомъ, смотря по средствамъ семейства: или заблаговременно

поручается акушеркѣ озаботиться пріисканіемъ кормилицы, чтобы была съ хорошимъ молокомъ, для удостовѣренія въ чемъ приглашается иногда и докторъ; или кормилицу просто нанимають на площади въ день рожденія дитяти; а на площади всегда стоятъ такія промышленицы подъ именемъ кормилицъ, которыя какъ-то угоразживаются однимъ молокомъ прокормить по крайней мѣрѣ двухъ дѣтей, одного послѣ другаго. Въ обоихъ случаяхъ вся забота о томъ, чтобы кормилица была молода, здорова и съ хорошимъ молокомъ, что конечно болѣе или менѣе достигается только при первомъ случаѣ; при второмъ же все дѣло предоставляется случайности, и нерѣдко берутъ и хворыхъ и даже не хорошо хворыхъ, которыя просто не кормятъ, а отравляютъ дитя своимъ молокомъ; о нравственности кормилицы никто и недумаетъ справляться; да и гдѣ же справляться объ этой нравственности? Не на вольномъ же мѣстѣ (какъ обыкновенно называютъ кормилицы и кухарки площадь, на которую онѣ сходятся для найма) и не въ воспитательномъ домѣ. Наконецъ кормилица пріискана, сошлись въ цѣнѣ и въ платѣ, тамъ въ четверомъ, въ пятеромъ, или какъ придется; и чадолюбивые родители отводятъ комнату для новорожденнаго дитяти и кормилицы; дитя передано кормилицѣ и начинается доеніе или кормленіе, продолжающееся иногда девять мѣсяцевъ, а иногда и цѣльмй годъ. Во все это важное въ жизни новорожден-

наго время онъ большею частію въ полномъ распоряженіи кормилицы, — она его кормить, укладываетъ спать, нянчаетъ; а какъ немного подрастетъ, то иногда и пощипываетъ и поколачиваетъ втихомолку, коли разблажится, особенно ночью, когда здоровой бабѣ мочи нѣтъ, спать хочется. Правда, въ иныхъ домахъ къ кормилицѣ приставляется какая либо довѣренная и опытная прислужница для надзору; но эта роскошь возможна только въ семействахъ богатыхъ, или у кого живетъ въ домѣ какая либо старушка родственница; во всякихъ же другихъ семействахъ довольствуются только кормилицей, и ей полная воля, дѣлай что хочешь съ дитятею, таскайся съ нимъ по кухнямъ, а когда хозяевъ нѣтъ дома, то можно и въ полпивную, или въ другое подобное заведеніе для развлеченія неугомонной молодости. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы и мать не заботилась о любимомъ дитяти; она хлопочетъ о его нарядахъ, она приказываетъ, чтобы сытѣе кормили кормилицу, давали ей пить пиво, наряжаетъ кормилицу иногда даже роскошно, особенно для параду; тутъ являются и штофныя или кисейныя шубки и салопы и шали и декосовыя сорочки и парчевыя повойники; мало этого, дитя каждый день подносятъ къ матери даже иногда по нѣскольку разъ въ день, но при одномъ условіи, чтобы дитя смѣялось, таратило рученки и дѣлало разныя гримаски, и въ такомъ случаѣ ма-

маша забавляется дитею, какъ куклою; а какъ скоро дитя заплакало и не забавляетъ мамаши, то приказываетъ его нести въ дѣтскую, кричить: неси его скорѣе, онъ плачетъ,—и кормилица уноситъ и управляется съ нимъ, какъ знаетъ. Нельзя также не сказать, что ежели дитя захворало, ежели кормилица уже не можетъ скрыть его болѣзни, то немедленно приглашаютъ доктора, который, разумѣется, принимается лѣчить. А ежели болѣзнь дитяти продолжительна и не уступаетъ лѣченію, то въ богатыхъ домахъ начинается перемѣна докторовъ, совѣщанія, толки и обильныя слезы мамаши, горячо любящей своего малютку; у иныхъ нервныхъ женщинъ доходить дѣло даже до истерикъ; бываютъ и такія горячія до своихъ дѣтей маминьки, что даже прекращаютъ выѣзды съ визитами и не принимаютъ посѣтителей у себя, сидятъ надъ больнымъ дитятею и плачутъ. Далѣе этихъ великихъ жертвъ рѣдкая мать пойдетъ, да конечно далѣе и идти трудно при той постановкѣ дѣла воспитанія, которая у насъ принята во всѣхъ почти достаточныхъ семействахъ.

Но спрашиваю, вѣрнали эта постановка, достаточна ли для правильнаго развитія дитяти въ первый годъ его жизни? и отвѣчаю: постановка первоначальнаго воспитанія дѣтей, принятая у насъ въ достаточныхъ семействахъ, невѣрна и недостаточна для правильнаго развитія дитяти. Матери, отдающія своихъ дѣтей корми-

лицамъ, думаютъ чужими руками жаръ загребать, и, разумѣется, не достигаютъ своей цѣли даже при всѣхъ возможныхъ благопріятныхъ условіяхъ. Природа дала матери молоко и тѣмъ самымъ прямо указываетъ, что настоящею закономъ природною кормилицею дитяти должна быть родная мать, а не посторонняя женщина, хотя бы съ отличнымъ молокомъ и самою материнскою привязанностію къ чужему дѣтищу. Конечно этому общему закону природы не подлежатъ матери болѣзненныя, которыхъ молоко даже вредно для дитяти, и которыя не могутъ кормить грудью безъ серьезной опасности для своего здоровья; такія матери пусть и нанимаютъ своимъ дѣтямъ кормилицъ; это уже не ихъ вина, рады бы кормили своихъ дѣтей, да не имѣютъ средствъ, а на нѣтъ и суда нѣтъ. Но зачѣмъ лишаютъ себя счастья кормить своихъ дѣтей матери здоровыя, зачѣмъ сложилось какое-то нелѣпое правило, какое-то общественное приличіе во всѣхъ достаточныхъ семействахъ нанимать кормилицъ къ своимъ дѣтямъ? Нельзя же повѣрить, чтобы всѣ матери въ достаточныхъ семействахъ были болѣзненны и слабы; да многія матери, отдающія своихъ дѣтей кормилицамъ, и сами вовсе не думаютъ извиняться нездоровьемъ и слабостію, а прямо говорятъ, что кормить дѣтей самимъ не принято въ хорошемъ обществѣ; а другія говорятъ, что это очень трудно, что нужно то и дѣло вставать по ночамъ и

подобн. Не спорю и по собственному опыту знаю, что это трудъ не маловажный; но по собственному же опыту утверждаю, что для матери кормить дитя собственною грудью составляет такое счастье и удовольствіе, при которомъ и трудъ не въ тягость; и вполнѣ увѣрена, что матери потому только лишаютъ себя этого материнскаго счастья, что не испытали его; въ противномъ случаѣ многихъ не удержали бы нелѣпныя правила, придуманныя обществомъ, и онѣ не подумали бы о кормилицахъ, а сами бы принялись кормить дѣтей.

Но отложимъ въ сторону и счастье и удовольствіе матерей, потому что дѣло идетъ не о матеряхъ, а о первоначальномъ воспитаніи или питаніи дѣтей. Мнѣ могутъ сказать, что для новорожденнаго все равно, кто бы его ни кормилъ, родная ли мать или кормилица, только бы достаточно было молока, и молоко здоровое; ему даже лучше для развитія питаться молокомъ здоровой и физически хорошо развитой кормилицы, чѣмъ сосать грудь родной матери, хотя и здоровой, но жиденькой и еще плохо развитой; вѣдь здѣсь главное дѣло въ питательности и обиліи молока, а посторонней ли женщины молоко или родной матери, это все равно, здѣсь еще только одно питаніе, а нѣтъ воспитанія. Но полно такъ ли на дѣлѣ? Я предоставляю судить докторамъ, одинаково ли хорошо усваивается организмомъ дитяти молоко матери, съ которою

онъ жить одною жизнью цѣлые девять мѣсяцевъ до своего рожденія, и молоко посторонней женщины, съ которою у дитяти ничего не было общаго; хотя мнѣ самой кажется, что одинаковости тутъ нѣтъ и не можетъ быть; чужое не то, что свое родное. Я собственно обращаю здѣсь вниманіе на то: въ первомъ девятимѣсячномъ или годичномъ питаніи поворожденнаго младенца заключается ли собственно одно питаніе, или есть и доля воспитанія? Кормленіе младенца грудью матери или кормилицы тоже ли, что приготовленіе обѣда и ужина? Въ младенцѣ въ продолженіе девяти мѣсяцевъ уже до нѣкоторой степени, и довольно значительной, развивается пониманіе, онъ уже начинаетъ смыслить; это ясно замѣтитъ каждая мать, кормящая дитя своею грудью; она вамъ по пальцамъ разложитъ, какъ и что понимаетъ дитя; а инья дѣти еще на первомъ году отъ рожденія начинаютъ уже говорить. Слѣдовательно дитя въ продолженіе кормленія его грудью уже способно принимать впечатлѣнія и дѣйствительно принимаетъ. Стало быть здѣсь питаніе неразлучно съ воспитаніемъ, хотя бы о немъ вовсе не заботились; дитя само, безъ спроса у матери или кормилицы, вмѣстѣ съ питаніемъ непременно уже воспитывается по мѣрѣ того, какъ развиваются его способности. Природа сама питаніе грудью назначила первымъ курсомъ воспитанія младенца, и выбрала эту форму первоначальнаго воспитанія, какъ самую

удобнѣйшую для новорожденнаго; она такъ устроила это важное дѣло въ жизни новорожденнаго, что ни мать, ни кормилица здѣсь не могутъ обойтись безъ извѣстныхъ пріемовъ чисто нравственнаго качества, безъ ласкъ, вызывающихъ дѣятельность ума въ младенцѣ; и дитя, окончивши курсъ питанія грудью, уже является въ извѣстной степени развитымъ не только физически, но и умственно, при чемъ конечно дитя вскормленное кормилицею, на нравственное развитіе которыхъ у насъ обыкновенно не обращаютъ вниманія, въ нравственномъ развитіи конечно будетъ далеко не таково, какъ дитя, вскормленное нравственно развитою родною матерью. Послѣ этого конечно не можетъ быть и вопроса, сколько матери теряютъ въ нравственномъ и умственномъ развитіи своихъ новорожденныхъ дѣтей, поручая ихъ первоначальное вскормленіе кормилицамъ, и не занимаясь симъ важнымъ чисто материнскимъ дѣломъ сами; имъ приходится перевоспитывать своихъ дѣтей, принимая ихъ изъ рукъ кормилицы.

Такимъ образомъ первый періодъ воспитанія новорожденныхъ, при укоренившемся въ образованномъ обществѣ обычаѣ поручать вскормленіе грудью кормилицамъ, не даетъ надлежащихъ плодовъ даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, когда въ кормилицы попадаетъ женщина здоровая и хорошо физически развитая, что, разумѣется, бываетъ далеко не всегда.

Чтоже послѣ этого говорить о большинствѣ случаевъ, гдѣ въ кормилицы попадаютъ женщины больныя и плохо развитыя физически? Здѣсь любимое матерью дитя просто отдается въ жертву неслѣпаго обычая, укоренившагося въ обществѣ; здѣсь новорожденный и физически и нравственно отравляется, и или на вѣкъ дѣлается хилымъ, больнымъ и даже тупоумнымъ, или умираетъ въ первые же годы жизни. За примѣрами тутъ ходить недалеко, они встрѣчаются чуть не въ каждомъ семействѣ, гдѣ принято за непрѣмное правило поручать первоначальное воспитаніе дѣтей кормилицамъ.

Плохъ первый періодъ первоначальнаго воспитанія дѣтей по правиламъ принятымъ у насъ въ достаточныхъ семействахъ, но второй періодъ еще плоше; онъ не только не вознаградаетъ недостатковъ, допущенныхъ въ первомъ періодѣ, а напротивъ къ старымъ ошибкамъ прибавляетъ новыя еще худшія. Во второмъ періодѣ, т. е. по прошествіи перваго года отъ рожденія, нравственныя и физическія способности дитяти начинаютъ развиваться быстро; многія дѣти на второмъ году начинаютъ уже довольно внятно говорить, а на третьемъ году уже всѣ, кромѣ обиженныхъ природою, говорятъ довольно хорошо, а желаніе узнать то и другое растетъ въ дитяти съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе. А большая часть матерей въ достаточныхъ семействахъ продолжаетъ еще думать и заботиться

объ одномъ питаніи и не обращаетъ никакого вниманія на воспитаніе. Это собственно періодъ мамокъ или нянекъ, и матери опять въ сторонѣ; онѣ только рядятъ ихъ какъ позатѣйливѣе и любятъ и продолжаютъ играть дѣтьми какъ куклами, ежели дѣти здоровы, веселы и забавляютъ мамашу своимъ лепетаньемъ; а ежели разблажатся, то кричатъ нянькѣ: неси скорѣе въ дѣтскую, — не думая узнать, отъ чего ребенокъ блажить.

Въ этомъ періодѣ въ отношеніи къ питанію дѣтей достаточныя семейства у насъ раздѣляются на два разряда. Въ одномъ разрядѣ, преимущественно въ семействахъ купеческихъ, только и заботы о томъ, чтобы какъ можно сытѣе накормить ребенка; его кормятъ то и дѣло, кормятъ всякими кушаньями, особенно сластями, не спрашивая о томъ, успѣетъ ли все это переварить дѣтскій желудокъ, и нерѣдко закармливаютъ до смерти, а еще чаще разстраиваютъ дѣтскій желудокъ на всю жизнь. Напротивъ въ другомъ разрядѣ семействъ, преимущественно между дворянами, дѣтей во второй періодъ воспитанія чуть не морятъ голодомъ. Здѣсь маменьки, горячо любящія своихъ малютокъ, всякую пищу считаютъ для нихъ вредною, то и дѣло совѣтуются объ этомъ съ докторами, и чуть не каждый день кричатъ на мамокъ, что онѣ закармлили дитя, что давали ему молока или булки, что малютокѣ мучное и молочное вредно,

что его должно кормить однимъ бульёномъ, и чтобы не смѣли кормить дитя ничѣмъ, кромѣ бульёна. И при помощи такого недостаточнаго питанія успѣваютьъ большею частію до того ослабить желудокъ малютки, что его въ послѣдствіи мудрено бываетъ и поправить. Отъ этого мы часто встрѣчаемъ блѣдныхъ и хилыхъ дѣтей у родителей цвѣтущихъ здоровьемъ и при всемъ обиліи въ средствахъ къ жизни; такъ что просто дивишься, какъ это у богатыхъ и здоровыхъ родителей дѣти такія хилыя и блѣдныя, а тутъ же гдѣ нибудь въ общественномъ саду или на гуляньѣ бѣгаютъ дѣти бѣдняковъ такія здоровенькія, крѣпенькія, какъ огурчики. Впрочемъ маменьки, пока дѣтки малы, еще не беспокоятся ихъ блѣдностію и даже относятъ это къ нѣжности и деликатности тѣлосложенія, какъ бы считая это за признаки высшей породы, и даже иногда гордятся этимъ; все зло такого неестественнаго воспитанія оказывается уже послѣ, когда человѣкъ, подвигаясь къ двадцатилѣтнему возрасту, будетъ чувствовать то боль въ спинѣ, то слабость въ груди и другіе горькіе плоды неправильнаго воспитанія и преждевременнаго знакомства съ медикаментами.

Оба означенные разряда семействъ, и закармливающія дѣтей до смерти и морящія ихъ голодомъ, имѣютъ своего рода нянекъ и мамокъ: первыя, закармливающія, обыкновенно берутъ въ няньки изъ русской прислуги пожилыхъ или

молодыхъ женщинъ, смотря по вкусу родителей; отъ няньки требуется, чтобы она и одѣвалась и держала себя прилично, не была пьяною съ подбитыми глазами, и ходила за дитятею старательно, не спускала его съ глазъ, наблюдала за чистотою бѣлья, кормила и холила ребенка, укладывала спать и проч. въ этомъ же родѣ, что конечно все и исполняется на глазахъ у родителей; а когда родителей нѣтъ дома, то большею частію нянюшки даютъ дѣтямъ полную волю, дѣлай что хочешь, а сами занимаются своими дѣлами, какія какой придуть по вкусу, при чемъ дѣтямъ иногда приходится видѣть и слышать такія чудеса, какихъ маменька и не воображаетъ, особенно ежели няня молода и любить веселую компанію. О нравственности нянекъ, о ихъ умственномъ развитіи почти и не спрашиваютъ, все требованіе ограничивается приличіемъ и услужливостію; а что подъ этою услужливостію скрывается, до того и дѣла нѣтъ; какія впечатлѣнія получаетъ отъ няни воспріимчивый малютокъ, о томъ и не спрашиваютъ, а между тѣмъ впечатлѣнія и худыя и хорошія не проходятъ даромъ. Впрочемъ о русскихъ нянюшкахъ, особенно изъ пожилыхъ, можно сказать, что хотя умственное развитіе ихъ большею частію очень ограничено, а объ образованіи и спрашивать нечего, кормить и баловать дитя онѣ большія охотницы; но за то въ нихъ развивается сильная привязанность къ дѣтямъ;

таковая няня сѣмѣетъ передать малюткѣ все, что считаетъ для него нужнымъ, и прежде всего постарается обучить его тѣмъ немногимъ молитвамъ, которыя сама знаетъ, и непременно приучить его молиться каждый день и поутру и повечеру, и передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ, такъ что родители могутъ быть вполне увѣрены, что у таковой няни ребенку непременно будутъ внушены любовь и уваженіе къ православнои церкви на столько, на сколько это самой нянѣ доступно; также при таковой нянѣ нечего опасаться за знакомство ребенка со всѣмъ роднымъ, Русскимъ; онъ отъ нея непременно наслушается и сказокъ и пѣсней, чисто русскихъ, народныхъ, и выйдетъ изъ рукъ ея русскимъ человѣкомъ, разумѣется, въ томъ объемѣ, какой доступенъ его воспитательницѣ, и конечно съ порядочною долею суевѣрій простолюдина. Но къ сожалѣнію въ настоящее время таковыя няньки рѣдкость; теперь и въ среднемъ классѣ купеческихъ семействъ распространился вкусъ на молодыхъ нянекъ бойкихъ, смазливыхъ, хорошо одѣвающихся и большею частію вѣтреныхъ, любящихъ смотрѣться въ зеркало и занимающихся нарядами и вообще, какъ говорятъ, не перебѣсившихся.

Во второмъ разрядѣ семействъ, т. е. преимущественно у дворянъ и у богатыхъ купцовъ, тянущихся за дворянами, требуются вообще няньки иностранки, нѣмки, французженки, англи-

чанки, даже хоть чухонки, только бы не русскія, таково уже требованіе моды. Что сказать объ этомъ разрядѣ нянекъ? Онѣ, разумѣется, почти всеѣ привозныя, которыя дома на родинѣ негодились; иныя даже изъ трактирныхъ престарѣлыхъ прислужницъ, — ихъ жизнь на родинѣ вообще для насъ остается неизвѣстною; въ должности же своей такая нянька исполнительна, приказано кормить малютку однимъ бульёномъ, она и кормитъ какъ приказано и ни за что не дастъ ни булки, ни молока; за чистотою бѣлья наблюдаетъ исправно, муштруетъ малютку на славу, такъ что онъ у ней по ниточкѣ ходитъ и во всеѣхъ движеніяхъ приличень какъ взрослый; выводите его въ какой угодно парадъ, онъ порядку не испортитъ; и родители не налюбуются приличными манерами своего ребенка, а что всего важнѣе, за что собственно и деньги-то даются нянькамъ иностранкамъ, дитя порусски и хлѣба не выпроситъ, а пофранцузски или тамъ поанглійски лепечетъ на славу, любого попугая загоняетъ. И конечно у ребенка, воспитаннаго подъ надзоромъ няньки иностранки, русскаго уже ничего не спрашивайте; онъ съ головы до пятокъ иностранецъ русской породы, Нѣмецъ, Французъ, Англичанинъ, и что вамъ угодно, только не русскій; ему и колыбельныя пѣсенки пѣлись нѣмецкія или французскія, и въ сказкахъ онъ слыхалъ только объ Амаліяхъ, Луизахъ, Карлахъ, Ричардахъ и подобн.; онъ

даже подъ часъ знаетъ кой какіе анекдотцы изъ нѣмецкой или французской исторіи, разумѣется, странно перепутанные; но за то Русская исторія для него не существуетъ. Что же касается до молитвъ и вообще до религіозныхъ понятій, то имъ конечно не откуда взяться у русскаго ребенка, воспитаннаго иностранкою; она и сама не знаетъ русскихъ молитвъ, она развѣ внушить ребенку презрѣніе къ русской церкви; а ежели она католичка, то подчасъ постарается въ воспитанникѣ или воспитанницѣ развитъ расположеніе къ католичеству и будетъ рассказывать различныя исторійки о католическихъ святыхъ, и бываютъ и такія ревнительницы; впрочемъ дѣти у нянекъ иностранокъ болѣею частію остаются безъ всякой религіи. Я просто не надивлюсь, какъ до сей поры наши духовные пастыри не обращаютъ вниманіе на этотъ предметъ и не примутъ мѣръ, конечно не полицейскихъ; вѣдь горькіе плоды воспитанія русскихъ дѣтей у нянекъ иностранокъ слишкомъ ощутительно даютъ себя знать въ современномъ русскомъ обществѣ, чтобы смотрѣть снисходительно на это страшное зло, разтлѣвающее молодое поколѣніе. Вѣдь ясно какъ день, что корень невѣрія и холодности къ отечественной церкви ведетъ свое начало отъ воспитанія малютокъ иностранками; а это ошибочное и страшно гибельное по своимъ послѣдствіямъ воспитаніе у насъ не только не уменьшается, а напротивъ по требо-

ванію моды растеть не по днямъ, а по часамъ; мы теперь встрѣчаемъ нянюшекъ нѣмокъ или французенокъ даже въ такихъ семействахъ, которыя лѣтъ десять тому назадъ считали за грѣхъ пріютить у себя иновѣрца. Конечно родители увлеченные модой смотрятъ на это очень легко; имъ кажется, что ихъ дѣтей еще рано учить догматамъ отечественной церкви, что они успѣють еще пригласить русскаго законоучителя, когда дѣти подрастутъ; дѣйствительно догматамъ религіи дѣти успѣють выучиться, и покончивши свое воспитаніе у няньки иновѣрки, и учить этому четырехлѣтнихъ или пятилѣтнихъ малютокъ очень рано и невозможно; но здѣсь дѣло не въ догматахъ, а въ воспитаніи религіознаго чувства согласно съ правилами православной церкви; а это чувство именно и пріобрѣтается и усваивается въ самомъ раннемъ возрастѣ, когда младенческій умъ живо принимаетъ всѣ впечатлѣнія, и это-то драгоценное время у дѣтей воспитываемыхъ няньками иновѣрками или пропадаетъ безъ религіозпой пищи, или, что еще хуже, дитя получаетъ пищу противную православной церкви; а отъ этого и происходитъ, что въ послѣдствіи обученіе догматамъ православной церкви оказывается безплоднымъ и человѣкъ, такъ воспитанный, остается навсегда холоднымъ къ отечественной церкви и безразличнымъ въ отношеніи къ религіи, или при удобномъ случаѣ дѣлается отступникомъ, ежели попадетъ въ ловкія руки.

Грустно впечатлѣніе, производимое взглядомъ на второй періодъ первоначальнаго воспитанія, болѣе и болѣе въ настоящее время распространяющагося въ русскомъ обществѣ; но и третій періодъ едвали въ состояніи дать впечатлѣнія отрадныя. Этотъ періодъ обыкновенно начинается съ шести или семи лѣтъ, когда дѣти поступаютъ въ вѣдѣніе гувернантокъ; съ этого времени начинается собственно по общему понятію воспитаніе, тутъ начинаютъ пріучать дѣтей къ ученію. Гувернантки у насъ раздѣляются на иностранокъ и русскихъ; разумѣется, первымъ дается предпочтеніе предъ послѣдними, онѣ поступаютъ въ болѣе богатые дома и по цѣнѣ дѣлается на нѣсколько разрядовъ; самыя дорогія—англичанки, затѣмъ слѣдуютъ швейцарки, потомъ французенки, и наконецъ нѣмки и съ ними заурядъ чухонки говорящія понѣмецки; однѣ изъ нихъ довольно образованы, а другія очень ограниченны и дальше грамматики своего роднаго языка нейдутъ. Русскія гувернантки всегда довольно образованы, непременно окончившія курсъ въ какомъ нибудь учебномъ заведеніи казенномъ или частномъ и нерѣдко съ отличіемъ; но онѣ цѣнятся чутьли не ниже тѣхъ иностранокъ, которыя кромѣ грамматики своего роднаго языка ничего не знаютъ. Русскихъ вообще принимаютъ какъ-то неохотно и только въ крайности, когда нѣтъ въ виду иностранки подходящей по цѣнѣ, какую семейство можетъ заплатить; принявши

въ домъ русскую гувернантку, держать ее какъ-бы изъ милости, обижаютъ чуть не на каждомъ шагу; тогда какъ за иностранкой ухаживаютъ, поважаютъ всѣмъ ея капризамъ; и если она сколько нибудь сносна и маломальски смыслить дѣло воспитанія, покрайней мѣрѣ на словахъ, то ею дорожатъ какъ какимъ благодѣяніемъ неба и все воспитаніе дѣтей отдаютъ въ безконтрольное ея завѣдываніе, дѣлай матунка какъ хочешь, распоряжайся всѣмъ по твоему собственному усмотрѣнію; русскую же, будь она семи пядей во лбу, знай дѣло воспитанія въ совершенствѣ, никогда не удостоятъ полнаго довѣрія, будутъ вмѣшиваться во всѣ ея распоряженія и портить дѣло разными замѣчаніями по совѣтамъ не только знакомыхъ, но даже собственной прислуги, которая, разумѣется, терпѣть не можетъ гувернантокъ.

Дѣло гувернантки само по себѣ святое и великое: она должна направлять нравственность порученныхъ ей дѣтей, наблюдать за ихъ ученіемъ, стараться о правильномъ развитіи ихъ способностей; но у насъ въ большей части случаевъ это великое дѣло сводится на самое мелкое требованіе, — показать товаръ лицомъ, иначе сказать, — пріучить дѣтей къ лицемѣрію и обману, т. е. не искоренять въ нихъ недостатки, а только скрывать ихъ. Конечно родители этого не желаютъ; но это уже такъ заведено и родители сами именно того требуютъ отъ гувернан-

токъ, хотя и бессознательно. При такоѣ постановкѣ дѣла естественно каждая гувернантка считаетъ первѣйшею своею обязанностию заняться наружностию порученнаго ей ребенка, чтобы онъ всегда былъ умытъ, причесанъ и приглаженъ, чтобы платице на немъ было въ порядкѣ, чтобы держалъ себя прямо, не кривлялся, не клалъ локти на столъ, чтобы, сидя на стулѣ, не болталъ ногами, чтобы въ его пріемахъ и движеніяхъ не было ничего дѣтскаго, натурального по возрасту, чтобы онъ наружно велъ себя не какъ дитя, а какъ взрослый благовоспитанный человекъ. И конечно гувернантки иностранки на это большія мастерицы, онѣ какъ разъ слѣлаютъ изъ живаго ребенка картинку, за это имъ и почетъ; и гдѣ же русскимъ институткамъ угоняться за ними въ этомъ великомъ мастерствѣ?—Далѣе слѣдуетъ умственное образованіе воспитанника или воспитанницы, т. е. ученіе грамотѣ, разумѣется, нѣмецкой, французской, англійской и какой угодно, только не русской; эта послѣдняя дозволяется только тогда, когда гувернантка русская; при гувернанткахъ же иностранкахъ, разумѣется незнающихъ порусски, это дѣло откладывается до болѣе поздняго времени, когда пригласятъ русскаго учителя. Отъ чего и бываетъ такъ, что дитя бойко уже читаетъ по-французски, по-нѣмецки и поанглійски, а порусски и аза въ глаза не знаетъ; при иностранныхъ гувернанткахъ онъ русскую рѣчь слышитъ только

отъ лакеевъ и горничныхъ и по внушеніямъ гувернантокъ даже получаетъ къ ней отвращеніе. За чтеніемъ и письмомъ и частію рядомъ съ ними идетъ грамматика для первоначальнаго возраста, разумѣтся, иностранная — французская, нѣмецкая, англійская; о русской же грамматикѣ нѣтъ еще и рѣчи, для нея въ послѣдствіи пригласится русскій учитель; даже русскія гувернантки, которыя, разумѣтся, обязаны учить и русской грамматикѣ, первоначально должны учить какой-либо грамматикѣ иностранной, а за русскую уже приниматься послѣ; такой уже порядокъ, и нарушить этотъ порядокъ осмѣлится развѣ какая отчаянная патріотка изъ русскихъ гувернантокъ. Въ одно время съ грамматикой, только нѣсколько позади, идетъ что-то подъ названіемъ исторіи и географіи для первоначальнаго возраста; разумѣтся, все это на иностранномъ языкѣ, и въ такъ называемой исторіи о Россіи неговорится ничего, а въ географіи почти ничего. Этого порядка должны непременно держаться и русскія гувернантки, ежели хотятъ заслужить названіе сносныхъ, которыхъ можно держать въ порядочномъ домѣ. Что же далѣе? А далѣе ничего; время у дѣтей все уже разобрано: то чтеніе, то письмо, то грамматика, то исторія, то географія, то игры, прогулки и разговоры нужные же для дѣтей, то представленіе дѣтокъ родителямъ, чтобы полюбовались успѣхами ихъ образованія. А совсѣмъ забыли, изъ ума вонъ, пропустили самое

важное дѣло первоначальнаго воспитанія, — танцы; безъ танцевъ нельзя существовать, у дѣтей тоже бываютъ балы и вечера, какъ же безъ танцевъ обойтись; во многихъ домахъ занимають дѣтей до осьми лѣтъ даже музыкой, но это кажется не вездѣ, это уже роскошь въ первоначальномъ воспитаніи.

Можетъ быть меня будутъ укорять, что я пропустила въ исчисленіи предметовъ первоначальнаго воспитанія самый главный предметъ, — законъ Божій, правила православной церкви; нѣтъ, я здѣсь не виновата, я не пропускала этого предмета, его нѣтъ въ программѣ первоначальнаго воспитанія, онъ отодвинуть къ старшему курсу, когда пригласятъ русскаго учителя и законоучителя, когда ребенку будетъ уже лѣтъ девять или десять отъ рожденія. Да въ большей части случаевъ это дѣло иначе и быть не можетъ; ибо русскія дѣти, бойко уже говорящія пофранцузки или понѣмецки, по милости всего предшествовавшаго воспитанія, русскаго языка или вовсе не знаютъ или очень плохо понимаютъ на немъ; а законоучители у насъ не преподають закона Божія ни на французскомъ, ни на нѣмецкомъ языкѣ; за чѣмъ же ихъ приглашать, когда дѣти русскаго языка не знаютъ, даже и читать не умѣють. Законъ Божій полагается въ числѣ предметовъ первоначальнаго воспитанія только въ тѣхъ домахъ, гдѣ гувернантками русскія, да и тутъ о немъ немного заботятся; въ домахъ же богатыхъ,

гдѣ русскія гувернантки не допускаются, дѣти и креститься-то учатся у приставленныхъ къ нимъ горничныхъ, или у старушекъ изъ отставной дворовой челяди, которыя иногда еще пробираются въ дѣтскую или дѣвичью по старой памяти; а есть и такія русскія дома, гдѣ дѣти вовсе не умѣютъ креститься. Я недавно слышала, что одинъ довольно богатый русскій человекъ бранил няньку, зачѣмъ она учитъ его маленькаго сына молиться и осѣняетъ его крестнымъ знаменіемъ, укладывая спать, и грозилъ согнать со двора.

Кажется, я не ошиблась, сказавши, что и послѣдній періодъ моднаго первоначальнаго воспитанія дѣтей не въ состояніи сдѣлать отраднаго впечатлѣнія. Чему же въ самомъ дѣлѣ радоваться, когда видишь, что русскіе люди, члены православной церкви, обладающіе достаточными средствами дать своимъ дѣтямъ хорошее воспитаніе, изо всѣхъ силъ бьются, чтобы сдѣлать изъ своихъ дѣтей чуть не выпускныхъ куколъ, и прежде всего заботятся, чтобы въ нихъ и русскимъ духомъ не пахло, чтобы они во всемъ походили на иностранцевъ и любили только иностранное, а о внушеніи дѣтямъ религіозныхъ чувствъ и привязанности къ православной церкви ни въ комъ и заботы нѣтъ? И послѣ этого еще съ удивленіемъ печатаютъ въ газетахъ, что русскіе въ настоящее крутое для Россіи время проживаютъ сотнями тысячъ за границей; да чему же тутъ удивляться? Русскимъ людіямъ, съ перваго дня

отъ рожденія воспитаннымъ не порусски, естественно скучно жить въ Россіи, ихъ, разумѣется, такъ и тянетъ за границу. Жалуются еще, что молодое поколѣніе у насъ холодно къ православноѣ церкви, что встрѣчаются молодые очень приличные люди, которые даже въ свѣтлое Воскресенье ни разу небывали ни у заутрени, ни у обѣдни, ни у вечерни; да пройдетъ лѣтъ десятка полтора, и ежели мы не успѣшимъ переменить нынѣшнее неслѣпое направленіе въ первоначальномъ воспитаніи дѣтей; то то ли еще будетъ, — придется и половину церкви запереть или запечатать. Когда же наконецъ мы вразумимся, когда перестанемъ обезьяничать?

Е. П.

ОЧЕРКИ БЫТА НАРОДА БОЖІЯ а).

Святая Библия есть книга столь древняя и написана первоначально для народа, нравы и обычаи котораго столь отличны отъ нашихъ, что въ ней по необходимости находите много подробностей, относящихся къ странѣ и ея обитателямъ, которыя намъ непонятны безъ особыхъ объясненій. Весьма большую помощь въ этомъ отношеніи доставляютъ описанія путешествій по востоку. Эти описанія, сами по себѣ весьма любопытныя, проливаютъ большій свѣтъ на древній бытъ народа Божія, доселѣ сохраняющійся во многихъ чертахъ у народовъ восточныхъ. Читая ихъ, нерѣдко переносишья во времена земной жизни Спасителя, во времена царей, судей еврейскихъ, во времена самаго Авраама.

Но для того, чтобы по этимъ описаніямъ составить себѣ ясное и достаточно-полное понятіе

а) Изъ англійскаго сочиненія Мальтби (Maltby): „Библейскіе нравы и обычаи, объясненные по разсказамъ путешественниковъ“.

о восточномъ бытѣ, а чрезъ то и о тѣхъ нравахъ и обычаяхъ, о которыхъ болѣе или менѣе часто упоминается въ св. Библии, необходимо было бы обращаться ко многимъ и не для всѣхъ легко доступнымъ сочиненіямъ. Въ предлагаемыхъ очеркахъ излагаются выбранныя изъ такихъ сочиненій свѣденія, которыя особенно важны для объясненія разныхъ мѣстъ св. Писанія, непонятныхъ намъ по различію нашихъ современныхъ нравовъ и обычаевъ отъ древнихъ еврейскихъ.

Конечно, не эти стороны должны главнымъ образомъ занимать насъ при чтеніи и изученіи св. Писанія, но все, что имѣетъ отношеніе къ слову Божію и что можетъ способствовать къ лучшему уразумѣнію его, заслуживаетъ наше полное вниманіе.

1. ДОМЫ У ЕВРЕЕВЪ.

Въ одномъ мѣстѣ Дѣяній Апостольскихъ говорится, что Апостоль Петръ взошелъ для молитвы на кровлю дома. Кто, читая это мѣсто, будетъ представлять себѣ дома, похожіе на наши, тому, конечно, покажется страннымъ, какъ можно выбирать подобное мѣсто для собесѣдованія съ Богомъ.

Но дома на востокѣ очень отличны отъ тѣхъ, въ которыхъ мы живемъ; они не такъ высоки, какъ въ нашихъ большихъ городахъ, а кровли

устроиваются террасами и притомъ совершенно плоскими, и окружаются перилами. Вотъ почему между распоряженіями, которыя Моисей объявилъ Иудеямъ по повелѣнію Божию, мы читаемъ и это: «когда ты будешь строить новый домъ, то сдѣлай ограду вокругъ твоей кровли, опасаясь какъ бы не подвергнуть свой домъ отвѣтственности за кровь, если бы кто нибудь упалъ оттуда» (Втор. 22, 8.).

Одинъ путешественникъ (Буккигамъ), рассказывая о Багдадѣ, большомъ восточномъ городѣ, говоритъ: «дома здѣшніе состоятъ изъ рядовъ комнатъ, выходящихъ на дворъ, который находится въ срединѣ для того, чтобы днемъ находить въ немъ убѣжище отъ жара, и изъ открытыхъ террасъ для вечерняго стола и для отдыха во время ночи. Эти террасы раздѣляются иногда на разныя отдѣленія, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою лѣстницу и образуетъ какъ бы открытую комнату».

Лѣстница, которая ведетъ на кровлю, находится снаружи дома. Это обстоятельство объясняетъ, что хотѣлъ сказать Спаситель, когда, предсказавши Своимъ ученикамъ осаду Иерусалима и повелѣвая имъ выдти изъ города, при приближеніи враговъ, онъ прибавилъ: «тотъ, кто будетъ на кровлѣ, да не сойдетъ взять что нибудь изъ своего дома» (Матв. 24, 17.); это значитъ, чтобы онъ сошелъ по наружной лѣстницѣ прямо на улицу. Легко также понять те-

перъ, какимъ образомъ друзья разслабленнаго могли взнести его на кровлю дома, въ которомъ былъ Спаситель, когда народъ препятствовалъ имъ войти въ домъ чрезъ дверь (Марк. 2. 3. 4.). Одинъ англійскій священникъ, который нѣсколько времени прожилъ миссіонеромъ на востокѣ (Hartley), сообщаетъ очень интересныя наблюденія по этому предмету. «Когда я былъ въ Египтѣ, говорилъ онъ, я часто подолгу смотрѣлъ на крыши надъ моею головою, и миѣ было совершенно понятно евангельское сказаніе о разслабленномъ. Надъ брусьями потолка находился большой слой тростника, этотъ тростникъ былъ прикрытъ хворостомъ, а за тѣмъ все это покрывалось плотною землею, которая образовала твердую массу. При подобномъ устройствѣ кровли родственникамъ разслабленнаго очень легко было снять землю, потомъ хворостъ, а наконецъ и тростникъ; дѣло не было бы и труднѣе тогда, когда бы земля была покрыта черепицами. Они ни въ какомъ случаѣ не могли обезпочить находившихся внизу, въ домѣ, снимая черепицы и землю; эти лица были защищены хворостомъ и тростникомъ, которые должны были быть сдвинуты уже послѣдними.»

Тотъ же миссіонеръ прекрасно объясняетъ одно мѣсто у пророка Исаи, который описываетъ состояніе города, пробужденнаго внезапною тревогою: «въ Турціи, говоритъ онъ, есть обыкновеніе всходить на кровлю дома, какъ ско-

ро раздастся крикъ «пожаръ», чтобы видѣть, оттуда, въ какой онъ сторонѣ. Этотъ крикъ часто заставляетъ подниматься съ испугомъ жителей цѣлаго города; вотъ почему пророкъ Исаія говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «что такое случилось? За чѣмъ всѣ вы взошли на кровли» (Ис. 22, 1.)? Восточные жители употребляютъ еще по примѣру предковъ террасы своихъ домовъ на различныя хозяйственныя нужды, именно на нихъ сушатъ бѣлье и цвѣты, готовятъ финики и виноградъ, плоды которыхъ большею частію составляютъ ихъ пищу. Здѣсь они бесѣдуютъ съ своими друзьями во время вечерней прохлады; здѣсь же они находятъ спокойное мѣсто и для молитвы.

Одинъ путешественникъ (*visit de Palestine and Libanon*), нѣсколько разъ посѣщавшій Святуго землю, рассказываетъ, какъ онъ былъ принятъ однимъ богатымъ жителемъ въ Яффѣ (древней Юппіи). Последній увѣрялъ его, что живетъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился домъ Симона кожевника, когда былъ у него ап. Петръ, и показалъ ему даже остатки старой стѣны, которая, по его словамъ, составляла часть Симонава дома. «Предъ тѣмъ, какъ лечь мнѣ въ постель, говоритъ этотъ путешественникъ, я взошелъ на кровлю дома, чтобы предаться здѣсь въ уединеніи своимъ мыслямъ. Ночь была прекрасная, луна и звѣзды сіяли блескомъ неизвѣстнымъ въ нашихъ сѣверныхъ странахъ,—было

тихо, только легкій шумъ волнъ, которыя плескались о скалы въ большомъ портѣ Яффы, долеталъ до моего слуха. Сколько мыслей тѣснилось въ моемъ умѣ! И могло ли быть иначе? Я былъ въ той странѣ, чудесная исторія которой такъ дорога всякому знакомому съ св. Писаніемъ. Я былъ въ той священной сторонѣ, которая видѣла рожденіе Богочеловѣка, нашего Искушителя, въ томъ мѣстѣ, гдѣ св. Петръ узналъ чрезъ таинственное видѣніе, что Богъ не полагаетъ болѣе различія между Іудеями и язычниками и что Спаситель, слава Израиля, долженъ явиться также свѣтомъ просвѣщающимъ и язычниковъ».

2. ПРИВѢТСТВІЯ.

Къ числу обычаевъ, очень различныхъ въ разныхъ странахъ свѣта, относятся привѣтствія при встрѣчѣ. Восточные жители, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и при встрѣчахъ съ родными и знакомыми, обнаруживаютъ свои чувства очень выразительно; поэтому у нихъ весьма часто можно видѣть отца, который бросается на шею своего сына, и цѣлуетъ его послѣ долгой разлуки, какъ это описано въ прекрасной притчѣ о блудномъ сынѣ (Лук. 15, 20.), равно и братьевъ, выражающихъ свою любовь такимъ же образомъ (Быт. 38, 4.).

Одинъ путешественникъ б) такъ говоритъ объ этой восточной особенноти: у Арабовъ, Бедуиновъ, обращеніе между собою отличается особенною непринужденностію. Они обнимаютъ другъ друга при каждой встрѣчѣ, и никогда не дѣлаютъ этого съ церемонною холодностію, столь обыкновенною въ сѣверныхъ странахъ. Я замѣтилъ въ пустынѣ двухъ или трехъ молодыхъ людей, которые обнимали Абдель-Керима, когда они въ первый разъ встрѣтили его днемъ, и потомъ они съ большимъ почтеніемъ сѣли въ сторонѣ отъ него.

Другой путешественникъ (лейтенантъ Бернъ) описываетъ сцену, которой онъ былъ свидѣтелемъ и которая происходила, при возвращеніи начальника одного кочеваго племени, среди его народа и его семейства послѣ продолжительнаго его отсутствія. «Проходя по долинѣ, говоритъ онъ, мы были свидѣтелями приѣма, сдѣланнаго одному начальнику, который провожалъ насъ отъ Кохана. Мы доселѣ смотрѣли на него только какъ на дикаго Туркомана, но здѣсь онъ явился намъ истиннымъ патріархомъ. За нѣсколько миль до лагеря Туркоманы окружили насъ, чтобы поздравить его съ возвращеніемъ. Мужчины, женщины и дѣти всѣ были на лошадяхъ, и многіе изъ нихъ плакали, цѣлуя у него руку; нѣсколько далѣе, въ тѣнистомъ мѣстѣ находились

б) Маіоръ Skinner.

другія лица, по видимому, высшаго сана, сошедшія съ лошадей: это было семейство начальника. Этотъ послѣдній тотчасъ соскочилъ на землю съ проворствомъ молодаго человѣка, бросился къ нимъ на встрѣчу и обнялъ четырехъ дѣтей своихъ, маленькихъ мальчиковъ. Потомъ все члены семейства сѣли на лошадей, и присоединились къ свитѣ. Невозможно было выразить свою радость живѣе. Собралось цѣлое племя и каждый, проходя мимо, чтобы присоединиться къ намъ сзади, привѣтствовалъ насъ, простыхъ зрителей этой сцены, искреннимъ названіемъ друзей. Женщины говорили: «добро пожаловать» и скрещивали руки на своей груди въ знакъ искренности. Я никогда не видалъ столь общей радости. Одинъ всадникъ, который, казалось, былъ веселъ болѣе прочихъ, началъ раздавать хлѣбъ всемъ, кого бы онъ ни встрѣтилъ, говоря: «возьмите этотъ даръ Божій; возьмите, вы гости и чужестранцы». Невозможно было равнодушно смотрѣть на эту сцену братской любви».

Другимъ знакомъ почтенія на востокѣ служитъ то, чтобы падать на землю въ присутствіи высшихъ себя. Когда первый министръ является предъ султаномъ, онъ до трехъ разъ становится на свое правое колено; потомъ касается земли своею правою рукою, которую онъ тотчасъ подноситъ къ своимъ губамъ и своему лбу для выраженія того, что онъ обращается въ прахъ

предъ лицомъ своего верховнаго повелителя; онъ повторяетъ тоже самое предъ своимъ уходомъ. Въ Персіи при этомъ случаѣ дѣлаютъ еще больше: лица, являющіяся ко двору, становятся на оба колѣна, и до того низко кланяются, что ихъ чело касается земли. Извѣстно, что одинъ царь персидскій приказывалъ становиться на колѣна плѣнному царю подлѣ своей лошади, и пользовался этимъ для того, чтобы садиться на коня. Намекъ на нѣчто подобное встрѣчаемъ мы и у пророка Исаи въ 51-й главѣ 23-емъ стихѣ.

Цѣлованіе края одежды, рукъ и ногъ, составляетъ еще и теперь, какъ во времена Иисуса Христа, знакъ уваженія. Вотъ почему Спаситель замѣчаетъ, что бѣдная, покаявшаяся грѣшница оказала ему больше уваженія, нежели фарисей Симонъ (Лук. 7, 45). Ученики обыкновенно привѣтствовали учителя, сообразуясь съ этими обычаями. Такимъ образомъ и Иуда Искаріотскій облобызалъ Господа, чтобы указать своего Учителя воинамъ, которые должны были схватить Его (Матѣ. 26, 48.).

Путешественники рассказываютъ, что восточные жители, встрѣчавшіеся имъ на дорогѣ, обращались къ нимъ съ привѣтствіями, похожими на привѣтствія Вооза и его жницъ: «Вѣчный да будетъ съ вами, Вѣчный да благословитъ васъ» (Руѣ. 2, 4.). Лица, которыя принадлежатъ даже къ разнымъ семьямъ, легко даютъ другъ другу названія братьевъ. Но выраженія, которыя

они больше всего употребляютъ при встрѣчѣ, или при разставаніи другъ съ другомъ, это: «миръ да будетъ съ вами; миръ оставляю вамъ». Этотъ обычай объясняетъ слѣдующее мѣсто въ новомъ завѣтѣ: миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ; не такъ какъ міръ даетъ, Я даю вамъ» (Іоан. 14, 27.). Спаситель обращался съ этими словами къ своимъ ученикамъ за нѣсколько часовъ до смерти, чтобы ободрить ихъ. Господь зналъ, что Онъ скоро будетъ преданъ и распятъ на крестѣ. Потому-то послѣ окончанія своей послѣдней трапезы, Онъ захотѣлъ посвятить нѣсколько минутъ, которыя Ему еще оставались, на утѣшеніе и ободреніе своихъ учениковъ, обѣщая, что Духъ Святый поможетъ имъ сохранить Его наставленія и припомнить все то, что Онъ говорилъ имъ. Онъ училъ ихъ не тому, какъ наслаждаться счастіемъ въ мірѣ; но тому, какъ они могли достигнуть небеснаго жилища, куда Спаситель шелъ приготовить имъ мѣсто. А такъ какъ Онъ разставался съ тѣми, которыхъ называлъ своими друзьями, то и сказалъ: «миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ», и, опасаясь, чтобы Его ученики не приняли этихъ словъ за обыкновенныя привѣтствія, прибавилъ: «Я даю вамъ миръ, не такъ какъ міръ даетъ». Онъ какъ бы такъ говорилъ: это не обыкновенное исполненіе обычая, который Я повторяю предъ вами, или простое благожеланіе, которое Я высказываю вамъ; подобныя слова въ устахъ

вашихъ самыхъ искреннихъ друзей на землѣ не могутъ означать ничего болѣе; но что касается до Меня, то Я даю вамъ искреннее и дѣйственное благословеніе,—благословеніе самое драгоценное, которое можно имѣть въ этомъ мірѣ, и безъ котораго самыя значительныя временныя выгоды не могутъ доставить счастья; Мой миръ состоитъ въ непреложномъ увѣреніи, что вамъ прощены всѣ ваши грѣхи, что вы примирены съ Богомъ, что вы твердо выдержите всѣ испытанія въ этой жизни, и что вѣчное блаженство будетъ вашимъ удѣломъ въ будущей жизни. Это, по слову Апостола, «миръ Божій, который превышаетъ всякаго ума», который заставляетъ чувствовать имѣющихъ его, что безъ него нѣтъ на землѣ ни истинной радости, ни спокойствія, ни утѣшенія, ни надежды.

3. ПОДАРКИ.

Въ св. Писаніи часто говорится о подаркахъ, которые дѣлаются въ особенности людьми низшаго званія высшимъ при посѣщеніи ихъ и для того, чтобы пріобрѣсти себѣ ихъ благосклонность и покровительство.

Когда Иаковъ возвращался на родину послѣ долгаго отсутствія и различныхъ тяжелыхъ трудовъ, которые повлекло за собою хитростію, впрочемъ согласно съ намѣреніемъ Божиимъ, предвосхищенное у старшаго брата благословеніе патріаха

Исаака, то онъ услышалъ, что Исавъ идетъ ему на встрѣчу. Иаковъ могъ опасаться этой встрѣчи, и вотъ онъ взялъ изъ того, что у него было, въ подарокъ Исаву брату своему: двѣсти козъ, двадцать козловъ, двѣсти овецъ, двадцать овновъ, верблюдовъ дойныхъ съ дѣтьми ихъ тридцать, сорокъ коровъ, десять воловъ, двадцать ослицъ, десять ословъ (Быт. 32, 13.). Исавъ примирился съ Иаковомъ и только по усиленнымъ настояніямъ послѣдняго согласился наконецъ принять подарокъ, отъ котораго сначала благородно отказывался.

Въ другой разъ Иаковъ прибѣгнулъ къ тому же средству, въ не менѣ затруднительномъ обстоятельстве. По требованію Іосифа, который, еще не открываясь братьямъ своимъ, говорилъ съ ними жестко (Быт. 52, 7.), онъ долженъ былъ отправить въ Египетъ своего любимаго сына Веніамина. Чтобы смягчить и умиловить грознаго Египетскаго министра, въ которомъ Патриархъ не подозрѣвалъ своего Іосифа, онъ позаботился отправить ему подарки. «Возмите, сказалъ онъ сыновьямъ своимъ, лучшихъ произведеній этой земли въ сосуды ваши, и отнесите въ даръ тому человѣку нѣсколько бальзама, нѣсколько меду, стираксы, ладану, фисташковыхъ и миндальныхъ орѣховъ». Подарки эти могутъ показаться намъ незначительными, но на самомъ дѣлѣ они не таковы. Галаадскимъ бальзамомъ тогда очень дорожили и на него смотрѣли, какъ на

драгоценной подарокъ, хотя бы онъ принесенъ былъ въ маломъ количествѣ. Земля, въ которой обиталъ Иаковъ, особенно славилась своимъ медомъ. Медъ былъ тогда въ бѣльшемъ употребленіи, нежели теперь, и такъ какъ тогда не знали еще сахара, то медъ былъ очень цѣненъ. Наконецъ сирійскія фистанки—самыя лучшія въ свѣтѣ.

Когда Давидъ блуждалъ въ пустынѣ Маонъ, убѣгая гнѣва Саулова, его сильно бранилъ одинъ грубый человѣкъ, по имени Наваль. Давидъ хотѣлъ наказать этого человѣка, но Авигея жена Навала, взявши то, что было подъ рукою, пришла нетеряя времени къ Давиду съ большимъ подаркомъ, чтобы показать ему свое уваженіе и смягчить его гнѣвъ. Она взяла 200 хлѣбовъ, 2 мѣры вина, 5 приготовленныхъ овновъ, 5 мѣръ жареныхъ зеренъ, 100 связокъ сухаго винограда и 200 корзинокъ сухихъ фигъ, положила все это на ословъ и принесла въ даръ Давиду (1 Цар. 25.). Замѣчательно, что въ этой странѣ доселѣ, какъ и во времена Давида, когда арабскій князь хочетъ особеннымъ образомъ показать свое уваженіе или благоволеніе чужестранцу, посылаетъ ему совершенно приготовленнаго барана.

Когда Израильтяне ходили къ пророку за совѣтомъ, то приносили ему подарокъ; потому-то Сауль былъ въ затрудненіи, не имѣя, что принести Самуилу, когда хотѣлъ посоветоваться о томъ, какъ найти ослицъ отца своего. Онъ хотѣлъ сначала принести ему что нибудь изъ за-

пасовъ, бывшихъ съ нимъ, но видя, что онъ, ища своихъ ослицъ, издержалъ въ долгомъ путешествіи все бывшее съ нимъ, принесъ Самуилу серебро, нашедшееся у его слуги. Этотъ подарокъ не былъ впрочемъ платою за пророческія слова, но простымъ свидѣтельствомъ уваженія къ пророку (1 Цар. 9, 7. 8.).

Когда Нееманъ Сиріянинъ исцѣлился отъ проказы, сдѣлавши то, что приказывалъ ему Елисей, онъ «возвратился къ человѣку Божию, самъ и все ополченіе (свита) его, и пришелъ и сталъ предъ нимъ и сказалъ: вотъ теперь я вижу, что нѣтъ Бога по всей земли, кромѣ Израиля, и теперь прими благословеніе (приношеніе) отъ раба твоего» (4 Царст. 5, 15.); это безъ сомнѣнія было приготовлено прежде, нежели онъ пришелъ къ нему. Но Елисей не хотѣлъ принять подарокъ, вѣроятно для того, чтобы почитать Бога и свое пророческое служеніе, отвергнувши въ этомъ случаѣ приношеніе язычника.

Дѣлали также подарки царямъ. Когда Савская царица прибыла къ Соломону, то съ нею привезли на верблюдахъ ароматы и очень много золота и драгоценныхъ каменьевъ (3 Цар. 10, 2. 10.). Иуда сдѣлалъ Еглому, царю Моавитскому такой большой подарокъ, что его несли нѣсколько человѣкъ (Суд. 3, 13.). Тогда безъ сомнѣнія, какъ и теперь, наблюдали извѣстный распорядокъ въ предлагаемыхъ предметахъ, чтобы дать подарку возможно красивый видъ.

Одинъ путешественникъ по востоку, пролившій значительный свѣтъ на нравы этихъ странъ ^{в)}), говоритъ: «мы не приходили никогда къ пашѣ, или другому значительному лицу, не приготовивши подарка; въ этой землѣ считается большою нѣвѣжливостію сдѣлать визитъ, не принеся ничего съ собою. Вельможи требуютъ этихъ даровъ какъ должнаго своему сану, и почитаютъ себя обиженными, когда ихъ не приносятъ. Даже въ семейныхъ визитахъ, которыми чередуются между собою простые люди, они большею частію приносятъ плоды, померанцы, или что либо другое, чтобы показать свое уваженіе къ навѣщаемому лицу. Турки въ этомъ отношеніи соблюдаютъ древній обычай, на который указываютъ слова Саула, шедшаго къ Самуилу спросить о пропавшихъ ослахъ: *се пойдемъ, и что принесемъ къ чловѣку Божію* (1 Цар. 9, 7.)?

Вотъ почему путешественники, отправляющіеся на востокъ, запасаются большимъ количествомъ разныхъ вещей, которыя могутъ быть особенно цѣнны въ тѣхъ странахъ, гдѣ они намѣреваются быть. Англійскій офицеръ ^{г)}), посланный своимъ правительствомъ къ одному могущественному владѣтелю въ Индіи съ нѣсколькими прекрасными лошадьми въ подарокъ, рассказываетъ о различныхъ предметахъ, которые онъ на своемъ

в) Maundrell.

г) Лейтенантъ Бёрне (Burne).

пути раздавалъ разнымъ владѣтельнымъ лицамъ или получалъ отъ нихъ. «Я послалъ, говорить онъ объ одномъ изъ нихъ, предназначенные ему подарки; это были различныя издѣлія европейскія: ружье, пара пистолетовъ, золотые часы, два телескопа, часы стѣнные, двѣ пары хрустальныхъ подсвѣчниковъ, нѣсколько шалей изъ англійскихъ матерій, нѣсколько персидскихъ книгъ и одну ландкарту». Одинъ изъ этихъ владѣтелей не могъ самъ идти на встрѣчу англійскому посланнику, но послалъ къ нему на три льѣ расстоянія (около 15 верстъ) нѣсколько офицеровъ, чтобы поздравить его съ прибытіемъ и выразить свое уваженіе къ нему. «Они принесли, прибавляетъ посланникъ, множество барановъ, плодовъ, риса, пряностей, сахару, масла, табаку, опиума и проч. Бараны были сварены, а рисъ и масло прекрасно были приготовлены».

Этотъ обычай объясняетъ намъ одно мѣсто у пророка Малахіи, гдѣ онъ жалуется на неблагоговѣніе, какое Іудеи выказывали къ Царю неба и земли, принося ему въ жертву такихъ животныхъ, какихъ они не осмѣлились бы предложить въ подарокъ какому нибудь владыкѣ земному: «когда приносите въ жертву слѣпое, думаете: въ этомъ худаго нѣтъ; и когда приносите хромоe и больное, думаете: въ этомъ худаго нѣтъ. Принеси это правителю; будетъ ли онъ благосклоненъ, и ласково ли приметъ тебя? говорить Іегова воинствъ» (Мал. 1, 18.).

Мы не можемъ теперь въ этомъ отношеніи оскорблять Бога, какъ Іудеи; но какъ многіе изъ насъ отдають міру всѣ годы и силы своей юности и посвящаютъ Богу только время своей старости и дряхлости! Не походитъ ли это на принесеніе въ жертву животнаго слѣпаго, хромаго, или больнаго? Если бы кто нибудь представлялъ прошеніе владыкѣ земному, держа себя при этомъ непочтительно къ нему, какъ многіе, принося жертву своихъ моленій Царю царей, то былъ ли бы этотъ владыка доволенъ имъ и принялъ ли бы его благосклонно?

Сказаннымъ выше объясняется и то, что волхвы, или мудрецы восточные, пришли къ Младенцу Іисусу съ подарками. Руководимые чудесною звѣздою, достигли они Палестины, и здѣсь искали: *идь естъ рождейся царь іудейскій* (Матѳ. 2, 2.)? Принесенные ими при этомъ дары: золото, ладонъ и смирна—самыя драгоцѣнныя произведенія Аравіи, откуда они пришли, какъ думаютъ на основаніи пророчества, содержащагося въ псалмѣ 71, 10: *царіе аравстіи и Савѣ дары принесутъ*. Предъ временемъ пришествія Іисуса Христа на землю, повсюду распространено было ожиданіе появленія какого-то необыкновеннаго лица. Волхвы же знали по всей вѣроятности и пророчества ветхозавѣтныя, относяціяся къ Мессіи; они могли узнать ихъ отъ Евреевъ десяти колѣнъ, разсѣянныхъ по востоку. Золото, ладанъ и смирна, принесенные въ даръ

волхвами соотвѣтствуютъ тройственному служенію Иисуса Христа, какъ Царя, Первосвященника и Пророка.

4. БРАКИ.

При заключеніи браковъ на востокѣ соблюдались и теперъ еще соблюдаются обычаи очень отличные отъ европейскихкихъ.

Когда Іаковъ жилъ у Лавана, работая на него бесплатно, Лаванъ по прошествіи мѣсяца сказалъ ему: «неужели ты даромъ будешь работать на меня, потому что ты родственникъ? Скажи мнѣ, что заплатить тебѣ»? Іаковъ, который любилъ Рахиль, дочь Лавана, отвѣчалъ: «я буду работать тебѣ семь мѣтъ за Рахиль, младшую дочь твою» (Быт. 29, 15. 18.).

И въ настоящее время, въ этой странѣ, подобные договоры не рѣдки. Путешественники рассказываютъ, что когда кто нибудь является къ родителямъ молодой дѣвицы просить руки ихъ дочери, онъ долженъ сказать, какіе можетъ сдѣлать подарки имъ. Эти подарки обыкновенно соотвѣтствуютъ его состоянію и его званію; но если онъ, какъ Іаковъ, очень бѣденъ и не можетъ дать чего—нибудъ вещами, онъ обязывается служить отцу неврѣсты въ продолженіе извѣстнаго времени.

Мы имѣемъ описанія путешественниковъ, которые разъясняютъ намъ и то, какимъ образомъ

Лавань могъ обмануть Іакова,—дать ему въ жену Лію, свою старшую дочь, вмѣсто Рахили, которую онъ обѣщаль ему. Вотъ что между прочимъ рассказываетъ о подобномъ обстоятельстве Гартлей (Hartley). «Армянскія обрученныя дѣвицы, говоритъ онъ, бывають подъ покрываломъ во время совершенія брака, такъ что легко замѣнить одну дѣвицу другою, и совершенно не примѣтно. Недавно одинъ молодой смирскій армянинъ просилъ руки дѣвушки, которую любилъ; родители ея согласились и сдѣлали всѣ нужныя приготовленія къ свадьбѣ. Но когда наступило время праздновать ее, они привели къ алтарю старшую и не такъ красивую сестру той дочери, которую они обѣщали выдать; молодой человѣкъ обвѣнчался, не подозрѣвая обмана, по причинѣ длиннаго покрывала, которое совѣмъ не позволяло узнать ея.—«Бысть же завтра, и се бяше Лія»... (Быт. 29, .25.). Родители молодой армянки смѣло оправдывались, точно такъ же какъ и Лаванъ, который отвѣчалъ: «нѣсть тако въ нашемъ мѣстѣ вдати меньшую прежде старѣйшей» (26.) Такимъ образомъ и у нихъ существуетъ доселѣ правило не выдавать младшей дочери прежде старшей. Этотъ случай рассказалъ мнѣ самъ армянинъ смирскій. Я тотчасъ воскликнулъ: вотъ точно также былъ обмануть Іаковъ! Какъ обмануть? возразилъ тотъ: онъ не зналъ этой исторіи, потому что ветхій завѣтъ не былъ еще переведенъ на понятный Армянамъ

языкъ. Когда я разсказалъ ему о бракѣ Іакова, какъ это описано въ Библии, онъ замѣтилъ мнѣ: въ этомъ произшествіи нѣтъ ничего невѣроятнаго» ^{а)}).

Писатели ветхаго завета часто упоминаютъ объ украшеніяхъ новобрачныхъ на востокѣ, какъ на примѣръ въ этомъ мѣстѣ: «и дахъ усеязи на ноздри твоя и вѣнецъ хвалы на главу твою» ^{е)}. У новобрачной, говоритъ миссъ Сардо ^{ж)}, описывая армянскіе браки, было надъ бровями украшеніе изъ небольшихъ алмазовъ; эти алмазы были расположены такимъ образомъ, что изъ нихъ составлялось слово «супруга» на армянскомъ языкѣ. Брачный вѣнецъ былъ сдѣланъ изъ цвѣтовъ, лентъ и золотыхъ нитей; высота его доходитъ почти до полуаршина. Снявши этотъ вѣнецъ съ головы новобрачныхъ, его осторожно завертываютъ въ шелковый платокъ, чтобы повѣсить въ молеельнѣ (chapel) мужа. Тамъ онъ долженъ оставаться до смерти тѣхъ, которые надѣвали его, и которые увѣнчиваются имъ послѣ своей смерти въ другой и вмѣстѣ послѣдній разъ.

Въ этомъ обыкновеніи есть что-то торжественное; оно должно напоминать даже самымъ

а) Hartley's christtan researches.

е) Букв: „Я положу кольцо на лобъ твой и блестящій вѣнецъ на главу“ (Іезек. 16, 12.).

ж) City oz the Sultan, by Miss Sardoe.

беззаботнымъ людямъ, что и въ цвѣтѣ возраста и въ дни радости и торжества мы близки къ порогу смерти; оно должно влгать имъ въ сердце молитву: «Господи! даруй, чтобы чувство нашего ничтожества, побуждало насъ внимательно слѣдить за нашею новою жизнію!»

Въ псалмѣ 44-мъ изображается подъ видомъ брака духовный союзъ Христа съ его церковью. Есть мнѣніе, что этотъ псаломъ написанъ по случаю брака Соломона съ дочерью фараона, царя Египетскаго. Подробности этого изображенія также хорошо объясняются тѣмъ, что теперь намъ извѣстно о восточныхъ обычаяхъ. Мы читаемъ въ 9 стихѣ 44-го пс. «смирна, и стакти и кассіа отъ ризъ твоихъ» ³⁾. Турецкія женщины, говорятъ, такъ страстно любятъ эти благовонія, что онѣ сжигаютъ ихъ во всѣхъ своихъ комнатахъ. Эти выраженія: «въ ризахъ позлащенныхъ, одѣяна, преиспещрена» ⁴⁾ въ точности соотвѣтствуютъ тому, что говорятъ намъ путешественники о великолѣпныхъ украшеніяхъ, которыя носятъ турецкія женщины высшаго класса.

Иудеи смотрѣли на бракъ какъ на дѣло очень важное, и мы знаемъ, что Спаситель почтилъ

---

3) Съ под. „всѣ одежды твои благоухаютъ смирною, алоемъ и касією“.

4) Съ подл. „одежды, вышитыя золотомъ и сѣджды разноцвѣтныя.“

Одинъ изъ нихъ своимъ присутствіемъ въ Канѣ Галилейской (Іоан. 2, 1.), гдѣ при концѣ объѣда онъ сотворилъ первое чудо, претворивъ воду въ вино. Вѣроятно лица, у которыхъ это происходило, были тогоже общественнаго положенія, какъ и Его мать и ученики; и такъ какъ брачныя пиры продолжались нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ домъ былъ открытъ всякому приходящему, то очень естественно, что они не могли достаточно приготовить вина для своихъ гостей.—Примѣромъ Иисуса Христа мы можемъ научиться отсюда оказывать благосклонное вниманіе не только къ нуждамъ, но также и къ невиннымъ удовольствіямъ подобныхъ намъ,—къ удовольствіямъ, къ которымъ мы могли бы пригласить нашего Учителя и Господа; потому что если христіанская религія и осуждаетъ «пьянство и неумѣренность въ пищѣ и питьѣ» (Гал. 5, 21. 1 Петр. 4, 3.), то она не запрещаетъ употреблять то и другое умѣренно и съ благодарностію Богу.

Въ притчахъ новаго завѣта часто дѣлается намекъ на обычаи, употреблявшіеся Іудеями на бракахъ. Такъ Спаситель, желая унижить тщеславіе фарисеевъ и показать имъ, что духъ истинной вѣры требуетъ, чтобы «со смиренномудріемъ другъ друга честію больше себе творить» (Фил. 2, 3.), сказалъ имъ слѣдующее: «когда ты будешь позванъ къмъ на бракъ; не садись на первое мѣсто, чтобы не случился кто

изъ званныхъ на него почетнѣе тебя. Но когда званъ будешь, пришедши, садись на послѣднее мѣсто, чтобы звавшій тебя, подошедъ, сказалъ: другъ! пересядь вѣнче. Тогда будетъ тебѣ честь передъ сидящими съ тобою» (Лук. 14, 8. 10.). Нѣсколько разъ Спаситель порицалъ такимъ образомъ фарисеевъ, любившихъ первыя мѣста на пиршествахъ.

Извѣстная притча о «десяти дѣвахъ» относится къ тому же предмету. Она представляетъ сильное предостереженіе не только всѣмъ вообще безпечнымъ людямъ, но даже искреннему и серьезному христіанину; она показываетъ разительнымъ образомъ, какъ опасно впасть въ небреженіе о своемъ спасеніи, и быть застигнутыми смертию, тогда какъ мы не готовы еще ко встрѣчѣ ея.

Гартлей (Hartley) сообщаетъ намъ нѣсколько подробностей, которыя бросаютъ яркій свѣтъ на двѣ притчи, о которыхъ мы упомянули: «я былъ, говоритъ онъ, на армянской свадьбѣ. За три дни до той ночи, въ которую совершается бракъ, даютъ здѣсь пиры. Меня ввели въ домъ обрученной, гдѣ я нашелъ очень много собравшихся гостей; они тотчасъ разсѣлись по разнымъ комнатамъ, что напомнило мнѣ тѣ слова, которыя Спаситель сказалъ относительно выбора послѣдняго мѣста на пирахъ. Я замѣтилъ, что тѣ, которые находились въ нижней части дома, принадлежали къ самому низкому классу людей,

между тѣмъ какъ тѣ, которые сидѣли въ верхнихъ комнатахъ, принадлежали къ высшему сословію. Молодыхъ дѣвицъ было очень много; видъ ихъ напомнилъ мнѣ мудрыхъ и юродивыхъ дѣвъ въ притчѣ Спасителя; это были подруги новобрачной, «дѣвицы, которыя шли за нею и которыя были ея подругами. Онѣ выходили на встрѣчу жениху» (Псал. 44, 15.). «По обыкновенію, женихъ приходитъ въ полночь за своей невѣстой; точно такъ и въ Писаніи говорится, что около полуночи раздался крикъ: «вотъ женихъ идетъ; выходите къ нему на встрѣчу!» Но въ этотъ разъ женихъ замедлилъ приходомъ, ибо онъ пришелъ только въ два часа утра».

Другой писатель ⁱ⁾, который жилъ въ одномъ городѣ Палестины, такъ говоритъ о свадьбѣ, на которой онъ присутствовалъ: «сегодня вечеромъ, говоритъ онъ, должны будутъ совершиться здѣсь три брака; уже въ продолженіе цѣлаго дня мы слышали постоянный шумъ отъ залпа ружей, изъ которыхъ стрѣляютъ въ знакъ радости. Я могъ видѣть изъ своего окна толпу гостей, пришедшихъ по случаю торжества, которые тѣснились на дворѣ и на кровлѣ дома, испуская радостные крики. Этотъ домъ принадлежалъ небогатому еемейству; но въ подобныхъ случаяхъ оказываютъ почти раззорительное гостепримство. Вечеромъ я участ-

---

i) Rev. William Iowetts, Missionary researches.

вовалъ въ одномъ изъ этихъ пировъ. Вѣнчаніе должны были совершать три священника. Часъ спустя послѣ заката солнца множество взрослыхъ людей и мальчиковъ съ факелами въ рукахъ отправились отъ дома жениха (гдѣ они оставили его) къ дому невѣсты. Спустя около полчасы, она вышла, сопровождаемая своими подругами, и началась процессія; мушкетеры шли впереди, потомъ слѣдовали женщины съ невѣстою во главѣ. Подошедши къ церкви, всѣ остановились, чтобы дать возможность жениху первому войти съ своимъ отцемъ и друзьями; этихъ послѣднихъ было по крайней мѣрѣ человекъ тридцать (смотри Суд. 14, 10. 11.). Потомъ вошла невѣста съ своими подругами чрезъ женскую дверь. Они остановились всѣ вмѣстѣ посрединѣ церкви предъ освѣщеннымъ налоемъ; невѣста была подъ покрываломъ. Когда церемонія окончилась, «другъ жениха», (Іоан. 3, 29.), стоявшій позади, поднялъ его на своихъ рукахъ, какъ дитя, и началъ издавать радостные крики; затѣмъ послѣдовалъ беспорядочный шумъ: новобрачные принадлежали къ низшему сословію». Спустя восемь дней тотъ же авторъ писалъ еще: «у меня предъ глазами два дома, гдѣ праздновали свадьбу въ послѣднее воскресенье; гости опять наполнили дворъ и террасу; эти непрерывные пиры напоминаютъ семь «дней пиршествъ», въ которые Самсонъ праздновалъ по случаю своего брака.

Упомянутое о «брачной одеждѣ», о которой говорится въ притчѣ (Матѣ. 22, 11.), по случаю брака царскаго сына, относится къ обыкновенію, которое нѣкогда было всеобщимъ и которое не совсѣмъ еще прекратилось на востокѣ. Хозяинъ дома надѣвалъ на своихъ гостей, по мѣрѣ того какъ они приходили къ нему, бѣлыя одежды, которыя онъ имѣлъ для подобныхъ случаевъ. Еслибы ктонибудь изъ нихъ, вмѣсто того, чтобы надѣть «брачную одежду», которая ему предлагалась, вошелъ въ пиршественную залу въ одеждѣ грязной, или поношенной, то онъ показалъ бы этимъ такъ мало уваженія къ хозяину, что этотъ послѣдній имѣлъ бы право изгнать его изъ своего дома и такимъ образомъ заставить оплакивать свою дерзость на улицѣ и въ темнотѣ (брачныя пиршества обыкновенно бывали по ночамъ). Вотъ почему царь говоритъ въ притчѣ: «бросьте его во тму внѣшнюю; тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ».

Великій Царь, который уготовалъ небесный бракъ Агнца (образъ духовнаго соединенія христіанъ со Христомъ, своимъ главою), также приготовилъ для своихъ гостей брачную одежду. Это значило, что они должны оставить всякую мысль оправдаться одними собственными силами и предстать предъ Нимъ одѣтыми въ одежду безпорочную, въ заслуги Христа, въ ту одежду, которая омыта въ крови Агнца. Всѣ тѣ, которые приходятъ къ Нему, могутъ надѣвать ее на

себя, ибо царь не ограничилъ число своихъ гостей; Онъ съ радостію принялъ всѣхъ тѣхъ, которые пришли къ нему по его милосердому приглашенію. Человѣкъ, который не имѣлъ брачнаго платья, не былъ бы изгнанъ за свою неприличную одежду, ибо царь гораздо прежде зналъ бѣдное состояніе тѣхъ, которыхъ онъ приказалъ собирать по дорогамъ и вдали отъ жилья, по площадямъ и улицамъ; но этотъ человекъ «молчалъ»—ничего не хотѣлъ сказать въ отвѣтъ—послѣ того какъ услышалъ столь простой и кроткій вопросъ Владыки: «другъ! какъ ты вошелъ сюда, не въ брачной одеждѣ» (Матѹ. 22, 12. Лук. 14, 21.)? Онъ не могъ оправдываться незнаніемъ заведеннаго обычая или невозможностію сообразоваться съ нимъ, и въ то же время не могъ сказать, что одежда его прилична.

Н. З—вв.

(Будетъ продолженіе).

И С П О В Ъ Д Ъ И С Т Р А Ш Н Ы Й С У Д Ъ.

Нѣтъ ничего извѣстнѣе для чадъ православной Церкви, какъ обязанность—исповѣдывать духовнымъ отцамъ грѣхи свои, и нѣтъ ничего обычнѣе для духовниковъ, какъ видѣть въ исповѣдающихся малое пониманіе того, какъ должно быть совершаемо покаяніе. Всѣмъ извѣстно, что покаяніе состоитъ въ признаніи предъ священникомъ грѣховъ и въ полученіи отпущенія грѣховъ чрезъ священника отъ самого Бога. Но не всѣмъ извѣстно, что на исповѣди каждый долженъ осудить себя съ неумолимою строгостію, подобною той, съ какою будутъ осуждены грѣшники на страшномъ судѣ. Въ семъ отношеніи судъ исповѣди есть предъизображеніе будущаго страшнаго суда, но вмѣстѣ онъ служитъ средствомъ для избѣжанія будущаго страшнаго осужденія. Чѣмъ строже и безпристрастнѣе осудить себя грѣшникъ на судѣ покаянія предъ духовнымъ отцемъ, тѣмъ снисходительнѣе съ нимъ поступятъ на страшномъ судѣ. Но горе тому, кто на судѣ покаянія будетъ вести себя без-

страшно, небрежно и лицемѣрно! Его ожидаетъ вѣчное осужденіе на всемірномъ судѣ. Итакъ, каждый изъ насъ, если желаетъ, чтобы покаяніе его было плодоносно и для него спасительно, пусть поступаетъ съ самимъ собою на исповѣди такъ, какъ Господь поступитъ съ грѣшниками на страшномъ судѣ Своемъ.

1.

Господь на страшномъ судѣ Своемъ обличитъ грѣшника во всѣхъ грѣховныхъ дѣлахъ его: *обличу тя*, говоритъ Онъ устами псалмопѣвца грѣшнику, *обличу тя и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя* (Псал. 49, 21.); обличитъ во всѣхъ не только скверныхъ и непотребныхъ, но даже и въ праздныхъ словахъ: *и всяко слово праздное, еже аще рекуть чловѣцы, воздадутъ о немъ слово въ день судный* (Матѣ. 12, 36.); обличитъ наконецъ во всѣхъ тайныхъ грѣховныхъ помышленіяхъ: *во свѣтъ приведетъ тайная тьмы и обзавитъ совѣты сердечныя* (1 Кор. 4, 5.); представитъ предъ лицемъ грѣшниковъ грѣхи всѣхъ возрастовъ и состояній, представитъ во всей наготѣ и безобразіи, и обличитъ предъ всею вселенною, предъ лицемъ неба и земли, ангеловъ и чловѣковъ. И какой стыдъ, смятеніе и страхъ овладѣютъ тогда душами грѣшными! Но милосердый Господь даетъ возможность намъ избѣжать сего позорнаго откры-

тія грѣховъ и беззаконій нашихъ предъ сонмами ангеловъ и человековъ. Онъ поручаетъ самому грѣшнику произвести надъ собою судъ въ таинствѣ покаянія, и поставляетъ только одного и притомъ тайнаго свидѣтеля совѣсти его. Смиранный служитель сего таинства, какъ человекъ, замѣняетъ лицомъ своимъ сонмы человековъ, и какъ *ангелъ Господа Вседержителя* (Мал. 2, 7.), замѣняетъ сонмы ангеловъ. И «если грѣшникъ обличитъ себя предъ симъ однимъ свидѣтелемъ, то не имѣетъ быть обличенъ въ тѣхъ грѣхахъ предъ ангелы Божиими и предъ всѣми человеками на судищи страшномъ, а если что утаитъ предъ нимъ, то предъ всемірнымъ тогда соборомъ обличенъ будетъ»,—свидѣтельствуетъ св. Церковь ^{а)}. Итакъ чтобъ ни одно грѣховное дѣло, ни одно слово, ни одна мысль грѣховная не помянулись на страшномъ судѣ Божіемъ, для сего кающійся долженъ неопустительно, со всею подробностію сперва самъ изслѣдовать и рассмотреть, потомъ открыть ихъ отцу духовному.

Но, къ сожалѣнію, очень многіе приступаютъ къ исповѣди грѣховъ, почти совсѣмъ не зная оныхъ. Они не хотятъ размыслить о себѣ, нехотятъ употребить на это спасительное самоиспытаніе, въ которомъ должно проводить всю жизнь, не только нѣсколькихъ дней, но даже нѣсколь-

---

а) Болш. Треб. гл. XIII.

кихъ минутъ предъ исповѣдью, успокоивая себя тѣмъ, что духовникъ самъ напомнимъ имъ грѣхи ихъ. Такимъ образомъ, нерѣдко люди обремененные множествомъ грѣховъ, виновные почти во всѣхъ родахъ беззаконій, приходятъ къ духовнику, не зная, не находя что сказать ему; и хотя отвѣчаютъ ему на нѣкоторые вопросы, и исповѣдуютъ нѣкоторые внѣшніе грѣхи, но не открываютъ тайныхъ движеній сердца, грѣховныхъ мыслей, чувствъ, желаній, намѣреній, которыя предъ очами Всевидящаго имѣютъ значеніе дѣйствительныхъ грѣховъ (Матѳ. 5, 28.). Такимъ образомъ они уходятъ отъ духовника, не познавъ сами себя и не объявивъ себя ему, и унося съ собою тяжелое бремя оставшихся на душѣ грѣховъ. Ибо можетъ ли духовникъ въ краткій промежутокъ времени, большею частію назначеный у насъ для исповѣди, перечислить имъ все множество возможныхъ грѣховъ? Можетъ ли проникнуть въ частныя тайны ихъ совѣсти? Можетъ ли обозрѣть глубокую, темную область сердца, которая никогда не озарялась свѣтомъ самопознанія? — Всѣ эти тайныя дѣла тмы, не познанныя ни исповѣдующимся, ни пріемлющимъ исповѣдь, обличить Господь и представить предъ лицемъ грѣшниковъ на страшномъ судѣ Своемъ, и они, къ ужасу своему, увидятъ, что, послѣ столь многихъ исповѣдей, они не начинали еще истинаго покаянія, и что ко множеству грѣховъ, въ коихъ они будутъ судимы, присоединится и

та непростительная безпечность, съ какою они столько разъ совершали свою исповѣдь.

Другіе входятъ въ самоиспытаніе, припоминають грѣхи, болѣе тяготящіе ихъ, съ довольною подробностію; но по самолюбію они стыдятся обнаружить ихъ предъ свидѣтелемъ совѣсти, и къ какимъ не прибѣгають хитростямъ, чтобъ избавиться отъ этого стыда! Одни хотятъ избавиться отъ него избраніемъ духовника болѣе снисходительнаго, или совѣмъ неизвѣстнаго и ихъ незнающаго, либо раздѣляютъ исповѣдь между двумя, открывая одни грѣхи одному, другіе болѣе постыдные и срамные—другому, забывъ (несчастные), что Иисусъ Христосъ, невидимо стоящій предъ ними и пріемлющій ихъ исповѣдь, видитъ лукавство душъ ихъ, и, вмѣсто прощенія имъ даруемаго, изрекаетъ сугубое осужденіе. Другіе, исповѣдуя грѣхи менѣе постыдные, утаеваютъ грѣхи позорные, въ намѣреніи открыть ихъ послѣ, какъ давніе, когда грѣхи эти, такъ сказать, потеряютъ для нихъ остроту стыда, когда свыкшаяся съ ними совѣсть дозволить имъ открыть ихъ безъ смущенія. Правда, грѣхъ со временемъ становится менѣе чувствительнымъ, угрызенія совѣсти ослабѣваютъ и смущенія стыда утихаютъ. Но открытіе грѣха, въ которомъ мы признаемся легко, безъ угрызеній совѣсти, не имѣетъ цѣны, какъ плодъ не искренняго раскаянія, а притупленнаго чувства стыда. «Безъ усрамленія и прискорбія неотпу-

щаются грѣхи», говорить одинъ богомудрый учитель церкви ⁶⁾); притомъ, едвали можно ручаться, что грѣхъ, утаенный прежде по стыду, легко будетъ открытъ послѣ. Не случается ли, что при намѣреніи открытъ какой нибудь тайный грѣхъ, утаенный прежде, возвращается снова смущеніе совѣсти? Вотъ примѣръ этому: «въ одномъ городѣ была благородная и богатая женщина, которая, совершивши постыдный грѣхъ, по причинѣ стыда не могла исповѣдать онаго мѣстному духовнику своему: почему въ одно время увидавъ въ церкви нѣкотораго странника іеромонаха, шедшаго съ ученикомъ своимъ на поклоненіе св. Гробу, она вознамѣрилась открытъ ему грѣхъ тотъ; когдаже, послѣ другихъ грѣховъ, хотѣла сказать ему сей грѣхъ, то, по дѣйству діавола, такой объялъ ее стыдъ, что она не могла сказать ему онаго. Простодушный и добродѣтельный ученикъ сего священнослужителя, стоя вдали, видѣлъ, что съ каждымъ исповѣданнымъ грѣхомъ, выходилъ изъ устъ жены змій. Послѣ же всѣхъ онъ увидѣлъ большаго змія, который три раза выставлялъ свою голову, какъ бы хотя выйдти, и опять скрылся; вслѣдъ за тѣмъ и прежде вышедшіе зміи взошли опять въ уста ея. Когда они отправились въ путь, и ученикъ открылъ учителю свое видѣніе, то сей возвратился было сообщить ей оное, и тѣмъ склонить

---

6) Іеронимъ въ толкованіи на псал. 37.

ее къ раскаянію; но возвратившись, они нашли ее умершею, и новымъ видѣніемъ извѣщены, что она поражена внезапною смертію за сіе святотатственное утаеніе грѣха»^{в)}). Внимательный читатель конечно понимаетъ, что сіи зміи, вышедшіе изъ устъ жены и потомъ опять вошедшіе въ нее, суть грѣхи ея, и не удивляется, что неисповѣданный грѣхъ остался на душѣ ея. И святая Церковь внушаетъ кающемуся, что за одинъ неисповѣданный съ намѣреніемъ грѣхъ всѣ исповѣданные грѣхи не прощаются, видимо совершающееся таинство несовершается за симъ препятствіемъ, и новый грѣхъ смертный рождается г). Понятно теперь, какъ опасно, какой страшной отвѣтственности подвергаетъ себя тотъ, который, исповѣдуя одни грѣхи служителю таинства, другіе постыдные хочетъ исповѣдывать Господу, котораго въ тоже время святотатственно обманываетъ въ лицѣ уполномоченнаго Имъ служителя Его.

Есть далѣе такіе исповѣдники, которые раскаяніе въ позорныхъ грѣхахъ откладываютъ до покаянія предъ смертію. Правда, страхъ предстоящей смерти и близкаго суда Божія можетъ побѣдить самолюбіе и вынудить признаніе. Но не говоря о томъ, что такое предсмертное раскаяніе не можетъ быть вполне благонадежно, какъ

в) *Ἀμαρτωλῶν σωτηρία μέρ. δεύτ. κεφ. ζ.*

г) Больш. Треб. гл. 13.

плодъ не столько чистаго произволенія и сердечнаго сокрушенія, сколько страха вѣчныхъ мукъ,—позволь спросить тебя, бѣдный грѣшникъ, можешь ли ты съ увѣренностію обѣщать себѣ предсмертное покаяніе, тогда какъ весьма многимъ въ немъ отказывается? Если и не будетъ тебѣ отказано въ предсмертномъ покаяніи, то есть, если ты не будешь постигнуть внезапною смертію, то будешь ли имѣть тогда здравую память и чистый смыслъ, чтобъ все припомнить и пересказать обстоятельно? Если и душевныя силы будутъ оставаться въ тебѣ, то позволяютъ ли тебѣ это сдѣлать болѣзнь и страданія тѣлесныя? Не наведетъ ли на тебя злой духъ забвенія? Не исполнитъ ли онъ тебя тогда бѣльшимъ смущеніемъ и стыдомъ, нежели какія ты чувствуешь нынѣ? Онъ всегда ищетъ твоей гибели (1 Петр. 5, 8.), но въ часъ смертный онъ употребитъ всю свою хитрость, чтобы погубить тебя. Онъ тогда внушитъ тебѣ, что ты не умрешь отъ сей болѣзни, и что расскаешься лучше въ другое время. Не такъ ли обманывается едва не большая часть умирающихъ? И что значить, что многіе на смертномъ одрѣ, за нѣсколько часовъ, даже минутъ до смерти, еще отвергають предложенія и совѣты — призвать священника для совершенія послѣднихъ напутствій, что это значить, какъ не помраченіе ума, наводимое лукавымъ? Положимъ даже, что ты не встрѣтишь подобныхъ искушеній, что ты

вполнѣ предъ смертію раскрыеши предъ духовникомъ твою совѣсть, и повѣдаешь ему грѣхи, какіе дотолѣ скрывалъ; но если ты рассчитываешь теперь на это потому только, что тогда тебѣ предъ смертію не такъ стыдно будетъ раскаяться, то ты именно рассчитываешь на отупѣніе совѣсти, на потерю стыда и смущенія, т. е. на такую исповѣдь, которая непринесетъ тебѣ пользы, какъ и прежде мы замѣтили. Вотъ какъ ненадежно спасеніе тѣхъ, кои думаютъ раскаяться въ нѣкоторыхъ грѣхахъ предъ смертію! Но скажетъ можетъ быть кто нибудь: какъ открыть теперь духовнику столь постыдные, столь срамные грѣхи? Онъ будетъ заирать и презирать меня. Но еслибы и дѣйствительно тебѣ довелось потерять доброе мнѣніе о тебѣ священника, не лучше ли претерпѣть это временное униженіе, чѣмъ подвергнуться позорищному стыду на страшномъ судѣ Христовомъ? Для сего-то, намъ кажется, христіане первыхъ вѣковъ и исповѣдывали грѣхи свои предъ всею Церковію. Но духовникъ никогда не презритъ, не унижитъ тебя, а тебѣ вмѣнится въ заслугу уже одна готовность къ сему униженію. Презираетъ ли добрый отецъ порочнаго сына? Зазираетъ ли искренній другъ слабости друга? Духовникъ есть твой отецъ, другъ твой, и другъ искренній. Онъ знаетъ, къ чему способно растлѣнное человѣческое сердце, и самъ чувствуетъ склонность къ тѣмъ грѣхамъ,

которыхъ ты стыдишься, и если благодать Божія соблюла его отъ сихъ грѣховъ, то можетъ быть онъ имѣетъ другіе, не менѣе обременяющіе его совѣсть. Чѣмъ искреннѣе, чѣмъ съ большею стыдливостію и сокрушеніемъ ты откроешь ему грѣхи свои, тѣмъ большее возбудишь въ немъ сожалѣніе о тебѣ, тѣмъ болѣе онъ возлюбитъ тебя и тѣмъ большее приметъ въ тебѣ участіе.

Есть наконецъ немало грѣшниковъ, которые до того ослѣплены самолюбіемъ и страстями, что самые грѣхи перестаютъ наконецъ казаться имъ грѣхами, и съ этимъ взглядомъ на свои грѣхи они являются предъ судилище покаянія. Такъ, гнусную гордость не стыдятся называть благороднымъ чувствованіемъ чести, скардную скупость—благоразумною бережливостію, злобное мщеніе—дѣйствіемъ правосудія, низкую лесть—должнымъ знакомъ уваженія, клевету—ревностію къ истинѣ, злословіе и пересуды, коими безчеловѣчно терзаютъ ближняго,—остротою ума и невинною шуткою для забавы общества, сладострастіе — безобидною для другихъ слабостію; а то, что не успѣли сотворить грѣховъ, которые намѣревались совершить, вмѣняютъ себѣ въ добродѣтель воздержанія, не замѣчая, что не добрая воля, а только обстоятельства удержали ихъ отъ преступленія. Но сего мало, многіе хотя сознаютъ грѣхи исповѣдуютъ ихъ, но при этомъ любимые свои грѣхи стараются смягчить и извинить. Съ сею цѣлію они употребляютъ неточныя

и невразумительныя выраженія, напр. вмѣсто того, чтобы сказать: я укралъ, говорятъ: я безъ спросу взялъ; или намѣренно умалчиваютъ объ обстоятельствахъ, сопутствовавшихъ грѣху. Не говорю, чтобы требовалось изчисленіе всѣхъ обстоятельствъ и всѣхъ вообще грѣховъ. Есть обстоятельства, ничего не прибавляющія къ понятію о грѣхѣ и нисколько не увеличивающія тяжести грѣховной. Таковыя нѣтъ надобности рассказывать. Но есть обстоятельства увеличивающія тяжесть грѣха; есть обстоятельства, измѣняющія самый видъ грѣха и составляющія новыя тягчайшіе грѣхи. Таковы зазорныя причины, располагающія насъ къ извѣстнымъ грѣхамъ; таковы постыднѣйшія самыхъ дѣйствій грѣховныхъ незаконныя цѣли; таковы наконецъ преступныя средства, пріемлемыя нами къ совершенію грѣховъ.—Наконецъ лукавство самолюбія и къ открытому признанію во грѣхѣ примѣниваетъ извиненія, или оправданія. Одинъ извиняетъ и оправдываетъ грѣхъ свой ненамѣренностію, или какимъ нибудь намѣреніемъ благовиднымъ, другой—возрастомъ, темпераментомъ, слабостію духа, или тѣлосложенія, тотъ—общими примѣрами и обычаями свѣта, иной—стеченіемъ обстоятельствъ и какою-то роковою необходимостію, и вообще всѣ болѣе или менѣе любятъ слагать вины грѣховъ своихъ на другихъ. Но такое лукавое исповѣданіе грѣховъ подъ прикрытіемъ, или извиненіемъ, нисколько не дѣйстви-

тельно: *покрываяй нечестіе ничтоже успьетъ*, говоритъ Св. Духъ устами Премудраго (Притч. 18, 13.). Такое исповѣданіе грѣховъ не спасетъ насъ отъ обличенія на страшномъ судѣ Христовомъ. Всѣ исповѣданные подъ такимъ прикрытіемъ грѣхи обличатся тогда и откроются въ собственномъ своемъ видѣ: тогда спадутъ съ нихъ эти льстивые покровы,—и они, какъ есть, во всемъ безобразіи обнаружатся предъ очами вселенной.

Итакъ, чтобъ не быть обличенными на страшномъ судѣ Христовомъ, будемъ тщательно испытывать состояніе души своей, и открывать на исповѣди всѣ грѣхи, ничего не утаивая и не щадя своего самолюбія; не будемъ извинять и оправдывать себя при исповѣданіи грѣховъ, но паче постараемся обличать себя: «въ исповѣданіи обличай, а не извиняй тебе», говоритъ кающемуся Церковь ^{а)}). Если же не можемъ побѣдить самолюбія, призовемъ небесную помощь, будемъ съ царемъ пророкомъ молить Господа, чтобъ Онъ *не уклонилъ сердце наше въ словеса лукавствія нещевати вины о грѣсьхъ* (Пс. 140, 4.), дабы, избѣгнувъ стыда временнаго, не возстать въ день страшнаго суда *въ укоризну и въ стыднїе вѣчное* (Дан. 12, 2.). Будемъ же исповѣдывать не только дѣйствительные грѣхи, но и намѣренные: «исповѣдатися должны есмы о су-

---

а) Увѣщ. прежде испов. къ каюш. Бол. Тр. гл. 13.

щихъ въ невѣденіи согрѣшеніяхъ, и о тѣхъ, яже согрѣшити имѣли быхомъ, отъ нихъже благодать Божія насъ избави, да не въ часъ смерти истязани будемъ о нихъ», говоритъ преп. Петръ, епископъ Дамаска, свидѣтельствуясь словами св. Аѳанасія великаго ^е).

2.

Обличивъ грѣхи, Господь изречетъ о грѣшникахъ праведный судъ свой, опредѣлитъ имъ свойственныя каждому вѣчныя казни (Прем. 11, 17.). Но на судѣ покаянія Господь, освобождая грѣшниковъ отъ сихъ вѣчныхъ казней за грѣхи ихъ, требуетъ, чтобъ грѣхи наказаны были во времени: «отпущену бывшу грѣху, купноже и должности (повинности) наказанія вѣчнаго, остается иногда должность наказанія привременнаго», говоритъ одинъ изъ богомудрыхъ первосвятителей Церкви нашей ^ж). И справедливо говоритъ, что *иногда*, а не всегда. Встрѣчаются проникнутыя сокрушеніемъ души, которыя, горько скорбя о грѣхахъ своихъ, произвольно сами себя подвергаютъ тяжкимъ наказаніямъ за оныя. Такъ, каявшійся Давидъ до того былъ проникнутъ скорбію о грѣхахъ своихъ, что забывалъ *снѣсти хлѣбъ свой* (Псал. 101, 5.), такъ что отъ чрезвы-

е) Кн. I. о лжем. разумѣ. Добр. Ч. III. л. 77 на об.

ж). Кам. вѣры о благов. прест. ч. 1 гл. 1. вѣд. 4.

чайнаго поста изнемогали колѣна его, и не только тѣло лишалось тука, но изсыхало и самое сердце (тамъже). Такъ св. апостоль Петръ заглаждалъ грѣхъ своего отреченія отъ Христа горькимъ плачемъ (Матѳ. 26, 15.), и какъ говоритъ Преданіе, во всю жизнь проливалъ токи слезъ, когда слышалъ пѣніе пѣтуха. Стоитъ только заглянуть въ жизнеописанія святыхъ, или прочесть повѣсть преподобнаго Іоана Лѣтвичника о житіи св. осужденниковъ (Сл. 5.),—и мы увидимъ безчисленные поучительные примѣры того, какимъ трудамъ, лишеніямъ, самоумерщвленіямъ кающіеся грѣшники подвергали сами себя за грѣхи свои. Другимъ Самъ Богъ посылаетъ наказанія за грѣхи. Такъ наказанъ былъ тотъже пророкъ Давидъ (2 Цар. 2, 13. 14. и 1 Парал. 11, 14.), какъ самъ исповѣдуетъ онъ: *наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя* (Псал. 107, 18.). Такъ наказаны за недовѣрчивость къ Богу Моисей и Ааронъ (Втор. 32, 50. 51.). Такъ и нынѣ многіе люди по сердцу Божию (Псал. 85, 21.) наказываются или болѣзнями, или другими случающимся несчастіями, коими Господь очищаетъ ихъ, какъ благопотребные сосуды, и приготовляетъ къ наслѣдію небснаго царствія. Но поелику немногіе изъ кающихся имѣютъ такое сокрушеніе сердца, чтобъ добровольно сами себя подвергали наказаніямъ, и не всѣмъ посылаются оныя отъ Господа; то пекущаяся о спасеніи чадъ своихъ Церковь опредѣляетъ кающимся

свои наказанія, или епитиміи, возлагаемыя на грѣшниковъ по свойству грѣховъ ихъ,—это нарочитые посты, молитвы, милостыни и другія богоугодныя дѣла, назначаемыя кающемуся отъ отца духовнаго. Въ назначеніи ихъ кающимся Церковь имѣеть ту же спасительную цѣль, чтобъ избавить грѣшника отъ вѣчныхъ наказаній: «отпущеніе грѣховъ, говоритъ одинъ богомудрый первосвятитель Церкви, мы сопровождаемъ епитиміями, по многимъ уважительнымъ причинамъ, и во первыхъ для того, чтобы чрезъ добровольное злостраданіе здѣсь, грѣшнику освободиться отъ невольнаго тяжкаго наказанія тамъ—въ другой жизни»³⁾. Такимъ образомъ, чтобъ избавиться отъ вѣчныхъ мукъ за грѣхи, непременно должно понести сіи временныя наказанія. Посему кающіеся обязаны принимать эпитиміи съ охотою и усердіемъ и исполнять съ точностію, памятуя, что уклоненіе отъ несенія эпитиміи—сего временнаго наказанія будетъ наказано вѣчными муками.

Не жалколи послѣ сего видѣть, какъ многіе изъ кающихся или уклоняются отъ возлагаемыхъ епитимій, какъ тяжкаго бремени, или, принимая ихъ, сѣтуютъ и негодуютъ на строгость отца духовнаго, или по нерадѣнію не исполняютъ ихъ, не понимая, что симъ самымъ подвергаютъ себя вѣчному наказанію.

---

3). Конст. патр. Іеремія къ лютер. отв. 1 гл. 12.

Не послѣдуемъ, любезный читатель, жалкому примѣру этихъ легкомысленныхъ людей, а будемъ внимать и слѣдовать спасительнымъ наставленіямъ, которыя внушаютъ намъ пекущаяся о нашемъ спасеніи св. Церковь и богомудрые ея учителя. Они поучаютъ насъ не только съ охотою принимать и исполнять возлагаемыя епитиміи, но даже испрашивать оныя. Вотъ слова, которыя влагаютъ они въ уста кающагося послѣ исповѣди: «вотъ, честный отецъ, злыя и безмѣстныя дѣла мои, въ которыхъ я недостойный прошу помилованія и прощенія, и съ радостію готовъ принять всякое наказаніе и правило (*παίδειαν καὶ κανόνα*), какое ты дашь мнѣ за грѣхи мои» ^н). «Смиренно прошу и молю тя, честный отче...да разрѣшиши мя отъ всѣхъ сихъ, ихъже изглаголахъ предъ тобою, грѣховъ моихъ, и очистиши вся и простиши ми и епитимію подаси ми», говоритъ св. Димитрій митрополитъ Ростовскій ^і). Воспользуемся сими внушеніями и не будемъ уклоняться отъ спасительныхъ наказаній, не будемъ думать, что мы не имѣемъ большихъ грѣховъ, и потому не заслужили наказанія; одна мысль, что мы низаслуживаемъ наказанія, заслуживаетъ наказанія; не будемъ отвергать епитиміи, говоря, что она выше силъ нашихъ. Самое отвращеніе наше отъ епитиміи нерѣдко бываетъ признакомъ ея

н) *Σύνοψ. Ιερ. φυλ. 173.*

і) Исповѣданіе грѣховъ, глаголемое предъ іереемъ.

снасительности; будемъ испрашивать себѣ ее, принимать съ охотою и исполнять со всею строгостію: ибо сія только строгость можетъ преклонить къ намъ милосердіе Божіе и быть надежною порукою спасенія отъ вѣчныхъ мученій.

Вотъ какимъ образомъ мы должны вести себя на судилищи исповѣди. Возблагодаримъ безпредѣльную благодать Господа и будемъ, сколь можно чаще, подвергать себя суду сему, дабы избавится отъ вѣчнаго осужденія на страшномъ судѣ Его.

Свящ. Александръ Серіевскій.

Р Ъ Ч Ъ

КЪ ПРИЧАСТНИКАМЪ СВЯТЫХЪ ТАИНЪ.

Ни лобзанія ти дамъ, яко Іуда.

Приступая къ причащенію святыхъ Таинъ тѣла и крови Христовой, вы, братія, дали обѣтъ не давать Христу лобзанія Іудина. Помните-же этотъ обѣтъ и страшитесь быть невѣрными ему. Тяжекъ и непростителенъ грѣхъ Іуды, предавшаго врагамъ своего Господа и учителя, съ которымъ онъ имѣлъ тѣснѣйшее общеніе, съ которымъ ежедневно бесѣдовалъ, всюду путешествовалъ, раздѣлялъ трапезу, отъ котораго получилъ даръ чудотвереній и обѣтованіе быть однимъ изъ двенадцати судей надъ двенадцатью колѣнами Израиля. Надобно быть крайне неблагодарнымъ и ожесточеннымъ, чтобы такъ позорно измѣнить своему Благодѣтелю и Господу, чтобы съ такою несмысленною дерзостію рѣшиться знакомъ поцѣлуя указать Его врагамъ. Такъ знайте-же, братія, что и каждый изъ насъ можетъ быть виновенъ въ грѣхѣ Іуды, можетъ сдѣлаться подобнымъ ему

измѣнникомъ Христу. Иуда предалъ Господа врагамъ Его; а мы на чью сторону переходимъ, какъ не на сторону врага Божія—діавола, когда послѣ пріобщенія святыхъ Таинъ поспѣшаемъ творить дѣла діавола, ибо *всякъ творяй грѣхъ отъ діавола есть?*—Иуда поцѣлуемъ, знакомъ любви и дружбы, предалъ Христа: не тожели самое дѣлаемъ и мы, когда, приступая къ чашѣ съ тѣломъ и кровію Христовою, являемъ наружныя знаки смиренія, благоговѣнія, любви и преданности нашему Спасителю, а между тѣмъ въ тѣже самыя минуты питаемъ въ душѣ тайное, предательское намѣреніе по окончаніи дней говѣнія по прежнему служить плоти, міру и діаволу?—Иуда предалъ Христа по корыстолюбію, польстившись на какіенибудь 30 сребрениковъ: но и многіе изъ насъ не готовыи отказаться отъ служенія Христу дѣлами благочестія и милосердія, когда представится возможность пріобрѣсть какую нибудь вещественую выгоду съ пренебреженіемъ обязанности благочестія и съ обидою ближнему? Не готовы ли измѣнить Христу изъ-за приманокъ чувственныхъ удовольствій, промѣнять угожденіе Ему на угожденіе самолюбію и страстямъ? Не случается ли, что обѣтъ воздержанія, цѣломудрія, духовнаго бодрствованія мы сохраняемъ только до перваго случая, располагающаго къ невоздержанію, нецѣломудрію, разсѣяности? Не случается ли, что чрезъ нѣскольکو дней послѣ говѣнія уста, освященныя прикос-

повеніемъ страшныхъ Таинъ, оскверняемъ срамословіемъ, празднословіемъ, кощунствомъ, злословіемъ, и тѣло, содѣлавшееся храмомъ Христа, обращаемъ въ храмъ сатаны, въ орудіе плотскихъ грѣховъ?—Братія! бойтесь измѣнять Христу, бойтесь оскорблять Его безстрашнымъ нарушеніемъ обѣта не давать Ему лобзанія Иудина. Когда міръ, плоть и діаволь приступятъ къ вамъ съ своими искушеніями и соблазнами,—скажите имъ: мы принадлежимъ Христу, мы дали присягу служить Ему, мы не хотимъ быть вторыми Иудами,—скажите это, и удержитесь отъ грѣховъ, въ чемъ да поможетъ всѣмъ намъ Господь Иисусъ своею благодатію.

Свящ. В. Нечаевъ.

О ВАЖНОСТИ ГРѢХА.

Оброцы грѣха смерть (Римл. 6, 23.).

Многіе изъ насъ думаютъ о грѣхѣхъ слишкомъ легкомысленно. Важными грѣхами обыкновенно почитаются у насъ тѣ грѣхи, за которые строго наказываетъ и земное правосудіе, какъ напри- мѣръ: убійство, воровство, грабительство. Тѣ же грѣхи, которыми большая часть изъ насъ прог- нѣвляетъ Бога ежедневно, большею частію по- читаются маловажными, почти незаслуживаю- щими кары небесной. Не такъ судить о грѣ- хахъ Богъ. По увѣренію Апостола, каждый грѣхъ, какъ бы онъ ни казался намъ маловаж- нымъ, заслуживаетъ вѣчное наказаніе отъ Бога: *оброцы грѣха смерть*. И дѣйствительно, если бы мы размышляли о грѣхахъ своихъ не по нашему суду, а по суду правды Божіей, тогда увидѣли бы всю ихъ тяжесть и убѣдились бы въ той истинѣ, что всякій грѣхъ, сколько бы ни пред- ставлялся намъ маловажнымъ, можетъ содѣлаться причиною нашего осужденія, если мы не по- спѣшимъ очистить его покаяніемъ.

Что такое грѣхъ? *Грѣхъ есть беззаконіе* (1 Іоан. 3, 4.), говорить св. ап. Іоаннъ Бого-словъ; иначе сказать: грѣхъ есть нарушеніе закона, даннаго Богомъ. А кто сей Богъ, котораго мы такъ безстрашно оскорбляемъ противленіемъ Его всесвѣтой волѣ? Онъ есть Богъ вседержитель, Коего слушаетъ небо и земля и преисподняя, Которому съ трепетомъ предстоятъ архангелы и ангелы; Онъ есть Владыка нашей жизни и смерти, Судія живыхъ и мертвыхъ, Который нѣкогда воздастъ *комуждо по дѣломъ его*; Онъ есть святыхъ Святѣйшій, предъ лицомъ Котораго ненавистенъ всякій грѣхъ, омерзительна всякая неправда. Что же дѣлаетъ грѣшникъ, преступающій законъ Божій? Онъ попираетъ велѣніе Бога вездѣсущаго и всемогущаго, оскорбляетъ Его святость; это ли люди называютъ грѣхомъ маловажнымъ, не заслуживающимъ величайшаго наказанія?

Помыслимъ при семъ, что Богъ, Котораго законъ мы такъ беззаботно нарушаемъ, есть не только нашъ всемогущій Творецъ и Владыка, но и нашъ любвеобильнѣйшій Отецъ, который столько возлюбилъ насъ, что *и сына своего Единороднаго далъ есть* за спасеніе наше, да *всякъ въручай въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16.), который усыновилъ насъ себѣ въ таинствѣ св. крещенія, даровалъ намъ сокровище своей благодати, содѣлалъ насъ наследниками своего небеснаго цар-

ствія. Какая любовь можетъ быть болыне этой любви? Какое благодѣяніе можетъ быть выше сего благодѣянія? Что же дѣлаетъ грѣшникъ, беззаботно нарушающій волю столь любвеобильнаго Отца небеснаго? Онъ тѣмъ отвергаетъ любовь Его, уничижаетъ Его величайшія благодѣянія, попираетъ кровь Сына Божія, пролитуую за спасеніе наше. Если и по нашему суду, чѣмъ выше благодѣяніе, тѣмъ большаго наказанія достоинъ тотъ, кто остается за него неблагодарнымъ,—то нельзя не видѣть, какому великому наказанію отъ Бога подвергаетъ себя каждый беспечный грѣшникъ. И можно ли какой либо грѣхъ почитать маловажнымъ, незаслуживающимъ великаго наказанія, когда онъ есть не только нарушеніе воли Бога, Творца и Благодѣтеля нашего, но исполненіе воли врага Божія—дѣвола? Изъ Слова Божія извѣстно, что изобрѣтатель грѣха есть дѣволъ, духъ, отторгшійся отъ Бога и увлекшій съ собою человѣка, сотвореннаго правымъ, или безгрѣшнымъ. Посему всякій грѣхъ, сколько бы ни представлялся намъ маловажнымъ, совершается въ угодность врага Божія—дѣвола, и *творяй грѣхъ отъ дѣвола есть* (1 Іоан. 3, 8.), какъ говоритъ св. ап. Іоаннъ Богословъ. А неужели это маловажно, что человѣкъ, вмѣсто воли Божіей, творитъ волю врага Божія—дѣвола? Что сказали бы вы о томъ воинѣ, который, вмѣсто исполненія воли своего царя и благодѣтеля, сталъ бы исполнять

волю враговъ его? Такого измѣнника не почли бы вы достойнымъ величайшаго наказанія? Столько же виновнымъ передъ Богомъ дѣлается и тотъ, кто не страшится творить грѣхъ, исполнять волю врага Божія—дѣвола.

А если бы мы обратили должное вниманіе на тѣ пагубныя слѣдствія, которыя могутъ происходить отъ грѣха, то убѣгали бы отъ него, *яко отъ лица зміина* (Сир. 2, 2.). Всякій грѣхъ по отношенію къ нашей душѣ есть тоже, что болѣзнь по отношенію къ тѣлу. Если сіи духовныя болѣзни сперва и незначительны, и не вдругъ поражаютъ смертію нашу душу, то слѣдуетъ ли изъ того, что онѣ не заслуживаютъ нашего вниманія и заботливости? Все же онѣ болѣзни, которыя рано или поздно могутъ довести душу до гибели, подобно тому какъ и незначительныя болѣзни въ тѣлѣ могутъ постепенно приближать его къ смерти. Оставьте безъ вниманія незначительную болѣзнь въ тѣлѣ, и она легко можетъ превратиться въ болѣзнь тяжкую и неизлѣчимую. Тоже бываетъ и съ болѣзнями духа. Если и *малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ* (1 Кор. 5, 6.), какъ говоритъ Апостоль; если и одной искры иногда бываетъ довольно для того, чтобы произвести пожаръ: то удивительно ли, если и малый, сперва незначительный порокъ, оставленный безъ вниманія, постепенно возрастая, наконецъ доводитъ человѣка до высшей степени нечестія, а слѣдовательно и до вратъ

вѣчной гибели? И всѣ величайшіе грѣшники, погубившіе и тѣло и душу въ безднѣ пороковъ, не вдругъ сдѣлались таковыми. Иуда искаріотскій сперва позволилъ себѣ только нѣкоторую привязанность къ деньгамъ, *татъ, блъ и ковчежецъ имляше и вметаемая ношаше* (Іоан. 12, 6.), какъ замѣчаетъ Евангелистъ. Но сей въ началѣ малый порокъ скоро обратился въ душѣ его въ губительную страсть сребролюбія, которая наконецъ довела его до преданія своего Учителя и Господа. Такія пагубныя послѣдствія могутъ происходить и отъ маловажныхъ вначалѣ пороковъ! Такъ опасно оставлять безъ вниманія и малые въ началѣ грѣхи!

Скажете: «не всякій изъ грѣшниковъ доходитъ до такой степени нечестія, хотя всякій изъ насъ подверженъ извѣстнымъ слабостямъ». Но въ чемъ вы поставяете глубину нечестія? По суду человѣческому нельзя еще заключать о важности грѣховъ, подобно тому какъ по внѣшнему состоянію нельзя заключать о внутреннемъ достоинствѣ человѣка. Многіе изъ людей почитаются добрыми, тогда какъ по суду Божию они давно уже, можетъ быть, содѣлались сынами гены. Такъ холодность, съ которою мы слушаемъ Слово Божіе, жестокосердіе, съ которымъ мы отказываемъ въ помощи ближнему, имѣющему нужду въ оной, гордость, съ которою мы являемся посреди собратій своихъ, непочтеніе дней праздничныхъ, которыхъ освященія

требуетъ отъ насъ Самъ Богъ, всѣ эти грѣхи между нами такъ обыкновенны, что мы часто и не примѣчаемъ ихъ, между тѣмъ какъ на вѣсахъ небеснаго правосудія они почитаются достойными величайшаго наказанія. Подлинно какъ легко можно дойти до усыпленія грѣховнаго, и, стоя уже на краю ада, подумать, что мы еще не великіе грѣшники!

Многіе изъ грѣшниковъ не спѣшатъ покаяніемъ очищать душу свою отъ грѣховъ, въ которыхъ живутъ, думая, что отъ нихъ легко отстанутъ, если захотятъ. Но такъ ли бываетъ на самомъ дѣлѣ? Всякій изъ насъ по собственному опыту знаетъ, какъ слаба наша воля, и какъ склонно къ злу наше сердце, какъ часто мы, намѣреваясь сдѣлать что либо доброе, при встрѣчѣ съ малымъ препятствіемъ, легко забываемъ о добродѣтели и побѣждаемся порокомъ. И отъ чего сіи не важные, по мнѣнію нѣкоторыхъ, грѣхи заражаютъ сердца многихъ людей? Отъ чего рѣдки люди, которые бы не имѣли ихъ? Не отъ того ли, что эти плевелы не легко изторгаются изъ сердца, что нужна великая твердость духа для того, чтобы отстать отъ любимыхъ нами грѣховъ, обратившихся уже для насъ въ привычку, и что потому нужна особенная помощь Божія, для утвержденія воли нашей въ добрѣ? Потому Господь Иисусъ Христосъ и предостерегаетъ насъ отъ невѣрности даже и въ маломъ, и строго наказываетъ за нее, что невѣр-

ный въ маломъ легко можетъ сдѣлаться невѣрнымъ и во многомъ: *неправедный въ малъ и во мнозъ неправеденъ есть* (Лук. 18, 10.), говоритъ Онъ въ Евангеліи.

Наконецъ, если не по любви къ добродѣтели, то по страху великаго наказанія отъ Бога, мы должны стараться избѣгать грѣховъ, сколько бы они маловажными ни казались намъ. Изъ многихъ примѣровъ св. Писанія можно понять, сколь оскорбительно для Господа Бога и малое нарушение Его святыхъ заповѣдей, когда за сіе многіе изъ людей строго были наказаны небеснымъ правосудіемъ. Жена Лотова за одно запрещенное ей любопытство превращена въ столпъ славный; сестра Моисеева за одинъ ропотъ на Моисея поражена проказою; самъ Моисей за одно слово нѣкотораго сомнѣнія въ силѣ Божіей долженъ былъ умереть внѣ земли обѣтованной; Оза пораженъ смертію за то, что необдуманно хотѣлъ поддержать кивотъ Завѣта, охраняемый самимъ Господомъ; Давидъ за одно намѣреніе исчислить своихъ подданныхъ навлекъ на нихъ трехдневную язву, погубившую нѣсколько тысячъ людей; пятьдесятъ воиновъ Ахаавовыхъ поражены небеснымъ огнемъ за одно презрѣніе къ пророку Божію Іліи; Ананія и Сапфира пали мертвыми при ногахъ апостола Петра только за то, что утаили предъ нимъ часть изъ проданнаго ими имѣнія. Такимъ строгимъ наказаніемъ людей и за малые по видимому проступки

Господь подаетъ страшный урокъ тѣмъ изъ беспечныхъ грѣшниковъ, которые, проводя жизнь свою во грѣхахъ, думаютъ укрыться отъ гнѣва небеснаго правосудія подъ милосердіемъ и благостію Божіею, не заслуживъ ихъ,—и какъ бы повторяетъ имъ слова Спасителя, нѣкогда сказанныя къ нераскаяннымъ грѣшникамъ іудейскимъ: *аще не покаетесь, вси такожде погибнете* (Лук. 13, 3.).

Посему мы недолжны почитать маловажными никакихъ грѣховъ, недолжны позволять и малому повидимому злу укореняться въ нашемъ сердцѣ, дабы недойти до ожесточенія и нераскаянности, и не лишиться навсегда благодати и помощи Божіей, безъ которыхъ невозможно спастись. Научимся лучше бояться Господа и непрогнѣвлять его и малыми по видимому грѣхами, помня слово Апостола, что *оброцы грѣха смерть*. Тогда будемъ свободны отъ грѣховъ великихъ и тяжкихъ и будемъ имѣть надежду спасенія и помилованія на судѣ Божіемъ.

Священникъ Александръ Романовскій.

ЖИЗНЬ

СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,

АРХІЕПИСКОПА КЕСАРІИ КАППАДОКІЙСКІЯ а.).

ГЛАВА IV.

Послѣдствія раздѣленія Каппадокіи на двѣ области. — Отношеніе къ Василию Тіанскаго епископа Анонма. — Умноженіе епархій и примиреніе съ Анонмомъ. — Защищеніе Василиемъ Евстаѳіа Севастійскаго; вѣроломство Евстаѳіа, посредничество Евсевія Самосатскаго къ примиренію его съ Василиемъ. — Клеветы Евстаѳіа на Василія. — Отвѣтныя на нихъ письма Василія. — Болѣзни Василія и кончина его.

Извѣстіе о раздѣленіи Каппадокіи достигло до архіепископа въ то время, какъ онъ отлучался для обзрѣнія епархій и для рукоположенія брата своего Григорія во епископа Нисскаго. Уныніе, въ какое впали при этомъ Кесарійцы, было такъ велико, что, по увѣренію Василія, нуженъ былъ Симонидъ или Есхиль для изображенія великости бѣдствія. Подандъ, который назначался главнымъ городомъ новооткрытой

а) Окончаніе. Начало и продолженіе см. въ январ. и февральск. книжкахъ Душ. Чтенія.

области, былъ не что иное, какъ изрытая пропасть, дышущая тлетворнымъ воздухомъ. Одни какъ плѣнники отводились сюда, и это большая часть людей знаменитыхъ въ городѣ; другіе, чтобы избавиться отъ непріятнаго переселенія, убѣгали со всѣмъ своимъ семействомъ и скитались по селамъ или вовсе неизвѣстнымъ мѣстамъ, и такихъ была третья часть; такимъ образомъ только третья часть осталась въ городѣ, но оставшіеся, не перенося разлуки съ людьми близкими и скорбя о превращеніи города въ совершенную пустыню, отрекались отъ самой жизни. По ночамъ не было здѣсь освѣщенія, училища были закрыты, и прекратились собранія, рѣчи и сходбища на площади людей ученыхъ. Только и слышенъ былъ голосъ объявлявшихъ искъ, подвергавшихся взысканію, и приговоренныхъ къ наказанію бичами. Глубоко сочувствуя несчастію соотечественниковъ, извѣщенный ими, Василій письменно просилъ людей близкихъ къ императору доложить ему о бѣдствіяхъ Кесарійскихъ гражданъ и просить его объ отмѣненіи своего распоряженія. Но уваженіе къ представительству архіепископа показано было только въ томъ, что вмѣсто Поданда управленіе переведено было въ Тіану. Съ этимъ вмѣстѣ открылись новыя непріятности для Василія. Къ заботамъ объ утѣшеніи христіанъ нужно было присоединить старанія о томъ, чтобы, при постигшемъ Кесарію бѣдствіи, митрополія кесарійская оставалась

не раздѣленною. Епископъ Тіанскій Анѳимъ захотѣлъ образовать особый округъ управленія и быть митрополитомъ. «Епископы, какъ скоро стали именоваться принадлежанцами къ другой области, подумали уже, что они сдѣлались иноземными и иноплеменными для Василія, и даже не хотѣли знать его, какъ будто никогда не заводили знакомства, и не промолвили съ нимъ ни одного слова». Все это слова Гр. Богослова (Пох. сл.). «Истинная же причина такого отчужденія, пишетъ св. Григорій Богословъ, заключалась въ томъ, что не были согласны съ нимъ въ разсужденіи о вѣрѣ, а если и соглашались, то по необходимости, принужденные множествомъ (большинствомъ); кромѣ же сего для нихъ было всего тягостнѣе (хотя и всего стыднѣе признаться) то, что Василій далеко превъшалъ ихъ славою». Новый Тіанскій митрополитъ, увлекаемый властолюбіемъ, не чуждъ былъ и корыстолюбія, — онъ отвлекалъ отъ сѣзда на соборы, расхищалъ доходы, особенно ставилъ за великое доходы отъ св. Ореста (моци котораго почивали въ Тіанѣ). Духовное дѣло, спасеніе души, дѣло вѣры, — все это служило для него прикровеніемъ ненасытимости. Св. Василій въ это же время, по увѣренію Григорія Богослова, приходилъ въ затрудненіе еще и отъ какой-то софистики и обычной пытливости преобладающихъ (пис. Гр. 25). Многіе даже изъ окружавшихъ его чрезъ негоже обдѣлывали свои

дѣла и раздували искру мщенія. Впрочемъ онъ, скажемъ также словами св. Григорія Богослова, не слабое придумалъ средство къ прекращенію зла, а самый раздоръ употребилъ къ приращенію церкви и случившемуся далъ самый лучший оборотъ, именно: умножилъ въ отечествѣ число епископовъ. Изъ сего происходили, по суду Григорія Богослова, очень хорошо знавшаго современныя обстоятельства, три главные выгоды: попеченіе о душахъ приложено большее, каждому городу даны свои права, а тѣмъ и вражда прекращена. Разсуждая выше, нежели по человѣчески, св. Василій въ это самое время противъ воли посвятилъ своего друга Григорія Богослова во епископа мѣстечка Сасимъ, которое находилось на предѣлахъ двухъ митрополій. Хотя Григорій покорился сему избранію, но другіе не переставали осуждать Василія за это посвященіе, такъ что, по рукоположеніи, Сасимскій епископъ усталъ, слушая упреки своему другу и защищая его предъ людьми, которые знали о взаимныхъ ихъ сношеніяхъ (Пис. Гр. Б. 50.). Такъ, пользуясь слухами о томъ, что Григорій скорбѣлъ о назначеніи его въ Сасимы, Анѳимъ епископъ Тіанскій приходилъ и въ Назіанзъ съ нѣкоторыми епископами, для того, чтобы привлечь Григорія на свою сторону. Послѣ многихъ выпытываній о многомъ, о приходахъ, о сасимскихъ болотахъ, о рукоположеніи, Анѳимъ и ласкалъ, и просилъ, и угрожалъ, и выставялъ

свои права, порицалъ, хвалилъ и съ усиліемъ доказывалъ, что христіане Сасимскіе и Назіанзскіе должны присоединиться къ новой Тіанской митрополіи. Но его замыслы остались безъ всякаго успѣха. Св. Григорій убѣдилъ Аноима искать примиренія съ Василиемъ, а Василій назначилъ время и мѣсто (Пис. 51. Гр.) для собора по сему дѣлу. Благодаря этому посредничеству, чрезъ полгода несогласія между духовенствомъ первой и второй Каппадокій были прекращены.

Въ послѣдніе годы своей жизни св. Василій много терпѣлъ и страдалъ еще отъ клеветъ, какія разсѣвалъ о немъ вѣроломный другъ его Евстаѳій, епископъ Севастійскій. Какъ основатель многихъ монастырей у армянъ, пафлагонянъ и обитателей припонтійскихъ (Соз. 3. 14.), Евстаѳій многихъ предрасположилъ въ свою пользу внѣшнею строгостію своей жизни (онъ носилъ грубую одежду, поясъ и обувь изъ невыдѣланной кожи). Посему Василій считалъ его за человѣка благонамѣреннаго, даже благочестиваго, несмотря на то, что многіе отвлекали его отъ знакомства съ нимъ и заподозрѣвали чистоту его вѣры. Не разъ у Василія съ Евстаѳіемъ бывали и пренія въ разсужденіи догматовъ (Пис. 215.); но конецъ споровъ доводилъ до убѣжденія, что и въ самыхъ малостяхъ не разногласили они между собою, что и Евстаѳій держится правой вѣры. Поэтому, ревнуя о взаимномъ мирѣ епископовъ, св. Василій защищалъ его предъ тѣми, кои при-

числяли его къ полуаріанамъ, особенно предъ митрополитомъ армянскимъ Оеодотомъ; это защищеніе стоило Василию такъ дорого, что по сему случаю онъ самъ подвергся подозрѣнію въ неправославіи, и въ бытность свою въ Никополѣ небыль допускаемъ до участія въ общихъ ни вечернихъ, ни утреннихъ молитвахъ. Между тѣмъ Евстаѳій, въ его отсутствіе, увѣрялъ своихъ учениковъ, что ни въ чемъ съ нимъ несогласенъ. Когда извѣстили объ этомъ Василия, онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, и для обличенія невѣрности подобныхъ слуховъ, указывалъ на исповѣданіе православной вѣры ⁶⁾, подъ которымъ Евстаѳій подписался въ присутствіи Фронтана, хорепископа Севера и нѣкоторыхъ другихъ клириковъ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того созванъ былъ еще соборъ (Пис. 244.), на которомъ сосѣдніе епископы должны были вступить въ общеніе съ Евстаѳіемъ, какъ православнымъ; всѣ приглашенные епископы, когда нужно было, съ радостію и усердіемъ пришли на соборъ. Но тотъ, для котораго и изъ—за котораго созванъ былъ соборъ, и послѣ вторичнаго посольства къ нему не явился, а прислалъ только къ Василию письмо, въ которомъ ничего не сказано было о постановленныхъ

---

6) Исповѣданіе составлено было на никопольскомъ соборѣ, и кромѣ Символа Никейскаго заключало дополнительное ученіе о божествѣ Святаго Духа и опроверженіе лжеученій Маркела и Савеллія (125 п.).

до собора условіяхъ къ общенію съ православными епископами. Посланные впрочемъ извѣщали, что сообщники Евстаѳіа недозволили ему идти на соборъ. Въ такихъ обстоятельствахъ св. Василій, председатель собора, упалъ духомъ и пристыженный, не зналъ, что отвѣчать спрашивавшимъ. Впрочемъ несмотря на такое горестное окончаніе собора, можно было еще думать, что Евстаѳій недалекъ отъ общенія съ православными, и что въ настоящемъ случаѣ удержанъ былъ только своими учениками отъ участія на соборѣ. Посему св. Евсевій епископъ Самосатскій пытался еще примирить Евстаѳіа съ Василіемъ и при этомъ вновь предложилъ Евстаѳію простые и ясные вопросы о вѣрѣ. Но отвѣтъ былъ данъ не прямой, двусмысленный, съ явнымъ намѣреніемъ отринуть предложеніе. Василій, по собственному его увѣренію, такъ сильно желалъ мира, что съ удовольствіемъ готовъ былъ бы отдать и жизнь свою, только бы угасить пламень ненависти; но изъ уклончивости отвѣта Евстаѳіева увидѣлъ, что не можетъ быть твердой надежды на законное общеніе съ такимъ человекомъ. Дѣйствительно Евстаѳій въ Киликіи для какого-то Геласія вскорѣ написалъ такое исповѣданіе вѣры, какое прилично было бы написать одному развѣ Арію и самому близкому изъ учениковъ его. На соборѣ въ Анкирѣ подписалъ проклятіе на догматъ единосущія и сталъ вождемъ ереси духоборцевъ (п. 255.). Около сего же

времени самому Василию написалъ письмо, заключающее въ себѣ прямой отказъ отъ общенія съ нимъ, потому будто бы, что Василій состоялъ въ перепискѣ съ еретикомъ Аполлинаріемъ и проповѣдуетъ новое ученіе (п. 218.), именно равночестіе Святаго Духа Отцу и Сыну. Кромѣ сего (п. 130.) въ самыя отдаленныя страны Евстаѳій разослалъ письма, исполненныя всякаго злорѣчія и клеветы на св. Василія. По его словамъ, св. Василій и коваренъ и лживъ и причиною расстройства Церкви и пагубы душъ. Въ доказательство Евстаѳій указывалъ на дружеское письмо къ Аполлинарію, писанное лѣтъ за 20 назадъ, еще въ то время, какъ оба были мірянами, притомъ въ спискѣ Богъ знаетъ кѣмъ сдѣланномъ (Пис. 224.). Клевета эта быстро распространилась въ Понтѣ, Галатіи, Віоиніи и даже до Геллеспонта, и удобно могла произвести очень вредное дѣйствіе между легковѣрными людьми. Последнее письмо Евстаѳія, полученное Василиемъ послѣ отказа Евстаѳія явиться на соборъ, сильно возмутило его (п. 244.). «Сердце у меня стало связано, писалъ Василій одному изъ епископовъ, языкъ разслабѣлъ, рука онѣмѣла, я впалъ въ немощь души не мужественной и едва не дошелъ до человѣконенавидѣнія; мнѣ казалось, что всякой нравъ подозрителенъ, что въ природѣ человѣческой нѣтъ блага любви». Впрочемъ хотя и часто извѣщали Василія о разныхъ клеветахъ на него Евстаѳія, онъ думалъ, что надобно въ

молчаніи переносить всѣ огорченія, ожидая какой нибудь перемѣны на лучшее отъ самыхъ дѣлъ; онъ полагалъ еще, что ложные толки о немъ были распространяемы, не по какой либо злобѣ, но по незнапію истины. «Одно у меня утѣшеніе въ сихъ бѣдствіяхъ, писалъ онъ въ другомъ письмѣ, немощь плоти, по которой увѣрюсь, что не много времени оставаться мнѣ въ этой несчастной жизни». Вотъ причина, почему св. Василій не отвѣчалъ ничего на клеветы Евстаѳіа около трехъ лѣтъ. Но съ теченіемъ времени вражда возрастала и Евстаѳіане нимало не раскаявались въ своихъ навѣтахъ на Василія. Это побудило его наконецъ написать нѣсколько писемъ къ близкимъ ему пастырямъ и инокамъ; въ сихъ письмахъ онъ раскрылъ свои отношенія къ Евстаѳію, его жалкое непостоянство, а также предлогъ къ обвиненію въ общени съ Амоллинаріемъ, и послѣ этого безстыдные клеветники должны были умолкнуть.

Непріятности и огорченія, какія терпѣлъ Василій отъ соепископовъ, отъ аріанъ и отъ Евстаѳіанъ конечно были бы гораздо сноснѣе и легче, если бы онъ обладалъ крѣпкимъ здоровьемъ. Но и тогда, какъ онъ былъ въ добромъ здоровьи, — по собственнымъ его словамъ, у него менѣе было силъ, чѣмъ у людей, въ жизни которыхъ уже отчаялись. Что преувеличенія въ этихъ словахъ очень немного, это видно и изъ частыхъ его упоминаній о болѣзняхъ. При из-

браніи во епископа, какъ сказано было прежде, онъ былъ такъ опасно боленъ, что отчаявался въ своей жизни. Въ 373 г. болѣзнь мучила его болѣе пятидесяти дней, несмотря на то, что онъ пользовался минеральными теплыми водами и принималъ нѣкоторыя пособія отъ врачей (п.136). При этомъ продолжительная болѣзнь была такъ непонятна самому Василію, что онъ, при всемъ знаніи медицины, не находилъ словъ для изображенія ея многосложности и разнообразія. Она началась, по описанію самого больного, горячкою, которая, по недостатку питательнаго для нея вещества, обвившись около сухой плоти, какъ около обожженной свѣтильни, производила сухотку и какую-то другую медлительную болѣзнь. А потомъ какая-то старая рана, поразивъ печень, произвела въ немъ отвращеніе отъ пищи, отогнала отъ очей сонъ и держала на предѣлахъ между жизнию и смертію, дозволяя жить только въ той мѣрѣ, чтобы чувствовать непріятности жизни.

Черезъ годъ послѣ сего св. Василій еще сильнѣе сталъ жаловаться на свои болѣзни: «непрерывныя и сильныя лихорадки, писалъ онъ, такъ изнурили мое тѣло, что самъ себѣ кажусь чѣмъ-то такимъ, что хуже и меня самого. Припадки четырехдневной лихорадки болѣе 20-ти разъ повторяли свой кругъ; а теперь, когда, повидимому, освободился отъ лихорадокъ, до такого дошелъ изнеможенія силъ, что въ этомъ не отли-

чаюсь отъ паутины. Поэтому всякой путь для меня непроходимъ, всякое дуновеніе вѣтра для меня опаснѣе, чѣмъ тревоженіе для пловцовъ» (Пис. 185 и 157.). Быть нездоровымъ для меня стало чѣмъ-то естественнымъ, у меня болѣзнь слѣдуетъ за болѣзнію (192 п.). Посему изъ всего этого даже ребенку видно, что совершенно уже необходимо мнѣ разстаться съ этимъ земнымъ покровомъ» (Пис. 131.). Въ 373 году пронесся было даже по Каппадокіи слухъ о смерти Василія и многіе изъ епископовъ собрались было въ Кесарію для избранія ему преемника. Повидному, ихъ прибытіе могло послужить къ утѣшенію больного. Но изъ совѣщанія съ ними о дѣлахъ церковныхъ онъ узналъ, что они не помогали ему ни въ чемъ самонужнѣйшемъ; случилось, что въ его присутствіи они чувствовали стыдъ и обѣщали должное; но разставшись, опять возвращались въ прежнее свое расположеніе. Подобныя огорченія, по суду самого Василія (п. 136.), большею частію препятствовали правленію его здоровья, а болѣзни дѣлали болѣе тяжкими и мучительными огорченія со стороны другихъ. Потому при всемъ величій терпѣнія св. Василій писалъ о себѣ въ одномъ письмѣ: «я оцепенѣлъ отъ множества скорбей, окружившихъ меня нынѣ, онѣ содѣлали жизнь мою очень тяжелою». Все это — и множество скорбей и непрестанныя заботы конечно достаточны увѣрить, что только по особенной милости и благоволе-

нію Божию Святитель при столь слабомъ здоровѣ могъ прожить до 49 лѣтъ.

Обстоятельства его кончины съ подробностію описалъ св. Григорій Богословъ. Когда Василиій лежалъ при послѣднемъ издыханіи, призываемый къ горнему ликостоянію, вокругъ него волновался весь городъ: нестерпима была потеря, жаловались на его отшествіе, какъ на притѣсненіе; думали удержать его душу, какъ будто можно насильно остановить ее руками и молитвами; всякій, если бы только возможно было, готовъ былъ приложить ему что нибудь отъ своей жизни. Въ предсмертныя минуты больной архипастырь нѣкоторыхъ рукоположилъ на церковныя степени, а другимъ предлагалъ свои наставленія; и наконецъ съ словами: *въ руку Твою предаю духъ мой*, радостно испустилъ духъ. Когда выносили его изъ дома, каждый изъ пасомыхъ его заботился о томъ, чтобы взяться или за воскресиліе ризъ, или за сѣнь, или за священнѣй одръ, или коснуться только его тѣла, или даже идти подлѣ несущихъ, или насладиться однимъ зрѣніемъ. Наполнены были торжища, переходы, вторья и третья жилья, тысячи всякаго рода и возраста людей, дотолѣ не знаемыхъ, то предшествовали, то сопровождали одръ и тѣснили другъ друга. Псалмопѣнія заглушаемы были рыданіями. Даже нѣкоторые изъ язычниковъ и Іудеевъ, бывшихъ при этомъ проливали слезы. Отъ тѣсноты стремленія и волненія народнаго

не малое число людей лишились жизни и кончина ихъ была ублажаема, потому что преселились отсюда вмѣстѣ съ Василиемъ и стали надгробными ему жертвами. Съ такимъ миромъ и съ такою любовію паствы преселился святитель Христовъ изъ сей жизни. Это было въ 379 году, чрезъ восемь лѣтъ его епископства, на 50 году его жизни.

Г Л А В А V.

ПИСЬМА СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО а.).

Число сохранившихся до насъ писемъ Василія Великаго простирается до 336.—Изъ нихъ сомнительною для нѣкоторыхъ кажется подлинность только 11-ти писемъ къ Ливанію. Но содержаніе и этихъ писемъ не представляетъ ничего такого, что было бы недостойно Василія Великаго или несообразно съ его обстоятельствами жизни.—Различіе содержанія даетъ основаніе къ раздѣленію писемъ Василіевыхъ на догматическія, канони-

---

а) Къ жизнеописанію св. Василія Великаго авторъ присоединилъ обзоръ всѣхъ его твореній. Не находя удобнымъ помѣстить цѣликомъ въ нашемъ изданіи это обзоръ, мы даемъ мѣсто статьѣ о письмахъ Василія Великаго, потому что она служитъ дополненіемъ біографическихъ свѣденій о немъ. *Ред.*

ческія, истолковательныя, апологетическія, нравственныя, ходатайственныя, утѣшительныя и привѣтственныя ⁶⁾).

б) Изъ догматическихъ писемъ Василія особенно замѣчательно одобренное Халкидонскимъ соборомъ письмо къ брату Григорію о различіи сущности и ипостаси, и письмо къ Кесарію, въ которомъ одобряется ежедневное причащеніе Св. Таинъ (89 п.). Кромѣ сего въ письмахъ сего рода св. Василій не разъ имѣлъ случай защищать Никейскій Символь, опровергать лжеученіе Евноміанъ и Аполлинарія.

Къ числу каноническихъ писемъ Трульскимъ соборомъ отнесены четыре письма къ св. Амфилохію епископу иконійскому, два къ хореепископамъ, одно къ Діодору тарсійскому и одно къ пресвитеру Паригорію. Въ письмахъ къ св. Амфилохію, Василій съ особенною подробностію разрѣшаетъ его вопросы о значеніи крещенія совершаемаго еретиками и раскольниками, о запутанныхъ бракахъ, о клятвopеступникахъ, убійцахъ и нарушителяхъ цѣломудрія, а совмѣстно съ симъ опредѣляетъ и различныя церковныя наказанія по различію преступленій и обстоятельствъ, при коихъ они были совершены. Изъ писемъ къ хореепископамъ въ одномъ св. Василій подъ угрозою лишенія сана, запрещаетъ симонію (продажу причетническихъ мѣстъ), а въ другомъ повелѣваетъ опредѣлять церковнослужителей въ селахъ не иначе, какъ по строгомъ испытаніи жизни избираемыхъ, и объ избранныхъ доносить своевременно епископу. Письмо къ Діодору писано въ опроверженіе неизвѣстно чьего письма о дозволенности брака съ сестрою умершей жены. Въ письмѣ къ Паригорію подъ угрозою анаѣемы запрещаетъ Василій Великій 70-лѣтнему старцу держать въ своемъ домѣ чужую женщину подъ именемъ синизакты.

Изъ толковательныхъ писемъ обширнѣе и потому важнѣе другихъ письмо къ св. Амфилохію, въ которомъ подробно и

Будучи столь разнообразны по своему содержанию, многія письма Василія важны въ томъ собственно отношеніи, что заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о современномъ Василію состояніи церкви восточныхъ, а также и о обстоятельствахъ собственной его жизни, и высокихъ нравственныхъ его качествахъ. Такъ изъ сихъ писемъ ясно открывается для читателей и ревностная заботливость Василія о благѣ всѣхъ Церквей, о сохраненіи истинной вѣры и единоклюбіи бра-

основательно объясняются слова Спасителя о невѣдѣніи дня и часа кончины міра, и письмо Оптиму (252), гдѣ объясняются слова: *всякъ убивый Каина седмижды отмститися* и слова праведнаго Симеона Богоматери по воспріятіи на руки Богомладенца Иисуса.

Изъ писемъ апологетическихъ особенно замѣчательны по свѣдѣніямъ о тогдашнемъ состояніи церкви письма писанныя въ защиту противъ Евстаѳіа севастіяскаго, противъ неокесарійцевъ къ приморскимъ епископамъ и 47 къ Воспорію.

Ходатайственныхъ писемъ Василія дошло до насъ 58. Изъ нихъ видно, что любвеобильный архипастырь за всѣхъ, кто только просилъ его о помощи, и за знатныхъ сановниковъ, и за служителей, и за монаховъ, и за клириковъ, и за притѣсняемыхъ въ судахъ и за страждущихъ отъ чрезмѣрныхъ податей и налоговъ, и за тѣхъ, кто поступалъ въ училище знаменитыхъ софистовъ, за всѣхъ ходатайствовалъ предъ тѣми лицами, которыя могли подать облегченіе бѣдствующимъ или оказать какое нибудь содѣйствіе нуждающимся въ милости.

Число утѣшительныхъ писемъ простирается до 25-ти; онѣ писаны и къ гонимымъ еретиками, и оплакивавшимъ смерть родныхъ, и къ церквамъ лишившимся своихъ пастырей.

тіи, и глубокая сострадательность къ несчастнымъ, и мудрость въ управленіи дѣлами Церкви, и великодушіе при собственныхъ бѣдствіяхъ, и строгость къ наглымъ преступникамъ (похитителямъ дѣвъ), а такъже его нестяжательность, его строгое воздержаніе, миролюбивое обращеніе съ своими врагами и пламенность дружбы съ людьми достойными предпочтенія.

Соберемъ изъ этихъ писемъ Василія всѣ черты, которыя могутъ оживить предъ духовнымъ взоромъ его высокій нравственный характеръ, и дополнимъ это, гдѣ будетъ возможно, сказаніемъ о Василіѣ Григорія Богослова; прежде же скажемъ собственными словами Василія о братскомъ общеніи Василія съ епископами вселенской Церкви и объ избраннѣйшихъ его друзьяхъ. Вотъ какъ самъ онъ пишетъ объ этомъ:

«Справедливѣе будетъ судить о мнѣ не по одному или двумъ изъ неправо ходящихъ во истинѣ, но по множеству во вселенной епископовъ, по благодати Божіей пребывающихъ въ единеніи со мною. Пусть будутъ спрошены епископы Писидійскіе, Ликаонскіе, Исаврійскіе, обѣихъ Фригій, изъ армянскихъ со мною сосѣдственные, Македонскіе, Илирійскіе, Гальскіе, Испанскіе, всей Италиі, Сицилійскіе, Африканскіе, изъ Египетскихъ соблюдающіе здравую вѣру и весь останокъ Сирскихъ, — всѣ они пишутъ ко мнѣ письма и отъ меня получаютъ также» (п. 196.).

Одинъ изъ первыхъ и короткихъ друзей св. Василій былъ св. Григорій Богословъ (4, 96.), но во время своего епископства Василій чаще всего совѣтовался въ разсужденіи о дѣлахъ церковныхъ съ св. Евсевіемъ Самосатскимъ и Амфилохіемъ Иконійскимъ; въ ихъ участіи, бесѣдахъ и письмахъ находилъ себѣ великое утѣшеніе. И того и другаго онъ «желалъ бы, если бы можно, извѣщать о всемъ, что случалось съ нимъ каждый день» (п. 229. 234.), часто приглашалъ ихъ на праздникъ кесарійскихъ мучениковъ, и для совѣщанія о томъ, о чемъ неудобно было говорить чрезъ письма (п. 137.). «Ради многихъ нужныхъ дѣлъ, пишетъ напр. въ одномъ изъ писемъ (которыхъ дошло до насъ болѣе 20) къ Евсевію,—надобно было сойтись съ твоимъ богочестіемъ, и о многомъ сообщить тебѣ, и многому у тебя научиться. Ибо здѣсь нельзя найти истинной любви. А когда и нашелъ бы кто человѣка, весьма любящаго, то нѣтъ никого, кто бы подобно твоему совершенному благоразумію и твоей опытности, могъ подать мнѣ совѣтъ въ подлежащихъ дѣлахъ» (133). «И на молитвы твои обо мнѣ я столько полагаюсь, писалъ Василій въ другомъ письмѣ, что если это будетъ нужно, могу даже изъ старца сдѣлаться юнымъ, а не только изъ немощнаго и разслабленнаго, каковъ теперь, сколько нибудь крѣпкимъ» (п. 157. под. 30.). Амфилохій былъ моложе Василія и взятъ на кафедру епископскую изъ клира кесарій-

дворными лицами; и дѣйствительно умѣлъ извлекать существенную пользу изъ этого знакомства. Нѣкоторые изъ этихъ сановниковъ извѣщали Василія о томъ, что дѣлалось при дворѣ, и особенно о проискахъ и затѣяхъ аріанъ, приближенныхъ къ Валенту, а другіе за честь себѣ ставили исполнять просьбы и ходотайства Василія о невинныхъ страдальцахъ. Изъ нихъ особеннымъ уваженіемъ и расположеніемъ къ Василію извѣстны графъ Терентій, жившій въ Антиохіи, графы: Магниціанъ, Ювинъ, Аркадій, бывшій консулъ Викторъ, военачальники: Андроникъ и Кандидіанъ, областеначальники: Траянъ содержавшій на своемъ иждивеніи болѣе тысячи воиновъ (п. 3.), Каллисѳенъ, Антипатръ, магистръ Софроній, и даже ипархъ Модестъ. Видно, что эти лица достойны были любви Василія, ибо всѣмъ имъ онъ пишетъ свои письма съ искреннимъ уваженіемъ. Вотъ начало письма Кандидіану: «съ особеннымъ уваженіемъ взялъ я въ руки письмо твое, какъ бы извѣстіе о какомъ государственномъ дѣлѣ, и пока разламывалъ восковую печать, смотрѣлъ со страхомъ, какъ ни одинъ обвиненный спартаецъ не смотритъ на лакедемонскій свитокъ» (п. 3.). Подобное и въ письмѣ къ консулу Виктору. «Причина моего молчанія, говоритъ онъ здѣсь, очень ясна: я боялся беспокоить такого мужа. Если же къ прочимъ своимъ доблестямъ присоединилъ ты и то, что не только принимаешь присылаемыя

нами письма, но требуешь и тѣхъ, которыя небыли присланы: то вотъ смѣло тебѣ пишу и впредь буду писать, — моля Бога вознаградить тебя за честь оказываемую мнѣ, и благодаря его за то, что продолжаешь помнить обо мнѣ, и не смотря ни на какую клевету, не уменьшаешь любви ко мнѣ, которую, по самому правдолюбивому сужденію, однажды рѣшился возымѣть ко мнѣ» (147. 8.). Особенно уважали Василія Авгурій, магистръ Софроній; посему къ нимъ чаще другихъ обращался святитель съ своими просьбами. «За многихъ ходотайствовалъ я предъ твоею досточестностію, такъ говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Авгурію, и въ довольной мѣрѣ былъ полезенъ утѣшеннымъ»; а въ письмѣ къ Софронію между прочимъ читаются такія слова: «облагодѣтельствованныхъ для меня твоимъ великодушіемъ не легко перечислить, такъ какъ твоей степенности всегда угодно было оказывать ко мнѣ вниманіе, и не малымъ кажется доставить мнѣ удовольствіе» (173). Ипархъ Модестъ, послѣ того какъ получилъ изцѣленіе отъ своей болѣзни по молитвамъ Василія, сдѣлался искреннимъ его покровителемъ. Посему св. Василій съ смѣлостію начиналъ ему письма такими выраженіями: «по избытку чести, какую мнѣ оказываешь, заключаю, что множество моихъ писемъ не причинитъ никакого безпокойства твоему великодушію». Въ другомъ письмѣ къ Модесту Василій пишетъ: «хотя и много въ томъ

смѣлости, чтобы представлять такому человѣку просьбы свои въ письмахъ; но уваженіе, какое ты мнѣ оказывалъ, не даетъ въ сердцѣ моемъ мѣста робости» (271—273.).

О свойствахъ Василія, какъ архипастыря, на основаніи собственныхъ его писемъ можно сказать слѣдующее. На степени церковныя св. Василій возводилъ только людей довольно испытанныхъ и извѣстныхъ по строгости своей жизни (п. 72. Гр. Бог.). Потому духовенство кесарійское вело столь скромную и тихую жизнь, что св. Василію вовсе почти не кого было изъ своего причта посылать съ письмами при частныхъ его сношеніяхъ съ ближними и отдаленными епископами (190.). «Никто изъ моего причта, говорилъ онъ самъ, незанимается торговлею, не любить проживать на сторонѣ; многіе берутся только за искусства, требующія сидячей жизни, и тѣмъ снискиваютъ себѣ насущное пропитаніе».

Мѣры, какими пользовался св. Василій, къ вразумленію и исправленію нерадивыхъ о своемъ совершенствѣ, были большею частію кротки. «Часто улыбка его, говоритъ Григорій Богословъ, служила похвалою, а молчаніе выговоромъ, подвергающимъ злое укоризнамъ собственной совѣсти» (122.). Подтверженіе симъ словамъ Григорія можно находить въ собственныхъ письмахъ Василія, и особенно по дѣламъ о діаконѣ Гликеріѣ и о похитителяхъ дѣвъ. Одинъ діаконъ, по имени Гликерій, собравъ нѣсколькихъ дѣвъ,

изъ которыхъ инья пришли къ нему добровольно, а инья противъ воли, обѣщався быть руководителемъ и наставникомъ ихъ въ духовной жизни, а при этомъ оказывалъ презрѣніе и къ пресвитеру своему, и къ хорепископу, и къ самому Василию, и разумѣется возбудилъ своимъ поведеніемъ въ городѣ смятеніе, толки пересуды. Любезобильный архитеастыръ вслѣдъ за хорепископомъ сдѣлалъ діакону только небольшой словесный выговоръ, но вмѣсто исправленія діаконъ ночью убѣжалъ вмѣстѣ съ соблазненными дѣвами изъ своего села и поселился въ Назіанзѣ. Для прикрытія позора епископъ Назіанзскій далъ убѣжище дѣвамъ въ своемъ домѣ. Узнавъ объ этомъ, Василиій просилъ своего друга Григорія Богослова убѣдить діакона возвратиться съ дѣвами или по крайней мѣрѣ отослать дѣвъ на свою родину, а самому преступнику обѣщавъ совершенное прощеніе. Но чѣмъ кончилось дѣло, неизвѣстно.

Изъ другаго письма Василиева видно, что онъ принялъ для себя за правило сдѣлавшихъ зло не выдавать гражданскимъ властямъ, но и не избавлять тѣхъ, которые выданы (п. 281.). Поэтому онъ недозволилъ однажды производить судъ надъ ворами, взятыми въ церкви, смотрителю тиоремному, надѣясь сдѣлать ихъ лучшими чрезъ свои отеческія увѣщанія. Василиій съ твердостью выговаривалъ этому чиновнику даже за то только, что онъ незаконно присвоилъ себѣ право задержать этихъ воровъ; «твое дѣло, писалъ онъ, только донести

о случившемся комиту». Примѣромъ законной строгости къ упорнымъ во злѣ служить духовное наказаніе, какому подвергъ онъ похитителя одной дѣвицы. Какъ скоро дошелъ слухъ до архіепископа объ этомъ преступленіи, онъ сдѣлалъ письменный выговоръ пресвитеру за то, что не преслѣдовалъ судомъ своимъ похитителя, и предписалъ ему дѣвицу отнять отъ хищника и возвратить родителямъ, самага же хищника лишить общенія въ молитвахъ и провозгласить отлученнымъ; онъ требовалъ такъже отлучить отъ общенія въ молитвахъ на три года всѣхъ тѣхъ, которые способствовали похищенію, со всѣми ихъ семействами, и всѣхъ жителей того селенія, которое скрывало и удерживало у себя похищенную дѣвицу (п. 262.).

Въ письмахъ Василія есть еще указаніе на то, что онъ подобнымъ образомъ отлучилъ отъ общенія въ молитвахъ трехъ преступниковъ, такъ какъ они непоказывали никакого исправленія и по обличеніи ихъ предъ всею церковію ^{в)}).

Изъ другихъ высокихъ нравственныхъ качествъ, которыя особенно украшали Василія, св. Григорій Богословъ упоминаетъ чаще всего о его нестяжательности, его строгомъ воздержаніи, его

в) Одинъ изъ нихъ выставилъ на паперти церковной надпись съ несправедливыми обвиненіями противъ благочестивой дѣвственницы (п. 289.).

смиреніи, его челоуѣколюбіи и пріятности въ обществѣ; а къ этому на основаніи писемъ Василіевыхъ можно прибавить еще вѣрность и нѣжность его въ дружбѣ съ людьми достойными предпочтенія. «Богатство Василія, говоритъ Григорій Богословъ, ничего у себя не имѣтъ и жить съ единымъ крестомъ, который почиталъ онъ для себя дороже многихъ стяжаній. У него были одинъ хитонъ, одна верхняя ветхая риза, а сонъ на голой землѣ, бдѣніе, неупотребленіе омовеній составляли его украшеніе, самую вкусною вечерію и снѣдію служили хлѣбъ и соль; но и этой скудной пици употреблялъ онъ такъ мало, что казался почти не вкушающимъ пици и безплотнымъ. Онъ считалъ даже неприличнымъ ему лакомствомъ—закуски посланныя ему св. Амфилохіемъ; правда, отказываясь вкушать ихъ, для вида онъ ссылался на свои зубы и писалъ: «не по лѣтамъ мнѣ грысть твои закуски, когда зубы давно уже притупились и отъ времени и отъ недуговъ.»; но главною причиною конечно было строгое воздержаніе отъ лакомыхъ снѣдей. Другъ его Амфилохій конечно не послалъ бы ему чего нибудь чрезмѣрно сухаго, зная его старческія болѣзни. Нѣкоторую самую умѣренную любовь къ собственности обнаружилъ Василій только въ молодыхъ лѣтахъ, когда одинъ грубый челоуѣкъ, съ нѣсколькими подобными себѣ буянами, ворвался въ его домъ, прибилъ нѣсколькихъ женщинъ, и разломавъ

двери, вынести изъ него все. Извѣстившись объ этомъ, съ полнымъ спокойствіемъ, безъ всякой досады на похитителя, св. Василій просилъ себѣ покровительства у друга своего, военачальника Кандидіана; но по собственнымъ его словамъ, просилъ только для того, чтобы не быть послѣднимъ изъ немощныхъ и не подать о себѣ мысли, что всякой можетъ нападать на него. «Я удовольствуюсь, писалъ скромный и нестяжательный проситель, если виновный будетъ взятъ начальникомъ селенія и на короткое время заключенъ въ тюрьму, потому что не столько негодую за то, что потерпѣлъ, сколько имѣю нужды въ безопасности на будущее время». Когда же Василій занимался устройствомъ монастырей, то часть его родового имѣнія поступила въ построенныя по его настоянію обители, а большую часть раздалъ въ пользу нищей братіи Христовой, особенно же на устройство того загороднаго страннопріимнаго въ Кесаріи дома, который по обширности, красотѣ и удобствамъ, назывался городомъ. Здѣсь находили себѣ пріютъ и успокоеніе и дряхлая старость и страдавшіе самыми тяжкими болѣзнями. Самъ Василій часто приходилъ для утѣшенія больныхъ.

Нѣкоторые изъ враговъ Василія не стыдились называть его гордецомъ. Для оправданія своего друга Григорій Богословъ писалъ слѣдующее: «Василій, этотъ благородно рожденный отъ блородныхъ и сіяющій славою, негнушался и лоб-

заніємъ усть чтить болѣзни, обнималъ недужныхъ какъ братьевъ. Возможно ли же лобызать прокаженныхъ и превозноситься предъ здоровыми? Думаю, что враги Василія кичливостію называли постоянство, твердость и непоколебимость его нрава». Замѣчательнъ отвѣтъ и самага архипастыря на упрекъ одного изъ бывшихъ друзей его въ томъ, будто новыи санъ сдѣлалъ его высококомѣрнымъ. «Переестань, писалъ онъ Пергамію, въ короткихъ словахъ взводитъ на меня великія вины. Ибо забвеніе друзей и презрѣніе ихъ вслѣдствіе пріобрѣтенной власти заключаетъ уже въ себѣ все худое въ совокупности; будь увѣренъ въ томъ, что настоящая моя должность послужила для меня поводомъ къ смиренію. Поэтому развѣ тогда забуду тебя, когла самъ небуду узнавать себя, а ты моихъ недосуговъ никогда не обращай въ признакъ худаго поведенія и злонравія» (п. 52.).

Сострадательность Василія простиралась не на однихъ больныхъ, нищихъ и странниковъ, но и на всѣхъ, кто только терпѣлъ какое несчастіе, былъ обремененъ какою нибудь скорбію. Объ этомъ ясенѣ всего свидѣтельствуотъ дошедшія до насъ 58-мъ ходатайственныхъ его писемъ за различныхъ страдальцевъ, и 25-ть утѣшительныхъ. И за знатныхъ сановниковъ, и за притѣсняемыхъ въ судахъ, и за страдающихъ отъ чрезмѣрнаго налога податей, и за тѣхъ, кто поступалъ въ училища знаменитыхъ софистовъ,

за всѣхъ кто только просилъ о помощи, любвеобильный архипастырь немедленно ходатайствовалъ предъ тѣми, которые могли подать облегченіе бѣдствующимъ. И гонимые еретиками и оплакивающіе смерть родныхъ и лишившіеся своихъ пастырей, всѣ вскорѣ получали письменное утѣшеніе отъ святителя, если только были ему сколько нибудь знакомы.

При всей благонамѣренности и благожелательности, враги Василія вносили на него самыя невѣроятныя и оскорбительныя клеветы, иногда даже предъ людьми особенно уважавшими его, каковъ магистръ Софроній; такъ враги Василія винили его и за обширную переписку, а для сего развѣдывали, не получилъ ли кто какого нибудь письма отъ него (167), и когда это было. Но Василій, по чувству глубокаго смиренія и любви, не только съ благодушіемъ переносилъ подобныя оскорбленія, но и въ письмахъ къ самымъ приближеннымъ лицамъ, явно злонамѣренную непріязнь къ себѣ называлъ несчастіемъ, которое будто бы привлекъ на себя грѣхами своими (п. 55, 6.). О горячности и искренности любви Василіевой къ друзьямъ свидѣлствуютъ письма самого же Василія. Такъ въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ о себѣ: «не могу поставить себя ниже кого нибудь изъ сдѣлавшихся извѣстными своею дружбою, потому что никогда не былъ изобличенъ погрѣшившимъ противъ дружбы» (п. 264.). Въ

другомъ письмѣ читаются такія слова: «къ священной и неслестной душѣ твоей возродилось во мнѣ какое-то влеченіе; поелику же насладиться вождельваемымъ удобствъ не имѣю, то нынѣ, разлученный съ любезнѣйшими мнѣ, почитаю жизнь свою жалкою и несною» (п. 119.). Надобно при этомъ замѣтить, что такимъ языкомъ пѣжной дружбы говорилъ Василій не съ высокими только по званію и сану лицами, но и съ смиренными монахами, священниками и товарищами по ученію (429.), и даже простыми воинами. Вотъ его слова напримѣръ въ письмѣ къ монаху Урвикію: «не думай, что тебѣ пужны оправданія, когда пишешь ко мнѣ; ибо разумѣю самъ себя и знаю, что по природѣ всякой чело-вѣкъ и со всѣми равночестенъ, и преимущества наши не въ родѣ, не въ избыткѣ имѣнія, но въ преимущественномъ страхѣ Божиемъ. Поэтому тебѣ, который больше, нежели я, боишься Владыки, что препятствуетъ въ этомъ самомъ быть выше меня? Итакъ постоянно пиши ко мнѣ. Когда же можно, приди ко мнѣ; ты или утѣшишь меня, или подашь мнѣ мысль, или выведешь меня изъ бѣдствій, во всякомъ случаѣ однимъ появленіемъ своимъ сдѣлаешь то, что мнѣ будетъ легче» (п. 118.). Еще замѣчательнѣе начало письма къ простому воину: «во время своего путешествія, говоритъ Василій, удостоился я отъ Господа многаго, за что долженъ благодарить Его: но величайшимъ для себя бла-

гомъ признаю знакомство съ твоею досточестностію. Ибо узналъ въ тебѣ человѣка доказывающаго собою, что и въ военной жизни можно сохранить совершенство любви къ Богу, и что христіанинъ долженъ отличатся не покроемъ платья, но душевнымъ расположеніемъ; а по этому и тогда со всѣмъ желаніемъ проводилъ съ тобою время, и теперь, какъ скоро вспоминаю о тебѣ, наслаждаюсь величайшимъ веселіемъ. Итакъ мужайся и крѣпись и старайся приумножать въ себѣ любовь къ Богу» (102.). Что Василій до конца жизни сохранялъ благорасположеніе свое къ добрымъ товарищамъ дѣтства и школы,—объ этомъ легко судить по письму его къ Евсеію. Здѣсь онъ съ глубокою скорбію уже въ послѣдніе годы своей жизни жаловался на то, что не засталъ своего товарища Евсеіа въ какомъ-то городѣ.—Вотъ собственныя его слова: «Прибывъ въ городъ, сильно былъ опечаленъ тѣмъ, что не нашелъ тебя здѣсь. Ибо дорого для меня было видѣть и обнять превосходнѣйшаго во всемъ Евсеіа, и снова возвратиться воспоминаніемъ къ своей юности и припомнить тѣ дни, когда были у насъ и одинъ кровъ, и одинъ очагъ, и тотъже наставникъ, когда отдыхъ и занятіе, и роскошь и скудость, всё дѣлили между собою. Какъ дорого цѣнилъ я, что все это обновлю въ памяти при свиданіи съ тобою и, сбросивъ съ себя эту тяжелую старость, опять по видимому изъ старика сдѣ-

лаюсь молодымъ! Но насладиться симъ не дано мнѣ» (п. 263.). При такой широтѣ и горячности любви Василия никто не усумнится конечно и въ томъ, что онъ со всею искренностію просилъ своихъ друзей какъ можно чаще писать къ нему длинныя письма; эта просьба болѣе тридцати разъ повторяется въ его письмахъ и притомъ ко многимъ и разнымъ лицамъ. Такъ онъ пишетъ къ Евстаѳію, первому врагу: «если есть какая польза отъ моихъ писемъ, то не опускай ни одного случая писать ко мнѣ и побуждать меня, чтобы я писалъ. Ибо самъ я пріятнымъ образомъ дѣлаюсь веселѣе, когда читаю письма мужей разсудительныхъ. По этому если бы не отвлекало меня множество дѣлъ, то не удержался бы отъ удовольствія писать непрестанно. Но у васъ меньше заботъ, поэтому, какъ можно, улаждайте меня письмами. Говорять, что и колодцы, если изъ нихъ черпають, дѣлаются лучше. Итакъ посылай больше писемъ, и писемъ какъ можно длинныхъ, потому что малость въ письмѣ, почти такъ же какъ и въ челоуѣкѣ, не есть совершенство; пиши ко мнѣ и о домашнихъ дѣлахъ и о томъ, каково твое тѣлесное здоровье, и о томъ, спокойно ли состояніе церкви. Пиши ко мнѣ по какому бы то ни было случаю, только пиши подобнымъ сему образомъ, съ такимъ же добрымъ расположеніемъ и такимъ же чистымъ языкомъ; не говорю, что самъ могу усвоить себѣ пріятный слогъ,

однако же естественно какъ-то плѣняюсь имъ; вы, обворожающіе словомъ, водите насъ за собою, какъ приманиваютъ пчелъ звонками» (314.). Вотъ еще слова Василія изъ письма его къ другому другу: «желая непрестанно получать письма твоего совершенства, когда взялъ я въ руки письмо твое и прочелъ его, не столько радъ былъ написанному, сколько опечаленъ, разсуждая о потерѣ, какую несъ во время твоего молчанія. Но поелику началъ ты писать, то и не преставай продолжать это, ибо веселишь меня болѣе, нежели тѣ, которые любителямъ богатства посылаютъ большое количество денегъ» (129.). «Я радъ и выговорамъ твоимъ, пишетъ Василій софисту Леонтію (п. 21.), ибо у прекрасныхъ, какъ говорятъ, во всемъ есть примѣсь прекраснаго, посему имъ пристали и печаль и гнѣвъ». Изъ этихъ хотя не совсѣмъ ясныхъ намековъ видно также, что Василій желалъ обширной переписки сколько для удовлетворенія естественнымъ стремленіямъ дружбы знать о жизни и состояніи людей намъ душевно преданныхъ, столько и для того, чтобы имѣть какъ можно больше свѣденій о современномъ состояніи церкви, и по мѣрѣ этихъ свѣденій принимать тѣ или другія мѣры для благоустройства дѣлъ церковныхъ въ самыхъ отдаленныхъ отъ него краяхъ. При этомъ, если писали къ нему софисты, люди извѣстные по своему краснорѣчію, онъ тщательно наблюдалъ и за совершен-

ствами языка и за красотою слово-выраженія, чтобы ни въ чемъ не уступать тѣмъ, которые пріобрѣтали себѣ особенную славу своимъ красно-рѣчіемъ.

Въ семъ отношеніи особенно замѣчательна его переписка съ Ливаніемъ, къ которому онъ не преставаѣлъ питать дружескую пріязнь и послѣ того, какъ пересталъ быть его ученикомъ и превзошелъ его успѣхами въ словесности; въ знакъ искренности этого расположенія онъ посылалъ Ливанію и нѣкоторые подарки, напримѣръ триста длинныхъ брусевъ на какую-то постройку. Кто только изъ его соотечественниковъ или знакомыхъ изъявляѣлъ желаніе учиться словесности, Василій всѣхъ убѣждалъ брать уроки въ этой наукѣ у Ливанія и съ надеждою поручалъ этихъ искателей образованія вниманію и заботливости Ливанія. При этомъ Василій просилъ иногда у Ливанія для прочтенія рѣчей его, за которыя особенно прославляла молва этого ритора. Такъ онъ просилъ у Ливанія рѣчи о челоувѣкѣ свое-нравномъ, которую слушать приходили и носившіе на себѣ бремя власти, и отличавшіеся въ воинскихъ спискахъ, и занимавшіеся руководѣльнымъ искусствомъ и даже женщины; сверхъ сего не разъ выговаривалъ Ливанію за его молчаніе, и не разъ хвалилъ самыя краткія его письма. Вотъ остроумное сравненіе письма Ливаніева съ розою: «охотники до розъ, какъ и свойственно любителямъ красотъ, не изъявляютъ негодова-

нiя и на шипы, среди которыхъ вырастаетъ цвѣтокъ, но даже еще говорятъ, что природа колючими шипами въ срывающемъ цвѣтокъ раздражаетъ болыше къ нему вождельнiе. Что же значить это упоминанiе о розѣ въ письмѣ моемъ? Конечно нѣтъ нужды толковать это тебѣ, который помнишь собственное свое письмо; оно было точно розовый цвѣтокъ, въ своемъ сладкорѣчii развернувшiй предо мною цѣлую весну; но какъ иглами укололо меня нѣкоторыми упреками и обвиненiями. Впрочемъ въ удовольствiе мнѣ и шипы твоихъ писемъ. Они воспаляютъ во мнѣ болышее желанiе твоей дружбы». Не менѣе замысловато жалуется Василiй и на молчанiе Ливанiя: «Не часто писать къ твоей учености, говорить онъ, убѣждаютъ меня страхъ и невѣденiе. Но что избавить отъ упрека тебя, который упорно хранишь молчанiе? Если кто разочтетъ, что ты, цѣлую свою жизнь посвятишь словесности, лѣнишься написать письмо, то скажетъ о тебѣ, что забылъ ты меня. Ибо у кого за словомъ дѣло не стоитъ, тому есть что и написать, а кто владѣеть симъ дарованiемъ и молчить, тотъ очевидно дѣлаетъ сiе или изъ презрѣнiя, или по забвенiю. Но я за твое молчанiе воздаю привѣтствiемъ» (п. 330.)...

Столь нѣжный и пламенный въ дружбѣ, Василiй былъ весьма прiятный собесѣдникъ и въ обществѣ. «Если бы кто былъ, замѣчаетъ Григорiй Богословъ, не говорливъ, не шутливъ, не

охотникъ до собраній, и для многихъ не нравился тѣмъ, что не всѣмъ для всѣхъ угождаетъ, что изъ сего? Развѣ иной станетъ винить и льва за то, что смотреть не обезьяной, а грозно и царски; . но если бы кто сталъ искать въ Василіи и этихъ свойствъ, то я не знаю, кто былъ столько пріятенъ въ собраніяхъ, кто могъ увлекательнѣе его бесѣдовать, шутить назидательно, уязвлять не оскорбляя, выговора не доводить до наглости, похвалы до потачки, и въ томъ и другомъ избѣгать неумѣстности. Таковъ былъ Василій по своимъ душевнымъ нравственнымъ качествамъ! А по внѣшнему виду это былъ старецъ изнуренный не столько лѣтами, сколько заботами, съ раннею сѣдиною, съ лицомъ блѣднымъ и обросшимъ волосами, въ походкѣ тихій, въ рѣчахъ медленный, необычайно задумчивый и часто углубляющійся въ себя, но чуждый угрюмости. Были и такіе почитатели Василія, которые думали, говоритъ Григорій Богословъ, самые тѣлесные его недостатки обратить для себя чрезъ подражаніе въ средство къ славѣ, но по причинѣ неискуснаго подражанія, дѣлались угрюмыми и становились изваяніями, представлявшими только тѣнь Василіеву, и нельзя даже сказать, что были эхомъ Василія: у него и не обдуманное было драгоцѣннѣе и замѣчательнѣе того, что другіе дѣлали съ великимъ усиленіемъ». Такъ былъ неподражаемъ во всемъ Василій для своихъ современниковъ.

Преданность къ нему паствы была безгранична. Она ясно обнаружилась между прочимъ въ томъ, что многіе, по свидѣтельству Григорія Богослова, ставили себѣ въ великую честь, если имъ случилось или близкими быть къ Василию, или прислуживать ему, или замѣтить на память что либо имъ сдѣланное и сказанное иногда даже въ шутку. «И самъ я, говорить о себѣ Григорій, неоднократно хвалился этимъ». Но еще яснѣе высказалась любовь къ Василию его паствы и готовность жертвовать за него своимъ благосостояніемъ, при защищеніи его предъ начальникомъ Понтійской области. Неизвѣстны, въ какой годъ жизни Василія случилось это событіе, но обстоятельства его стоятъ упоминанія, тѣмъ болѣе, что онѣ рассказаны Григоріемъ Богословомъ (въ похл. словѣ.).

Какой-то знатный и сильный человѣкъ преслѣдовалъ также знатную вдову, принуждалъ ее вступить съ нимъ въ бракъ. Несчастливая, твердая въ своей рѣшимости не вступать въ 2-й бракъ, бросилась въ храмъ въ надеждѣ воспользоваться правомъ убѣжища. Василій конечно предвидѣлъ, что изъ этого выйдетъ, но, какъ для вѣры, такъ и для исполненія дѣлъ человеколюбія, всегда готовъ былъ пожертвовать собою. Поэтому, какъ блюститель церковныхъ правъ, онъ объявилъ молодую женщину подъ своимъ покровительствомъ. Областеначальникъ требовалъ ее къ себѣ, а доблестный архипастыръ никакъ не соглашался

выдавать. Первый выходилъ изъ себя. Наконецъ, чтобы опозорить Василія, послалъ нѣсколькихъ чиновниковъ обыскать его опочивальню, и по обыскѣ требовалъ его самого къ допросу, какъ одного изъ осужденныхъ. Василій явился, а областеначальникъ предсѣдалъ исполненный гнѣва и высокомерія. Онъ приказывалъ Василію снять съ себя мантию. Святитель сказалъ: если хочешь, скину предъ тобой и хитонъ. Онъ грозилъ архипастырю побоями; а Василій приклонялъ уже выю. Одинъ грозилъ строгать когтями. Другой отвѣчалъ: «такими терзаніями окажешь мнѣ большую услугу, ибо уврачуешь мою печень, которая много беспокоитъ меня». Дѣло было гласное. Весь городъ узналъ о несчастіяхъ знатной вдовы, сострадалъ, негодовалъ на префекта и хвалилъ Василія. Когда же услышали, что архіепископу грозятъ пыткой,—все одушевилось однимъ чувствомъ гнѣва, весь городъ пришелъ въ волненіе и, какъ рой пчелъ встревоженный дымомъ, сбѣжался изъ разныхъ мѣстъ; всѣ сословія и всѣ возрасты и особенно оружейники и царскіе ткачи, немедля явились для защиты. Все для каждаго стало оружіемъ. У кого пламенники въ рукахъ, у кого занесенные камни, у кого поднятыя палки; у всѣхъ одно направленіе, одинъ голосъ и общая ревность. При такомъ воспламененіи умовъ и женщины не остались безоружными: — у нихъ ткацкія берды служили вмѣсто копій и ихъ ревность превратила въ му-

щинъ. Кратко сказалъ, заключаетъ св. Григорій, тотъ считался у нихъ благочестивѣе, кто первый возложилъ бы руку на умысливнаго дерзость противъ Василя. Послѣ сего строгій и дерзкій судія сталъ жалкимъ, бѣднымъ и самымъ смиреннымъ просителемъ. И только ходатайство Василя и сила нравственнаго его вліянія на народъ могли сохранить жизнь и благосостояніе наглаго обидчика. Такъ искренна и пламенна была любовь кесарійцевъ къ святому Василю.

Архимандритъ Порфирій.

ОЧЕРКИ БЫТА

НАРОДА БОЖІЯ а).

5. ШАТРЫ.

Мы находимъ въ началѣ 18-й гл. книги Бытія описаніе образа жизни очень отличнаго отъ нашего; по въ Палестинѣ многіе и теперь, спустя три тысячи лѣтъ, живутъ въ такихъ же шатрахъ, какіе ставилъ для себя Авраамъ, такъ же гостепріимны, какъ этотъ патріархъ къ странникамъ, и такъ же какъ онъ имѣютъ огромныя стада овецъ, воловъ и верблюдовъ.

Изъ Библіи видно, что Авраамъ велъ кочующую жизнь. Господь повелѣлъ ему оставить свое отечество и идти въ землю, которой онъ не зналъ, но которая, по обѣтованію Божію, должна была принадлежать его потомству. Эта страна была земля Ханаанская, занятая израильтянами, потомками Авраама, послѣ изшествія изъ Египта. Богъ не допустилъ этому патріарху вла-

---

а) См. Душепол. Чтеніе 1864 г., февраль.

дѣтъ въ ней даже мѣстомъ для постройки дома, чтобы онъ показалъ свою вѣру и свою покорность обѣтованіямъ Всемогущаго, соглашаясь жить въ этой странѣ, какъ странникъ и пришлецъ; онъ не заѣвалъ поля, не садилъ виноградныхъ лозъ, но переходилъ съ мѣста на мѣсто, какъ Богъ повелѣвалъ ему.

Со стороны Авраама это было большимъ доказательствомъ покорности волѣ Божіей; ибо онъ занималъ, безъ сомнѣнія, высокое мѣсто между своими соотечественниками и имѣлъ очень много друзей. По разсказамъ путешественниковъ, Уръ Халдейскій былъ пріятною страной и особенно для Авраама, который родился въ немъ. Мѣстоположеніе его очень красиво, климатъ благодѣтеленъ и почва производитъ въ изобиліи самыя разнообразныя виды пшеницы, плодовъ и цвѣтовъ; но какъ скоро Богъ повелѣлъ Аврааму оставить родину, онъ, по первому слову Божію, съ радостію оставилъ все это. Потому-то во все времена этотъ патріархъ считался образцемъ вѣры и преданности Богу; въ одиннадцатой главѣ посланія къ Евреямъ говорится, что христіане должны быть какъ Авраамъ странниками и пришельцами на землѣ и желать лучшаго небеснаго отечества.

Въ восточныхъ странахъ многія земли не назначаются, какъ у насъ, въ исключительную собственность какого-либо числа гражданъ; ими владѣютъ кочующія племена Арабовъ и Турко-

мановъ; они ставятъ свои палатки особенно тамъ, гдѣ ихъ стада находятъ воду и траву, и остаются на одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока пастбища истощатся и они принуждены будутъ перейти въ другое мѣсто.

Арабы происходятъ отъ сына Авраамова Измаила, которому патріархъ предсказалъ, что онъ будетъ походить на дикаго осла, будетъ вооружаться противъ всѣхъ и всѣ будутъ вооружаться противъ него (Быт. 21, 12.). Еще доселѣ рѣзко выдается воинственный характеръ Арабовъ. Они не могутъ рѣшиться ни жить въ домахъ, ни воздѣлывать землю; они, какъ и Туркоманы, только храбрые наѣзники и живутъ грабежемъ путешественниковъ и своими стадами. Однако они оказываютъ иногда чужеземцамъ великодушное гостеріимство; на ихъ слово можно положиться, если они обѣщали защищать тѣхъ, которыхъ приняли какъ друзей. Вотъ что рассказываетъ англичанинъ, путешествовавшій по Месопотаміи, о томъ, какъ одинъ Туркоманъ пригласилъ его въ свой шатеръ. Онъ отправлялся тогда въ Орфу (Orphahs), которая считается теперь Библейскимъ Уромъ: «эта большая равнина, говоритъ онъ, рассказывая о странѣ, которую проѣзжалъ, была подвластна шейху, или начальнику, который попеременно ставилъ свою палатку около каждаго города и каждаго колодца, въ своихъ владѣніяхъ. Лишь только подѣхали мы къ его палаткѣ, какъ его сынъ вышелъ отвести нашихъ

лошадей; это былъ молодой человѣкъ, одѣтый въ красное платье и съ шелковою шалью въ чалмѣ. Шейхъ, отецъ его, сидѣлъ передъ своею палаткою; когда мы подошли къ нему, онъ поднялся, чтобы принять насъ и обмѣняться съ нами привѣтствіемъ, и не хотѣлъ сѣсть прежде насъ. Палатка занимала пространство около тридцати шаговъ; она была устроена изъ большихъ кусковъ полотна, поддерживаемаго съ каждой стороны шестью колыями, такъ что всѣхъ кольевъ было 24. Края полотна были привязаны веревками къ гвоздямъ, вбитымъ въ землю; и палатка такимъ образомъ, будучи поддерживаема на извѣстномъ разстояніи колыями, походила на квадратъ изъ распущенныхъ зонтиковъ. Пространство, занимаемое палаткою, съ передней стороны и съ боковъ было открыто до третьяго столба; потомъ слѣдовало отдѣленіе, окруженное тростникомъ, позади котораго находилась комната для женщинъ, окруженная такоюже загородкою.—Шейхъ назывался Радаманомъ; это былъ прекрасный старикъ 84 лѣтъ, носившій длинную бѣлую бороду. На диванѣ его (родъ не высокой софы, которую употребляютъ на Востоку вмѣсто стульевъ), циковки и подушки были покрыты шелкомъ. Его одежды и его оружіе были просты, но высшей доброты. Онъ держалъ передъ своею палаткою двухъ коней, хорошо осѣданныхъ и взнузданныхъ. Все вокругъ него носило видъ богатства и довольства. Нѣкоторые

изъ моихъ спутниковъ тотчасъ послѣдовали нашему примѣру, сошли съ коней и пришли помѣститься безъ всякаго приглашенія; всѣ были приняты съ тою же благосклонною привѣтливостію; всѣхъ насъ было двадцать шесть человѣкъ».

«Въ то время какъ мы были заняты разговоромъ о туркоманахъ, которыхъ мы опасались на дорогѣ, для насъ былъ приготовленъ обѣдъ; намъ тотчасъ подали горячіе пироги, сливокъ, меду, коровьяго масла, сушенаго винограда, кислаго молока и пшеницы, прокипяченной въ молокѣ. Шейхъ и члены его фамиліи не принимали участія въ нашемъ обѣдѣ, но сидѣли вокругъ насъ, подчужая своихъ гостей, хотя они происходили далеко не изъ высшаго сословія, потому что между ними были два факира (индійскіе нищіе), одинъ христіанскій странникъ, шедшій изъ Іерусалима, невольники и слуги хаджи-Абдель-Рахнана. Мы всѣ брали кушанье изъ одного блюда. Потомъ подали кофе въ фарфоровыхъ позолоченныхъ чашкахъ и на серебряныхъ подносахъ. Курительныя трубки шейха и его сына были вычищены и предложены тѣмъ, кто не имѣлъ своихъ. Приемъ, который намъ сдѣлали, совершенно соотвѣтствуетъ разсказамъ, сообщаемымъ Библіею о древнѣйшихъ обычаяхъ. Такъ, когда три Ангела явились Аврааму въ Мамврійской равнинѣ, патриархъ представляется сидящимъ у дверей своего шатра: «опять явился ему Іегова у дубравы Мамре, «когда онъ сидѣлъ у двѣрей шатра, во время

« зноя дневнаго. Онъ возвелъ очи свои, и уви-
« дѣлъ, и се, три мужа стоять предъ нимъ. Увидя,
« онъ побѣждалъ имъ на встрѣчу отъ дверей шат-
« ра, и поклонился до земли. И сказалъ: Господи,
« если я обрѣлъ благоволеніе предъ очами твои-
« ми, не пройди мимо раба твоего. Позвольте
« принести не много воды, и омыть ноги ваши;
« и отдохните подъ симъ деревомъ. Я принесу
« хлѣба, чтобы подкрѣпить сердца ваши; потомъ
« пойдете; ибо для того и проходите вы близъ
« раба вашего. Они отвѣчали: сдѣлай такъ, какъ
« говоришь. И поспѣшилъ Авраамъ къ Саррѣ въ
« шатеръ, и сказалъ: поскорѣе замѣси три саты
« пшеничной муки, и сдѣлай прѣстныя хлѣбы.
« Побѣждалъ также Авраамъ къ стаду, и взялъ
« тельца молодаго и тучнаго, и далъ отроку, ко-
« торый и поспѣшилъ приготовить его. И взялъ
« творогу и молока, и тельца приготовленнаго, и
« поставилъ предъ ними; а самъ стоялъ предъ
« ними подъ деревомъ: и они ѣли. И спросили
« у него: гдѣ Сарра жена твоя? Онъ отвѣчалъ :
« здѣсь, въ шатрѣ. И сказалъ одинъ изъ нихъ :
« я опять буду у тебя въ это же время, и будетъ
« сынъ у Сарры, жены твоей. Сарра слышала сіе
« сквозь двери шатра, которыя были за нимъ»
(Быт. 18, 1—10.). Шатеръ Авраама очевидно
походилъ на тотъ, въ которомъ мы были; и тотъ
и другой имѣлъ около двери открытое мѣсто,
гдѣ сидѣли въ знойное время дня и откуда можно
было смотрѣть въ даль совершенно безпрепят-

ственно. Комната, въ которой находилась Сарра, когда Авраамъ говорилъ, что она въ шатрѣ, находилась за этою частію дома. Тамъ-то она готовила обѣдъ для своихъ гостей и оттуда слышала ихъ предсказанія.

Арабы, живущіе въ пустынѣ, обтягиваютъ свои шатры темнымъ и грубымъ полотномъ, которое ихъ жены выдѣлываютъ изъ верблюжьей шерсти. Библия иногда упоминаетъ объ этихъ шатрахъ мрачнаго цвѣта; матерія ихъ столь плотна, что самые сильные дожди не могутъ промочить ее. Способъ растягиванія полотна посредствомъ длинныхъ веревокъ и прикрѣпленія его къ кольямъ, или сваямъ, утвержденнымъ въ землѣ, объясняетъ одно прекрасное мѣсто въ книгѣ пророка Исаи. Пророкъ, предсказавши страданія Спасителя, воспѣваетъ хвалебную пѣснь и описываетъ возрастаніе истинной духовной церкви; потомъ онъ сравниваетъ христіанъ съ семействомъ, которое живетъ въ одномъ шатрѣ; когда оно увеличилось, то жилище это становится очень тѣснымъ, и вотъ пророкъ говоритъ: «распространи мѣсто дома твоего и распространи покровъ шатровъ твоихъ; не пренебрегай ничѣмъ, удлинни веревки твои и утверди гвозди (колья) твои» (Ис. 54, 2.). Однимъ изъ такихъ-то колевъ Іаиль умертвила Сисару: «она взяла колъ отъ палатки и пронзила ему високъ этимъ коломъ» (Суд. 4, 21.).

Израильтяне жили въ шатрахъ сорокъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ они странствовали по пу-

стынѣ. Праздникъ кущей или шатровъ (Лев. 23, 34.), былъ установленъ для того, чтобы потомки помнили объ этомъ времени испытаній и чтобы они даже въ самые отдаленные вѣка благодарили Господа за чудесное избавленіе ихъ предковъ отъ египетскаго рабства; этотъ праздникъ долженъ былъ также напоминать имъ о томъ, что они странники и пришельцы на землѣ. Иерусалимъ представлялъ прекрасный видъ во время этого празднества: оно отправлялось въ лучшее время года, послѣ жатвы и собиранія винограда; сердце израильтянъ вѣроятно исполнялось любви и признательности къ Богу, когда они, проходя чрезъ свою страну, въ Иерусалимъ, гдѣ совершался этотъ праздникъ, видѣли все ея богатство. На пути они объясняли своимъ дѣтямъ, по повелѣнію Божию (Исх. 13, 14.), тѣ причины, по которымъ они предпринимали путешествіе въ городъ, и не забывали, безъ сомнѣнія, бесѣдовать съ дѣтьми о томъ, Кто посылалъ имъ дождь съ неба, давалъ имъ пищу и сердца ихъ наполнялъ радостію (Дѣян. 14, 17.).

Во время этого праздника израильтяне устроили палатки изъ древесныхъ вѣтвей на террасахъ домовъ и на улицахъ для того, чтобы жить тамъ въ продолженіе седми дней; такимъ образомъ дома должны были какъ бы исчезать за множествомъ зелени и великолѣпный храмъ Иерусалимскій, расположенный на высокомъ холмѣ, казалось, стоялъ среди сада или рощи.

Кампбелль сообщаетъ занимательныя подробности о томъ, какъ Іудеи отправляли этотъ праздникъ въ Алжирѣ: «въ концѣ послѣдней недѣли, говоритъ онъ, праздновался іудеями большой праздникъ; они совершали его здѣсь гораздо торжественнѣе, чѣмъ въ Европѣ. На кровляхъ своихъ домовъ, которыя имѣютъ видъ террасъ, они дѣлаютъ бесѣдку изъ древесныхъ вѣтвей и ужинаютъ тамъ при лампахъ въ теченіе седми дней сряду. Они готовили самую лучшую пищу; и всѣ, мужчины, женщины и дѣти, были одѣты весьма нарядно. Въ продолженіе седми дней я всходилъ на террасу, откуда могъ видѣть на 15-ть миль кругомъ, и оттуда смотрѣлъ на сыновъ израильскихъ, совершавшихъ свой праздникъ. Лампы позволяли мнѣ видѣть то, что у нихъ было на столѣ, и даже разсматривать ихъ платье и лица».

Слово *куца* или шатеръ часто употребляется въ псалмахъ для обозначенія мѣста, назначеннаго для поклоненія Богу. «Господи, кто обитаетъ въ куцѣ (*tabernaculum*) твоей»? (Псал. 15, 1.). Это отъ того, что у израильтянъ со времени странствованія ихъ въ пустынь до построенія храма Соломонова была скинія, или подвижной храмъ. Эта палатка, или скинія со всѣмъ тѣмъ, что ей принадлежало, была носима; во время путешествія, левитами (Чис. 1, 51.).

Въ Новомъ Завѣтѣ слово *шатеръ* употребляется также для обозначенія нашихъ смертныхъ

тѣлъ, которыя для нашихъ безсмертныхъ душъ служатъ только скуднымъ и непрочнымъ покровомъ; хотя, при видѣ той заботливости, которую мы прилагаемъ объ одеждѣ и объ украшеніи этого непрочнаго жилища, можно подумать, что оно-то и составляетъ для насъ самое драгоценное благо, гораздо болѣе драгоценное, чѣмъ душа, о благѣ которой мы такъ часто забываемъ.

Когда св. апостоль Павелъ говоритъ: «мы знаемъ, что, когда земной нашъ домъ, сія хижина, разрушится, мы получимъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный» (2 Коринѣ. 5, 1.); то онъ какъ бы такъ говоритъ: это тѣло образовано изъ земли и потому оно можетъ быть сравниваемо съ шатромъ, который ставятъ только на короткое время; оно должно возвратиться въ землю, изъ которой было образовано; но я знаю, что Богъ воскреситъ его въ послѣдній день и сдѣлаетъ его совершеннѣе прежняго, какъ большой и красивый домъ лучше бѣднаго шатра; я знаю также, что это новое тѣло никогда не умретъ, но будетъ жить вѣчно на небѣ съ Богомъ и Иисусомъ Христомъ.

6. ГОРОДА.

Вѣроятно, многіе изъ читающихъ святуя Библию неясно понимаютъ тѣ мѣста ея, въ которыхъ говорится о городахъ. Мы живемъ въ такой странѣ, въ которой намъ теперь не-

чего опасаться неожиданныхъ нападеній враговъ; но не всегда было такъ и у насъ. Когда государство было раздѣлено на многія небольшія княжества, то по причинѣ весьма часто возникавшихъ между ними войнъ, была необходимость укрѣплять не только всякій городъ, но даже незначительныя деревни. А теперь, такъ какъ мы соединены подъ одною властію, то намъ предстоитъ опасность только со стороны внѣшнихъ враговъ; и потому достаточно имѣть укрѣпленными одни пограничныя города. Счастливъ всякій народъ, который находится въ такомъ состояніи, восклицалъ пророкъ Давидъ, но не забудемъ, что болѣе всѣхъ счастливъ тотъ народъ съ которымъ Богъ вѣчный (Пс. 144, 15.)!

Восточныя страны, о которыхъ говоритъ св. Писаніе, не такъ хорошо были обезпечены отъ враговъ: тамъ почти каждый большой городъ имѣлъ особаго правителя, который часто выжидалъ только случая, чтобы воспользоваться слабостію своихъ сосѣдей. И нынѣ на востокѣ, даже большіе города нуждаются въ значительныхъ средствахъ защиты отъ кочующихъ Арабовъ, которые живутъ по мѣстамъ въ огромномъ числѣ. Въ Палестинѣ существуетъ одинъ монастырь, который выдерживалъ столь частыя нападенія отъ Арабовъ, что иноки рѣшились заложить монастырскія ворота и все принимать къ себѣ или спускаться изъ него чрезъ высокое

окно въ корзинѣ. Поэтому жители той страны и нынѣ еще нуждаются въ городахъ, «укрѣпленныхъ до небесъ», т. е. окруженныхъ высокими стѣнами, похожими на тѣ, которыя нашли въ Обѣтованной землѣ посланные Моисеемъ соглядатаи; ибо тогда Палестина была раздѣлена между многими враждебными народами. Позже Иудеи принуждены были «окружить свои города стѣнами, башнями, воротами и оградами» (2 Пар. 14, 7.), для защиты ихъ отъ тѣхъ народовъ, которымъ предки Иудеевъ гозволили остаться въ странѣ вопреки положительнымъ повелѣніямъ Божиимъ. Эти народы, по опредѣленію Божию, сдѣлались «тернами» въ ихъ глазахъ и стрѣлами въ ихъ ребрахъ, т. е. причиною постояннаго безпокойства (Числь 23, 55.). Таково было слѣдствіе ихъ непослушанія.

Одинъ путешественникъ замѣчаетъ, что въ Палестинѣ города находятся обыкновенно на холмахъ и скалистыхъ мѣстахъ; и потому въ нихъ вообще почти невозможно раздвигать окружную черту новыми строеніями. Такимъ образомъ, мы можемъ предполагать, что большая часть городовъ существенно мало измѣнилась съ того времени, когда большія ополченія выступали изъ нихъ подъ предводительствомъ различныхъ своихъ царей, чтобы сражаться противъ Израиля. «Не удивительно, продолжаетъ тотъ же писатель, что нѣкоторые толкователи не могутъ понять, какимъ образомъ столь многочисленное

перодонаселеніе могло помѣститься на такомъ маломъ пространствѣ. Но это затрудненіе исчезнетъ, когда скажемъ, что происходитъ теперь въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ нравы и обычаи доселѣ тамъ мало измѣнились. Еще и теперь каждая деревня заключаетъ въ себѣ болѣе жителей, нежели одна изъ длинныхъ улицъ нашихъ большихъ городовъ, и почти каждый домъ также населенъ, какъ наши небольшія деревеньки».

Стѣны укрѣпленныхъ городовъ довольно широки для того, чтобы нѣсколько челобѣкъ могли пройти по нимъ въ рядъ; всходятъ на нихъ по лѣстницамъ, и такъ какъ эти стѣны часто усажены были деревьями, то онѣ въ мирное время служили мѣстомъ прогулки для жителей. Когда городъ подвергался нападенію, воины становились вдоль стѣнъ защищать его. Такъ было, безъ сомнѣнія, въ то время, когда Рапсакъ осаждалъ Іерусалимъ, потому что начальники іудейскіе прервали рѣчь этого полководца, «прося его не говорить на еврейскомъ языкѣ, такъ какъ народъ, который находился на стѣнѣ, могъ слышать его» (4 Цар. 18, 26.).

Въ св. Писаніи упоминается также о домахъ, построенныхъ на городской стѣнѣ. Сканбнеръ говоритъ, что въ Дамаскѣ показываютъ еще тотъ домъ, изъ котораго спасся св. апостоль Павелъ, будучи спущенъ въ корзину по стѣнѣ (Дѣян. 9, 24). «Довольно странно, прибавляетъ

онъ, видѣть дома, построенные на стѣнахъ укрѣпленнаго города съ окнами, обращенными въ поле; они вѣроятно затрудняли защиту города. Дамаскъ очень мало измѣнился съ древнихъ временъ. Два соглядатая посланные въ Иерихонъ Иисусомъ Навиномъ спаслись такимъ же образомъ. Раавъ спустила ихъ на веревкѣ чрезъ окно, ибо домъ ея находился на городской стѣнѣ» (Нав. 11, 15.).

Бдительные стражи помѣщались у воротъ укрѣпленныхъ городовъ. Слово Божіе часто говоритъ намъ о стражахъ, стоящихъ на стѣнахъ, или на башняхъ, которыя были не что иное, какъ ворота; оттуда они видѣли идущаго издали непріятеля и такимъ образомъ могли во-время извѣстить гарнизонъ, которому поручено было защищать городъ; такъ сдѣлалъ стражъ, стоявшій на башнѣ Іезраеля, когда онъ увидѣлъ приближающееся войско Іиуя (4 Цар. 9, 17.).

Давидъ также имѣлъ въ виду это обыкновеніе, когда говорилъ: «если Господь не сохранитъ города, напрасно бодрствуетъ тотъ, кто сторожитъ его» (Пс. 127, 1.). Богъ позволяетъ намъ употреблять различныя средства для обезпеченія нашего имущества и нашей жизни; но будемъ помнить вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ, что Онъ одинъ можетъ сдѣлать эти средства дѣйствительными. Такъ Господь спасъ благочестиваго царя Езекию, осажденнаго могущественнымъ царемъ Ассирійскимъ; Езекия не оставался при этомъ

въ бездѣтельности: и совѣтова со старѣйшины своими, и укрѣпится. И созда вся стѣны, яже быша разсыпаны, и столбы и отвѣль предстѣніе ино, и уютова оружія многа (2 Пар. 32, 3—5.). Но и послѣ всего этого «царь и Исаія молились и вzywали къ небу», чтобы все ихъ приготовленія къ защитѣ оказались дѣйствительными по благоволенію Всемогущаго, безъ котораго и крѣпкія башни и стѣны мало помогутъ.

Пророки и пастыри часто сравнивались съ стражами, поставленными бодрствовать надъ духовнымъ Іерусалимомъ, Божіею церковью на землѣ. «Іерусалимъ, я поставилъ стражей на твоихъ стѣнахъ» (Ис. 62, 6.). Я установилъ также надъ тобою стражей, которые говорятъ тебѣ: будь внимателенъ» (Іер. 6, 17.).

Св. Писаніе часто упоминаетъ о царяхъ или другихъ важныхъ особахъ, которые сидѣли у городскихъ воротъ. У Іовста встрѣчаемъ наблюденіе надъ тѣмъ же самымъ обычаемъ въ Египтѣ. Бей, говоритъ онъ, сидѣлъ у воротъ города съ многочисленною и пышною свитою. Не вдалекѣ отсюда находились комнаты, куда препровождались государственныя дѣла.

Въ нѣкоторыхъ восточныхъ городахъ платятъ за право ввоза всякаго рода провизіи и товаровъ; тѣ, которымъ поручено собирать эту пошлину, живутъ, какъ и у насъ, въ небольшихъ домахъ, построенныхъ близъ городскихъ воротъ. Гартлей говоритъ по этому случаю, что онъ

никогда не входилъ въ Смирну, не припомнивъ призваніе св. Матѳея; онъ былъ мытарь, или сборщикъ пощлины и сидѣлъ за столомъ, собирая деньги, когда Иисусъ проходя мимо сказалъ ему: «слѣдуй за мною» (Матѳ. 9, 9.).

Французскіе путешественники, которые большею частію привыкли свободно входить и выходить изъ городовъ во всякое время дня и ночи, находили для себя очень непріятнымъ, во время путешествія по этимъ странамъ, быть обязанными разчитывать, могутъ ли они прибыть въ извѣстный городъ прежде того времени, въ которое запирають ворота, рискуя въ противномъ случаѣ провести ночь подъ стѣнами города. Изнуренные голодомъ и усталостію, они принуждены были иногда разбивать свои шатры внѣ городскихъ стѣнъ, или долгое время договариваться съ городской стражею о цѣнѣ, за которую они могли бы войти. Это обыкновеніе имѣется въ виду, когда говорится о небесномъ Иерусалимѣ: «ворота постоянно будутъ отворены» для тѣхъ, которые пожелають войти, «онѣ не будутъ затворены ни ночью, ни днемъ (Ис. 60, 11.).» Когда грѣхъ перестанетъ существовать, тогда не будетъ слышно въ странѣ раздрающаго вопля отъ убытка и отъ притѣсненія.

Давидъ такъ говоритъ о тѣхъ, которые желали его смерти: «возвратятся на вечеръ, и взалчуть яко песь и обыдутъ градъ» (Псал. 58, 7.). То, что путешественники рассказываютъ о

восточныхъ собакахъ, проливаетъ яркій свѣтъ на эти слова: «когда вечеромъ подходишь къ Смирнѣ, со стороны рѣки, пишетъ Іоветь ⁶⁾, то бываешь оглушенъ лаемъ множества собакъ, которыя въ большомъ числѣ бѣгаютъ по улицамъ. Онѣ никому не принадлежатъ и никто не кормитъ ихъ, исключая Константинополь, гдѣ полиціи поручено заботиться объ нихъ. Въ продолженіе дня эти животныя, будучи палимы солнечнымъ зноемъ, остаются спокойны. Но когда наступаетъ ночь, малѣйшій шорохъ заставляетъ ихъ лаять. Собакъ считаютъ здѣсь очень полезными для поддержанія чистоты на улицахъ». Восточные жители вообще мало заботятся о чистотѣ. «Въ Меккѣ главномъ городѣ Аравіи, говоритъ очевидецъ ^{в)}, всѣ улицы до того загромождены развалинами и мусоромъ, что ни у кого не достанетъ охоты очистить ихъ. Окрестности города покрыты остовами мертвыхъ верблюдовъ; невыносимый запахъ, который распространяется отъ нихъ, заражаетъ даже городской воздухъ и причиняетъ многія болѣзни». Такимъ образомъ только при помощи собакъ, которыя истребляютъ цѣлыя кучи нечистотъ, можетъ поддерживаться свѣжесть воздуха. Для европейцевъ покажется конечно возмутительнымъ то, что эти собаки пожираютъ не только остатки живот-

---

6) lowett's christian researches.

в) Burckardt's, travels in Arabia.

ныхъ, но иногда также и человѣческіе трупы. Въ Турціи бываетъ, что когда министръ, или другое важное по достоинству лице заподозривается въ измѣнѣ, то султанъ, часто безъ всякаго слѣдствія, и риказываетъ умертвить его и выбросить на улицу на съѣденіе псамъ, такъ что никто не осмѣливается погребсти его. «Тѣ, которые принадлежатъ къ дому Ахаава и самъ онъ, когда умретъ въ городѣ, будутъ съѣдены собаками» (3. Цар. 21. гл. 24 ст.). Таковъ былъ приговоръ, произнесенный надъ Ахаавомъ послѣ умерщвленія имъ Навуоея. Этотъ приговоръ былъ ужасенъ особенно для Израильтянъ, которые желали всегда быть погребенными вмѣстѣ съ своими отцами. Послѣ возмущенія, бывшаго въ Константинополѣ, четыре тысячи мертвыхъ тѣлъ остались на улицѣ, гдѣ были растерзаны и съѣдены собаками ^{г)}. Другой писатель ^{д)} такъ говоритъ объ этомъ предметѣ: замѣчательно, что въ теченіе дня эти собаки бываютъ совершенно спокойны и ихъ совѣмъ неслышно; но лишь только наступаетъ ночь, какъ онѣ поднимаютъ страшный лай, который продолжается до утра. Тотъже авторъ замѣчаетъ, что собаки, перевезенныя въ жаркій климатъ, значительно перераждаются; по истеченіи нѣ-

---

г) Это было въ 1808 году, когда янычары возстановили свое вліяніе и умертвили перваго министра.

д) Rac Wilson's travels.

сколькихъ лѣтъ онѣ перестаютъ лаять и вмѣсто того производятъ непріятный вой. Температура воздуха измѣняетъ ихъ. Такимъ образомъ онѣ дѣлаются неспособными охранять поля, или дома: «стражи, какъ нѣмые псы, которые любятъ спать» (Ис. 56, 10.). Склонность къ жадности и неопрятности, которая замѣчается въ этихъ животныхъ, послужили для свящ. писателей поводомъ къ сравненію съ ними людей нечестивыхъ и злыхъ. «Внѣ (царствія Божія) псы и чародѣи и любодѣи, и убійцы, и идолослужители, и всякій любящій и дѣлающій неправду» (Апок. 22, 15.).—*Пси обыдоша мя* (Псал. 21, 17.).

Кажется, что въ прежнее время въ самыхъ городахъ устроились обширныя мѣста для помѣщенія крупнаго и мелкаго скота: «хранилища ихъ, говоритъ Давидъ, исполнена; овцы ихъ многоплодны, множащіяся во исходищахъ (на улицахъ) своихъ» (Пс. 143, 13.). Известно также, что Пиневія заключала въ себѣ большое количество скота (Ион. 4, 11.). Маіоръ Кеппель пишетъ, что городъ Бассора окруженъ стѣною въ восемь миль, и что самая большая часть этого пространства занята садами и финиковыми плантаціями ^{е)}).

Восточные города имѣютъ очень печальный видъ по причинѣ небольшого числа оконъ, выходящихъ на улицу и еще потому, что эти окна

е) Keppel's journey from India.

до настоящаго времени завѣшиваются полотномъ или задѣлываются рѣшетками, какъ это было во дни Сисары: «оконцемъ взираше мати Сисарина», — буквально: «окномъ сквозь рѣшетку» (Суд. 5, 28.). Вообще, дома построены вокругъ квадратнаго двора, на который выходитъ большая часть дверей.

Подробности, которыя сообщаетъ намъ Юветъ *) касательно устройства домовъ на востокѣ, объясняютъ одинъ случай, рассказанный въ 20 гл. книги Дѣяній Апостольскихъ. «Домъ, гдѣ я нахожусь, говоритъ онъ, даетъ мнѣ возможность понять паденіе Евтиха во время проповѣди св. апостола Павла. Нижній этажъ его служитъ единственно магазиномъ, въ немъ стоятъ полныя сосуды масла, собираемаго въ обилии въ этой странѣ. Первый этажъ состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, просто меблированныхъ и довольно низкихъ; здѣсь обыкновенно живетъ хозяинъ дома съ своимъ семействомъ. Мой хозяинъ помѣстилъ меня въ верхнемъ этажѣ, весьма богато меблированномъ. Тамъ я принималъ профессоровъ коллегіи, которые дѣлали мнѣ визитъ. Я посадилъ ихъ у окна самой лучшей комнаты; это отдѣленіе больше и выше отдѣленія въ нижнемъ этажѣ; оно имѣетъ два окна наружу, которыя кажутся какъ бы выдавшимися на улицу, и весь этажъ походить на нижнюю часть дома.

---

*) lowetr's, christian Researches.

Это была комната, похожая на ту, въ которой св. апостолъ Павелъ говорилъ въ Ефесѣ свою прощальную рѣчь. Около оконъ кладутъ подушки, чтобы образовать такимъ образомъ высокое и широкое сѣдалище. Я замѣтилъ, что когда собраніе было велико, то за первымъ рядомъ, позади тѣхъ, которые уже сидѣли, клали другой рядъ подушекъ, такъ что Евтихъ, сидѣвшій въ этомъ послѣднемъ ряду въ уровень съ вышиною окна, легко могъ, задремавши, упасть съ третьяго этажа и почти неизбѣжно умереть. Извѣстно также, что въ комнатѣ, гдѣ проповѣдывалъ Апостолъ Павелъ, зажигали много свѣтильниковъ, и это вполнѣ объясняется большимъ количествомъ масла, которое производили эти страны. Теплота, происходившая отъ этихъ свѣтильниковъ, равнымъ образомъ и отъ множества собравшихся слушателей, побудила присутствующихъ открыть окна,—она же навѣяла дремоту на Евтиха, очень естественную при наступленіи ночи».

По описанію путешественниковъ города св. земли представляютъ видъ очень жалкій; дома имѣютъ цвѣтъ глины; они построены изъ кирпичей, недостаточно высушенныхъ на солнцѣ, такъ что въ дождливое время года дождь размываетъ ихъ и дѣлаетъ улицы почти непроходимыми; а въ жаръ эти постройки высыхаютъ и производятъ весьма непріятную пыль, особенно когда бываетъ вѣтеръ. Различныя перемѣны температуры скоро производятъ трещины и разру-

шаютъ эти дома. Вотъ почему Іезекіиль сравнивалъ ложныхъ пророковъ, которые льстили народу и услаждались высокимъ мнѣніемъ о самихъ себѣ, съ людьми «построившими стѣну и скрѣпившими ее непрочно связывающимъ цементомъ» (Іезек. 13, 10.). Иногда, въ извѣстное, очень дождливое время года совершенно разрушался какой нибудь городъ, построенный изъ кирпича, приготовленнаго такъ, какъ мы говорили.

Моисей, увѣщевая израильтянъ помнить заповѣди Божіи, сказалъ имъ: *«навязеши я въ знаменіе на руку твою, и да будутъ непоколеблела предъ очима твоима: и да напишите я на прязьхъ храминъ вашихъ и вратъ вашихъ»* (Втор. 6, 8. 9.). Такимъ образомъ Господь требовалъ, чтобы Его народъ напечатлѣлъ въ своей памяти тѣ заповѣди, которыя Онъ далъ ему, и чтобы онъ помнилъ ихъ во время путешествія и находясь дома, среди своихъ занятій, равно какъ и среди удовольствій. Но іудеи вмѣсто того, чтобы понять эти слова въ духовномъ смыслѣ, большею частію ограничивались однимъ ихъ буквальнымъ значеніемъ. Потому-то они писали на лоскуткахъ пергамента 4, 5, 6, 7, 8 и 9 стихи 6-й гл. книги Второзаконія, завертывали ихъ въ небольшія свинцовыя трубки и прикрѣпляли ихъ къ столбамъ у своихъ воротъ.

Въ настоящее время очень мало Евреевъ живетъ въ Палестинѣ. Бóльшая часть городовъ,

нѣкогда столь цвѣтущихъ и столь населенныхъ, теперь представляетъ одни груды развалинъ. Спустя сорокъ лѣтъ послѣ смерти Спасителя, Іудея, согласно съ Его пророчествомъ (Лук. 21 гл.), была совершенно опустошена Римлянами; всѣ укрѣпленные города были разрушены; сто тысячъ жителей были выселены и проданы какъ рабы, а во время войны погибло ихъ до полутора милліона. Спустя еще шестьдесятъ лѣтъ, Іудеи, жившіе въ различныхъ мѣстахъ, снова возмутились противъ Римлянъ; эти послѣдніе выслали многочисленное войско для ихъ усмиренія; до пятидесяти городовъ было разрушено и до полмилліона Іудеевъ погибло отъ меча, не считая тѣхъ, которые умерли отъ язвы и голода. Палестина сдѣлалась настоящею пустынею, только дикія животныя увеличились здѣсь въ числѣ и стада волковъ и гіенъ завладѣли покинутыми полями. Съ этого времени немногіе Іудеи, которые остались еще жить въ странѣ своихъ отцевъ, испытывали только бѣдность и униженіе. Турки, овладѣвшіе Палестиною, притѣсняли ихъ страшнымъ образомъ; Евреи были помѣщены въ тѣсныхъ улицахъ и дурныхъ домахъ; вся остальная часть была занята ихъ завоевателями и христианами. Ихъ презирали до такой степени, что убить Іудея считалось почти за ничто.

Что касается до Іерусалима, о которомъ такъ часто говорится въ св. Писаніи, то онъ былъ совершенно разрушенъ Римлянами, срывшими его

до основанія. Городъ, который послѣ построили на томъже мѣстѣ, кажется довольно красивымъ, если смотрѣть на него на извѣстномъ разстояніи; но на самомъ дѣлѣ онъ грязень и пустынь. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ построенъ храмъ Иеговы, теперь находится мечеть, которую магометане считаютъ самою красивою послѣ мечети Меккской. Иудеевъ въ Иерусалимѣ живетъ не много, но большая часть изъ нихъ, которые живутъ въ другихъ странахъ, приходятъ туда въ то время, когда болѣзнь, или старость даютъ почувствовать имъ близкую смерть; они приходятъ сюда для того, чтобы испустить послѣдній вздохъ въ своей святой землѣ и сложить свои кости съ костями своихъ отцевъ.

Древній Иерусалимъ представлялъ самое красивое мѣстоположеніе въ странѣ, «былъ радостію для всей земли,» по выраженію псалмопѣвца (Псал. 48, 3.). Онъ былъ построенъ на нѣсколькихъ холмахъ, отдѣлявшихся одинъ отъ другаго глубокими долинами; красивые мосты, соединявшіе эти холмы, представляли удобные пути сообщенія. Храмъ стоялъ на горѣ Моріа, съ которой онъ царилъ надъ всеѣмъ городомъ; онъ былъ построенъ изъ большихъ бѣлыхъ камней; двери его были покрыты листовымъ золотомъ, а кровля вся унизана золотыми спицами, чтобы птицы несадились на нее. Такимъ образомъ, этотъ великолѣпный храмъ, при взглядѣ на него на извѣстномъ разстояніи, при полномъ блескѣ сол-

нечныхъ лучей, походилъ на снѣговую гору, оканчивавшуюся золотою вершиною. Широкій дворъ, устланный бѣлымъ мраморомъ, окружалъ храмъ. Вступали въ этотъ дворъ посредствомъ большихъ десяти воротъ, богато убранныхъ золотомъ и серебромъ. Тѣ ворота, которыя названы «красными» въ 3 гл. книги Дѣяній Апостольскихъ, превосходили всѣ другія своею красотою. Они имѣли двадцать шесть метровъ вышины (около 13 сажень), были вылиты изъ мѣди и покрыты золотомъ. Столбы, которые поддерживали эти ворота, имѣли 6½ метровъ (болѣе 3 сажень) въ окружности. Другой дворъ внѣ перваго, устланный также бѣлымъ мраморомъ, назывался внѣшнимъ дворомъ или дворомъ язычниковъ. Они не могли близко подходить къ святилицу истиннаго Бога, котораго познали, хотя и желали Ему поклоняться. Безъ сомнѣнія, въ этомъ внѣшнемъ преддверіи благочестивый Корнилій, евнухъ царицы Канакии и другіе «пришельцы», преклоняли колѣна предъ Богомъ Израилевымъ въ искреннемъ молитвенномъ настроеніи, между тѣмъ какъ избранный народъ иногда превращалъ домъ своего Бога «въ притонъ разбойниковъ».

Чтобы воспрепятствовать врагамъ овладѣть храмомъ, скала, на которой онъ стоялъ, была обдѣлана такимъ образомъ, что казалась обсѣченною и гладкою; за тѣмъ на ней утвердили огромные камни, изъ которыхъ многіе имѣли

болѣ 9 сажень въ длину и высоту; такъ что она казалась гигантскою стѣною. Однажды ученики Спасителя обратили Его вниманіе на красоту храма; «придутъ дни, отвѣчалъ имъ на это Спаситель, когда изъ того, что вы здѣсь видите, не останется камня на камнѣ; все будетъ разрушено» (Лук. 21, 6.).

На другомъ холмѣ находилась та крѣпость, въ которую отвелъ римскій трибунъ св. апостола Павла, когда народъ хотѣлъ умертвить его. Эта крѣпость была такъ велика, что походила на небольшой городокъ; на каждомъ углу ея возвышалась башня, имѣвшая до 13 сажень въ высоту; въ нихъ помѣщались воины, обязанные защищать городъ.

Чертоги царей, царицъ и первосвященниковъ возвышались на третьемъ холмѣ, извѣстномъ подъ именемъ «горы Сіонской». Нѣкоторые изъ этихъ чертоговъ были сложены изъ кусковъ бѣлаго мрамора, имѣвшихъ болѣе 5 саженей длины. Безчисленныя комнаты, меблированныя съ величайшею пышностію, золотыя вазы, великолѣпныя сады посреди внутреннихъ дворовъ, съ тѣнистыми деревьями и прекрасными фонтанами, украшали эти пышные чертоги. Въ одинъ изъ такихъ-то чертоговъ, построенныхъ людьми для удовлетворенія своей гордости и своему тщеславію, былъ приведенъ, какъ преступникъ, нашъ Спаситель, чтобы въ униженіи быть судимымъ отъ Ирода.

Высокая стѣна, шириною около 2-хъ сажень и защищенная башнями, отстоявшими другъ отъ друга сажень на 50, окружала городъ со всѣхъ сторонъ; она имѣла въ окружности около 7 верстъ. Нижняя часть холмовъ, на которыхъ стояла стѣна, была покрыта виноградными лозами и оливами; а долины между этими холмами были превращены въ луга и поля, засѣянные пшеницею. Горы, которыя окружали Иерусалимъ, казалось, защищали его отъ нападенія враговъ. «Подите вокругъ Сіона и обойдите его, восклицалъ псалмопѣвецъ, перечтите башни его; обратите вниманіе на укрѣпленія его, осмотрите чертоги его, чтобы пересказать позднимъ родамъ (Пс. 47, 13. 14.). Окрестъ Иерусалима горы и Господь окрестъ народа Своего отнынѣ и во вѣкъ» (Пс. 124, 2.).

Какое различіе между прежнимъ Иерусалимомъ и современнымъ!... Холмы, которые по устроенію Божію находились близъ него, еще уцѣлѣли, но отъ всѣхъ человѣческихъ трудовъ, отъ всѣхъ зданій, отъ всего прежняго величія, ничего не осталось; остались только рассказы нѣкоторыхъ древнихъ писателей ³⁾ для того, чтобы, по слову Божію, все это «было передано будущему поколѣнію» ^{и)}.

з) Иудейскаго историка Юсифа Флавія, также римскихъ писателей—Тацита, Плинія и Страбона.

и) Авторъ не указалъ всего, что было замѣчательнаго въ древнемъ Иерусалимѣ. Вѣрный задачъ своей, онъ почти исключительно останавливается на такихъ предметахъ изъ библей-

Какъ бѣольшая часть другихъ восточныхъ городовъ, пишетъ Говеттъ, нынѣшній Іерусалимъ кажется довольно красивымъ издали, но вотъ и все, что остается отъ его прежняго величія. Едва только я вошелъ въ городъ, какъ былъ пораженъ его чрезвычайною нечистотою и бѣдностію, какихъ кажется я еще нигдѣ не видалъ: «какъ измѣнилось чистое золото! подумалось мнѣ... Я продолжалъ идти вдоль улицъ; сердце мое раздиралось при видѣ всего того, что представлялось моему взору».

Окрестности Іерусалима не меньше измѣнились; на мѣстѣ долинъ, покрытыхъ богатою жатвою пшеницы, ничего не видно, кромѣ безплодной и неровной пустыни; не видно болѣе ни стадъ, ни лѣсовъ на холмахъ, ничего, кромѣ печальнаго безплодія. Древніе языческіе писатели свидѣтельствуютъ согласно съ іудеями, что эта страна была чрезвычайно плодородна. Другіе восточные города, о которыхъ упоминается въ св. Писаніи, по большей части испытали жребій древняго Іерусалима. Капернаумъ, Вюсаида и Хоразинъ представляютъ въ настоящее

скихъ древностей, объясненіе которыхъ находятъ въ извѣстныхъ ему описаніяхъ путешественниковъ. Потому очерки его вообще не имѣютъ ученаго, систематическаго характера и съ нимъ полноты; взаимнъ того авторъ заботился въ нихъ о возможно-бѣольшей простотѣ и, по мѣстамъ, назидательности, назначая ихъ для читателей, особенно цѣнящихъ именно эти достоинства. *Н. З.*

время только груды развалинъ. Развалины Иерихона занимають пространство болѣе одной мили въ окружности ^{і)}. Сарепта и другіе сосѣдніе съ нею города представляютъ также только груды развалинъ; нѣсколько разрушенныхъ колоннъ и нѣсколько обдѣланныхъ камней,—вотъ все, что остается отъ прежняго богатства и великолѣпія. И другіе города находятся въ такомъ же состояніи опустошенія ^{к)}.

«Боже великій! восклицалъ одинъ знаменитый французскій путешественникъ, который не вѣровалъ слову Божію,—отъ чего произошло столько гибельныхъ перемѣнъ? Зачѣмъ разрушено столько городовъ? Куда дѣвались времена изобилія и жизни въ этихъ странахъ» ^{л)}? Человѣческій умъ не даетъ удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы; одинъ христіанинъ находитъ въ св. Писаніи настоящую причину этого бѣдствія и можетъ отвѣчать словами Того, Кто не говоритъ неправды: *земля беззаконіе сотвори живущихъ ради на ней, понеже преступиша законъ, и измѣниша заповѣди, разрушиша заветъ вѣчный. Сего ради проклятіе поястъ землю, яко совршиша живущіе на ней* (Исаи 24, 5. 6.).

Поразительное исполненіе этихъ страшныхъ пророчествъ глубоко-поучительно и для христіа-

---

і) Buckingham.

к) Irby and Mangle's travels.

л) Volney.

нина. Спаситель, предсказавши разрушеніе Іерусалима, предсказалъ въ тоже время и кончину всего міра... Въ великій день всеобщаго суда спасется лишь тотъ, кто живетъ въ мірѣ, какъ бы не живя въ немъ, и кто, подобно древнимъ святымъ мужамъ, воздыхаетъ «о томъ городѣ, который утвержденъ на незыблемыхъ основаніяхъ, потому что ему художникъ и содѣтель Богъ» (Евр. 11, 10.). О, примиримся съ Богомъ, пока еще есть время, чтобы намъ вселиться въ небесномъ Іерусалимѣ, въ томъ вѣчномъ жилищѣ, гдѣ никакой врагъ не можетъ уже вредить и гдѣ отерты будутъ все слезы.

Н. З—ва.

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ

**СЪ КОНЦЕРТАМИ, ЖИВЫМИ КАРТИНАМИ И ДРУГИМИ
ПОДОВНЫМИ УВЕСЕЛЕНІЯМИ.**

«Слава Богу! прошла сырная недѣля,» многіе говорятъ, уставшіе отъ суеты и шума этой безтолковой и шумной недѣли; и въ самомъ дѣлѣ, какъ не повторить этихъ словъ: слава Богу! Наступила отрадная для души тишина, теперь нѣтъ уже того шума и гама, отъ которыхъ не было покою цѣлую недѣлю, какъ будто бы на то только и устроенную, чтобы всѣхъ сбить съ толку и всѣмъ вскружить головы. Странно право какъ сложилась въ нашей жизни эта сырная недѣля. Святою церковію она опредѣлена для менѣе замѣтнаго перехода отъ обыденной жизни мясоѣда къ строгой и особенно направленной жизни въ великій постъ; Церковь назначила эту недѣлю для приготовленія къ посту, съ цѣлію постепенно приучить насъ и къ лишеніямъ въ пищѣ и къ великопостнымъ церковнымъ службамъ; для чего именно и разрѣшается въ продолженіи сырной недѣли вкушать только молочную и рыбную пищу, а въ церковной службѣ

въ это же время уже начинаются земные великопостные поклоны. Но увы! міръ, этотъ изкони противникъ святымъ учрежденіямъ Церкви, приготовительную недѣлю, долженствующую постепенно пріучить насъ къ воздержанію, превратилъ въ праздникъ самага безтолковаго обжорства и безумныхъ увеселеній, и притомъ въ такой шумный и безчинный праздникъ, что другаго подобнаго не бываетъ въ цѣломъ году.

Странно какъ-то и вспоминать, какъ безтолково и какъ противно церковнымъ правиламъ проводится у насъ сырная недѣля; о томъ уже и говорить нечего, что церковной службы во всю эту недѣлю почти никто не посѣщаетъ; большинство даже не знаетъ и знать не хочетъ, бываетъ ли въ это время церковная служба и какая это служба, обычная ли, какъ и во всѣ недѣли въ году, или особенная. Теперь вовсе не до церковной службы, совсѣмъ не то на умѣ ни у взрослыхъ, ни у дѣтей. Въ большинствѣ семействъ, особенно средней руки, еще съ понедѣльника начинаютъ печь блины, и блинамъ этимъ у иной затѣйливой хозяйки конца нѣтъ, то пшеничные, то гречишные, то обарные, то молочные, то съ творогомъ, то съ яйцами, то еще съ чѣмъ; и взрослые и дѣти, что встанутъ съ постели, то и спѣшатъ за блины и ѣдятъ ихъ такъ, какъ будто бы думаютъ наѣсться на цѣлый великій постъ. И странное дѣло,—блины, это тяжелое и жирное кушанье, считаются на

масляницѣ какъ бы необходимымъ блюдомъ даже въ такихъ семействахъ, которыя въ другое время даже боятся и подумать о подобномъ кушаньѣ.

Но блины—это еще цвѣточки сырной недѣли, а ягодки впереди, до середины всѣ еще занимаются своими дѣлами хоть съ грѣхомъ по поламъ и масляничаютъ только каждый у себя дома; настоящій же праздникъ и разгулъ начинается съ середины или четверга; съ этого времени у большей части даже занятыхъ и трудящихся людей прекращаются обыденныя занятія и все время отдается объяденію, у многихъ пьянству, различнымъ чувственнымъ увеселеніямъ и разѣздамъ по гостямъ. На театрахъ идутъ представленія по два раза въ день, балаганы подъ Новинскимъ ^{а)} открыты съ утра до поздней ночи, трактиры, питейные дома, которыхъ теперь чуть не на каждомъ переулкѣ по полудюжинѣ, и другія увеселительныя заведенія почти не затворяются, и вездѣ шумъ и гамъ; на улицахъ толкотня и разныя безобразныя сцены; то летитъ стремглавъ ухорская тройка, запряженная въ огромныя разряженныя сани, набитыя мужчинами и женщинами, то валяются по мостовымъ и тротуарамъ пьяные, не только мужчины, но и женщины, иные безъ чувствъ, а другіе безо-

---

а) Въ Москвѣ. Авторъ вообще имѣетъ въ виду Москву при описаніи увеселеній на сырной недѣлѣ и въ великій постъ. *Ред.*

бразно барахтающіеся, то цѣлыя ватаги безобразныхъ пьяныхъ несутся съ шумомъ и криками пшибаютъ встрѣчнаго и поперечнаго, только не остерегись; тамъ слышатся безчинныя пѣсни, тамъ еще безчиннѣйшая брань, а тамъ драка между подгулявшими; всѣ какъ угорѣлые, какъ будто бы въ какомъ-то чаду шумятъ, бродятъ изъ стороны въ сторону, толкаютъ другъ друга и мѣшаются. Ты лишь отвернешься отъ одной отвратительной и жалкой картины, и встрѣчаешься съ другою, еще отвратительнѣйшею, хоть не выходи изъ дома.

Всѣ какъ бы сговорились не сидѣть дома; и бѣдные и богатые, и пѣшіе и въ разныхъ экипажахъ, несмотря ни на дождь ни на снѣгъ, ни на слякоть и грязь, куда-то идутъ и ѣдутъ; извозчики давно уже загоняли лошадей и въ богатой выручкѣ: даже тѣ лошади, которыхъ въ иное время года по педѣлѣ не выводятъ изъ конюшни, на масляницѣ не знаютъ отдыха. Каждый считаетъ какъ бы обязанностію на масляницѣ перебивать у всѣхъ своихъ знакомыхъ и родныхъ, у кого на блинахъ, у кого на обѣдѣ, у кого на вечернемъ чаѣ, у кого такъ—ни на обѣдѣ ни на чаѣ; почти всѣ также постараются съѣздить или сходить на гулянье подъ Новинскимъ, гдѣ невѣдомо зачѣмъ медленно тянутся громаднымъ кругомъ длинныя ряды каретъ, колясокъ, саней и другихъ экипажей разныхъ фасоновъ, отъ самаго послѣдняго повомоднаго чуть

не до такого, который считался старымъ и вышедшимъ изъ моды еще сто лѣтъ тому назадъ. Въ каждомъ почти семействѣ вы встрѣтите охотниковъ непремѣнно побывать въ театрѣ нѣсколь-ко разъ въ продолженіи недѣли; есть даже такіе, которые чуть ли не за грѣхъ считаютъ на масляницѣ хоть разъ не быть въ театрѣ. А веселые разгульные люди непремѣнно въ это время перебиваются во всѣхъ увеселительныхъ заведеніяхъ; они какъ бы по данному или возложенному на нихъ обѣту съ полдень до ранняго утра перекочевываютъ изъ одного заведенія въ другое.

Просто не знаешь, что и подумать о порядкахъ или лучше о безпорядкахъ масляницы; большая часть людей какъ будто объѣлась или опилась чего-то одуряющаго. Но вотъ уже послѣдній день масляницы, по народному выраженію, прощенное воскресенье, вотъ уже благовѣсть къ вечерни, гуляки еще продолжаютъ масляничать и толпиться на гуляньѣ и по трактирамъ, но сколько нибудь порядочные люди спѣшатъ по домамъ, и многіе идутъ въ церковь, а другіе, помня старый еще не совсѣмъ забытый обычай христіанскій, идутъ и ѣдутъ къ старшимъ родственникамъ просить прощенья и изъявить свои благопожеланія благополучно послѣ поста дож-даться свѣтлаго праздника. Новинское гулянье къ девяти часамъ вечера уже пусто, въ балаганахъ нѣтъ ни представленій, ни музыки, гурьбы гулякъ уже разошлись по домамъ, и развѣ развѣ

гдѣ встрѣтишь шатающаго запоздалаго пьяногу, который не знаетъ какъ найти дорогу домой и ругается съ пріятелемъ или пріятельницею, которыхъ разумѣется нѣтъ при немъ на яву, но которые еще представляются ему въ пьяномъ видѣніи. Масляницы уже нѣтъ подъ Новинскимъ, она перебралась доживать послѣдніе часы въ Тверскую ямскую, тамъ на тройкахъ въ пошевняхъ катанье идетъ во весь развалъ, усерднѣйшіе поклонники масляницы спѣшатъ догуливать. Наконецъ и полночь, и все стихло. Тверская ямская пуста, всѣ разѣхались, и сама масляница оставила Москву, не dokonченныя пѣсни смолкли, пьяные улеглись, или плетутся кой какъ домой, — тишина!

Утромъ въ понедѣльникъ великій постъ во всей Москвѣ, за исключеніемъ нѣмецкаго клуба; съ семи часовъ по всѣмъ церквамъ благовѣстъ къ заутрени, и вчерашніе усердные почитатели масляницы и всѣхъ ея сумасбродствъ спѣшатъ участвовать въ церковной молитвѣ; по улицамъ тишина, городъ какъ будто опустѣлъ на половину, на улицахъ, гдѣ вчера не было проходу между толпами гуляющихъ, теперь рѣдко гдѣ встрѣтишь тихаго путника, который куда нибудь спѣшитъ по неотложнымъ дѣламъ; всѣ общественныя увеселенія закрыты, нѣтъ ни театровъ, ни концертовъ, ни баловъ. За то церкви полны молящимися, да полонъ еще рынокъ съ грибами, квашеною капустою, солеными огурцами, медомъ,

изіомомъ и другими великопостными припасами,— куда между заутреней и часами спѣвать суетливыя хозяйки заpastись нужнѣйшими потребностями для велико-постнаго стола. Подлинно удивительное и отрадное для души превращеніе вчерашнихъ шумныхъ охотниковъ до гулянья и разныхъ развлеченій въ тихихъ и усердныхъ постителей церковнаго богослуженія. Какъ послѣ этого не сказать, что постъ имѣетъ великое и благодѣтельное значеніе въ жизни христіанина? Вотъ ударили къ сфимонамъ, идите въ церковь, и вы увидите, съ какимъ умиленіемъ и благоговѣніемъ тамъ молятся многочисленныя толпы вчерашнихъ охотниковъ до развлеченій, съ какою сосредоточенностію и внимательностію они слушаютъ покаянный канонъ Андрея Критскаго, какъ сильно на нихъ дѣйствуютъ умиленные припѣвы: «Помилуй мя Боже, помилуй мя». Какое отрадное чувство потрясаетъ ихъ душу при пѣсни, возглашаемой церковію: «помощникъ и покровитель бысть мнѣ во спасеніе, сей мой Богъ и прославлю Его». Какъ содрагаются они при пѣсни: «душе моя, душе моя, возстани, что спиши, конецъ приближается и имаши смутитися; но воспрями убо, да пощадитъ тя Христосъ Богъ!»! При первыхъ словахъ этой пѣсни каждый какъ бы пробуждается отъ дремоты духовной и старается живо представить всѣ свои дѣянія, требующія покаянія и очищенія души.

Такъ, великое и истинно божественное благо-

дѣяніе сдѣлала намъ православная Церковь учрежденіемъ постовъ и особенно настоящаго поста великой и святой четыредесятницы. Этотъ постъ съ своими особенными церковными службами отрезвляеть душу челоуѣка, поднимаетъ изъ глубины ея такія чувства, какія трудно испытать ей въ обычное время. И тѣ жестоко ошибаются, которые видятъ въ постѣ одно скорбное и вредное для тѣлеснаго здоровья лишеніе скоромной пици, и думаютъ, что челоуѣкъ можетъ возбуждать въ себѣ благоговѣйныя чувствованія во всякое время, безъ особенныхъ приготовленій, когда ему вздумается. Нѣтъ спора, что челоуѣкъ можетъ возбуждать въ себѣ благоговѣйныя чувства и парить душею къ Богу, и даже чувства сіи иногда возбуждаются, какъ бы не спросясь челоуѣка; но все это не такъ легко, какъ представляется инымъ, и всего этого никакъ нельзя достигнуть безъ приготовленій, какъ вздумается; а самое удобное и самое дѣйствительное приготовленіе и составляетъ постъ съ его особенными церковными службами. Постъ поднимаетъ душу, погрязшую въ суетахъ житейскихъ, постъ даетъ ей силы сосредоточиться въ себѣ, оглянуться на себя, пересмотрѣть свои дѣянія и помыслы и сотворить плоды достойныя покаянія; постъ даетъ слезы умиленія и сокрушенія сердечнаго. Но разумѣется постъ состоящій не въ одной пицѣ тѣлесной, но и въ душевной; отрезвляя тѣло суходѣніемъ, мы

въ тоже время и при помощи сухояденія должны отрезвлять душу удаленіемъ отъ развлеченій, отъ всѣхъ житейскихъ суетъ.

Но вотъ вопросъ: по ученію ли св. Церкви мы проводимъ самый важный изъ христіанскихъ постовъ, св. великую четырехдесятницу? Увы! на этотъ вопросъ мы должны дать отвѣтъ отрицательный. Еще первая недѣля поста представляется отраднымъ явленіемъ,—церкви полны молящимися, въ городѣ тишина, разумѣется возможная для города, развлеченій, по крайней мѣрѣ общественныхъ, не встрѣчаютъ ни взоръ, ни слухъ; ежели гдѣ и замѣчаются значительные ряды экипажей, то только у церквей, возбуждающихъ особенное вниманіе общества по благолѣпію священнослуженія, или по другимъ подобнымъ причинамъ; иныхъ съѣздовъ въ продолженіе первой недѣли великаго поста Москва не представляетъ, по крайней мѣрѣ о нихъ не слышать. Постъ,—какъ есть постъ; все, сколько нибудь нарушающее порядокъ поста, не смѣетъ и показаться на свѣтъ Божій. Но вотъ прошла первая седмица поста; и постъ уже отодвигается на задній планъ, а напередъ выступаетъ міръ съ своими незаконными притязаніями. Онъ, превративши сырную недѣлю изъ времени назначеннаго церковію для приготовленія къ посту, въ праздникъ обжорства и разгула, теперь принимается и за самый постъ, старается изказить его, уничтожить его благотѣльное значеніе, и у многихъ достигаетъ своей цѣли.

Многіе, по окончаніи первой недѣли поста, оставляють постную пищу и готовятъ рыбный, или даже мясной столъ, будто бы сберегая здоровье. Дѣйствительно, многимъ по болѣзненному состоянію постная пища вредна; но таковымъ дается разрѣшеніе на мясную и молочную пищу и въ посты, постъ не есть врагъ нашего здоровья. А зачѣмъ дозволяютъ себѣ нарушать уставы поста люди совершенно здоровые, только изъ одной прихоти и привязанности къ обжорству, ѣздящіе по клубамъ, чтобы упитать свое чрево до отягощенія и за домашнимъ столомъ каждодневно мѣняющіе кушанья, одно другаго прихотливѣе? Что они этимъ выигрываютъ? Живутъ ли они дольше тѣхъ, которые соблюдаютъ уставы поста относительно пищи? или они пользуются лучшимъ здоровьемъ? Увы! они скорѣе постниковъ сходятъ въ могилу, и по крайней мѣрѣ живутъ никакъ не дольше; а что касается до здоровья, то разстройство желудка, ожиреніе сердца, подагра, одышка и другія многочисленныя болѣзни принадлежать по преимуществу людямъ избѣгающимъ постной пищи, а отнюдь не постникамъ.

Въ слѣдъ за нарушеніемъ поста въ пищу идетъ охлажденіе къ церковнымъ молитвамъ; послѣ первой недѣли поста въ церквахъ день отъ дня дѣлается просторнѣе, богомольцевъ день отъ дня, недѣля отъ недѣли меньше. Благовѣсть церковный продолжаетъ призывать къ молитвѣ; но

охотниковъ на этотъ призывъ не много; служба, видите, долга да и некогда, дѣлъ какихъ-то очень много у всѣхъ, не до церкви и не до молитвы, да притомъ же можно помолиться и дома. А конечно дома также не много найдется свободнаго времени для этого занятія; ибо, по просту, его не ищутъ, а стараются занять чѣмъ нибудь другимъ и то свободное время, которое встрѣчается. Дѣло извѣстное, въ жизни человѣческой такъ всё устроено, что стоитъ только отступить отъ порядка въ одномъ дѣлѣ, то отступленій уже не оберешься и человѣкъ не сладитъ самъ съ собою. Такъ иной изъ опасенія разстроить желудокъ начнетъ съ того, что самовольно разрѣшитъ себѣ употребленіе скоромной пищи въ постъ, разумѣется обѣщаясь наблюдать умѣренность приличную посту, и кончитъ тѣмъ, что объяденіемъ совершенно разстроитъ желудокъ; то, вотъ видите, котлетка такъ хорошо поджарена, такъ благоуханна, что нельзя не съѣсть ее; то пирогъ, или жареное такъ хороши, что грѣхъ отказаться отъ нихъ, а тамъ поваръ состряпалъ такой соблазнительный соусъ, что нельзя не поѣсть его, и такъ незамѣтно дѣло доходитъ до полного объяденія и совершеннаго забвенія объ обѣщанной воздержности ради поста. Или другой скажетъ: ахъ, некогда идти въ церковь, да и служба нынѣ такая длинная, что просто трудно вынести, я лучше помолюсь дома съ большимъ усердіемъ, выберу въ продолженіи дня

самое удобное время, сосредоточусь въ себѣ и такъ помолюсь, что молитва моя будетъ истинною бесѣдою съ Богомъ и цѣлебнымъ бальзамомъ для утомленной души; и разумѣется не выберетъ удобнаго времени, не сосредоточится на молитвѣ, а помолится такъ себѣ, безъ особеннаго вниманія, чтобы только съ плечъ свалить эту обязанность, а въ иной день за недосугомъ и вовсе не помолится, и кончитъ тѣмъ: да полно нужно ли молиться Богу, вотъ ужъ я нѣсколько дней не молился, а вѣдь отъ этого бѣды никакой не было, громъ не грянулъ, и я себѣ здоровъ какъ ни въ чемъ не бывало; между тѣмъ незримый и неслышимый громъ давно уже грянулъ надъ несчастнымъ, его нечестіе обратилось въ страшный недугъ, охватившій всю его душу безъ надежды на изцѣленіе.

За охлажденіемъ къ молитвѣ слѣдуютъ какъ бы по пятамъ разныя развлеченія,—то концерты, то живыя картины, то роскошныя обѣды въ клубахъ, то вечера у знакомыхъ, то карты, то разныя увеселительныя собранія съ благотворительною цѣлю въ пользу бѣдныхъ, то фокусники, то уроды, и все это непременно постомъ, въ такое именно время, которое по уставу церкви назначено молитвѣ и покаянію, когда для развлеченій не должно быть и мѣста. Чѣмъ же послѣ этого въ нашемъ современномъ обществѣ великій постъ отличается отъ масляницы? да по истинѣ сказать, только тѣмъ, что въ театрѣ

не представляютъ балетовъ, комедій и трагедій, и что балаганы подъ Новинскимъ закрыты и нѣтъ тамъ катанья, а все остальное идетъ по прежнему и даже подъ часъ хуже, неприличнѣе, развратнѣе, чѣмъ въ масленицу.

Начнемъ съ концертовъ: что благочестиваго, что настраивающаго душу къ умиленію въ этомъ странномъ развлеченіи назначенномъ у насъ почти исключительно для поста? Еще съ первой недѣли съѣзжаются въ Москву, какъ воронья на падаль, разные артисты, пѣвцы и музыканты, чуть не со всего свѣта, и со второй же недѣли начинается такъ называемый музыкальный сезонъ, и въ газетахъ каждый день публикуются объявленія, что такой-то пѣвецъ или такой-то знаменитый музыкантъ, даетъ такой-то концертъ тогда-то, такой-то тогда-то, и все это въ продолженіи всего поста до страстной недѣли. И что же предлагаютъ слушателямъ эти знаменитые господа? Божественные гимны, или какія либо церковныя пѣсни, приличныя посту? Ни чуть не бывало; даютъ отрывки изъ тѣхъ оперъ, которыя представляются въ театрахъ въ другое время, и которыя считаются скоромными для поста; вся разница состоитъ въ томъ, что въ операхъ тѣже пѣвцы и съ тѣмъ же пѣніемъ являются костюмированные и при театральныхъ декораціяхъ, а здѣсь пѣвцы и пѣвицы выходятъ въ обыкновенныхъ своихъ платьяхъ; а что касается до содержанія пѣсенъ, то оно остается тоже,

какъ и въ театрѣ, не рѣдко сладострастное и возбуждательное для чувствъ; въ исполненіи же артисты стараются своимъ искусствомъ дополнить тотъ недочетъ возбуждательности, который бы могъ оказаться за отстраненіемъ театральной обстановки. Спрашиваю по совѣсти: все это прилично ли во время поста? Мнѣ, можетъ быть, скажутъ: что же худаго, или вреднаго наслаждаться высокими произведеніями искусства? Они возвышаютъ, облагораживаютъ душу. Не спорю, что наслажденія высокими гениальными произведеніями искусства можетъ приносить и пользу, да время-то поста не есть время наслажденій, а время скорби и покаянія, тутъ христіанину не до концертовъ; ходить по концертамъ во время поста значить явно ругаться надъ этимъ святымъ постановленіемъ церкви.

А что сказать о живыхъ картинахъ, которыя кажется исключительно показываются только великимъ постомъ и составляютъ любимое зрѣлище публики? Что въ этомъ зрѣлицѣ такого, что было бы прилично посту? Для представленія живыхъ картинъ, разумѣется, нельзя брать художественныхъ произведеній живописи, въ которыхъ изображались бы святые, прославляемые церковію; ибо это было бы оскорбленіемъ святости, и во многихъ случаяхъ просто невозможно; напримѣръ, какая бы изъ дѣвицъ или женщинъ осмѣлилась принять на себя образъ Божіей Матери въ живой картинѣ? Слѣдовательно, по

самому существу дѣла живыя картины должны ограничиваться только тѣми произведеніями искусства, которыя не относятся къ разряду священныхъ изображеній, какъ это дѣйствительно и бываетъ во всѣхъ представленіяхъ живыхъ картинъ, или составлять картины изъ театраль-ныхъ сценъ, что также случается. А распорядители и художники, для устройства живыхъ картинъ, при выборѣ произведеній живописи или театраль-ныхъ сценъ естественно должны обращать главное вниманіе на эффектность картины и на удобство исполнить ее живыми людьми; эффектность же и удобство исполненія всего легче достигаются выборомъ страстныхъ и чувственныхъ положеній. Отъ чего живыя картины въ большей части случаевъ бываютъ почти тѣми же театральными представленіями, которыя окончательно признаны неприличными времени великаго поста. А ежели театральныя представленія считаются неприличными для поста; то конечно эффектныя и страстныя сцены, вырванныя изъ театраль-ныхъ представленій, еще менѣе приличны, ихъ даже нельзя назвать высокимъ наслажденіемъ для души; ибо онѣ не больше какъ слабая тѣнь художественныхъ произведеній. Искусную драпировку платья, обнаженныя плечи, полузакрытую грудь живой женщины, страстно опущенные, или поднятые глаза и подобн., конечно никто не признаетъ художественнымъ произведеніемъ, и наслажденіе подобнымъ зрѣ-

лицемъ едва ли можно отнести къ наслажденіямъ возвышающимъ и облагораживающимъ душу.

Обѣды и вечера въ клубахъ съ пустыми разговорами, пересыпкою новостей и сплетней, картежную игру, за которою сидятъ или съ цѣлю убить время или обыграть товарища, танцевальные классы и подоб., разумѣется, никто не назоветъ занятіями и развлеченіями приличными времени покаянія и поста; а именно эти-то развлеченія и занятія у насъ и въ полномъ разгарѣ во время великаго поста, по той будто бы простой причинѣ, что людямъ дѣваться некуда, театры закрыты и гуляній нѣтъ. Какъ будто бы цѣль жизни христіанина театръ и гулянья, а ихъ нѣтъ—поѣзжай въ клубъ, объѣдайся, болтай всякій вздоръ, или садись за карточный столъ, или танцуй до поту лица; и это у людей порядочныхъ, даже степенныхъ! А въ церковь дороги нѣтъ, некогда, тяжело, скучно, служба долга и утомительна; въ клубѣ же за пустыми разговорами или за карточнымъ столомъ не тяжело и не утомительно просидѣть и до трехъ часовъ ночи даже съ платежемъ штрафа; о танцевальныхъ же классахъ и говорить нечего, они—для молодежи, для которой все легко и нѣтъ ни трудовъ ни усталости, только тяжело и трудно ходить въ церковь. Да что говорить о клубахъ и танцевальныхъ классахъ? Разные, самые нелѣпые фигляры и фокусники и показыватели уродовъ съѣзжаются къ намъ больше всего въ ве-

ликій постъ и порядочно набиваютъ карманы денежками собираемыми съ многочисленныхъ зрителей. А разъ какъ-то лѣтъ пятнадцать назадъ пріѣзжалъ въ Москву великимъ постомъ какой-то искусникъ показывать живыхъ блохъ, запряженныхъ четверней въ микроскопическую коляску и тоже имѣлъ множество посѣтителей и набралъ порядочную сумму рублей. И все это непременно во время великаго поста; это, видите, самое удобное время, публикѣ, говорятъ, дѣваться некуда; она готова въ великій постъ глядѣть на всякую дрянъ, готова платить за все деньги; не даромъ же въ самомъ дѣлѣ пріѣзжать въ Москву всѣмъ этимъ почтеннымъ господамъ промышленникамъ! Да развѣ грѣхъ посмотрѣть на фокусника или уroda какого? скажутъ мнѣ иные. Конечно не грѣхъ, да нужно время знать, грѣхъ это дѣлать постомъ. Не грѣхъ конечно разговаривать дома или на улицѣ; но разговаривать въ церкви во время священно-служенія грѣхъ, и грѣхъ большой, ибо разговорами въ церкви во время священнослуженія оскорбляется святость времени и мѣста.

Но вотъ еще странное развлеченіе во время великаго поста, съ виду доброе, а въ сущности нелѣпое и вовсе неприличное и оскорбительное для христіанина,—это концерты и подобныя увеселенія съ благотворительною цѣлію. На меня, я знаю напередъ, всѣ накинута съ укорами, какъ дескать порицать увеселенія съ благо-

творительною цѣлю? Это тоже, что отнимать послѣдній кусокъ у голоднаго; самъ Господь учить пеccия о нищихъ. Такъ, дѣйствительно Господь учить заботиться о бѣдныхъ, но нѣтъ нигдѣ указаній, чтобы Онъ училъ плясать или давать концерты въ пользу нищихъ. Увеселенія съ благотворительною цѣлю—жалкое и бѣдное благотвореніе, съ какой стороны на него ни взгляните. Жалко и бѣдно оно потому, что оно свидѣтельствуетъ о холодности людей къ своимъ ближнимъ; значить люди разучились помогать несчастнымъ, ихъ нужно побуждать къ тому разными ухищреніями, приманивать увеселительными зрѣлищами, обманывать: дай намъ денегъ и повеселись, а мы кой что изъ твоихъ денегъ раздадимъ бѣднымъ. Жалко и бѣдно подобное благотвореніе и потому, что оно требуетъ значительныхъ расходовъ и приносить бѣднымъ самую малую помощь, а большая половина собранныхъ денегъ уходитъ на другіе, совершенно посторонніе предметы. Чтобы устроить великолѣпный концертъ или другое какое увеселеніе съ благотворительною цѣлю, для этого, разумѣется, нужно довольно денегъ, безъ денегъ этого сдѣлать нельзя, а откуда же получаютъ эти деньги? Да изъ тѣхъ билетовъ, которые раскуплены съ благотворительною цѣлю, и въ большей части случаевъ двѣ трети изъ собранныхъ денегъ уходятъ на расходы, и бѣднымъ достается только одна треть, а бываетъ иногда и гораздо

меньше. Но этимъ однимъ еще не ограничивается нелѣпость увеселеній съ благотворительною цѣлію; вы женщина или дѣвица, собираясь въ концертъ съ благотворительною цѣлію, разумѣется, желаете и даже находите нужнымъ принарядиться, нельзя же ѣхать въ общество кой какъ, подѣ часъ нужно шить новое платье, а непременно убрать голову и для этого пригласить парикмахера, конечно нуженъ экипажъ, не у всѣхъ же свои лошади; а на все это конечно нужны деньги, безъ денегъ нельзя. Итакъ сочтите же, чего стоитъ посѣщеніе концерта съ благотворительною цѣлію, и что изъ всѣхъ затратъ собственно идетъ на благотворительность; вы заплатили за билетъ три рубля, да на разные приготовленія истратили рублей пятьдесятъ, и того пятьдесятъ три рубль, а на пользу бѣдныхъ, за чѣмъ вы именно и ѣхали въ концертъ, пойдетъ всего навсего только одинъ рубль. Въдъ это просто напросто жалко и смѣшно; это значить себя дурачить и оскорблять бѣдныхъ, которымъ думаете благотворить. Въдъ на половину той суммы, которую вы затратили для посѣщенія концерта съ благотворительною цѣлію, можно бы было купить хлѣба на цѣлый годъ довольно многочисленному бѣдному семейству.

Но довольно о неумѣстныхъ развлеченіяхъ, которымъ мы предаемся во время великаго поста. Кажется, ясно до осязательности, что, проводя постъ такимъ образомъ, мы оскорбляемъ свя-

тынню поста и чуть ли не обращаемъ его въ масляницу, которая давно уже у всѣхъ и по достоинству заслужила названіе безпутной и безобразной недѣли. Страшно сказать, а едва ли не вѣрно, что и постъ такъ проводимый, какъ мы его проводимъ, за исключеніемъ первой и страстной недѣли, рано или поздно получить названіе цѣлыхъ пяти безпутныхъ недѣль въ году. Господи! доколѣ терпимъ? Господи пощади, да не до конца погибнемъ.

Е. П.

БРАТЯ И СЕСТРЫ.

Послѣ союза между родителями и дѣтьми, мужемъ и женой, самый тѣсный союзъ устроенъ Богомъ между братьями и сестрами. Одинъ у нихъ отецъ, одна мать носила ихъ подъ сердцемъ, одна любовь пеклась о нихъ, изъ однихъ сердець возносилась молитва за нихъ къ Богу. Подъ одною кровлею они жили, за однимъ столомъ ѣли и пили, въ одномъ саду гуляли. Братья—это естественные друзья, которыхъ соединяетъ одинаковость воспитанія и въ продолженіе воспитанія одинаковость трудовъ, радостей и скорбей. Въ нѣкоторомъ отношеніи союзъ ихъ имѣетъ преимущество предъ супружескимъ: послѣдній основанъ на выборѣ человѣческомъ, а тотъ однимъ Богомъ устроенъ. Избраніе кого либо въ спутники жизни нерѣдко соединяется съ своекорыстными расчетами. Ничего подобнаго нельзя сказать о союзѣ братскомъ, въ основаніе котораго лежитъ одна святая воля Божія.

Въ словѣ Божіемъ не мало свидѣтельствъ, показывающихъ великое благоволеніе Божіе къ

братскому союзу, если между братьями царствуетъ сердечное согласіе. «Какъ хорошо, говорить псалмопѣвецъ, и какъ прекрасно жить братьямъ всѣмъ вмѣстѣ! Какъ оный добрый елей на головѣ, сходящій на бороду, бороду Ааронову, стекающій на ометы одежды его; какъ роса на Ермонѣ, какъ роса сходящая на горы Сіонскія. Ибо тамъ утвердилъ Господь благословеніе и жизнь на вѣки» (Псал. 132.). То есть, какъ пріятно обонять благоволеніе драгоцѣннаго мвра, обильно изливаемаго на первосвященниковъ при ихъ посвященіи; какъ пріятно чувствовать освѣжительную прохладу, распространяемую въ воздухѣ горами, орошаемыми обильною рососою: такъ пріятно и успокоительно дѣйствуетъ на душу зрѣлице сердечнаго единодушія между братьями. Ибо гдѣ миръ и единодушіе, тамъ и благословеніе Божіе ^{а)}. Богъ самъ есть любовь, и потому взоръ его съ радостію останавливается на людяхъ, связанныхъ союзомъ любви. Въ новомъ Заветѣ благоволеніе Божіе къ братскому союзу выражено тѣмъ, что самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ благоволилъ содѣлаться нашимъ братомъ, принявъ на себя нашу плоть и кровь, и *не стыдился нарицать братією своею вѣрующихъ въ него* (Евр. 2, 11. Іоан. 20, 17.). По волѣ Христа Спасителя и взаимныя отношенія вѣрующихъ въ Него должны быть братскія

а) „Гдѣ миръ да ладъ, тамъ Божья благодать“.

(Матѣ. 18. 15.), потому что всѣ они суть чада Отца небснаго по благодати возрожденія (Іоан. 1, 12. 13.). Самыя отношенія поставленныхъ отъ Бога пастырей Церкви къ пасомымъ должны быть проникнуты, по ученію Спасителя, духомъ братской любви. «Вы не называйтесь учителями, сказалъ Господь апостоламъ и въ лицѣ ихъ всѣмъ преемникамъ ихъ служенія,—ибо одинъ у васъ учитель, Христосъ; всѣ же вы братья» (Матѣ. 23, 8.). Апостолы называли вѣрующихъ братьями и сестрами (Дѣян. 1, 16. 2, 37. Рим. 16, 1. 14.), и вообще наименованіе братій было однимъ изъ общеупотребительныхъ наименованій вѣрующихъ во Христа (Дѣян. 15, 1) съ древнихъ временъ. Изъ этого братскаго союза никто не былъ исключаемъ. Первоверховный апостолъ Павелъ, ходатайствуя предъ Филимономъ за убѣжавшаго отъ него раба его Онисима, просить его, чтобы онъ принялъ его къ себѣ не какъ раба, а какъ *брата возлюбленнаго*, такъ какъ этотъ рабъ сдѣлался христіаниномъ (Филим. ст. 16.). Такъ, христіанство по самой сущности есть братство, не то лжеименное братство, о которомъ проповѣдуютъ новѣйшіе учителя социализма и коммунизма, желающіе насильственнымъ образомъ водворить повсюду равенство между людьми въ однихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, а братство духовное, братство во Христѣ Иисусѣ, которое можетъ уживаться со всѣми существующими гражданскими порядками, не ломая ихъ,

не уничтожая вышшняго неравенства, общественныхъ преимуществъ однихъ предъ другими.

Братья родные, какъ мы сказали, друзья природные. Друга трудно найти, но братъ—готовый другъ съ самаго дѣтства. Къ сожалѣнію сила грѣха исказила дружескія по природѣ братскія отношенія. Какъ часто братья бываютъ врагами одинъ другому! И замѣчательно,—если справедливо говорится о другѣ: «раздружится другъ—пуще недруга», то не менѣе справедливо говорится и о братьяхъ: «братъ на брата—пуще супостата». Исторія представляетъ немало примѣровъ этой вражды. Между первыми въ человѣческомъ родѣ братьями, сыновьями Адама, не было мира, и старшій изъ нихъ убилъ младшаго. Братья Юсифа враждовали на него за то, что онъ пользовался особенною любовію отца ихъ Іакова, и однажды рѣшились было умерить его голодною смертію во рву, и только по совѣту одного изъ среды себя отмѣнили это рѣшеніе и продали его какъ невольника въ Египеть. Авесаломъ умерщвляетъ брата своего Амнона на пиршествѣ, на которое пригласилъ его. Ромуль, основатель Рима, первый камень для закладки этого города обагрилъ кровью роднаго брата, Рема. Сколько въ мірѣ пролито братской крови въ спорахъ за престолонаслѣдіе! Сколько изъза него происходило междуусобныхъ войнъ между братьями! Древній періодъ русской исторіи представляетъ непрерывный рядъ такихъ войнъ.

А въ быту частныхъ лицъ развѣ мало подобныхъ междуусобій, доходящихъ иногда до кровопролитія, развѣ мало примѣровъ безчеловѣчнаго обращенія съ братьями? Недавно газеты сообщали извѣстіе о звѣрскомъ поступкѣ одного англичанина, который двадцать лѣтъ держалъ въ неисходномъ, грязномъ затворѣ своего старшаго брата и довелъ его до того, что тотъ сдѣлался идиотомъ, потерялъ даръ слова и мысли и даже едва сталъ походить на человѣка по самой наружности,—и все изъ-за корысти: младшій хотѣлъ устранить старшаго отъ наслѣдства.

Такъ, корыстолюбіе и честолюбіе весьма нерѣдко бываютъ причиною разстройства добрыхъ братскихъ отношеній. Какъ вообще въ житейскихъ отношеніяхъ, такъ и между братьями яблокомъ раздора служитъ корысть,—изъ-за ней и родство позабывается; не даромъ говорится въ пословицѣ: «братъ—братъ, а денежки неродня». Отсюда возникаютъ ожесточенные споры между братьями о наслѣдствѣ. Случается, что иному сыну удается войти въ особое расположеніе отца, и онъ пользуется этимъ ко вреду братьевъ. Отецъ дѣлаетъ его единственнымъ наслѣдникомъ своего имущества, или отказываетъ ему большую часть наслѣдства, а остальнымъ дѣтямъ гораздо меньшую. Худо поступаетъ сынъ, если достигаетъ этого особенною угодливостію отцу, которую выказываетъ не столько по любви къ нему, сколько по желанію выслужиться предъ нимъ.

Онъ долженъ дорожить любовію не только отца, но и братьевъ, и если пренебрегаетъ любовію братьевъ, добиваясь заслужить любовь одного отца и изъ ней извлечь для себя выгоды съ обидою для нихъ, то въ сущности ничего не выигрываетъ. Изъ-за лишней сотни рублей, изъ-за лишней части другаго какого либо наслѣдства онъ наживаетъ себѣ враговъ въ лицѣ обиженныхъ имъ братьевъ, и навлекаетъ упреки собственной совѣсти, которые могутъ отравить удовольствіе обладанія благами, несправедливо пріобрѣтенными. Онъ и самъ грѣшитъ, и братьевъ вводитъ въ грѣхъ, вооружая ихъ противъ себя. Худое то наслѣдство, которое воздвигаетъ преграду между тобою и сердцемъ братьевъ твоихъ.— Иногда самъ отецъ бываетъ виновникомъ этого раздора; иной сынъ недобивается особеннаго предъ прочими братьями расположенія къ себѣ отца, но отецъ по чему либо показываетъ особенное пристрастіе къ нему, и по пристрастію къ одному обдѣляетъ другихъ. Оттого бываютъ примѣры, что обиженные дѣти не являются на самыя похороны отца, негодуя на него и на своего брата; этотъ братъ, положимъ, остался жить вмѣстѣ съ отцемъ, когда другіе братья завелись своими домами и хозяйствомъ, и одинъ присутствовалъ при послѣднихъ его минутахъ, и вотъ въ нихъ зародилось несправедливое подозрѣніе, что онъ во зло употребилъ свое положеніе и выманулъ у отца то, что слѣдовало на ихъ долю.—Вотъ ка-

нихъ золь можетъ быть источникомъ пристрастіе родителей къ одному кому либо изъ дѣтей!— Вообще родители должны показывать одинаковую любовь къ дѣтямъ, не должны отличать однихъ изъ нихъ особеннымъ вниманіемъ съ обидою для другихъ. Если они приближаютъ къ себѣ кого либо изъ дѣтей какъ любимца, то они не добро, а зло ему дѣлаютъ: они возбуждаютъ зависть и вражду къ нему въ прочихъ дѣтяхъ, и въ сердцѣ его самого могутъ посѣять сѣмена гордости и тщеславія. Пусть они не забываютъ примѣра патриарха Іакова, сынъ котораго Іосифъ сдѣлался жертвою зависти прочихъ братьевъ единственно за то, что былъ любимцемъ отца.

Причиною вражды между братьями, или по крайней мѣрѣ охлажденія братской любви, бываетъ часто тщеславіе и гордость. Случается, что разбогатѣвшій и занявшій видное положеніе въ обществѣ братъ стыдится бѣдныхъ и незнатныхъ братьевъ. Такъ одинъ богачъ запретилъ ходить къ себѣ брату жены своей, человѣку бѣдному, но честному и доброму. Онъ даже требовалъ отъ него, чтобы тотъ никому не говорилъ про родство свое съ нимъ. Но Провидѣніе наказало гордеца въ лицѣ его роднаго сына, который по смерти отца впалъ въ нищету и принужденъ былъ искать пріюта въ домѣ дяди своего, того самого, который не смѣлъ показываться на глаза къ покойному отцу его. Если богачъ, о которомъ мы сей часъ сказали, безнравствен-

но поступилъ съ шуриномъ своимъ, то еще болѣе безнравственнымъ мы должны назвать подобное же поведеніе кого бы-то ни было въ отношеніи къ родному брату или сестрѣ. Богатые и знатные люди пусть поступаютъ съ бѣдными и незнатными братьями такъ, какъ поступилъ Іосифъ съ своими родными братьями. Будучи первымъ сановникомъ въ Египтѣ, онъ не постыдился своихъ братьевъ—простыхъ пастуховъ, ни отъ кого не скрылъ, что они его родные братья, сдѣлалъ имъ почетный пріемъ, вызвалъ ихъ на жительство въ Египетъ вмѣстѣ съ отцемъ, и далъ имъ всѣ удобства для жизни благополучной.—Іосифъ говорилъ своимъ братьямъ, пришедшимъ къ нему въ Египетъ: «Богъ послалъ меня передъ вами, чтобы оставить васъ на землѣ и сохранить вашу жизнь чудеснымъ спасеніемъ» (Быт. 45, 7.). Подобнымъ же разсужденіемъ должны руководствоваться въ отношеніи къ своимъ бѣднымъ и незнатнымъ братьямъ и сестрамъ и всѣ тѣ, которые достигли обогащенія и знатности. Они не должны забывать, что Господь для того надѣлилъ ихъ земными благами, чтобы они могли помогать въ нуждѣ ближнимъ своимъ, особенно родственникамъ. Они поступили бы крайне неблагородно и передъ Богомъ, своимъ благодѣтелямъ, неблагодарно, если бы по гордости или скупости сдѣлались недоступными для нуждающихся въ ихъ помощи братьевъ своихъ.

Рознь между братьями часто происходит отъ того, что одни изъ нихъ слишкомъ высоко цѣнятъ свое превосходство предъ другими въ умственномъ отношеніи и потому позволяютъ себѣ смѣяться надъ ними, презирать ихъ, унижать. Не только христіанское разсужденіе, но вообще здравый смыслъ человѣчества осуждаетъ такое поистинѣ глупое высокомѣріе людей, считающихъ себя умными. Едвали не у всѣхъ народовъ существуютъ разказы о трехъ братьяхъ, изъ которыхъ двое умныхъ, третій глупый. Умные, какъ водится, презираютъ и всячески обижаютъ глупаго. Послѣдній добродушно терпитъ и за терпѣніе награждается Богомъ. Дѣла его въ цвѣтушемъ состояніи, благословеніе Божіе видимо почиваетъ на немъ, а умные братья раззоряются. Несчастіе сбиваетъ съ нихъ высокомѣріе,—они признаютъ наконецъ свою несправедливость къ брату, котораго дотолѣ презирали, просятъ у него прощенія и получаютъ отъ него же помощь въ своей горькой нуждѣ. Онъ не злопамятенъ; онъ не переставалъ любить тѣхъ, которые его оскорбляли, и съ радостію готовъ подѣлиться съ ними всѣмъ, чѣмъ Богъ за его смиреніе и простоту благословилъ его.—Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности не такъ часто это случается, какъ въ народныхъ сказаніяхъ. Оскорбленія и насмѣшки надъ братомъ скудоумнымъ обыкновенно горько отзываются въ душѣ его, ожесточаютъ его, дѣлаютъ раздражитель-

нымъ и даже мстительнымъ. И это неудивительно. Если у тѣхъ, которые почитаютъ себя умными, недостаетъ настолько самообладанія, чтобы удержаться отъ высокомернаго обращенія съ глупымъ, то можно ли ожидать и требовать отъ глупаго, чтобы онъ терпѣливо переносилъ ихъ обиды? Его можно извинить глупостію, а ихъ высокомерное обращеніе съ нимъ тѣмъ непростительнѣе, чѣмъ они умнѣе. Глупъ онъ не по ихъ, даже не по своей винѣ, а злымъ онъ сдѣлался единственно по ихъ винѣ; его сдѣлало таковымъ ихъ небратское обращеніе съ нимъ; они должны отвѣчать предъ Богомъ и своею совѣстію за его нравственную порчу. Въмѣсто того, чтобы смѣяться надъ братомъ скудоумнымъ, умные братья не только по братскому долгу, но вообще по долгу человеколюбія должны принять на себя трудъ помогать ему наставленіями, совѣтами и вразумленіями,—сильные должны немощи немощныхъ носить. Они притомъ должны помнить, что люди умственно неразвитые, но смиренныя, скорѣе могутъ сдѣлаться сосудами благодати Божіей, чѣмъ люди, обладающіе высокимъ умственнымъ развитіемъ, но гордые. «Посмотрите, братія, говоритъ св. Апостолъ,—кто вы призванные: не много между вами мудрыхъ по плоти, но Богъ избралъ безумное міра, дабы посрамить мудрыхъ» (1 Кор. 1, 26. 27.).

Дурно поступаютъ братья, презирая брата скудоумнаго, но еще хуже поступили бы они,

еслибы отвернулись отъ брата падшаго, если бы стали въ духѣ фарисейской гордости говорить про него: «какой онъ братъ нашъ? Онъ выродокъ нашего семейства, онъ позоръ нашего рода, у насъ ничего не можетъ быть общаго съ нимъ». Такое горделивое сужденіе не дѣлаетъ чести тѣмъ, которые его произносятъ. Какъ ни глубоко палъ братъ вашъ, все-же онъ сынъ одного съ вами отца, все-же онъ вашъ братъ. Никого изъ грѣшниковъ не должно презирать, потому что самъ Богъ не презираетъ ихъ, самъ Богочеловѣкъ пострадалъ и умеръ за нихъ; тѣмъ менѣе протительно презирать грѣшника, родственнаго намъ по плоти. Онъ глубоко погрязъ въ безднѣ грѣховной,—на васъ первыхъ лежитъ долгъ не только братскій, но вообще христіанскій, исторгнуть его изъ этой бездны, молитвою, вразумленіями и снисходительною любовію постараться пробудить въ немъ раскаяніе и навести его на путь истины. Кто неспасаетъ утопающаго, хотя могъ бы это сдѣлать, и проходитъ мимо его равнодушно, тотъ не можетъ признать себя безвиннымъ въ его смерти, до которой могъ недопустить своею помощію. Равно и вы примете на себя долю отвѣтственности въ гибели вашего брата, если равнодушно и даже съ презрѣніемъ смотрите на то, какъ онъ гибнетъ. Ваше братское участіе въ немъ могло бы спасти его, ваша гордость и презрѣніе еще пуце ожесточаютъ его. Онъ великій грѣшникъ, но и гордость, съ ка-

кою вы относитесь къ нему, есть также величайшій грѣхъ, смертный грѣхъ, который отнимаетъ цѣну даже у всѣхъ вашихъ добрыхъ дѣлъ и качествъ. Вы дорожите честію вашего рода?— Хорошо, — но докажите это не презрѣніемъ къ тому, кто запятналъ эту честь недостойнымъ поведеніемъ, а христіанскими усиліями исправить его, пробудить въ немъ чувство этой чести, и возвратить его на путь, по которому съ честію для себя и для своего рода шли вашъ отецъ, дѣдъ, прадѣдъ.

Вообще братья и сестры призваны къ тому, чтобы споспѣшествовать другъ другу въ дѣлѣ духовнаго усовершенствованія. Соединеніе ихъ подъ однимъ семейнымъ кровомъ представляетъ самыя благопріятныя къ тому условія. Семейство—это, можно сказать, школа взаимнаго обученія, и какая прекрасная школа! Опытъ свидѣтельствуешь, какъ много теряютъ дѣти, если растутъ одинокими, безъ братьевъ и сестеръ. Своенравіе, угрюмость и другія угловатости характера гораздо чаще у нихъ встрѣчаются, чѣмъ у дѣтей, воспитанныхъ въ кругу братьевъ и сестеръ. Въ этомъ кругу вліяніе однихъ на другихъ можетъ быть весьма благотворно въ нравственномъ отношеніи, ибо каждый изъ нихъ можетъ послужить братьямъ тѣмъ талантомъ, какой Богъ ему далъ, и въ свою очередь можетъ поучиться у другаго тому, въ чемъ онъ чувствуетъ недостатокъ. Такимъ образомъ кроткій по при-

родѣ можетъ кротостію своею смягчать суроваго и желчнаго, живыи и горячій правомъ можетъ возбуждать къ дѣятельности вялаго и медлительнаго, мужественный и смѣлый — вливать духъ мужества въ робкаго и склоннаго къ малодушію и унынію, вообще каждый можетъ дѣйствовать на другаго силою того добраго качества, какое дано ему Богомъ. Само собою разумѣется, что успѣхъ или неуспѣхъ благотворнаго вліянія однихъ братьевъ на другихъ зависитъ отъ того, какъ поставятъ себя къ этому дѣлу родители. Родители благоразумные и заботливые о благѣ дѣтей могутъ облегчить себѣ трудъ воспитанія ихъ, зорко наблюдая за ихъ взаимными отношеніями, и дѣйствуя на однихъ дѣтей посредствомъ другихъ. Напротивъ родители неблагоразумные и небрегающіе о воспитаніи дѣтей какъ сами не оказываютъ благотворнаго вліянія на нихъ, такъ и между ними могутъ допустить такія отношенія, при которыхъ больше будутъ имѣть вліяніе на дѣтей недостатки однихъ, чѣмъ достоинства другихъ.

Въ дѣлѣ воспитанія однихъ дѣтей посредствомъ добраго вліянія другихъ могутъ имѣть особенное значеніе страшии братъ или сестра, и потому благоразумные родители, если хотятъ облегчить себѣ трудъ воспитанія дѣтей, должны обращать преимущественное вниманіе на воспитаніе первороднаго изъ нихъ. Если первенецъ поставленъ на прямую дорогу, воспитанъ хорошо, и пре-

имущественно въ духѣ христіанскаго благочестія, то родителямъ уже не такъ трудно будетъ дать такое же воспитаніе послѣдующимъ дѣтямъ, — они будутъ брать примѣръ со старшаго. Въ противномъ случаѣ родителямъ предстоитъ слишкомъ много труда, чтобы дать доброе направленіе младшимъ дѣтямъ; усиліямъ родителей избѣжать при воспитаніи ихъ тѣхъ ошибокъ, какія допущены при воспитаніи старшаго сына или дочери, будетъ на каждомъ шагу вредить дѣйствіе дурнаго примѣра со стороны старшихъ дѣтей. Намъ приходилось читать про двухъ отцевъ семейства, изъ которыхъ одинъ весьма недоволенъ былъ поведеніемъ своихъ дѣтей и никакъ не могъ успѣть въ исправленіи ихъ, другой напротивъ благословлялъ Бога, смотря на своихъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ былъ лучше другаго. Первый однажды приходитъ въ гости къ послѣднему и не отрываетъ глазъ отъ его дѣтей. Ихъ смиреніе, послушаніе, любовь и ласковость къ родителямъ, миръ и дружба между собою невольно напомнили гостю слова псалмопѣвца: «се что добро, или что красно, но еже братіи вкупѣ». Онъ глубоко вздохнулъ, когда вспомнилъ свое семейство. Улучивъ благопріятную минуту, онъ спросилъ счастливаго отца, какъ онъ могъ устроить такой прекрасный порядокъ между дѣтьми, что не на радуешься, глядя на нихъ. Тотъ отвѣчалъ: «я не слишкомъ много хлопоталъ. Видалъ ли ты стадо журавлей, при на-

ступленіи осени отлетающихъ на югъ?»—Неразь видалъ. — «Ты конечно замѣтилъ, что впереди летитъ одинъ журавль, который указываетъ дорогу остальнымъ, твердо зная, куда надо летѣть,— и остальные только слѣдуютъ за нимъ. При воспитаніи дѣтей я, признаться, имѣлъ въ виду примѣръ журавлей. Я много положилъ труда на воспитаніе первенца и усердно молился объ успѣхѣ. Господь благословилъ мой трудъ своею благодатию. Мой старшій сынъ сталъ передовымъ для младшихъ, — онъ показываетъ имъ путь къ небу, тѣ уважаютъ и любятъ его и съ охотою слѣдуютъ его руководству и примѣру».—Открытие весьма поучительное для родителей и дѣтей! Пусть родители, по примѣру отца, о которомъ была сейчасъ рѣчь, постараются воспитывать старшаго сына или дочь такъ, чтобы они могли быть правою рукою, благонадежными помощниками ихъ при воспитаніи остальныхъ дѣтей. Но пусть и первородныя дѣти поймутъ высокую важность того положенія, въ которое они по отношенію къ младшимъ своимъ братьямъ поставлены своимъ первородствомъ. Они должны стараться заслужить уваженіе и любовь младшихъ братьевъ не физическимъ старшинствомъ, а силою нравственнаго вліянія на нихъ. Пусть это вліяніе они показываютъ при жизни родителей, принимая участіе въ ихъ заботахъ о воспитаніи дѣтей; но пусть такъже стараются поддержать это вліяніе и по смерти родителей, заступая ихъ

мѣсто для младшихъ братьевъ и продолжая родительскія о нихъ заботы до ихъ совершеннолѣтія. Даже и тогда, когда младшіе братья, достигнувъ совершеннолѣтія, начнутъ вести самостоятельную жизнь, старшіе должны быть ихъ добрыми совѣтниками и руководителями, поддерживать между ними память добрыхъ семейныхъ преданій и обычаевъ и побуждать ихъ блюсти честь рода.

Такъ, старшіе и особенно первородные братья имѣютъ великое значеніе въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія младшихъ. На нихъ преимущественно лежитъ обязанность возвѣститъ имя Господне посреди братіи, но и сами они обязаны учиться всему доброму у прочихъ братьевъ. Вообще дѣло взаимнаго нравственнаго обученія должно быть для всѣхъ братьевъ общимъ дѣломъ. Братская любовь ихъ должна паче всего проявляться въ ревности о спасеніи другъ друга, въ поощреніи другъ друга къ христіанской жизни. Всѣмъ имъ свойственно заботиться о взаимномъ благѣ. Но какое благо можетъ быть выше спасенія души? и какое средство къ достиженію его дѣйствительнѣе, какъ не жизнь по духу Евангелія? — Вотъ примѣры которыми они могутъ руководствоваться въ этомъ дѣлѣ. При самомъ вступленіи Спасителя въ общественное служеніе первыми учениками его являются два брата. Андрей, именуемый первозваннымъ (потому что первый послѣдовалъ за Иисусомъ), поспѣшилъ привести

къ Иисусу старшаго брата своего Симона, которому при семь случаѣ Господь преднарекъ имя Петра. Родные братья Иоаннъ и Иаковъ, сыны Зеведеевы, скрѣпили свой кровный союзъ духовнымъ: сперва одинъ изъ нихъ вступилъ въ общество учениковъ Иисуса, его примѣру послѣдовалъ другой. Великій святитель 4-го вѣка св. Григорій Богословъ не могъ равнодушно смотрѣть на опасности и искушенія, какимъ подвергался его родной братъ Кесарій, жившій въ качествѣ лейбъ-медика при дворѣ Констанція аріанина и Юліана отступники. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы отвлечь его отъ этой службы и спасти его отъ соблазновъ жизни придворной. Святый мученикъ Валеріанъ ⁶⁾, обращенный въ христіанство своею невѣстою, съ такимъ усердіемъ предалъ свою душу и сердце Спасителю, что удостоился узрѣть Ангела Божія, который говорилъ ему: «ты не противился истинамъ, отъ дѣвницы тебѣ преподаннымъ; потому Богъ послалъ меня къ тебѣ, да приимешь отъ Него, чего пожелаетъ душа твоя».—Валеріанъ, поклонившись Ангелу, отвѣчалъ: «нѣтъ въ мірѣ семь ничего для меня любезнѣе брата моего Тивуртія; итакъ молю Господа, да избавить его отъ губельнаго идолопоклонства, да обратитъ его къ себѣ и да содѣлаетъ обоихъ насъ столько же совершенными въ исповѣданіи Его имени, сколько

---

6) Память его 22 ноября.

совершенно обрученная мнѣ невѣста». Небесный посланникъ порадовался желанію Валеріана и сказалъ: «благоугодно Богу твое прошеніе: какъ тебя спасъ чрезъ дѣвицу, такъ чрезъ тебя спасеть Онъ и брата твоего, и всѣхъ васъ сподобилъ вѣнцевъ царствія небснаго».

Свящ. В. Печеевъ.

ВЪ КАКОМЪ СМЫСЛѢ ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦА

И М Е Н У Е Т С Я

РУНОМЪ ОДУШЕВЛЕННЫМЪ , КУПИНОЮ НЕОПАЛЬНОЮ , ОБЛА-
КОМЪ ВСЕСВѢТЛЫМЪ , СТОЛПОМЪ ОГНЕННЫМЪ ^{а)}).

37. «Руно одушевленное, еже (которое) Гедеонъ предвидѣ» (Кан. пѣс. 6. троп. 2.).

Гедеонъ, пятый судія израильскій, для укрѣпленія упованія своего на помощь Божию въ битвѣ съ мадіанитянами, два раза испросилъ у Бога знаменіе руна, которое, бывъ положено имъ на гумнѣ, по его желанію, въ одну ночь получило избыльную росу, между тѣмъ какъ земля была суха, а въ другую осталось сухимъ, тогда какъ земля имѣла росу (Суд. 6, 36—40.).

По ученію св. Церкви, руно, избранное Гедеономъ въ знаменіе побѣды его надъ врагами, прообразовало Одушевленное Руно — Пресвятую

а) Продолженіе статьи: „изъясненіе заимствованныхъ изъ Ветхаго Завѣта наименованій Пресвятой Богородицы, содержащихся въ благодарственномъ ей канонѣ и акаѣистѣ.“ См. октяб. книж. Душ. Чтен. 1863 г., и январ. книж. 1864 г.

Дѣву Марію: «Видитъ ты яко руно Гедеонъ» (на Благов. кан. пѣс. 9. троп. 5.). «Побѣждаетъ Гедеонъ Мадіама сильно, — говоритъ святитель Димитрій Ростовскій, — и откуда пріятъ ту силу? Не отъ руна ли орошеннаго, Пресвятую Богородицу прообразовавшаго?» (въ словѣ на празднество явленія иконы Пресв. Богор. въ градѣ Казани.). Какимъ образомъ руно Гедеоново прообразовало Пресвятую Дѣву Марію?

Во первыхъ, — руно положено было Гедеономъ на гумнѣ. Подъ гумномъ въ таинственномъ смыслѣ разумѣется избранный народъ Божій, — или Церковь Божія, состоявшая изъ іудеевъ⁶⁾. Но Пресвятая Дѣва Марія находилась также на гумнѣ Церкви іудейской, была отъ рода еврейскаго.

Во вторыхъ, — руно, положенное на гумнѣ, орошено было изобильною росой. И пресвятая Дѣва Марія, избранный членъ, іудейской Церкви, — орошена была снизшедшимъ въ утробу Ея Небеснымъ Дождемъ или Божественною Росой, Господомъ Иисусомъ Христомъ, о которомъ такъ воспѣваетъ Церковь: «яко дождь съ небесе на руно сниде и воплотися насъ ради» (Кан. на

---

6) Церковь или общество вѣрующихъ въ Евангеліи представляется подъ образомъ гумна, которое Небесный Святель, держа вѣтрило въ рукахъ Своихъ, очищаетъ, — пшеницу, добрыхъ людей (праведныхъ), собираетъ въ житницу, готовитъ для Царствія Небеснаго, — а плевелы, злыхъ людей (нераскаянныхъ грѣшниковъ), отдѣляетъ, для сожженія ихъ огнемъ неугасающимъ. Мѡ. 3, 12; 13, 24--30. Лук. 3, 17.

Рожд. Христ.). — Руно обильно орошено было росой, между тѣмъ какъ земля оставалась сухою;—это значитъ, что языческіе народы, находившіеся внѣ іудейской Церкви, и самые Іудеи оставались духовно сухими, одни отъ бесплоднаго зноя языческаго суевѣрія и многобожія, другіе отъ того, что не приносили плодовъ достойныхъ покаянія,—тогда какъ во всемъ родѣ человѣческомъ Пресвятая Дѣва была единственнымъ лицомъ, на которое преизобильно излилась благодать Святаго Духа и содѣлала ее матерью Бога Слова, Спасителя міра.

Въ третьихъ,—руно, лежавшее на гумнѣ, осталось въ другую ночь сухимъ, тогда какъ земля исполнилась росы. И Одушевленное Руно—Пресвятая Дѣва Марія содѣлалась сухимъ, т. е. по рожденіи отъ нея Бога Слова пришла въ то состояніе, въ которомъ была до рожденія,—осталась Дѣвою и по рождествѣ. Между тѣмъ земля исполнилась росы, то есть языческіе народы, горѣвшіе въ пламени многобожія, со всею охотою обратились къ Живоносному Источнику небесной благодати Господу Іисусу Христу (Іоан. 7, 37.), оросились и оживились Его благодатію (Мѡ. 8, 10—12.). «Отъ Тебя истекла роса, угасившая пламень многобожія; посему мы взываемъ къ Тебѣ: радуйся, Дѣва, руно одушевленное, которое провидѣлъ Гедеонъ» (Кан. Богом. пѣснь 6. тр. 2.). Обращенію язычниковъ предшествовало обращеніе ко Христу нѣкоторой части Іудеевъ во времена апостоловъ.

38. «Неопалимая купина» (Кан. пѣс. 6. тр. 4.). Купина горящая, но не сгораемая, которую увидѣлъ Моисей въ землѣ Мадиамской, при горѣ Хоривѣ (Исх. 3, 1—3.), служила прообразованіемъ также Пресвятой Дѣвы Маріи.

Во первыхъ, — купина, хотя есть низкій кустарникъ, удостоена того, что Господь въ пламени огненнѣ пребывалъ въ ней. И Пресвятая Дѣва Марія жила въ бѣдномъ и уничиженномъ состояніи, и при всѣхъ Своихъ внутреннихъ совершенствахъ была смиреннѣйшая изъ людей, между тѣмъ обрѣла такую благодать предъ Богомъ, что Господь Иисусъ Христосъ, явившійся нѣкогда Моисею въ купинѣ^{в)}, тѣлесно вмѣстился въ Ней (Лук. 1, 30—31.).

Во вторыхъ, купина, объятая пламенемъ огненнымъ, по законамъ природы должна бы была тотчасъ сгорѣть и между тѣмъ не сгарала. Не должна ли бы была также и Пресвятая Дѣва Марія, какъ бренное существо, — по суду разума человѣческаго, тотчасъ сгорѣть и исчезнуть, какъ только тѣлесно вмѣстился въ Ней — Огнь, потребляющій и попяляющій (Второз. 4, 24. 9, 3. Евр. 12, 29.) все бренное, нечистое и грѣхов-

---

в) Въ повѣствованіи Моисея (Исх. 3, 2.) и Стефана (Дѣя. 7, 30.) Лице, явившееся Моисею въ купинѣ, именуется первоначально Ангеломъ Господнимъ. Но какъ сей Ангелъ тотчасъ называется Богомъ и ему приписываются многія свойства Божества, то не безъ основанія большая часть учителей Церкви разумѣютъ здѣсь Сына Божіа.

ное? — Между тѣмъ Она осталась невредимою. «Купина, пылавшая огнемъ на горѣ.... ясно образовала Тебя, Богоневѣста: ибо Ты неопалимо приняла божественный невещественный Огонь въ вещественное чрево» (1 Кан. Рож. Бог. пѣс. 7. Ирмосъ.). «Тя величаемъ, Богородице, вопіюще: ты еси купина, въ нейже неопально Моисей видѣ, яко пламень, огонь Божества» (См. въ Часословѣ Отпустит. Богородич.).

Несгораемость купины, по ученію святыхъ церкви, означала также несгораемость дѣвственнаго состоянія Пресвятыя Дѣвы Маріи. Какъ купина, объята пламенемъ огненнымъ, не сгарала: такъ и Пресвятая Дѣва Марія, по рожденіи Господа, не утратила своего дѣвственнаго состоянія. «Якоже бо купина не сгараетъ опаляема, тако Дѣва родила еси и Дѣва пребыла еси» (—догматикъ 2 гласа.). «Я слышала пророка»,—говоритъ Пресвятая Дѣва Марія возвѣщавшему Ей великую тайну благовѣщенія Ангелу, «въ древности предсказавшаго, что нѣкоторая священная Дѣва родитъ Еммануила: но желаю знать, какъ естество смертныхъ можетъ вмѣстить соединеніе съ Божествомъ»? Ангель такъ Ей отвѣчаетъ: «Купина, объята пламенемъ и остающаяся несгораемою, назнаменовала совершающееся на Тебѣ чудное таинство, Благодатная всепрославленная; ибо и по рожденіи Ты, чистая, пребудешь Приснодѣвою (на Благов. кан. пѣсни 4-й троп. 1 и 2.)».

39. «Облако всесвѣтлое, непрестанно осѣяющее вѣрныхъ» (кан. пѣс. 6 троп. 4.). «Столпъ огненный, вводящій челоѳчество въ высшую жизнь» (кан. пѣс. 9 троп. 3.).

Когда Евреи шли изъ Египта въ землю обѣтованную, предводительствовалъ ими не столько Моисей, сколько Богъ. Онъ присутствовалъ въ облачномъ столпѣ, который осѣнялъ ихъ днемъ и освѣщалъ ночью (Исх. 13, 21.). Этотъ столпъ облачный, показывавшій путь странствовавшимъ Евреямъ, по ученію святыхъ Церкви, прообразовалъ Пресвятую Дѣву Марію. Проявивъ тѣлеснѣ солнце правды—Христа (октоих. гл. 1. кан. Богород. пѣсн. 9-й.), изливъ на весь міръ дождь Его благодати (октоих. гл. 5, кан. Богород. пѣсни 5 ирмось.), Она содѣлалась облакомъ все-свѣтлымъ, непрестанно осѣняющимъ вѣрныхъ на пути ихъ изъ сего грѣховнаго міра, какъ изъ Египта, къ землѣ обѣтованной — горьному отечеству. Какъ Матерь духовнаго Свѣта, Она, огнеоблачный столпъ, разгоняетъ въ сердцахъ вѣрующихъ—новыхъ Израильтянахъ (Рим. 9, 6—8.), мракъ невѣрія и разливаеъ свѣтъ истины: «радуйся огненный столпъ, путеводящій находящихся во мракѣ» (акаѳ. ик. 6.)! Какъ обширнѣйшее облако, Она покрываетъ преданныхъ Ей и молящихся вѣрующихъ своимъ милосердымъ покровомъ отъ всѣхъ бѣдъ и золь настоящей жизни: «радуися покровъ міра, обширнѣйшій облака» (—икось 6.)! На бурномъ морѣ сей

жизни истинныхъ христіанъ постоянно преслѣдуютъ, какъ древле Евреевъ при черномъ морѣ, лукавый фараонъ—діаволь и злые египтяне—его клеветы (Исх. 14, 9—10.); но въ то самое время, какъ эти враги полагаютъ уже навѣрное овладѣть вѣрующими въ Господа: Пресвятая Дѣва, подобно ветхозавѣтному огнеобразному столпу, отдѣляетъ однихъ отъ другихъ, оевѣщаетъ для послѣднихъ путь спасенія, а первыхъ омрачаетъ, приводитъ въ смятеніе и поглощаетъ въ безнадежности ихъ предпріятій (Исх. 14, ст. 19—30.). По истинѣ «свѣтовидный облакъ, предводящій новыя люди къ земли обѣтованія, Богоблагодатная явилася еси, и врата вводящая къ жизни (октоиха гл. 5-го кан. Иоанну Предтечи, пѣс. 9-я, Богородиченъ.)».

«Не отчаяваемъ Божія милосердія», говоритъ святитель Димитрій Ростовскій,—«и якоже отъ грѣховныхъ волненій, сице и отъ настоящихъ бѣдъ избавленія: се бо имамы въ пути жизни нашей Премилостивую Одигитрію, милосердную Наставницу, Пречистую Дѣву Богородицу, данную намъ отъ Бога, аки столпъ Израильтяномъ, къ обѣтованной землѣ ведущій, есть бо Она столпъ огнеоблачный, якоже вѣщаетъ къ Ней въ акаѳистѣ Церковь: радуйся, огненный Столпе, наставляя во тьмѣ сущихъ! радуйся Покрове міру, ширшій облака! Огнь есть не вещественный, но Божественный, яко просвѣщающая во тьмѣ сущихъ и къ разуму Божественному всѣхъ

наставляющая; облакъ есть, яко носившая Бога и изливающая намъ дождь Божія милости и благодати. Столпъ есть, яко утверждающая ратующую на земли Церковь и отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ защищающая, по Давидову реченію: Столпъ крѣпости отъ лица вражія (Псал. 60, 4.). Путеводительница и Наставница есть, яко руководствующая и наставляющая насъ ко спасенію: якоже наставила есть Марію Египетскую» (въ словѣ на празднество явленія иконы Богородицы въ городѣ Казани).

(Окончаніе будетъ.).

Діаконъ Николай Воиновъ.

ОТПАДЕНІЕ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ

ОТЪ СОЮЗА СЪ ВОСТОЧНОЮ.

Историческій очеркъ.

Отпаденіе западной церкви отъ союза съ восточною, или такъ называемое рѣздѣленіе церквей, очень ясно обозначившееся во второй половинѣ девятаго вѣка по поводу іерархическихъ смуть возникшихъ въ церкви Константинопольской, еще задолго прежде было приготовлено постепенно возрастающею разностию въ ученіи и въ церковныхъ постановленіяхъ и обрядахъ и въ особенности постепенно возрастающимъ стремленіемъ римскихъ епископовъ къ преобладанію.

Разность въ ученіи касалась ученія объ исхожденіи Святаго Духа. Исходя изъ ученія о единосущіи всѣхъ лицъ Божества, западная церковь, хотя и непослѣдовательно, рано пришла къ ученію объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына а).

а.) Мы называемъ этотъ выводъ непослѣдовательнымъ потому что, допуская, что Сынъ Божій, какъ единосущный Богу

Въ первый разъ это ученіе является у Августина. Потомъ, и съ особенною силою, находимъ его у Фульгенція, епископа Руспійскаго въ Африкѣ (533): «имѣй непоколебимую вѣру и ни мало не сомнѣвайся, говоритъ послѣдній, что Духъ Святый, который есть Духъ Отца и Сына, отъ Отца и Сына исходитъ» 6). Къ образованію и усиленію этого ученія на западѣ способствовали борьба съ аріанами, чтобы чрезъ него яснѣе изобразить единосущіе Сына Божія со Отцемъ. Поэтому въ Испаніи, гдѣ борьба эта была сильнѣе, ученіе о происхожденіи Святаго Духа и отъ Сына наконецъ было введено и въ символъ Никейскій. Въ первый разъ это сдѣлано было на соборѣ Толедскомъ 589 г., на которомъ испанскіе Вестготы вмѣстѣ съ королемъ своимъ

Отцу, изводитъ Духа Святаго, нужно допустить, что и Духъ Святый, какъ единосущный же Отцу, рождаетъ Сына Божія, или нужно даже совсѣмъ отвергнуть рожденіе одного и исхожденіе другаго отъ Отца на томъ основаніи, что Отецъ ни рождается, ни исходитъ; а Сынъ и Духъ Святый единосущны Отцу, слѣдовательно и они также не должны ни рождаться, ни исходить. Но такихъ заключеній не дѣлаетъ Римская Церковь.

6) Церковь восточная, избѣгая признанія въ Божествѣ двухъ началъ, всегда чуждалась этого ученія, и допускала только, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ посредство (*μεσίστια*) Сына. Такое ученіе встрѣчается прежде всего у Григорія Нисскаго. Также училъ и Св. Дамаскинъ (1, 8): Духъ Сына не изъ Него, а чрезъ Него, отъ Отца исходитъ, ибо одна вина—Отецъ.

Реккаредомъ отказались отъ аріанства. Но въ другихъ мѣстахъ запада не вдругъ рѣшились слѣдовать примѣру церкви испанской и не рѣшались вносить прибавленіе въ символъ Никейскій. Преподобный Максимъ исповѣдникъ († 662), такъ долго жившій на западѣ, въ письмѣ къ пресвитеру Марину: «о происхожденіи Духа Святаго и отъ Сына», пишетъ, что хотя нѣкоторые на западѣ и употребляютъ это выраженіе относительно Сына, но тѣмъ они выражаютъ только единосуціе Сына Божія со Св. Духомъ, твердо зная, что одна есть Вина Сына и Духа Святаго—Отець, одного по рожденію, другаго по происхожденію (Орр. II, 69.). Даже при Карлѣ Великомъ Франкская церковь сначала колебалась сдѣлать прибавленіе къ Никейскому символу, хотя самый догматъ (ложный) ревностно защищаемъ былъ многими писателями (Алкуиномъ: *de processione S. Spiritus*; Оеодульфомъ Орлеанскимъ *de Sp. S.*). Наконецъ на соборѣ Фріульскомъ (791 г) Павелъ аквилейскій доказывалъ законность прибавленія «и отъ Сына» и къ символу. «Подобно тому, какъ соборъ Константинопольскій добавилъ символъ Никейскій, и всякій послѣдующій соборъ имѣетъ такое же право дополнять символъ Никейско-цареградскій, только бы эти дополненія были православы» в).

в) На соборѣ Флорентійскомъ со всею ясностію и подробностію была разобрана неосновательность такого умствования

Съ тѣхъ поръ и во Франкской церкви болѣе и болѣе сталъ распространяться символъ съ прибавленіемъ «и отъ Сына». Кажется, Карлъ Великій, благопріятствуя такому нововведенію, имѣлъ тотъ политическій расчетъ, чтобы вовлечь испанское духовенство въ свои интересы, и чрезъ то облегчить себѣ путь къ покоренію Испаніи.—Вопросъ объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына снова возбужденъ былъ въ началѣ IX вѣка. Латинскіе монахи на Масличной горѣ въ Іерусалимѣ обыкновенно пѣли при богослуженіи Никейско-цареградскій символъ съ прибавленіемъ *и отъ Сына* и были упрекаемы за это монахами греческими. Тогда они обратились къ папѣ Льву III-му (795—816) и въ оправданіе свое ссылались на практику церкви Франкской. Папа снесся съ Карломъ Великимъ, который собралъ сборъ въ Ахенѣ (809) для разсужденія объ этомъ предметѣ. Соборъ съ своей стороны отправилъ большое число повѣренныхъ въ Римъ для личныхъ разсужденій съ папою. Папа хотя и призналъ Франкское ученіе за правое, но въ то же время со всею рѣшительностію воспротивился внесенію его въ символъ Никейскій. Онъ даже нарочно велѣлъ изобразить символъ въ церкви св. Петра на двухъ серебрянныхъ дос-

---

Латинянь, такъ какъ третьимъ вселенскимъ соборомъ прямо запрещалось дѣлать всякое прибавленіе къ Никейско-цареградскому Символу.

кахъ (на греческомъ и латинскомъ языкахъ) безъ прибавленія *и отъ Сына* съ слѣдующею подписью: «я Левъ положилъ это по любви къ православной вѣрѣ, для ея охраненія». Несмотря однакожь на такой поступокъ папы, прибавленіе это было принято во всей западной церкви, и даже въ самомъ Римѣ съ этого времени не видно болѣе ему никакого противодѣйствія.

Разность въ постановленіяхъ и обрядахъ уже довольно ясно сказалась на пято-шестомъ Трульскомъ соборѣ г) (692). Здѣсь именно сдѣланы слѣдующія опредѣленія, прямо направленные противъ римской церкви: опредѣлено признавать апостольскія правила въ числѣ 85 ^{а)} (Римская церковь признавала ихъ только 50), дозволялся бракъ пресвитерамъ и діаконамъ (церковь рим-

---

г) Соборъ этотъ называется пятошестымъ потому, что онъ служить дополненіемъ къ V и VI вселенскому; а Трульскимъ потому, что засѣданія его были въ отдѣленіи царскихъ палатъ, называвшемся Трулою, по сходству свода въ этихъ палатахъ съ раковиною.

д) Правила Апостольскія — это сборникъ узаконеній, которыми Церковь, какъ можно видѣть изъ самой практики ея, съ самыхъ первыхъ временъ руководствовалась въ тѣхъ и въ другихъ случаяхъ, считая ихъ узаконеніями Апостольскими. При недостаткѣ положительныхъ свидѣтельствъ на то, что эти правила написаны рукою самихъ Апостоловъ, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ имѣемъ, нужно принять, что они или преданы Апостолами устно Церквамъ, въ которыхъ Апостолы проповѣдывали, или съ ихъ одобренія введены въ церковное употребленіе чрезъ Пастырей, ими самими поставленныхъ и наставленныхъ.

ская требовала безбрачія), запрещался постъ по субботамъ св. Четырдесятницы, кромѣ одной субботы великой е), запрещались изображенія Спасителя въ видѣ агнца (также употреблявшіяся особенно въ римской церкви).

Но въ особенноти разрыву церковнаго единенія способствовало властолюбіе римскихъ епископовъ, которые, воображая себя судьями міра, считали себя выше опредѣленій соборовъ, и потому не стѣснялись даже вводить или узаконять въ церкви самоизмышленные догматы и постановленія.

Съ раннихъ поръ начались такія стремленія папъ къ преобладанію.

По своему священному сану епископы всегда считались равными между собою. «Гдѣ бы ни

е) Запрещеніе поста въ субботніе дни положено уже въ Апостольскихъ правдахъ (прав. 64), и направлено было тамъ противъ разныхъ еретиковъ, какъ напр. Гностиковъ и Манихеевъ, которые почитали вещество міра источникомъ зла и потому постились и сѣтовали въ тотъ день, когда совершенно видимое твореніе; и потому также отвергали Божественное достоинство ветхозавѣтнаго закона, установившаго субботу. Хотя Римская Церковь не раздѣляла въ этомъ отношеніи еретическихъ воззрѣній и приводила свои основанія для поста въ субботу, именно: а.) воспоминаніе смерти Спасителя и пребыванія Его во гробѣ въ день субботній; б.) изображеніе скорби и сѣтованія учениковъ его въ это время; в.) отличіе христіанскихъ обычаевъ отъ іудейскихъ; тѣмъ не менѣе соборъ вселенскій счелъ нужнымъ воспретить постъ по субботамъ для наблюденія единообразія и го избѣжаніе даже и вѣшняго сходства съ еретиками

быль епископъ», разсуждаетъ блаженный Иеронимъ, въ Римѣ ли, или въ Константинополѣ, или на Дону, онъ вездѣ имѣеть одинаковое достоинство. Ни великолѣпіе богатства, ни смиреніе нищеты ни дѣлають епископа ни высшимъ, ни низшимъ; ибо всѣ они равны по священству» (Ер. 29 ad Епаquium.). Но вмѣстѣ съ этимъ, съ самыхъ первыхъ также временъ христіанской церкви, нѣкоторыя епископскія кафедры, получили преимущественное значеніе, какъ средоточія церковнаго управленія. Одно изъ апостольскихъ правилъ (именно 34) прямо опредѣляетъ: «епископамъ всякаго народа (то есть всякой помѣстной церкви) подобаеть знати перваго изъ нихъ и признавати его, яко главу, и ничего превышающаго ихъ власть, не творити безъ его разсужденія. Творити же каждому только то, что касается до его епархіи и до мѣстъ къ ней принадлежащихъ. Но и первый ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ, да тако будетъ единомысліе». Въ этихъ словахъ ясно указывается общій строй древняго церковнаго управленія. Признавая всѣхъ іерарховъ съ одинаковыми правами—имѣть начальство и власть въ предѣлахъ ихъ епархіи, правило въ тоже время подчиняеть всѣхъ епископовъ помѣстной церкви одному изъ нихъ, какъ главѣ, безъ вѣдома и разсужденія котораго они не должны предпринимать ничего особенно важнаго. Но съ другой стороны и самъ этотъ глава не могъ, безъ разсужденія всѣхъ, дѣлать

ничего такого, что должно подлежать суду всей церкви, какъ на примѣръ составлять опредѣленіе догматовъ вѣры, правила и узаконенія для церкви *). Такимъ образомъ правило это, нимало не утверждая главенства одного епископа надъ другими въ смыслѣ какой нибудь безъусловной, не подлежащей ничьей отвѣтственности власти, сосредоточиваетъ однако власть въ тѣхъ или другихъ лицахъ, для удобнѣйшаго дѣйствованія церковнаго управленія. Такое именно сосредоточеніе церковной власти исторія II и III вѣковъ и указываетъ намъ на самомъ дѣлѣ въ епископахъ разныхъ знаменитыхъ городовъ. Такъ св. Кипріанъ епископъ Карфагенскій, кромѣ Карфагена, считалъ подъ своею властію и цѣлыя области Нумидіи и обѣихъ Мавританій †). Святый Иринеи, по свидѣтельству Евсевія, былъ не только Ліонскимъ епископомъ, но и областнымъ іерархомъ всей Галліи †). Св. Аванасій и Епифаній говорятъ о епископахъ Александрійскихъ I и III вѣка, что они управляли церквами всего Египта, Ливіи и Пентаполя †); изъ исторіи этихъ вѣковъ видно также особенное значеніе и влія-

---

ж) „ Ни епископа поставити, ни о повелѣніяхъ или о правилахъ новыхъ епископамъ состязатися“, какъ говорятъ Вальсамонъ, Зонаръ и Арменопуль въ толкованіи на это правило (По слав. Кормчей).

з) Сург. ер. 8 ad Cornel.

и) Церк. Ист. кн. V гл. 23.

†) Св. Аванасія de sententia Dionis. Opp. t. 1 p. 552
Епифан. haer. 68.

ніе на дѣла церковныя епископа *Ефесскаго* въ церквахъ Малоазійскихъ, Кесарійскаго въ Палестинскихъ, Римскаго въ западныхъ *).

Основаніе такому порядку церковнаго управленія положили сами апостолы. Извѣстно, что, проповѣдуя евангеліе всюду, они однакожь центромъ своей дѣятельности избирали такіе города, которые представляли особыя удобства для распространенія изъ нихъ на окружающія мѣста свѣта христіанскаго ученія, равно и для болѣе успѣшнаго и широкаго дѣйствія церковнаго управленія. Изъ этихъ-то главныхъ городовъ ученіе апостоловъ, ихъ велѣнія и распоряженія сообщались и другимъ, зависѣвшимъ отъ нихъ мѣстамъ. Такъ апостолъ Павелъ, пиша посланія церквамъ цѣлыхъ провинцій, подписывалъ ихъ на имя знатнѣйшихъ городовъ этихъ провинцій, каковы напримѣръ Коринѣъ, Оессалоники. Привѣтствуя мѣстную церковь Коринѣскую, Апостолъ пишетъ: «церкви Божіей сущей въ Коринѣъ со всѣми святыми, сущими во всей Ахаіи» (2 Кор. 1, 1.), и чрезъ Коринѣъ какъ столицу Ахаіи, дѣлаеть распоряженіе въ ахайскихъ церквахъ (1 Кор. 16, 1 слѣд.). Апостолъ Іоаннъ возвѣщаетъ судъ Божій на Малоазійскія церкви чрезъ Ефесъ, Смирну, Лаодикію и проч. змаменитѣйшіе города во всей малой Азіи и обращаетъ его прямо къ глав-

---

к.) Евгев. Церк. Ист. кн. IV, гл. 22—25.

нымъ предстоятелямъ (ангеламъ), имѣвшимъ въ этихъ городахъ кафедры (Апок. 2 и слѣд.). Апостоль Павелъ, оставляя Азіійскія церкви, призываетъ въ Мелитъ пастырей города Ефеса, бывшаго главнѣйшимъ изъ городовъ асіійскихъ, и на нихъ возлагаетъ все попеченіе о церковномъ благоустройствѣ той стороны (Дѣян. 20, 17. слѣд.).

Такимъ образомъ въ самой церкви апостольской мы находимъ начало тому порядку церковнаго управленія, который утвердился въ послѣдствіи.

Сосредоточеніе верховнаго управленія въ знаменитѣйшихъ городахъ имперіи, бывшихъ и въ политическомъ отношеніи административными центрами, было особенно важно для церкви со времени торжества ея въ государствѣ при Константинѣ Великомъ, такъ какъ ближайшія отношенія къ правительству гражданскому теперь должны быть особенно полезны правительству церковному для приведенія въ исполненіе церковныхъ постановленій. Поэтому-то первый вселенскій соборъ, бывшій при Константинѣ, между другими опредѣленіями, счелъ нужнымъ утвердить и этотъ, разсматриваемый нами порядокъ церковнаго управленія, существовавшій въ церкви съ первыхъ временъ. «Да хранятся древніе обычаи» (говоритъ 6-е правило этого собора) «принятые въ Египтѣ и въ Ливіи и въ Пентаполѣ, дабы Александрійскій епископъ имѣлъ власть

надъ всѣми сими. Понеже и римскому епископу сіе обычно. Подобно и въ Антиохіи, и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества церкви». Этимъ первенствующимъ епископамъ усвоено было титло митрополитовъ (отъ имени митрополій, какъ назывались важнѣйшіе города имперіи). Изъ послѣдняго выраженія приведеннаго нами правила: *и въ иныхъ областяхъ*, видно, что сверхъ названныхъ были митрополіи и въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ, но не доставало еще точнаго разграниченія пространства каждой митрополіи; почему соборъ, можетъ быть, и не именуеть всѣхъ митрополій опредѣленно. Этотъ недостатокъ устраненъ новымъ раздѣленіемъ имперіи, какое сдѣлалъ императоръ Константинъ, по перенесеніи столицы изъ Рима въ Византію; и второй вселенскій соборъ, въ дополненіе къ вышеозначенному постановленію 1-го Никейскаго собора, опредѣленно уже называетъ церкви Асійскія, Понтійскія и Фракійскія, какъ отдѣльныя помѣстныя церкви,—сообразуясь въ этомъ именно съ имперскимъ дѣленіемъ этихъ округовъ ¹⁾. При этомъ соборъ дѣлаетъ слѣдующее

---

1) Имперія раздѣлена была Константиномъ на двѣ главные части: Восточную и Западную; каждая изъ нихъ подраздѣлялась на префектуры, которыхъ было четыре: Восточная, Илирійская, Галльская и Италійская. Префектуры заключали въ себѣ по нѣскольку округовъ или областей (*διοικήσις* diocoesis), а эти по нѣскольку градоначальствъ, или провинцій (*Ἐπαρχία*

особое постановленіе о Константинопольской церкви : « Константинопольскій епископъ да имѣеть преимущество чести по Римскомъ епископѣ, потому что градъ оный есть новыи Римъ » (Прав. 3.). То есть соборъ признавалъ уже за Константинопольскимъ епископомъ, какъ епископомъ столичнаго города, первенство въ ряду другихъ іерарховъ восточныхъ; но только, уважая древній порядокъ, вслѣдствіе котораго митрополитъ Ираклійскій, какъ епископъ главнаго города въ Фракійскомъ округѣ, имѣлъ и главное іерархическое значеніе въ округѣ, онъ понимаетъ это первенство, какъ первенство чести, а не власти. Именно: Константинопольскій епископъ имѣлъ право предсѣданія на соборахъ, но не имѣлъ еще власти ни рукоположенія, ни суда надъ епископами даже одного Фракійскаго округа, что оставалось правомъ митрополита Ираклійскаго, отъ котораго и самъ Константинопольскій епископъ получалъ себѣ посвященіе. Наконецъ соборъ Халкидонскій IV вселенскій призналъ за Константинопольскимъ епископомъ

---

provincia). Восточная Профектура, которую въ разсматриваемомъ нами случаѣ преимущественно и имѣлъ въ виду соборъ, обнимала пять округовъ : Египетскій , Восточный , Асійскій , Понтійскій и Фракійскій. Восточный составляли 15 провинцій съ митрополіею или главнымъ городомъ, Антиохіею ; Египетскій 6 провинцій, главный городъ Александрія ; Асійскій 10 провинцій, главный городъ Ефесъ ; Понтійскій 11 провинцій; Фракійскій 6, съ новою столицею всей Восточной Имперіи Константинополемъ.

права и самой власти. Утвердивъ новую власть патріаршую, которая возвышалась надъ самими митрополитами, какъ до сего времени власть митрополитовъ возвышалась надъ епископами, соборъ въ ряду другихъ патріарховъ (Римскаго, Александрійскаго, Антіохійскаго, Іерусалимскаго) ^{н)} наименовалъ патріархомъ и епископа Константинопольскаго, признавъ его совершенно равнымъ патріарху древняго Рима, и подчинивъ ему Фракію, Понтъ и Асію съ правомъ принимать жалобы на митрополитовъ и всѣхъ другихъ округовъ на востокѣ. Но нужно замѣтить при этомъ: какъ власть митрополитовъ, въ отноше- ній къ епископамъ, не была неограниченною и произвольною ^{н)}, такъ и власть самихъ патріарховъ подобнымъ же образомъ ограничивалась окружными соборами, безъ которыхъ они не имѣли права избирать и поставлять митрополи- товъ на подчиненныя имъ кафедры (IV всел. пр. 28.), не могли также отрѣшить, или низло- жить подвластнаго себѣ митрополита, ни даже

м) Іерусалимскій епископъ еще на первомъ Никейскомъ соборѣ, подобно тому, какъ потомъ Константинопольскій на 2 вселенскомъ соборѣ, признавъ былъ достойнымъ особенной почести, но тѣмъ не менѣе до сихъ поръ находился подъ вѣдомствомъ митрополита Кесарійскаго.

н) Въ дѣлахъ, касающихся цѣлой области, Митрополитъ ничего не могъ дѣлать безъ общаго разсужденія и согласія епископовъ своего вѣдомства ап. (пр. 34 ант. 9); въ случаѣ разногласія дѣла рѣшались не его голосомъ, но большинствомъ другихъ голосовъ. 1 всел. пр. 6. ант. 9. 19.

епархіального епископа (Кирил. пр. 1.),—и еще болѣе соборами вселенскими, безъ которыхъ не могли ни рѣшать, ни предпринимать ничего касающагося всей церкви.

Отъ этихъ ограниченій не былъ изъятъ ни одинъ епископъ, ни патріархъ Константинопольскій, ни самъ папа Римскій. По разногласію писателей мы не можемъ съ точностію опредѣлить пространство округа, утвержденнаго первымъ вселенскимъ соборомъ за Римскимъ епископомъ. Само Никейское правило выражается на этотъ счетъ, какъ мы видѣли, довольно обще: «да хранятся древніе обычаи, принятыя въ Египтѣ, и въ Ливіи, и въ Пентаполѣ, дабы Александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всеми сими. *Понеже и Римскому епископу сіе обычно.*» Въ древнѣйшемъ (самомъ первомъ по времени) сборникѣ церковныхъ правилъ на *латинскомъ языкѣ* (правила церковныя на соборахъ и у отцевъ церкви первоначально излагались обыкновенно на языкѣ греческомъ), явившемся во второй половинѣ V вѣка, подъ заглавіемъ: древній переводъ греческихъ правилъ (*prisca canonum versio e graecis codicibus*), также у Руѣина, церковнаго писателя пятого же вѣка, пространство власти Римской каедрѣ ограничивается провинціями, такъ называемыми *urbicariae*, или *suburbicariae*, т. е. которыя были приписаны и подчинены главному городу Риму и составляли съ нимъ одинъ административный

округъ. Но какія именно были эти провинціи, и сколько ихъ было, въ этомъ историки между собою не согласны. Одни говорятъ, что весь западъ составлялъ одинъ патріархатъ Римской каѳедры, и здѣсь считаютъ всю Италію, Галлію, Испанію, Британію и значительную часть Африки. Другіе подъ именемъ провинціи *suburbicariae* разумѣютъ часть округа Италійскаго (по гражданскому раздѣленію имперіи), именно: намѣстничество Римское (*vicaria urbis*), которое состояло изъ десяти прилежавшихъ къ Риму провинцій. Иные, наконецъ, подчиняютъ Римскому папѣ только окружавшіе столицу города и составлявшіе вмѣстѣ съ Римомъ одну митрополию, или провинцію—*urbicariam*. Но то или другое было пространство округа, утвержденнаго вселенскимъ соборомъ за папою, во всякомъ случаѣ нужно признать несомнѣнными два положенія: во первыхъ, за Римскимъ епископомъ утверждена была въ его округѣ власть, равная той, какую епископы другихъ знаменитѣйшихъ городовъ востока, какъ-то: Антиохіи, Александрии, Кесаріи, имѣли въ своихъ округахъ, то есть власть не безусловная, а ограничиваемая во всемъ рѣшеніями соборовъ; и во вторыхъ, пространство этого округа ни въ какомъ случаѣ (по мысли собора) не простиралось далѣе запада.

Но обстоятельства слишкомъ благопріятствовали Римскимъ епископамъ, чтобы они могли

удержаться въ этихъ законныхъ размѣрахъ своей власти. Въ ряду этихъ обстоятельствъ прежде всего представляется древняя слава Рима въ отношеніи политическомъ, и новое его значеніе (преимущественно для запада) въ отношеніи религіозномъ. Всѣ гордыя воспоминанія всемірной имперіи относились собственно къ Риму. Въ этомъ отношеніи далеко уступали ему всѣ знаменитѣйшіе города востока, и сама Византія меркла предъ его блескомъ; потому что съ Византіей открывался очевидный упадокъ имперіи. Обаяніе Рима было такъ велико, что сами варвары, разрушавшіе имперію, были исполнены какого-то невольнаго, таинственнаго благоговѣнія къ этому царственному городу. Это-то величіе древняго Рима, естественно, окружало, такъ сказать, особымъ сіяніемъ и епископа, имѣвшаго въ этомъ городѣ кафедрю. Въ религіозномъ отношеніи Римъ имѣлъ особое значеніе для запада, какъ единственная апостольская кафедря на всемъ западѣ. Кафедры апостольскія, то есть основанныя самими апостолами или ихъ первыми учениками и непосредственными преемниками, всегда пользовались въ церкви особымъ уваженіемъ, какъ вѣрныя хранительницы ученія и преданій апостольскихъ ^{н)}; сюда обращались другія церкви для рѣшенія важнѣйшихъ вопро-

---

н) По выраженію Тертуліана они назывались *matrices et originales Fidei. de Præscript. Hæretic. Cap. 21.*

совъ о догматахъ вѣры и правилахъ церковныхъ; здѣсь непрерывное преемство отъ апостоловъ составило твердый оплотъ противъ разныхъ еретическихъ нововведеній °). Тогда какъ на востокѣ кафедръ съ такимъ значеніемъ было много, на западѣ Римская кафедра имѣла въ отношеніи къ разсматриваемому нами предмету,—развитію властолюбивыхъ притязаній въ папахъ, то важное преимущество, что она одна привлекала къ себѣ то уваженіе, какое тамъ, на востокѣ, дѣлилось между многими. Сюда со всѣхъ сторонъ запада обращались въ сомнительныхъ случаяхъ за разрѣшеніемъ. Римъ такимъ образомъ тѣсною правственною связію соединялся съ самыми отдаленными частями запада и получалъ значеніе учительнаго города.

Особый строй Запада, именно его чисто практическое направленіе, такъ рѣзко отличающееся отъ созерцательнаго, или умозрительнаго направленія Востока, давалъ новую поддержку и силу авторитету Римскихъ епископовъ. Въ то время, какъ утонченные богословскіе споры овладѣвали здѣсь вниманіемъ всего народа, и самыя женщины и даже дѣти принимали въ нихъ оживленное участіе, практической западъ, *сравнительно*, очень мало интересовался ими: не было у него такого нетерпѣливаго желанія проникнуть, насколько это возможно, въ самую сокровенную сторону

о) Tevtul ibid. Cap. 20, 21. 32 Jrinacus. haer lib. 3. Cap. 3. 4.

догмата и такъ , или иначе пріурочить его къ понятіямъ нашего разсудка п). По этому , тогда какъ Востокъ былъ волнуемъ множествомъ церковныхъ споровъ , въ которыхъ торжествовали то истина , то , хотя и навремя , заблужденіе , Западъ болѣе или менѣе равнодушно относился къ такимъ спорамъ , предоставляя рѣшеніе ихъ за себя Римской каедрѣ , и такимъ образомъ образовалъ подъ знаменемъ Рима почти всегда крѣпкое единства .

Нужно прибавить , что Римскіе епископы и со стороны отношеній къ императорамъ находились , сравнительно съ восточными , въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ для поддержа-

п) До какой степени горячи были религіозные споры на Востокѣ , показываютъ слѣдующія два свидѣтельства ; оба относятся ко времени аріаскихъ споровъ . Первое находится у Григорія Назіанзина (*Orat. de Deitat. Filii et Spir. s. Opp. III, 466.*) . „ На улицахъ , на рынкахъ , на площадяхъ , вездѣ , говоритъ онъ , разсуждаютъ о предметахъ непостижимыхъ . Спрашиваешь : сколько оболовъ стоитъ какая нибудь вещь , въ отвѣтъ слышишь разсужденія о Рожденномъ и нерожденномъ . Спрашиваешь о цѣнѣ хлѣба , тебѣ отвѣчаютъ : „ Отецъ больше Сына и Сынъ подчиненъ Отцу.“ Спрашиваешь : „ готова ли баня ? ,“ тебѣ отвѣчаютъ : „ Сынъ Божій сотворенъ изъ ничего.“ — Другое свидѣтельство находится у Θεодорита (*h. c. 4, 13*) . Въ Самосатахъ дѣти играли въ мячикъ ; въ то время проѣзжалъ Луцій , аріанскій епископъ , и мячикъ случайно коснулся ногъ осла , на которомъ Луцій ѣхалъ . Дѣти подняли большой крикъ , говоря , что мячикъ нечистъ , и развели огонь , чтобы , прокативъ черезъ него , очистить мячикъ .

нiя такого единства. Самовластiе правительства вообще свободнѣе заявляло себя на Востокѣ, чѣмъ на Западѣ, гдѣ все еще живы были воспоминанiя о республиканскомъ правленiи и народъ вообще не слишкомъ уважалъ особу императоровъ. Поэтому Римскiе епископы какъ занимали каѳедры независимѣе отъ влiянiя императоровъ, такъ и держались на нихъ самостоятельнѣе. Разница въ этомъ отношенiи между епископами восточными и западными хорошо обозначилась на Миланскомъ соборѣ (355 г.), бывшемъ по дѣлу Аѳанасiя. Когда западные епископы, бывшiе здѣсь, мужественно защищая Св. Аѳанасiя, не устращимо говорили противъ самаго императора (Констанцiя), объявившаго себя обвинителемъ Аѳанасiя, — то императоръ, раздраженный ихъ сопротивленiемъ, прямо указывалъ имъ между прочимъ на примѣръ повиновенiя ему епископовъ восточныхъ. «Моя воля, говорилъ онъ, — вотъ для васъ правило! Епископы Сирскiе никогда мнѣ въ этомъ не противорѣчатъ» р).

Нѣтъ сомнѣнiя, что великiя богатства Римской церкви также не мало способствовали самостоятельному положенiю Римскаго епископа. Сюда со всѣхъ мѣстъ запада стекались благочестивыя приношенiя и увеличивали сокровищницу папы. Посредствомъ этихъ приношенiй и завѣщанiй какъ со стороны императоровъ, такъ и частныхъ

р) S. Athan. Hist. arianor. p. 363. 390.

богатыхъ лицъ, Римскій престолъ пріобрѣлъ огромныя какъ движымыя, такъ и недвижимыя имущества не только въ Италіи и сосѣднихъ островахъ Сициліи и Корсикѣ, но также въ Далмаціи, Иллиріи, Галліи и даже Африкѣ. Эти имущества обыкновенно назывались собственностію Св. Петра (*Patrimonia S. Petri*). Насмѣшка Римскаго префекта Претекстата, обращенная имъ къ папѣ Дамасу, даетъ намъ ясное понятіе, сколь великими богатствами располагали папы. «Сдѣлай меня (гогорилъ Претекстатъ) Римскимъ епископомъ, и я сейчасъ буду христіаниномъ»^{c)}.

Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, обусловливавшихъ такое великое значеніе Римскаго епископа на западѣ, спорящіе нерѣдко искали судебно-примирительнаго рѣшенія Рима, утѣшенныя его ходатайства и защиты, и такъ какъ первые епископы Рима,—справедливость требуетъ сказать это къ ихъ чести,—постоянно силу своего духа и вліянія посвящали на защиту истины и правды (Юлій защищалъ Св. Аоанасія, Левъ Кирилла Александрійскаго), то понятно, что сторона, поддерживаемая Римомъ, въ заключеніи обыкновенно оставалась торжествующею; а чрезъ это естественно съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе расло величіе и нравственное вліяніе Рима. «Римъ сказалъ»—это составляло тогда великую силу. Голосъ Рима безспорно былъ тогда

c) Hist Fleury lib. XVI. c. 8 p. 227. 228.

и на востокѣ самымъ уважаемымъ голосомъ ; только причины этого были чисто нравственныя (нисколько не юридическія), такъ какъ онъ пользовался благопріятствовавшими ему обстоятельствами для поддержанія и защиты вѣрованій и лицъ, дорогихъ церкви. Римъ очень хорошо чувствовалъ свою нравственную силу , видѣлъ то великое уваженіе, какое всюду оказывалось ему, и не устоялъ противъ соблазна... Своему значенію римскіе епископы захотѣли наконецъ дать юридическое основаніе, и тѣхъ правъ, какія въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ предоставлялись имъ личнымъ довѣріемъ, потребовали себѣ, какъ неотъемлемыхъ юридически-законныхъ правъ.

Отвѣтныя письма, писанныя изъ Рима, по разнымъ случаямъ, къ разнымъ церквамъ запада, уже въ 4 вѣкѣ приняли тонъ безусловныхъ, верховныхъ опредѣленій (*epistolæ decretales*); но впрочемъ до сего времени папы имѣли еще совѣстливость посылать ихъ во имя собора или клира (*Presbyterium*) римскаго; а съ пятого давали ихъ уже просто отъ своего собственнаго имени. Но не останавливаясь на этомъ, папы хотѣли подчинить своей власти и церковь восточную. Въ 343 году соборъ Сардикійскій, состоявшій изъ однихъ западныхъ епископовъ,—по причинѣ особенныхъ смутныхъ обстоятельствъ тогдашняго времени, когда аріане, покровительствуемые правительственною властію, возымѣли такую огром-

ную силу на востокѣ, и заставили св. Аѳанасія искать себѣ защиты на западѣ,—далъ опредѣленіе, въ силу котораго Римскому епископу, какъ мужественному защитнику православія, дано право—принимать апелляціи отъ всѣхъ подсудимыхъ епископовъ и, если онъ найдетъ ихъ основательными, назначать новыхъ судей для окончательнаго рѣшенія. Означенному опредѣленію собора, относившемуся собственно къ западнымъ епископамъ, на востокѣ вовсе не думали давать вселенски-законодательнаго значенія. Но Римъ иначе смотрѣлъ на это опредѣленіе, и уже Иннокентій I-й (402—417) основывалъ (между прочимъ) на немъ то требованіе, что всѣ важнѣйшія дѣла (*causæ majores*) должны быть представляемы на рѣшеніе къ Римской кафедрѣ; а его преемникъ Зосима (417—418), поддерживая тоже требованіе, уже прямо усвоилъ опредѣленіямъ этого собора значеніе, равное опредѣленіямъ собора Никейскаго. Но такъ какъ такія притязанія папъ явно обличались истинными вселенскими соборами, то папы, во первыхъ, искажали истинный смыслъ соборныхъ опредѣленій ложными толкованіями и даже позволяли порчу въ самомъ текстѣ; такъ именно они поступали съ опредѣленіями 1-го собора Никейскаго; а потомъ—не стѣснялись уже на этомъ мнимомъ основаніи и вовсе отвергать постановленія послѣдующихъ соборовъ (по крайней мѣрѣ относительно разсматриваемаго предмета), якобы несогласныя съ 1-мъ соборомъ.

Мы видѣли, что Никейскій соборъ соображалъ іерархическое значеніе каедръ съ политическимъ значеніемъ тѣхъ или другихъ городовъ. Этого начала не отвергалъ и самъ Римъ, пока не увидалъ себѣ соперника въ Константинополѣ. Но именно со 2-го, и особенно 4-го вселенскаго собора, когда за епископомъ Новаго Рима утверждены одинаковыя права съ епископомъ древняго Рима, римскіе епископы стали рѣшительно отвергать такое начало, какъ будто бы несогласное съ постановленіями Никейскими, и настаивали исключительно на духовное (независимое отъ политическаго значенія городовъ) значеніе епископій. Такъ именно изъясняетъ постановленія Никейскаго собора относительно Антіохійской церкви Иннокентій 1-й въ письмѣ къ Александру, епископу Антіохійскому (въ 415 г.), говоря, что преимущества этой церкви основываются не на политическомъ значеніи города, а на томъ, что она есть первая каедра первоверховнаго Апостола; здѣсь апостолы Павелъ и Варнава, по внушенію Самаго Духа Святаго, возложеніемъ рукъ апостольскихъ отдѣлены на дѣло, къ которому призвалъ ихъ Господь, здѣсь же началось самое имя христіанъ. Отсюда очевидно не далеку уже переходъ и къ тому заключенію, что Антіохія, самая первая по значенію каедра, выше самаго Рима. Предупреждая такой выводъ, не входившій въ его планы, папа поспѣшилъ добавить: она (т. е. Антіохія) стояла бы выше

самаго Рима, если бы то, что въ ней было на время, не осталось въ Римѣ навсегда (разумѣется апостольская кафедра въ Римѣ). Еще далѣе пошли другіе папы, чтобы еще рѣшительнѣе возвысить римскую кафедру надъ всѣми другими и устранить всякое соперничество ихъ съ нею; они думали найти основаніе для главенства ея въ словахъ Самаго Иисуса Христа: *Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою* (Мѡ. 16, 18.). Папы относили это обѣтованіе къ Петру и его наслѣдникамъ — папамъ, тогда какъ даже западные отцы церкви, каковы : Иларій, Амвросій, Иеронимъ и Августинъ относили это обѣтованіе ко всѣмъ апостоламъ и соотвѣтственно сему ко всѣмъ епископамъ ; а слово *Петръ* (*петра*—камень) относили частію къ исповѣданію Петра, частію къ лицу Христа.

Съ мыслями о вселенскомъ значеніи папской власти явились легаты папы Льва I и на соборъ халкидонскій (въ 451 г.). Здѣсь еще до начала соборныхъ разсужденій они высокомерно объявили: «у насъ есть повелѣніе отъ блаженнѣйшаго и апостольскаго мужа, папы римской церкви, которая есть глава всѣхъ церквей, чтобы Діоскуръ, архіепископъ Александрійскій, не засѣдалъ на соборѣ; а только, какъ подсудимый, былъ допущенъ для нужныхъ объясненій. И нашъ долгъ — точно наблюдать это. Поэтому пусть или онъ дѣйствительно будетъ лишень права засѣданія на соборѣ, или въ противномъ

случаѣ мы оставимъ соборъ. Нужно, чтобы онъ подлежалъ отвѣтственности за то, что онъ незаконнымъ образомъ присвоилъ себѣ права судьи и осмѣлился созвать соборъ безъ полномочія со стороны апостольскаго престола, *что никогда не считалось позволительнымъ и чего никогда не дѣлалось* (quod nunquam licuit, nunquam factum est).» Притязанія были слишкомъ уже нескромны и ссылки на очень еще недавно прошедшее были слишкомъ недобросовѣстны, чтобы можно было признать ихъ; потому что на второмъ, напри- мѣръ, вселенскомъ соборѣ не было ни папы, ни пословъ его и вообще соборъ не находилъ ни малѣйшей нужды въ какой нибудь авторизаціи отъ папы,—хотя въ общемъ сознаніи христіанской церкви, не на востокѣ только, но и на западѣ онъ имѣлъ значеніе собора вселенскаго; поэтому отцы халкидонскаго собора, естественно, не признали законными притязаній, выраженныхъ легатами папы: Діоскуръ занялъ мѣсто на соборѣ. И сами легаты, уступая общему мнѣнію, должны были отказаться отъ своего перваго рѣшенія, — несмотря на присутствіе Діоскура, и они также были на соборѣ, по крайней мѣрѣ на первыхъ засѣданіяхъ, на которыхъ были разсужденія о вѣрѣ. Правда, когда потомъ въ 15 засѣданіи собора, епископъ Константинопольскій сравненъ въ правахъ съ римскимъ,—легаты папскіе протестовали; но опять безплодно. При этомъ они между прочимъ ссылались на 6 правило

никейскаго собора, читая его по своему испорченному переводу въ такомъ видѣ: «церковь римская всегда имѣла первенство (primatum); въ Египтѣ же, Ливіи и Пентанолѣ да соблюдается тотъ обычай, чтобы епископъ Александріи имѣлъ власть надъ всѣми ими; потому что и римскому епископу это обычно (quoniam et Romano episcopo hæc est-consuetudo)». Но Греки не приняли такого чтенія, противопоставивъ ему извѣстный уже намъ подлинникъ. И вообще соборъ остался при своихъ опредѣленіяхъ.

Счастливіѣ папы проводили свои притязанія на западѣ. По поводу неповиновенія папѣ Льву I Иларія епископа арелатскаго, въ 451 г. молодой императоръ Валентиніанъ III, въ угоду папѣ, издалъ рескриптъ, по которому впередъ никто не долженъ смѣть ни оскорблять основанное на божественномъ постановленіи главенство папы, ни сомнѣваться въ немъ. Ближайшіе епископы Италіи повиновались охотно.

Такъ называемый *пальмовый соборъ* (synodus palmaris) въ Римѣ (503 г.), который собралъ Остготскій король Теодорихъ для изслѣдованія

г) Еще страннѣе изложенія объясненіе, какое даютъ этому правилу Римскіе канонисты. Послѣднія слова: потому что и Римскому епископу это обычно, они толкуютъ такимъ образомъ, что епископъ Александрійскій пользуется извѣстною властію потому, что Римскому епископу угодно,—это у нихъ значитъ *обычно*,—чтобы онъ пользовался ею, словомъ—по милости папы.

обвиненій, открывшихся противъ папы Симмаха, оправдалъ его безъ изслѣдованія, и защитникъ его *Еннодій Павійскій* открыто защищалъ то положеніе, что папа, который есть самъ судья надъ всѣми, не можетъ быть судимъ никакимъ человѣкомъ. Но сѣверо-италійскіе митрополиты-Аквилейскій, Медіоланскій и Равенскій настойчиво сопротивлялись и на нѣсколько столѣтій утвердили самостоятельность, автокефалію своихъ каедръ. Епископы *сѣверо-африканскіе*, какъ ни велико было ихъ уваженіе къ каедрѣ Петровой, признавали за папою только первенство чести; во всякое время они съ силою отражали всѣ римскія притязанія и, когда лишенный сана пресвитеръ Апіарій искалъ защиты въ Римѣ, подъ страхомъ отлученія, запретили всякую аппелляцію къ заморскимъ судамъ (*ad transmarina judicia*). О важности сардійскаго опредѣленія, которому папа Зосима придалъ такое же значеніе, какъ и никейскому, они ничего знать не хотѣли.

Изъ самыхъ папъ римскихъ, одинъ, именно Григорій Великій (590—604.), сильно говорилъ противъ главенства папы. Онъ объявилъ опаснымъ для вѣры титулъ вселенскаго патріарха, данный Іоанну постнику на соборѣ Константинопольскомъ 587 года, и за то же вооружался на преемника Іоаннова Кириака, и, въ противоположность этому титулу, наименовалъ себя рабомъ рабовъ Божіихъ. Къ сожалѣнію впрочемъ Римъ вскорѣ присвоилъ себѣ то, противъ чего

возставалъ Григорій. Императоръ Оока, убійца Маврикія, получилъ поздравленіе отъ Григорія съ возшествіемъ на престоль, и не остался въ долгу предъ папскимъ престоломъ. По просьбѣ Бонифація III-го (606), онъ запретилъ патриарху Константинопольскому употребленіе спорнаго титула; а между тѣмъ церковь римскую назвалъ главою всѣхъ церквей.

Трульскій соборъ нанесъ сильный ударъ папству тѣмъ, что осудилъ разные обычаи и постановленія, бывшія въ западной церкви; но мысль о главенствѣ папской власти была уже такъ развита въ папахъ, что тогдашній папа (Сергій), несмотря на то, что соборъ имѣлъ всѣ условія собора вселенскаго, несмотря на то, что присутствовали на немъ и подписали его легаты изъ самаго Рима, не задумался назвать его *synodus erraticus* (соборъ погрѣшившій);— собственно потому только, что на этомъ соборѣ сдѣланы постановленія, неблагопріятныя для Рима. Папа въ этомъ случаѣ считалъ себя несвязаннымъ въ своихъ рѣшеніяхъ никакою другою властію, хотя бы то была власть вселенскаго собора....

Духовное преобладаніе папъ прокладывало имъ путь и къ свѣтской власти, которая, въ свою очередь, еще болѣе поддерживала и усиливала въ нихъ первое. Еще до разрушенія западной Римской имперіи папы умѣли привязать къ себѣ народонаселеніе важными услугами, какія они

оказывали государству. Такъ называемое великое переселеніе народовъ, доставившее столько бѣдъ Риму, служило имъ поводомъ развернуть во всемъ блескѣ свою энергическую, благотворную для народа дѣятельность, которая внушала невольное благоговѣніе къ нимъ со стороны самихъ варваровъ, и искреннюю признательность со стороны утѣсненныхъ гражданъ. Такъ, во время нападенія на Римъ Аттилы, Левъ папа, презирая опасность смерти, съ жезломъ въ рукѣ, въ первосвященническомъ облаченіи предсталъ предъ грознаго завоевателя и своимъ посредничествомъ спасъ городъ отъ грозившей ему гибели. Аттила,—какъ говоритъ преданіе, удалился, съ ужасомъ увидавши рядомъ съ Львомъ самага апостола Петра съ обнаженнымъ и угрожающимъ мечемъ. Кромѣ того, папы располагали большими и матеріальными средствами (какъ мы видѣли)—дѣйствовать въ пользу гражданъ. Они были богатыми собственниками (помѣщиками) и пользовались свободою отъ государственныхъ повинностей. Но эти богатства давали имъ возможность среди разнаго рода нуждъ и бѣдствій, которыми особенно страдала Италія въ 5 вѣкѣ, помогать несчастнымъ: кормить голодныхъ, выкупать плѣнныхъ, укрощать посредствомъ богатыхъ даровъ хищныхъ побѣдителей. Такимъ образомъ Римскій престолъ, еще не пользуясь правами верховной, свѣтской власти, былъ уже національнымъ средоточіемъ Италіи, куда отвсюду

устремлялись взоры съ надеждою помощи. Между тѣмъ власть восточныхъ императоровъ надъ Римомъ и Италіею видимо слабѣла. Для поддержанія этой власти при Юстиніанѣ учреждено было (554 г.) такъ называемое экзархатство, или намѣстничество. Резиденціею намѣстниковъ византійскихъ императоровъ была избрана Равенна на сѣверѣ Италіи. Но вскорѣ Лонгобарды подъ предводительствомъ короля своего Албоина (568 г.) отторгли значительную часть Равеннского экзархата и образовали изъ нея особое, Ломбардское королевство. При возрастающемъ ослабленіи Византійской имперіи, которая, не въ силахъ была защищать и самое себя отъ нападенія Сарацинъ, еще менѣе можно было ждать отъ нея помощи противъ Лонгобардовъ, почти со всѣхъ сторонъ облежавшихъ экзархатъ. Въмѣсто того, чтобы пользоваться вооруженною защитою со стороны экзарховъ, Римскій престолъ самъ до нѣкотораго времени поддерживалъ ихъ здѣсь своимъ вліяніемъ на духъ народа, тѣмъ уваженіемъ, какимъ онъ пользовался у варваровъ, и наконецъ даже платою войскамъ жалованья. Но поддержка не могла продолжаться долго, и Лонгобарды отнимали одну за другою области экзархата. Иконоборство византійскаго императора Льва Исавра († 741 г.) имѣло то слѣдствіе, что папа Григорій 2-й отрѣшилъ италіанскихъ подданныхъ императора отъ присяги ему и запретилъ платить ему дань, какъ еретику.

Между тѣмъ Лонгобарды все болѣе распростра- няли свое владычество въ Италіи съ угрозами самому папѣ въ Римѣ. Тогда папы обратились за помощію къ Франкамъ. Преданные лѣни и роскоши тогдашніе короли Франкскіе Меровинги (изъ династіи Меровингской) только по имени были правителями государства, въ сущности же это управленіе сосредоточивалось въ рукахъ такъ называемыхъ майор-домовъ. На дѣлѣ майор-домы были уже королями; но они еще не рѣшились прямо низвергнуть Меровинговъ, за кото- рыми народъ привыкъ считать право на пре- столѣ; имъ нужно было какое нибудь высшее освященіе для такого важнаго шага; и вотъ у нихъ начинается сдѣлка съ папами, которымъ въ свою очередь нужна была ихъ помощь про- тивъ Лонгобардовъ. Григорій III, сильно стѣ- сненный Луитпрандомъ, королемъ Лонгобард- скимъ, первый обратился съ такого рода прось- бою къ Карлу Мартелу (майордому), и послалъ ему ключи отъ гроба ап. Петра, часть мощей, богатые дары и инсигніи (знаки) Римскаго па- триція у), какъ покровителю Римской церкви.

у) Послѣ того, какъ мало по малу древнія патриціанскія фамиліи частію вымерли, частію пришли въ упадокъ, Патриціатъ утратилъ прежній характеръ наследственнаго дворянства и сдѣ- лался личнымъ достоинствомъ, пожалованіе котораго зависѣло отъ милости императора. По свидѣтельству Зосимы (2, 40), это достоинство учредилъ Константинъ Великій при перенесеніи столицы и учрежденіи разныхъ придворныхъ и государственныхъ

Карлъ Мартелу которому нуженъ былъ Луитпрандъ, какъ союзникъ въ войнѣ противъ Сарацинъ, не хотѣлъ нарушать съ нимъ мира; онъ послалъ только въ Италію къ Луитпранду пословъ для переговоровъ, которые однако не пришли къ концу, по причинѣ смерти Карла. Преемникъ Григорія, Захарія, освятилъ папскимъ согласіемъ низложеніе послѣдняго Меровингскаго короля Хильдерика III, и Пипинъ Короткій, долго пользовавшійся королевскою властію, принялъ наконецъ и королевскій титулъ (752). Между тѣмъ Лонгобардскій король Айстульеръ завоевалъ Равенну и требовалъ покорности отъ Рима. Папа Стефанъ II слезно умолялъ Франк-

---

чиновъ и должностей. Съ этимъ достоинствомъ соединялся титулъ *illustris*; выше патриціата стоялъ только *Nobilissimum*, къ которому принадлежали члены императорской фамилии. Это достоинство давалось обыкновенно весьма рѣдко, за долгую и особенно полезную службу и потому цѣнилось, какъ особое отличіе. Патриціи раздѣлялись на *praesentales* служащіе, и *sodicillares* или *honorarii* титулярные. На это достоинство давался особый дипломъ, знаки состояли въ шитой золотомъ пурпуровой мантии (*Chlamys*), діадемѣ и т. п. Съ тѣхъ поръ, какъ Германскіе князья пришли въ соотношеніе съ Византійскимъ Дворомъ, то за услуги, какія приходилось имъ оказывать Имперіи, давалось и имъ это достоинство (Одоакръ, Теодерикъ, Клодвигъ). Со времени учрежденія Экзархата въ Италиі и Равеннекіе экзархи имѣли большею частію титулъ Римскаго патриція, и такимъ образомъ съ нимъ стало соединяться понятіе покровителя Рима и Римской церкви; въ этомъ смыслѣ, конечно Григорій III и предложивъ это достоинство Карлу Мартелу.

скаго короля о помощи, отправилъ къ нему отъ имени самого апостола Петра, какъ бы его собственное письмо, въ которомъ онъ Петръ, собственнымъ именемъ, именемъ Божіей Матери и всѣхъ святыхъ заклиналъ короля Франкскаго оказать папскому престолу наискорѣйшую помощь и грозилъ ему въ противномъ случаѣ самыми страшными муками ада. За симъ папа, по приглашенію, лично прибывши къ Франкамъ, собственною рукою помазалъ Пипина и его сыновей на королевство, за что тотъ формально обязался завоевать Экзархатъ у Лонгобардовъ въ пользу папы (754 г.). Въ два похода отнялъ Пипинъ у Лонгобардовъ всѣ владѣнія прежняго Экзархата, и подарилъ ихъ св. Петру. Посланникамъ Византійскаго императора, требовавшимъ Экзархата, Пипинъ объявилъ, что Франки проливали свою кровь вовсе не ради Грековъ, но ради св. Петра (755.). Однако Лонгобарды дѣлали много непріятностей папскому престолу, до тѣхъ поръ, пока Карль Великій (768—814) не поспѣшилъ на помощь звавшему его папѣ Адриану I (772—95.), не завоевалъ Павію, не отослалъ короля Дезидерія въ монастырь и присоединилъ Ломбардію къ Франкскому государству. При этомъ случаѣ Карль утвердилъ и умножилъ дары своего отца папскому престолу, и положилъ на гробѣ апостола Петра формальный документъ этого дара (774.). За папою Адрианомъ I слѣдовалъ Левъ III. Онъ былъ весьма не безукориз-

ненной нравственности и поэтому его избраніемъ было немало недовольныхъ. Для противодѣйствія своимъ врагамъ папа заключилъ союзъ съ императоромъ; написалъ ему письмо, въ которомъ клялся въ вѣрности и вмѣстѣ съ письмомъ послалъ ключи апостола Петра. Ствѣтное письмо императора показываетъ, что онъ хорошо понималъ, въ чемъ дѣло: онъ хвалилъ папу за вѣрность и вмѣстѣ совѣтовалъ ему вести честную жизнь и избѣгать симоніи. . . Между тѣмъ враги папы продолжали дѣйствовать: во время одной торжественной процесіи на него напали заговорщики и нанесли ему нѣсколько ударовъ, но папа успѣлъ укрыться и удалился къ Карлу Великому, съ клятвою увѣряя его, что враги вырвали у него глаза и языкъ и что Апостолъ Петръ исцѣлилъ его; но враги его обвиняли его въ клятвопреступничествѣ и нецѣломудріи и основательно подтверждали свои показанія. Поэтому Алкуинъ, совѣтникъ императора, дѣйствуя въ интересахъ папы, которые вмѣстѣ, какъ сейчасъ увидимъ, были интересами и императора, послѣдшилъ сдѣланный на папу доносъ съжечь; папа былъ отпущенъ съ честію и, опираясь на Франкскую охранную стражу, опять вступилъ на престолъ. Вскорѣ самъ Карлъ прибылъ въ Римъ; былъ собранъ соборъ для разсмотрѣнія обвиненій противъ папы, но епископы рѣшительно объявили, что преемникъ Петра не можетъ подлежать ничьему суду; дѣло кончилось

тѣмъ, что папа произнесъ очистительную клятву;—съ евангеліемъ въ рукѣ онъ взонелъ на кафедрѣ, объявилъ, что онъ ни въ чемъ невиновенъ, и для довершеніи впечатлѣнія ходатайствовалъ за своихъ обвинителей. Наступилъ вскорѣ праздникъ Рождества Христова, Карлъ пришелъ въ церковь св. Петра въ облаченіи патриціи и сталъ около алтаря; по окончаніи обѣдни, папа возложилъ на него роскошную золотую корону при радостныхъ крикахъ народа: «Да здравствуетъ Карлъ Богомъ вѣнчанный, великій Римскій императоръ». Миръ долженъ былъ вѣрить, что это было сдѣлано по особенному внушенію Божію, но на самомъ дѣлѣ это было результатомъ годичныхъ переговоровъ и исполненіемъ обѣщаній, которыя папа давалъ Карлу, защищавшему его противъ враговъ.

Важень вопросъ объ отношеніяхъ, въ которыя власть папская стала теперь къ императорской. Очень жаль, что дарственные акты Карла, также какъ и отца его Пипина, очевидно по старанію самихъ папъ, оказались потерянными. Впрочемъ и безъ нихъ есть довольно очевидныхъ свидѣтельствъ (напр. in Codex Carolinns), что, вручая даръ св. отцу, Карлъ былъ весьма далекъ отъ того, чтобы согласиться не только на собственную зависимость отъ папы, но даже на безусловную власть самага папы въ подаренныхъ ему владѣніяхъ; всѣ права верховной власти оставались за императоромъ; папа подобно прочимъ

гражданамъ долженъ былъ давать ему присягу въ вѣрности. Римское церковное государство было обыкновеннымъ владѣніемъ, только изъятымъ отъ податей (иммунитетомъ). Папѣ принадлежалъ только низшій судъ и назначеніе властей для управленія страной; но они находились подъ наблюденіемъ и контролемъ императорскихъ посланцовъ (*missi dominici*), которые принимали апелляціи и жалобы всякаго рода, и по нимъ имѣли полномочіе произносить приговоры. Съ идеей имперіи Карлъ Великій соединилъ понятіе теократическо—христіанской всемірной монархіи. Греки, говорилъ онъ, показали себя недостойными такого призванія; поэтому Богъ перенесъ его на повелителя Франковъ. Какъ императоръ, Карлъ стоитъ во главѣ всего христіанскаго міра, и надъ собою имѣетъ только Бога и Его законъ. Онъ—послушнѣйшій сынъ, преданнѣйшій рабъ церкви, поколику она есть носительница и раздаятельница спасенія; но онъ—и ея высшій господинъ и повелитель, поколику она приняла земной образъ и имѣетъ нужду въ земномъ управленіи. Государство и церковь суть двѣ отдѣльныя области, которыя однакожь со всѣхъ сторонъ взаимно условливаютъ и восполняютъ другъ друга. Поэтому законодательство Карла обнимаетъ все въ области церкви, въ устройствѣ, богослуженіи и ученіи; онъ созываетъ для совѣщаній епископовъ на соборы; но онъ утверждаетъ, дополняетъ и видоизмѣняетъ

ихъ рѣшенія по собственному усмотрѣнiю, ибо онъ за это отвѣчаетъ лично предъ судомъ Бога. Папа, сообщающій ему помазаніе на царство, дѣлаетъ это не по собственной, въ немъ пребывающей полнотѣ власти и силы, но по особенному божественному возбужденію и повелѣнiю. Даже пресмники Карла Великаго, слабостію которыхъ съ такимъ искусствомъ воспользовались папы, считали за собою такія верховныя права относительно папъ. Такъ, сынъ Карла Великаго, Людовикъ, по тому поводу, что папы тяготились обязательствомъ прежде папскаго помазанія испрашивать утвержденія императора, послалъ въ Италію своего сына Лотаря, чтобы вмѣстѣ съ новоизбраннымъ папою Евгеніемъ II однажды навсегда твердо опредѣлить права императорскія. Это совершено чрезъ такъ называемое *consitutio romana*, которымъ устранялось народное участіе въ выборѣ папы, и папское помазаніе поставлено въ зависимость отъ утвержденія императорскаго, и отъ присяги въ вѣрности, которую долженъ былъ давать новоизбранный (824).

Но въ то время, какъ свѣтская власть хотѣла узаконить такого рода отношенія къ власти папской, религіозное настроеніе эпохи, вопреки стараніямъ государей, само собою вело папъ на другую дорогу. Папы смирялись предъ Карломъ Великимъ, уступая силѣ его ума и характера, но какъ скоро пришлось имъ имѣть дѣло съ его

слабыми преемниками, то они не замедлили воспользоваться данными, заключавшимися въ эпохѣ, для возвышенія своей власти и не задумались прибѣгнуть для этой цѣли даже и къ нечестнымъ средствамъ. Такъ, для оправданія и узаконенія своихъ властолюбивыхъ притязаній они ссылались прежде всего на такъ называемый «даръ Константина» (*donatio Constantini*),— подложный документъ, и утверждали, что Франки не подарили, а только возвратили св. Петру то, что ему принадлежало со временъ Константина, который будто бы и столицу свою перенесъ въ Византію именно за тѣмъ, чтобы оставить папъ полными владыками въ Италіи. Подложность этого акта доказана основательно въ 15 вѣкѣ Лаврентіемъ Валлою, и никто послѣ того не защищалъ его подлинность. Еще болѣе содѣйствовали папамъ къ утверженію ихъ властолюбивыхъ притязаній такъ называемые Исидорovy декреталіи (тоже подложные). Въ западной церкви, также какъ и въ восточной, съ давнихъ временъ стали составлять сборники церковныхъ правилъ. Первый сборникъ былъ составленъ монахомъ Діонисіемъ малымъ въ 6 вѣкѣ. Этотъ сборникъ скоро приобрѣлъ общую извѣстность на западѣ. По его примѣру явилось потомъ много другихъ подобныхъ сборниковъ въ разныхъ мѣстахъ запада; въ особенности замѣчательны изъ нихъ сборникъ Испанскій, извѣстный подъ именемъ знаменитаго испанскаго епископа Иси-

дора севильскаго (жившаго въ V вѣкѣ), хотя самъ Исидоръ нисколько не участвовалъ въ его составленіи; онъ былъ обширнѣ Діонисіева, и заключалъ въ себѣ большое количество папскихъ писемъ, также какъ соборныхъ опредѣленій, въ особенности опредѣленій соборовъ Испанскихъ; онъ не замедлилъ распространиться и внѣ Испаніи и приобрѣлъ себѣ особенный кредитъ въ Галліи. Въ первой половинѣ IX вѣка между 820—849 г. является въ Галліи новый, сравнительно съ Испанскимъ еще обширнѣйшій сборникъ, и опять подъ именемъ Исидора; онъ впервые сдѣлался извѣстенъ въ епархіяхъ Майнской, Трирской и Рейнской. Онъ начинается 50 апостольскими правилами (вмѣсто 85 признаваемыхъ церковію восточною); за тѣмъ слѣдуютъ 59 декреталій, папскихъ писемъ, вложенныхъ въ уста 30 древнихъ папъ, начиная отъ Климента римскаго до Мельхіада (ум. 314.),—это 1-я часть. Во 2-й части содержатся подлинныя соборныя опредѣленія. Въ 3-й, снова декреталіи папъ начиная отъ Сильвестра до Григорія II (ум. 731 г.), и между ними 35 подложныхъ. Подлогъ этихъ декреталій очевиденъ съ перваго разу; въ особенности здѣсь бросаются въ глаза анахронизмы. Такъ древнѣйшіе Римскіе папы, современные Тациту и Квинтилліану, говорятъ здѣсь варварскою латынью 9 вѣка; священное писаніе цитуютъ папы по латинскому переводу Іеронима, жившему вѣками двумя и даже тремя прежде

нихъ; еще замѣчательнѣе слѣдующій анохранизмъ: Викторъ епископъ Римскій (192 года) пишетъ письмо Теофилу Александрійскому—въ 385 году. Причина, почему, несмотря на все это, декретами нашли себѣ общій кредитъ, заключалась именно въ томъ, начала, что высказанныя въ нихъ, отвѣчали общему религіозному настроенію тогдашняго времени, и кромѣ того—много было лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ этихъ декретахъ. Прямая ихъ цѣль не папскій интересъ, а интересъ духовенства, именно епископовъ и аббатовъ, стремившихся защищать свои права отъ власти митрополитовъ и государей. При разнообразіи племенъ германскаго народонаселенія, митрополиты были представителями единства національныхъ церквей; государи видѣли въ такомъ единствѣ ихъ управленія для себя опору, и такимъ образомъ интересы митрополитовъ соединялись съ интересами правительства. Но этотъ союзъ власти митрополитовъ съ властію государственною грозилъ клиру рабствомъ и довелъ его до того, что онъ примкнулъ къ папамъ. Папамъ же естественно также было желать ослабленія митрополитской власти; потому что при усиленіи ея всегда грозила опасность, что митрополитъ рано или поздно можетъ пожелать отдѣлиться отъ Рима и пріобрѣсти себѣ значеніе независимаго патріарха. Сообразно съ этимъ, означенныя декретами имѣли двоякую цѣль, во 1-хъ возвысить духовную власть надъ свѣт-

скою, во 2-хъ надъ вліяніемъ митрополитовъ и помѣстныхъ соборовъ, на которыхъ они предсѣдательствовали, возвыситъ вліяніе папы. Система Аженсидоровскихъ декреталій можетъ быть представлена въ слѣдующихъ главныхъ положеніяхъ: безконечно выше власти мірской стоитъ священство, учрежденное отъ Христа, чтобы быть распорядителемъ и судьей міра. Объединеніе и вершину священства представляетъ престоръ Петра. Епископы находятся въ такомъ же отношеніи къ папѣ, въ какомъ находились къ Петру другіе апостолы (т. е. по этой системѣ, въ отношеніи подчиненія). Митрополитъ есть только первый между равными—*primus inter pares*. Между папою и епископами, какъ посредствующая степень, стоитъ достоинство прима-совъ, какъ папскихъ викаріевъ во всѣхъ странахъ, далекихъ отъ Рима (Германія, Майнцъ). Областные соборы могутъ быть созываемы только съ согласія папы, ихъ опредѣленія получаютъ свою силу чрезъ утвержденіе папѣ. Всѣ важнѣйшія дѣла, *causae majores*,—и сюда прежде всего относятся всѣ жалобы на епископовъ,—принадлежатъ непосредственно суду папы. Священники суть наперстники Божіи (*familiares Dei*), духовные (*spirituales*), напротивъ міряне—плотскіе (*carnales*). Никакой клирикъ, не говоря уже о епископѣ, не можетъ быть призываемъ къ свѣтскому суду. Мірянинъ не можетъ быть обвинителемъ противъ клирика, и соборы обязаны всѣми возмож-

ными мѣрами затруднять жалобы на епископовъ. Изгнанный епископъ долженъ быть вполне восстановленъ, прежде чѣмъ можетъ быть принято обвиненіе противъ него. Если обвиненный считаетъ судей людьми враждебными ему (inimici), или подозрительными (suspecti), то онъ для рѣшенія дѣла можетъ апеллировать къ папѣ. Для доказательства виновности нужны по крайней мѣрѣ 72 свидѣтеля, и проч. Франкское духовенство, путившее въ ходъ декреталіи, дѣйствовало, очевидно, въ интересахъ минуты, и дѣйствовало весьма близоруко, нимало не соображая, что воставая заодно съ папою противъ вліянія государства и митрополитовъ, оно готовило себѣ горшаго врага въ самомъ папѣ, который дѣйствительно и не замедлилъ показать имъ всю тяжесть своей власти.

Первый папа, воспользовавшійся декреталіями для своихъ цѣлей, былъ Николай I-й. Личный характеръ его много помогъ ему въ этомъ дѣлѣ. Вотъ какъ изображаетъ его одинъ современный ему лѣтописецъ: «со времени блаженной памяти Григорія ни одинъ Римскій епископъ не могъ сравниться съ нимъ; онъ царствовалъ надъ королями и тираннами и подчинялъ ихъ своему вліянію, какъ будто бы онъ былъ владыкою міра. Онъ являлъ себя смиреннымъ, кроткимъ и благосклоннымъ къ епископамъ и священникамъ благочестивымъ и вообще ко всѣмъ, которые соблюдали заповѣди Божіи, но грознымъ и страш-

нымъ для нечестивыхъ и тѣхъ, которые удалялись отъ праваго пути; онъ другой Илія, котораго Господь воскресилъ если не въ тѣлѣ, то въ духѣ °).

Если и нельзя признать безусловно этого явно пристрастнаго отзыва западнаго лѣтописца о нравственныхъ качествахъ римскаго епископа,— во всякомъ случаѣ видно по крайней мѣрѣ, что Николай былъ человѣкъ, обладавшій необыкновенною силой ума и характера, подчинявшей другихъ его вліянію.

Первый случай воспользоваться лжеисидоровыми декреталіями представился Николаю въ дѣлѣ развода Лотаря II лотарингскаго съ его женою Титбергою. Лотарь прогналъ отъ себя свою жену, обвиняя ее въ разныхъ преступленіяхъ. Онъ жилъ открыто съ другою любимой имъ женщиной, Вальдрадой, на которой и хотѣлъ жениться. По этому дѣлу было три собора (860—862 г.), и всѣ они торжественно осудили Титбергу, объявили бракъ Лотаря съ ней расторгнутымъ и дозволили ему вступить въ новый бракъ съ Вальдрадою. Титберга между тѣмъ обратилась къ папѣ Николаю, который отправилъ въ Лотарингію двухъ легатовъ, поручивъ имъ снова разобрать дѣло. Созванъ былъ (въ 863 году) соборъ въ Метцѣ. Дѣло ли Титберги само по себѣ было не правое, или, какъ предполагаютъ, легаты

ф) Chron.-in Reginon. ad a. 868.

папскіе были подкуплены, во всякомъ случаѣ и этотъ Мецскій соборъ опредѣлилъ тоже самое, что — предшествующіе три, — и дѣло Титберги такимъ образомъ было повидимому рѣшено окончательно, когда столько соборовъ рѣшили его одинаково. Но когда такое рѣшеніе сообщено было въ Римъ, Николай счелъ его дѣломъ льстивой угодливости и раболѣпія, — какъ со стороны епископовъ Лотарингскихъ, такъ — и своихъ собственныхъ легатовъ предъ Лотаремъ. Въ этомъ, заодно съ папою, обвинялъ ихъ и общій народный голосъ; — два архіепископа, наиболѣе вліявшіе на дѣла собора (именно: Трирскій и Колонскій), были родственниками Вальдрады. Николай рѣшился дѣйствовать, не щадя никого и ничего; не созывая никакого новаго собора въ Римъ, онъ не только объявилъ недѣйствительными акты собора Мецскаго, но еще низложилъ означенныхъ архіепископовъ и присудилъ Лотарю снова взять къ себѣ жену. Онъ имѣлъ въ этомъ случаѣ противъ себя издревле утвержденныя права епископовъ, и соборовъ но, опираясь на сочувствіе народа, онъ противопоставилъ всему этому правила только что появившихся декреталій. Онъ настоялъ на своемъ опредѣленіи и писалъ по этому случаю Адвентію, епископу Мецскому, слѣдующее: «нужно хорошенько вникнуть и разсмотрѣть, дѣйствительно ли эти правители, которымъ вы считаете себя подчиненными, — дѣйствительно ли они — правители. Управ-

ляють ли они, прежде всего, какъ слѣдуетъ, самими собою?—Потому что кто не имѣетъ силы ничего сдѣлать въ отношеніи къ самому себѣ—какъ можетъ быть добрѣ въ отношеніи къ другимъ? Дѣйствуютъ ли они по закону?—Потому что безъ этаго ихъ скорѣе нужно считать тиранами, чѣмъ королями, и мы въ такомъ случаѣ не покоряться имъ должны, а скорѣе противо-дѣйствовать имъ: иначе намъ пришлось бы потворствовать ихъ порокамъ (Mansi)». Противъ такой гордой и самоувѣренной силы, явно сознававшей подъ собою прочную опору, мірскія власти, даже поддерживаемыя ихъ клиромъ (какъ Лотарь), были слишкомъ слабы: Николай I-й сразу торжествовалъ свою побѣду и надъ Лотаремъ, и надъ лотарингскою церковію,—и тотъ и другая должны были покориться его рѣшенію.

Почти одновременно представился Николаю и другой случай къ подобному же заявленію своихъ притязаній. Гинкмаръ, архіепископъ Реймскій хотѣлъ также самовластно управлять церковію Галло-Франкскою, какъ Николай—церковію Вселенскою. Одинъ изъ его викаріевъ, Ротада, епископъ Суассонскій, низложилъ одного пресвитера своей епархіи за дурное поведеніе; три года спустя Гинкмаръ подъ тѣмъ предлогомъ, что это рѣшеніе было неправильно, а на самомъ дѣлѣ, какъ кажется, по личному неудовольствію съ Ротадомъ, возстановилъ того пресвитера въ его достоинствѣ и вмѣсто того—низ-

ложилъ самага Ротада за неповиновеніе. Завязался споръ. Епископъ Суассонскій, осужденный и на соборѣ Суассонскомъ, управлявшимся Гинкамромъ, апеллировалъ къ папѣ. Папа, созвавши (въ 865 г.) соборъ по этому дѣлу, говорилъ на немъ, между прочимъ, слѣдующее: «епископы Галліи, созвавшіе областной соборъ, что не позволительно никому безъ полномочія апостольской кафедры, осудили Ротада. Если бы онъ даже и не апеллировалъ,—все-таки нельзя было низложить его безъ нашего вѣдома; потому что священныя постановленія и каноническія правила предоставили нашему рѣшенію тяжбы епископовъ, также какъ и другія важнѣшія дѣла» (Mansi T. XV.). Говоритъ такимъ образомъ значило презирать всѣ правила, примѣры и обычаи древности. Но въ этомъ, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, Николай опять имѣлъ себѣ сильную поддержку въ общемъ мнѣніи, и потому опять и здѣсь остался также побѣдителемъ: Ротада снова получилъ свою кафедру.

Въ такомъ положеніи находилась папская власть на западѣ, когда іерархическія смуты въ Константинополѣ дали ей поводъ вмѣшаться съ своими притязаніями и въ дѣла востока.

(Продолженіе будетъ).

Амфіанъ Лебедевъ.

Свѣтися, свѣтися новый Иерусалиме! Слава бо Господня на тебѣ возсія: ликуй нынѣ и веселися Сионе! Ты же Чистая красуйся Богородице о возстаніи Рождества Твоего.

Канона на пасху пѣснь 9-я, Ирмосъ.

Основаніемъ означенной пѣсни церковной служитъ 60-я глава книги пророка Исаи, исполненная самыхъ утѣшительныхъ пророчествъ о судьбѣ Иерусалима.

Свѣтися, свѣтися Иерусалиме, взываетъ пророкъ; ближе къ еврейскому подлиннику: «воспряни, сіяй», т. е. ободрись, выйди изъ того по истинѣ мрачнаго и скорбнаго состоянія, въ которомъ до сихъ горъ находился ты, Иерусалимъ, и озарись свѣтомъ радости и веселія, прими праздничный видъ.

Подъ Иерусалимомъ, къ которому обращается пророкъ съ воззваніемъ, разумѣется вообще общество вѣрующихъ въ истиннаго Бога, или церковь Божія. Церковный пѣснописецъ называетъ сей Иерусалимъ новымъ: *свѣтися, свѣтися, новый Иерусалиме*; и этимъ показываетъ, что

ветхозавѣтный пророкъ, приглашая къ веселію Іерусалимъ, имѣлъ въ виду церковь Божию въ ея новозавѣтномъ состояніи, или лучше—въ ея переходѣ въ сіе состояніе изъ ветхозавѣтнаго, въ ея преобразованіи изъ земнаго Іерусалима въ небесный, или вышній, именемъ котораго св. Апостолъ Павелъ называетъ новозавѣтную церковь, указывая на ея превосходство предъ ветхозавѣтною (Гал. 4, 26.).

Пріиде бо твой свѣтъ, продолжаетъ пророкъ, *и слава Господня на тебѣ возсія*. О какомъ свѣтѣ говоритъ пророкъ?—О томъ, явленіе Котораго на темной землѣ составляло предметъ ожиданій ветхозавѣтныхъ вѣрующихъ, начиная съ Адама. Это Свѣтъ отъ Свѣта, Богъ истинный отъ Бога истиннаго, Сіяніе славы и образъ существа Божія (Евр. 1, 3.); это тотъ Свѣтъ, заре котораго священникъ Захарія благословилъ въ лицѣ новорожденнаго своего сына, Іоанна Предтечи, и который назвалъ онъ Востокомъ свѣща (явившимся, чтобы) осіять сидящихъ во тмѣ и сѣни смертной» (Лук. 1, 79.). Не только язычники были въ этой тмѣ и сѣни до пришествія Христова, но и для ветхозавѣтныхъ вѣрующихъ Христось-Свѣтъ истинный сокрытъ былъ подъ мракомъ сѣней и гаданій. И вотъ мракъ сей исчезъ, и незримый, или едва зримый дотоле Свѣтъ осіялъ всѣхъ, имѣющихъ очи видѣть. Какъ теперь имъ не радоваться, какъ не торжествовать свѣтлымъ праздникомъ столь великое и не-

изреченное благодѣяніе?—*Свѣтися, свѣтися Іерусалиме, прииде бо Твой Свѣтъ.*

И слава Господня на Тебе возсія, — говоритъ далѣ къ Іерусалиму Пророкъ. Этими же самыми словами взываетъ къ новому Іерусалиму и церковный пѣснописецъ: *слава бо Господня на тебѣ возсія.* Что это за слава Господня (Іеговы), озарившая новый Іерусалимъ, принесшая ему счастье и блаженство? Слава Христа Господа,—превѣчнаго Свѣта и Просвѣтителя всѣхъ. Слава Его, яко Единороднаго отъ Отца, пришедшаго спасти родъ нашъ, просіяла подъ самою одеждою плоти. Рожденіе Его воспѣли Ангелы, предъ яслями Его поклонились пастыри и волхвы, въ храмѣ нарекъ Его сорокодневнаго младенца, Свѣтомъ во откровеніе языковъ и славою Израиля праведный старецъ Симеонъ. На Іорданѣ и Фаворѣ гласъ Бога Отца нарекъ Его Сыномъ возлюбленнымъ; Самъ Онъ засвидѣтельствовалъ о своемъ Божескомъ достоинствѣ и посланіи отъ Отца безчисленными знаменіями и чудесами и ученіемъ. Но ни однимъ изъ этихъ знаменій и чудесъ такъ сильно и рѣшительно не доказалъ Онъ Своего Божескаго достоинства и неукрѣпилъ въ Себя вѣры учениковъ Своихъ, какъ чудомъ воскресенія Своего изъ мертвыхъ. Симъ чудомъ ясно и убѣдительно доказалъ Онъ всему міру, что Онъ Начальникъ жизни (Дѣян. 17, 25.). Апостолы, избранные ученики Іисуса Христа, лучше всѣхъ современ-

никовъ своихъ знали своего Господа, постоянно слышали изъ устъ Его *глаголы живота вѣчнаго* (Іоа. 6, 68.), болѣе другихъ были свидѣтелями многочисленныхъ Его чудесъ. Посему, повидимому, скорѣе и болѣе другихъ должны бы были утвердиться въ вѣрѣ въ своего Учителя и Господа. Но когда и чѣмъ собственно ихъ вѣра утвердилась въ Господа?—Не ранѣе, какъ только по воскресеніи Господа и не инымъ чѣмъ, какъ Его воскресеніемъ. Въ страшную годину страданій и смерти Спасителя они поколебались въ своей вѣрѣ—*оставльше Его, бѣжаша* (Мѡ. 26, 56.), хотя нѣсколько разъ слышали проповѣдь Его о крестѣ (Мѡ. 16, 21. Лук. 18, 31—33.), и видѣли славныя Его чудеса. Что же, напротивъ, видимъ мы во всѣхъ ихъ, какъ скоро увидѣли они Распятаго на крестѣ своего Учителя воскресшимъ изъ мертвыхъ? — Явленіе Воскресшаго Господа тотчасъ просвѣтило ихъ омраченный умъ (Лук. 24, 45.) и произвело въ нихъ радостную увѣренность (Іоан. 20, 20.), что Учитель ихъ Іисусъ Христосъ точно есть Единородный Сынъ Божій, Богочеловѣкъъ. *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. 20, 28.)! — въ неизъяснимой радости сказалъ Воскресшему Господу поколебавшійся было въ вѣрѣ въ Него Ѳома, — и это признаніе Ѳомы сдѣлалось всецѣлымъ и твердымъ убѣжденіемъ всѣхъ апостоловъ. Воскресеніе Іисуса Христа послужило основаніемъ быстрыхъ и чрезвычайныхъ успѣховъ вѣры въ Него во

всемъ мірѣ. Ибо какою преимущественно проповѣдью апостолы дѣйствовали на сердца людей?—Проповѣдію о воскресеніи Іисуса Христа изъ мертвыхъ,—какъ такомъ событіи, при которомъ не вѣрять въ Іисуса Христа, какъ Бога, значило тоже, что и при появленіи солнца, съ умысломъ закрывать глаза и отвергать бытіе солнца. Правда, успѣхами своей проповѣди апостолы главнымъ образомъ обязаны были благодати Святаго Духа, сошедшаго на нихъ въ день пятидесятницы и содѣлавшаго ихъ мужественными и непобѣдимыми проповѣдниками истины; но и самое сошествіе Святаго Духа имѣло основаніемъ своимъ также славное воскресеніе Іисуса Христа изъ мертвыхъ, ибо до тѣхъ поръ не сходилъ Духъ Святыи на вѣрующихъ въ Іисуса Христа, пока Онъ не былъ прославленъ (Іоан. 7, 39.).

Такова сила воскресенія Христа Спасителя!— Потому свѣтлый праздникъ сей и именуется *праздникомъ праздниковъ и торжествомъ торжествъ* (Кан. на Пасху ирмосъ, пѣснь 8.). Потому въ свѣтлый праздникъ сей такъ ликуетъ и веселится святая Церковь, какъ она не ликуетъ и не веселится въ другіе праздники, не только установленные въ честь святыхъ челоуѣковъ, но и во славу Самаго Господа. На праздникъ Воскресенія Христова всѣ прочіе праздники Церкви Христовой основаны, какъ на краеугольномъ камнѣ. Не будь воскресенія Распятаго на крестѣ Господа Іисуса Христа изъ мертвыхъ, — не только не было бы

у Церкви Христовой никакихъ праздниковъ, но даже не было бы у нея и вѣры во Христа (1 Кор. 15, 14. 17.). «Ликуй нынѣ, — въ свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова, — и вселися Сіоне», новозавѣтная Церковь Божія.

Ты же, Чистая, красуйся (радуйся) *Богородице о возстаніи Рождества Твоею* (Рожденнаго Тобою). Несказанно возрадовались ученики Господа Иисуса Христа, видя Его невредимо прошедшимъ чрезъ сѣнь смерти, возставшимъ отъ гроба. Кто же можетъ вообразить радость и веселіе о Воскреснемъ Господѣ Той, отъ пречистыхъ кровей Которой Онъ благоволилъ заимствовать Себѣ плоть и родиться на земли?—Никому изъ учениковъ Господа не было такъ прискорбно видѣть Его крестныя страданія и смерть, какъ это было прискорбно сердцу Его Матери. Тогда какъ ученики, при страданіяхъ и смерти Господа, оставили Его и разбѣжались,—Она присутствовала при самомъ крестѣ Своего Возлюбленнаго Сына и Господа. Оружіе креста Господня касалось и Ея сердца (Лук. 2, 35.).—И потому послѣ такой ужасной скорби Ея о страданіяхъ и смерти Господа, какъ велика и высока была Ея радость о Немъ Воскреснемъ!—Господь Сердцевѣдецъ, вися на крестѣ, зналъ всю глубину скорби, въ которую была погружена Его Пречистая Матерь, — и потому явился Ей, по Своемъ Воскресеніи. Этимъ Онъ, по человѣческой Своей природѣ, воздалъ Ей дань сыновня-

го долга. Посему такъ взываетъ къ Ней Святая Церковь: «Воскресшаго видѣвши Сына Твоего и Бога, — радуйся со Апостолы, Богоблагодатная, «Чистая!—Бога, Егоже родила еси плотію, изъ «мертвыхъ, якоже рече, воставша видѣвши, Чи- «стая, ликуй!—Егоже родила еси Христа, пре- «красно изъ мертвыхъ возсіявша днесь во спа- «сеніе всѣхъ, зрящи, Чистая, добрая и непороч- «ная въ женахъ и красная, со Апостолы радую- «щихся, Того прославляй (см. канонъ въ понедѣль- «никъ свѣтлыя недѣли,—пѣснь 1, 3. 4.)».

Діаконъ Николай Воиновъ.

ОЧЕРКИ БЫТА НАРОДА БОЖІЯ а).

7. ГОСТЕПРИИМСТВО.

Мы уже упоминали ^{б)} о значительномъ сходствѣ, которое зомѣчается между гостеприимствомъ, какое оказываютъ въ настоящее время иностранцамъ Арабы, и гостеприимствомъ древнихъ патриарховъ.

«Одного богатства, говоритъ Бурккартъ, недостаточно для того, чтобы высоко поставить Араба бедуина въ глазахъ окружающихъ его. Если бѣдный человѣкъ показываетъ себя гостеприимнымъ и щедрымъ по своимъ средствамъ, если онъ дѣлитъ съ своими бѣдными родственниками то, что можетъ выработать, и ничего не щадитъ для своего гостя, то такой человѣкъ удостоивается большаго почтенія и уваженія, нежели величайшій богачъ племени, если онъ принимаетъ своихъ гостей съ холодностію и до-

---

а) См. февр. и мартов. книжки Душен. Чтен.

б) Въ главѣ о „шатрахъ“. Душен. Чт. 1864, мартъ.

пускаетъ тѣрпѣть нужду своимъ друзьямъ. Всѣ Арабы отъ перваго до послѣдняго живутъ одинаково; каждый день они ѣдятъ одну и ту же пищу, и роскошный столъ бываетъ у нихъ только тогда, когда въ шатеръ хозяина входитъ чужеземецъ съ своими друзьями».

Эти слова напоминаютъ намъ одно мѣсто въ книгѣ Іова. Желая доказать своимъ «досаднымъ утѣшителямъ,» что они несправедливы въ отношеніи къ нему, считая его страданія наказаніемъ за его грѣхи,—Іовъ говоритъ имъ: «одинъ ли я вкушалъ мой хлѣбъ, и не вкушали ли его вмѣстѣ со мною сироты? Странникъ не проводилъ ночи на улицѣ; я отворялъ дверь мою путешественнику» (Іов. 31, 17. 32.). Такимъ образомъ ему хотѣлось показать, что онъ всегда готовъ былъ оказывать гостепріимство бѣднымъ и странникамъ; а это была по тогдашнимъ понятіямъ добродѣтель весьма важная.

Подробности, которыя сообщаютъ намъ путешественники объ образѣ жизни многихъ значительныхъ арабскихъ князей, очень живо напоминаютъ обычаи древнихъ временъ, когда при дворѣ у Соломона «издерживалось каждый день тридцать мѣръ муки лучшаго сорта, и шестьдесятъ мѣръ муки смѣшанной, девять отборныхъ тельцовъ, двадцать тучныхъ воловъ, сто овецъ, не считая оленей, сернь и птицъ самыхъ тучныхъ» (3 Царс. 4, 22. 23.).

«По случаю брака въ семействѣ одного араб-

скаго князя, по имени Саута (Saoud), говорить Бурккартъ, отецъ невѣсты пригласилъ къ себѣ всѣхъ гостей въ первый день свадьбы. Онъ убилъ, по этому случаю, сорокъ верблюдовъ и пятьсотъ овецъ. На другой день Саутъ пожертвовалъ для пира сто верблюдовъ и восемьсотъ овецъ. На третій день пиръ справлялъ братъ его. Такимъ образомъ каждый день нужно было насыщать отъ 400 до 500 человѣкъ; это были люди жившіе въ той странѣ, впрочемъ между ними находилось достаточно и иностранцевъ. Саутъ владѣлъ 2000 лошадей».

«Другой князь каждый годъ собиралъ въ своемъ округѣ столько пшеницы и финиковъ, что ихъ достаточно было для навьючиванія 400 верблюдовъ; финики—самый обыкновенный плодъ на востокѣ. Сверхъ того, онъ получалъ около 2000 р. сереб., которые шли на покупку мяса, масла и кофе; и всѣ эти доходы онъ употреблялъ для того, чтобы насыщать 200 или 300 человѣкъ иностранцевъ разныхъ націй, которыхъ онъ каждый день принималъ въ своихъ общихъ комнатахъ».

Тотъ же самый путешественникъ рассказываетъ одинъ случай, который очень ясно обнаруживаетъ понятія Арабовъ относительно гостепріимства: «Джерба (Djerba), могущественный владѣлецъ Месопотаміи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выселился въ пустыню по случаю жестокаго голода и бѣдствія въ своей странѣ. Его стада

и стада бѣльшей части подвластныхъ ему Арабовъ давно уже погибли отъ недостатка корма ; потому что въ теченіи долгаго времени ни одна капля дождя ни оросила земли. У него осталось только два верблюда. Однажды пришли къ нему два чужеземца почтенной наружности; онъ долженъ былъ угостить ихъ обѣдомъ. Всѣ съѣстные припасы его совершенно истощились и ни у кого изъ своихъ Арабовъ онъ не находилъ даже куска хлѣба, потому что всѣ они, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, питались почти только сухими кореньями, которые можно находить въ пустынѣ; невозможно было также найти ни одного козленка или ягненка, чтобы угостить иностранцевъ. Джерба не могъ помириться съ тою мыслью, чтобы допустить своихъ гостей провести ночь безъ ужина или дозволить заснуть не утоливши голода. Онъ приказываетъ убить одного изъ своихъ верблюдовъ. Но жена его противится этому; дѣти еще очень слабы, говоритъ она, чтобы они на другой день пѣшкомъ могли сопровождать станъ, и верблюды рѣшительно необходимы для перевозки нашего собственнаго семейства и нѣкоторыхъ другихъ малютокъ». «Правда, мы голодны, сказалъ тогда «одинъ изъ гостей, но мы понимаемъ ваши опасенія и надѣемся по милости Божіей, завтра «найти себѣ пищу. Однакожъ, прибавилъ онъ, «не будемъ ли мы виновны, когда враги Джербы «упрекнутъ его за то, что онъ допустилъ своихъ

«гостей терпѣть голодъ подѣ своимъ шатромъ»? .. Сильно подѣйствовалъ этотъ упрекъ на благородное сердце шейха. Онъ спокойно выходитъ изъ шатра, беретъ свою кобылицу, единственное оставшееся ему сокровище послѣ двухъ верблюдовъ, повергаетъ ее на землю и вяжетъ ей ноги, чтобы удобнѣе убить ее. Но вотъ послышался ему издали крикъ; онъ встаетъ и прислушивается. То былъ крикъ верблюдовъ, навьюченныхъ рисомъ, которые приближались къ его шатру; этотъ подарокъ прислали ему изъ той части страны, которая тогда меньше испытывала бѣдствія голода».

На востокѣ страсти у людей очень сильны а законы мало уважаются; такъ, вражда у нихъ передается отъ отца къ сыну и ссоры рѣдко оканчиваются безъ пролитія крови. Но Арабъ можетъ рассчитывать на совершенную безопасность, если онъ въ качествѣ гостя придетъ въ шатеръ хотя бы самаго заклятаго своего врага; онъ находится еще въ большей безопасности, если его врагъ съ клятвой обѣщаетъ при этомъ не дѣлать ему никакого зла. Отношенія хозяина къ гостю считаются священными и всегда исполняются съ должнымъ приличіемъ. Рассказывая о тѣхъ, которые вмѣстѣ жили, здѣсь обыкновенно говорятъ, что они «вмѣстѣ ѣли хлѣбъ и соль». Арабы, если питаютъ другъ къ другу сильную вражду, никогда не садятся за одинъ и тотъ же столъ, изъ боязни дать своему врагу

поводъ думать, что они примирились (Вальнгъ). Вотъ почему Давидъ находилъ особенно злобнымъ поведеніе своего друга, который оставилъ его и оскорблялъ,—потому что, говорилъ онъ, «это былъ человѣкъ мира моего, на котораго я надѣялся и кто ѣлъ со мною хлѣбъ» (Псал. 40, 10.). Безъ сомнѣнія, на основаніи этого обычая, а равно также на сохраненіи отъ порчи осоленныхъ вещей, выраженіе «соль завѣта Божія», употреблено для обозначенія того завѣта, который не долженъ былъ нарушиться (Лев. 2, 13.).

Европейскіе путешественники часто говорятъ въ своихъ разсказахъ о томъ, съ какимъ радушіемъ Арабы снабжали ихъ въ нуждѣ съѣстными припасами. Однажды докторъ Мэдденъ (Madden) не имѣлъ у себя никакой провизіи; проходя по деревнямъ, онъ не находилъ ни одного человѣка, у котораго можно было бы закупить ее: «вечеромъ, говоритъ онъ, я спросилъ немного продажнаго молока; старикъ—арабъ, видя, что мнѣ негдѣ было купить, взялъ за руку моего товарища и сказалъ ему: пойдѣте, я отдамъ вамъ половину того, что у меня есть. Онъ далъ намъ около четырехъ литровъ молока и двадцать небольшихъ хлѣбовъ. Я предложилъ ему пять или шесть піастровъ (около 1 р. сереб.), сумму, которая въ верхнемъ Египтѣ вдесятеро цѣннѣе чѣмъ у насъ. Кто знаетъ бѣдность Арабовъ, тотъ легко пойметъ чувство, которое побудило его отказаться отъ этой суммы. Старикъ потрясъ

своею сѣдою бородою. Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ, я не нуждаюсь въ вашихъ деньгахъ. За чѣмъ я буду брать плату за кусокъ хлѣба? Не Богъ ли даетъ намъ все?»

Это гостепріимство существуетъ не у однихъ только Арабовъ, живущихъ въ пустынѣ,—его встрѣчаютъ также и между Турками какъ городскими, такъ и деревенскими. Буккигамъ говорить, что пришедши однажды въ одну Месопотамскую деревню, онъ нашелъ тамъ множество народа, собравшагося праздновать свадьбу. Его пригласили также на свадьбу въ качествѣ гостя: «послѣ вечерней молитвы, говоритъ онъ, начали усаживаться по сторонамъ длинной скатерти, разостланной по землѣ и служившей вмѣсто стола. Когда пришелъ хозяинъ пира, то онъ посадилъ меня рядомъ съ собою въ качествѣ гостя —иностранца. Поблагодаривши его за пріемъ, я опустилъ руку въ одно блюдо съ нимъ. Онъ предложилъ мнѣ лучшіе куски, для того чтобы показать, что онъ считалъ меня своимъ другомъ. Это самый большой знакъ почести, какой оказываютъ на восточныхъ пирахъ».

Авторъ этого разсказа замѣчаетъ, что предательство Іуды было тѣмъ гнуснѣе, что онъ предалъ своего божественнаго Учителя непосредственно послѣ того, какъ получилъ отъ него этотъ знакъ почести и любви. «Опустившій со мною руку въ блюдо предастъ Меня» (Матѣ. 26, 23.), сказалъ Спаситель, «и обмакнувъ ку-

сокъ, подалъ его Иудѣ Симонову Искаріоту» (Іоан. 12, 26.). На востокѣ за столомъ не употребляютъ ни ножей, ни вилокъ. Кушанья тамъ очень отличны отъ нашихъ; они состоятъ главнымъ образомъ изъ мяса, испеченнаго на камняхъ и прокипяченнаго въ рисѣ, такъ что его безъ труда можно дробить на части руками; опуская руку въ блюдо, каждый беретъ самъ себѣ нужное.

У богатыхъ лицъ, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, рабы приносятъ каждому изъ гостей тазъ, полный купшинъ воды и полотенце для умовенія и по ихъ приказанію льютъ имъ воду на руки; этотъ обычай объясняетъ слѣдующее мѣсто книги царствъ: «здѣсь есть Елисей; сынъ Сафата, который возливалъ воду на руки Іліи (4 Цар. 3, 2.); это значитъ, что Елисей былъ слугою Іліи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на востокѣ сохранился еще обычай носить на поясѣ вышитое полотенце для утиранія рта и рукъ (Буккингамъ.). Все это объясняетъ также нѣкоторыя подробности въ разсказѣ объ умовеніи Спасителемъ ногъ своимъ ученикамъ. «Онъ снялъ свою (просторную) верхнюю одежду,—и взявъ полотенце препоясался. Потомъ влилъ воду въ умывальницу, и началъ умывать ноги ученикамъ, и отирать полотенцемъ, которымъ былъ препоясанъ» (Іоан. 13, 4. 5.).

Въ этихъ странахъ не употребляютъ стульевъ какъ у насъ, и садятся или на коврахъ, разост-

ланныхъ по землѣ, или на подушкахъ, разложенныхъ вокругъ комнаты; блюда ставятъ на полу на подносахъ, на которыхъ подаютъ ихъ. Во времена Иисуса Христа вмѣсто стульевъ въ Иудеи употребляли родъ низкихъ дивановъ, на которыхъ помѣщались въ полулежачемъ положеніи, такъ что безъ труда можно было очень близко наклониться къ своему сосѣду, если предстояла нужда переговорить съ нимъ по секрету. Такимъ-то образомъ ученикъ, котораго Спаситель любилъ, «припадши къ груди Иисуса, сказалъ Ему: Господи! кто это?» (Іоан. 13, 25.).

Съ нашими обычаями совершенно несогласно, чтобы дома наши были открыты для всякаго сторонняго, а потому намъ трудно понять какимъ образомъ грѣшная жена вошла вслѣдъ за Иисусомъ Христомъ въ тотъ домъ, куда Онъ былъ приглашенъ на трапезу. Вотъ нѣсколько словъ миссъ Сардо (Sardoe), объясняющихъ подобный фактъ; они напоминаютъ намъ также слѣдующія слова Спасителя: «когда дѣлаешь пиръ, созови нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ» (Лук. 14, 13.), и притчу о человѣкѣ, уготовавшемъ большую вечерю. «Я не могу умолчать, говорить миссъ Сардо, о простосердечномъ и трогательномъ гостепріимствѣ Турокъ; они оказываютъ ласковый пріемъ всѣмъ своимъ соотечественникамъ, которые пожелаютъ быть за ихъ столомъ, богаты ли они, бѣдны ли; во всѣ праздники дома богатыхъ бываютъ отворены для вся-

каго приходящаго; родъ дивана служитъ мѣстомъ для помѣщенія лучшихъ гостей, а на остальныхъ мѣстахъ помѣщаются бѣдные, которые также раздѣляютъ все удовольствіе пира: имъ подають кофе и другіе прохладительные напитки, если не съ одинаковыми церемоніями, то, по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ же радушіемъ, которое оказываютъ при этомъ случаѣ и гостямъ самымъ почетнымъ; все слушаютъ музыку и каждый принимаетъ участіе въ общей радости. Я присутствовала однажды на одномъ изъ такихъ пировъ; комнаты были наполнены народомъ, среди котораго можно было видѣть женщинъ съ грудными младенцами; ветхая одежда, руки загорѣвшія отъ солнца и полу-обнаженные ноги этихъ женщинъ ясно говорили о тяжеломъ трудѣ, который имъ приходилось испытывать каждый день».

Прежде, такъ же какъ и въ настоящее время, на востокѣ не было гостинницъ, похожихъ на наши. «Пристанище путешественниковъ» (Иерем. 9, 1.), безъ сомнѣнія, было похоже на тѣ каравансерай, которые тамъ можно видѣть еще теперь. Каравансераемъ называется мѣсто, окруженное стѣнами съ четырехъ сторонъ; внутри стѣнъ находится рядъ небольшихъ комнатъ; посреди двора, который онѣ образуютъ, находится обыкновенно фонтанъ или колодезь. Комнаты совершенно пусты, такъ что путешественникъ долженъ носить съ собою все нужное, даже са-

мую пищу, какъ для себя, такъ и для своихъ животныхъ (ибо въ каравансераяхъ не живетъ никого, кто бы могъ снабдить приходящихъ провизіею); такъ это и дѣлали на примѣръ братья Іосифа (Быт. 42, 27.). Ворота каравансерая всегда отворены для иностранцевъ; ихъ не запираютъ для своей безопасности даже тѣ, которые остаются тамъ на самое короткое время. Для помѣщенія верблюдовъ и лошадей часто не бываетъ другаго мѣста, кромѣ двора, на которомъ они ложатся даже на грязи, когда идетъ дождь. Гостинницы въ большихъ городахъ совершенно похожи на каравансераи, только бываютъ помѣстительнѣе, и въ нихъ находятся стойла для животныхъ и магазины для товаровъ; не въ дальнемъ разстояніи отъ нихъ обыкновенно можно купить провизіи. Вѣроятно въ одномъ изъ такихъ-то мѣстъ родился Спаситель нашъ; въ гостинницѣ, какъ повѣствуетъ св. Лука, не было отдѣльной комнаты для Іосифа и св. Дѣвы. Божественный Младенецъ былъ положенъ въ ясляхъ, въ которыя на востокѣ кладутъ кормъ для животныхъ. Это стойло было не что иное, какъ пещера, высѣченная въ скалѣ, которую еще доселѣ показываютъ путешественникамъ; на мѣстѣ ея уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ построена церковь.

Путешественники не могутъ съ удобствомъ долго оставаться въ каравансераѣ; но они обыкновенно имѣютъ свободный доступъ въ домъ

какого нибудь городскаго жителя, если только пожелаютъ прожить въ городѣ нѣсколько дней. Такъ поступали и ученики Спасителя; ибо когда Онъ посылалъ ихъ проповѣдывать Евангеліе, то сказалъ: «въ какой бы вы домъ ни вошли, оставайтесь въ немъ, ѣшьте и пейте, что у нихъ есть» (Лук. 10, 7.).

Ученіе, которое они возвѣщали, должно было бороться съ худыми наклонностями людей и потому могло вооружать ихъ противъ самихъ его провозвѣстниковъ. Но Апостолы должны были вполне уповать на слова своего Божественнаго Учителя: «трудящійся достоинъ награды за труды свои». Тотъ, кто сдѣлалъ ихъ орудіемъ своего слова, заботился объ ихъ нуждахъ. И много было, безъ сомнѣнія, лицъ, которыя отъ всего сердца радовались, что оказывали въ это время гостепріимство, потому что такимъ образомъ сподобились видѣть у себя святыхъ Апостоловъ, а иные услышать изъ устъ и самаго Господа радостную вѣсть спасенія, принявъ подъ свой кровъ Того, кто не имѣлъ мѣста, гдѣ главу приклонить (Матѳ. 8, 20.).

Апостолы въ своихъ посланіяхъ часто заповѣдуютъ оказывать гостепріимство. «Помогайте въ нуждахъ святымъ, говорятъ они;—упражняйтесь въ страннопріимствѣ» (Римл. 12, 13.). «Епископъ долженъ быть страннолюбивъ» (Тит. 1, 8.). «Будьте страннолюбивы одинъ для другаго безъ роптанія» (1 Петр. 4, 9.). Въ нашихъ

странахъ путешественники могутъ находить безопасное и удобное мѣсто въ гостинницахъ; но и у насъ нѣтъ недостатка въ случаяхъ, когда бы мы могли оказать состраданіе къ нуждающимся странникамъ и вообще къ ближнимъ нашимъ. И если мы не можемъ теперь принимать подъ кровъ свой св. Апостоловъ и самаго нашего Спасителя, то вспомнимъ Его же собственныя слова: «все что только вы сдѣлаете одному изъ братьевъ Моихъ меньшихъ, вы сдѣлаете Мнѣ» (Матѣ. 25, 40.).

И. З—въ.

О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХЪ УВЕСЕЛЕНІЯХЪ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Вы спрашиваете меня, добрая О. Н—а, принимать ли вамъ участіе въ благотворительныхъ увеселеніяхъ? Вы требуете отъ меня положительнаго отвѣта:—*да*, или *нѣтъ*, и выражаете готовность принять мой отвѣтъ, какъ обязательное для васъ рѣшеніе духовнаго отца. Вы говорите, что вамъ наскучило слушать разнообразныя и часто противорѣчивыя сужденія объ этомъ новомъ способѣ благотворительности, что вамъ тяжело стало «колебаться» между мнѣніями старыхъ и новыхъ людей, что вы просто, какъ православная христіанка, отъ служителя Божія желаете знать, гдѣ прямой путь, и хотите принять его указаніе, «какъ волю Божию».

Ваша готовность стать подъ руководство церкви и довѣріе къ ея служителямъ, столь рѣдкія въ наше время между образованными христіанами, для меня весьма утѣшительны. Но сколько вы меня утѣшили, столько же и озаботили. Вы

не просто спрашиваете моего личного мнѣнія о новомъ явленіи въ христіанской жизни, а рѣшительнаго сужденія о немъ, въ которомъ бы слышался не мой личный человѣческій голосъ, а опредѣленіе воли Божіей. Вы понимаете, какъ странно произносить такого рода сужденія и сколько тутъ опасности примѣшать къ истинѣ Божіей человѣческое мудрованіе и къ волѣ Божіей человѣческій произволь. Вы рѣшаетесь, не колеблясь, мои слова обратить въ дѣло, слѣдовательно, возлагаете на меня всю отвѣтственность передъ Богомъ за вашу дѣятельность въ томъ направленіи, которое обязываетъ меня указать вамъ. Но при всемъ этомъ, я не могу уклониться отъ отвѣта, не измѣняя моему призванію и моимъ обязанностямъ по отношенію къ вамъ. Только не требуйте отъ меня простаго *да*, или *нѣтъ*, а призвавъ въ помощь Бога, всѣхъ просвѣщающаго, поищемъ вмѣстѣ въ божественномъ откровеніи рѣшенія предложеннаго вами вопроса.

«Благотворительныя увеселенія», дѣйствительно, *новое явленіе*, невиданное и до нашего времени небывалое въ христіанской церкви. Обсуждая его съ христіанской точки зрѣнія, неудомѣваешь, какъ оно могло произойти въ христіанскомъ мірѣ? Никакого основанія для него, никакого повода къ его происхожденію нельзя найти ни въ ученіи божественнаго откровенія, ни въ исторіи церкви. Христіанское ученіе о благотворительности такъ возвышенно, такъ чисто и

духовно; сужденія слова Божія и церкви объ увеселеніяхъ такъ строги, предостереженія отъ опасностей, которыя кроются въ нихъ для христіанина, такъ сильны; оба эти понятія—о благотворительности и увеселеніяхъ поставлены такъ далеко одно отъ другаго, что невольно удивляешься тому, какъ въ наше время эти понятія соединились и выразились въ одномъ родѣ дѣятельности, имѣющемъ притязаніе на христіанскій характеръ.

Здѣсь очевидно сильное вліяніе духа времени. При обсужденіи подобныхъ явленій XIX-го вѣка, который такъ хвалится новостями въ наукѣ и жизни, христіанинъ съ особенною заботливостію долженъ вдумываться въ знаменательныя предостереженія св. апостоловъ: «возлюбленные! не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они» (1 Іоан. 4, 1.). «Не сообразуйте съ вѣкомъ симъ, но преобразуйте обновленіемъ ума вашего, чтобы вамъ познавать, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12, 2.).

Въ движеніяхъ духа *вѣка*, или духа *времени*, враждебныхъ ученію и жизни христіанской, не столько страшна открытая борьба, сколько искусственное примиреніе. Въ области мысли не такъ страшна для большинства христіанъ явная ложь, какъ смѣшеніе истины съ ложью, эти полуистины, эти софизмы, которые нынѣ такими сѣтями опутали христіанское общество. Въ области

нравственной жизни не такъ опасны для общества голый порокъ и открытое зло, какъ смѣшеніе добра со зломъ, эти полудобродѣтели, которыми нынѣ мы такъ искусно принаражаемся. Открытая борьба съ врагами вѣры и христіанскаго благочестія пробуждаетъ, отрезвляетъ и безпечныхъ христіанъ, напротивъ искусственное примиреніе усыпляетъ, расслабляетъ и бдительныхъ. Уступая полуистинамъ, христіанинъ тярлетъ чистое чувство истины; увлекаясь полудобродѣтелями, онъ теряетъ вкусъ къ чистому и строгому, прямому добру. Здѣсь ложь и зло входятъ въ душу христіанина незамѣтно, какъ тонкая, незримая язва и, какъ язва, сокрушаютъ и убиваютъ его внутреннюю жизнь. Къ такому опасному смѣшенію добра и зла я отношу и «благотворительныя увеселенія».

Такой приговоръ вамъ, можетъ быть, покажется слишкомъ строгимъ, но по наставленію апостола, «обновитесь умомъ», и вы почувствуете его справедливость. Миѣнія вѣка слишкомъ крѣпко пристали къ намъ; они пустили въ умахъ всѣхъ насъ глубокіе корни. Отрѣшнитесь отъ нихъ. Сойдите съ такъ называемыхъ современныхъ точекъ зрѣнія; станьте твердо на вѣчныя начала божественнаго откровенія, освѣжитесь его духомъ: тогда не будетъ пугать васъ истина, по существу своему строгая къ всякой лжи, большой и малой.

Благотворительность есть одна изъ прекраснѣй-

шихъ христіанскихъ добродѣтелей. Замѣтьте, что евангеліе заповѣдуетъ намъ благотворительность именно какъ добродѣтель, т. е. какъ извѣстный родъ доброй дѣятельности, требующій нравственнаго развитія, совершенствованія. Намъ повелѣно учиться благотворительности, подвизаться въ ней, воспитывать въ нашемъ духѣ всѣ тѣ нравственныя свойства, которыхъ она требуетъ, милосердіе, самоотверженіе, терпѣніе, трудолюбіе. Итакъ благотворительность христіанская есть трудъ, потому что въ основаніи ея лежитъ борьба съ холодностію нашего сердца, своекорыстіемъ, сребролюбіемъ, лѣнностію и со всѣми нашими пристрастіями къ удобствамъ жизни, къ покою и нѣгѣ. Поэтому всякое частное благотворительное дѣло получаетъ нравственную цѣну большую, или меньшую, судя по тому, больше, или меньше оно содѣйствуетъ нашему преуспѣянію въ христіанской любви. Потому, чѣмъ меньше въ нашемъ дѣлѣ *труда любви* (1 Сол. 1, 3.), чѣмъ дальше оно отъ христіанскаго самоотверженія, тѣмъ меньше оно похоже на дѣло христіанской благотворительности.

Поставьте рядомъ съ этимъ понятіемъ о христіанской благотворительности понятіе объ увеселеніяхъ и сличите ихъ. Что такое увеселеніе? По самому общему сужденію, оно есть легкая, пріятно занимающая и услаждающая насъ дѣятельность нашихъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ. Или: увеселеніе есть такое состояніе духа и

тѣла, въ которомъ мы принимаемъ отъ другихъ лицъ и предметовъ пріятныя, услаждающія насъ впечатлѣнія. И изъ этихъ общихъ понятій объ увеселеніи видно, что въ немъ кроется стремленіе къ *личному* удовольствію и наслажденію, стремленіе пожить для себя и пожить пріятно, слѣдовательно устраняется всякая мысль о пожертвованіи собою для другихъ. Мы приглашаемъ и другихъ къ участию въ нашихъ увеселеніяхъ, но съ тѣмъ только, чтобы ихъ сочувствіемъ увеличить *собственное* удовольствіе. Людей, не прибавляющихъ намъ удовольствія своимъ присутствіемъ, мы называемъ скучными гостями и не охотно приглашаемъ ихъ.

Такимъ образомъ, увеселеніе, какъ легкая и пріятная дѣятельность, или состояніе наслажденія исключаетъ всякое понятіе о трудѣ, заботѣ и скорби; иначе оно перестанетъ быть увеселеніемъ. Между тѣмъ благотворительность есть именно отреченіе отъ себя, посвященіе другому своихъ силъ, своего времени; она есть стремленіе войти въ жизнь другаго, сочувствовать ему, сострадать страждущему, хотя немного, хотя слегка и на минуту. Видите, какъ благотворительность и увеселеніе противорѣчатъ другъ другу. Если они нынѣ соединяются въ нашихъ благотворительныхъ увеселеніяхъ, то соединяются насильственно и въ этомъ соединеніи есть внутренняя ложь. Истина требуетъ отдѣлить одно отъ другаго: если хочешь благотворить,

трудись для ближняго умомъ, сердцемъ, всѣми силами души и тѣла, сколько есть у тебя усердія, и тогда забудешь объ увеселеніи. Если хочешь веселиться:—веселись, но не думай, что шутя,—играючи ты можешь благотворить. Чѣмъ искреннѣе ты веселишься, тѣмъ больше живешь для себя и тѣмъ меньше въ это время ты способенъ думать о страждущемъ и *сострадать* ему. Въ самомъ простомъ опытѣ вы увидите несомнѣстимость этихъ двухъ душевныхъ состояній, веселости, которая предполагается въ увеселеніи, и озабоченности, которой требуетъ истинная благотворительность. У васъ, напримѣръ, семейный праздникъ, вы весело разговариваете, или кушаете съ своими гостями. Вдругъ докладываютъ вамъ, что пришла такая-то бѣдная и желаетъ васъ видѣть, что она имѣетъ до васъ особенную нужду. Какое первое движеніе при этомъ вы почувствуете въ своемъ сердцѣ? Какія слова прежде всего будутъ проситься на вашъ языкъ? Вы готовы сказать: «что за время она пришла, чтобы говорить о своихъ нуждахъ! Скажи, чтобы пришла завтра». И только тогда, когда вы привыкли вникать въ состояніе бѣдныхъ, привыкли оставлять для нихъ свои занятія и свои удовольствія, вы скажете: «пусть подождетъ, я къ ней выйду». А кто не привыкъ къ этому, тотъ найдетъ для себя труднымъ во время увеселенія даже достать свой кошелекъ и вынуть изъ него мелкую монету. Онъ просто скажетъ

съ досадою; «что за время»? Итакъ, среди увеселеній не время благотворить, и на оборотъ: при дѣлахъ благотворенія не время веселиться.

Мнѣ кажется, что изъ этихъ простыхъ понятій объ увеселеніи видно, что оно никакимъ образомъ не можетъ имѣть характера не только христіанской, но и естественной, языческой добродѣтели. Добродѣтель есть трудъ, увеселеніе отдыхъ. Добродѣтель требуетъ собранности духа, большаго, или меньшаго напряженія силъ: увеселеніе есть развлеченіе, послабленіе уставшимъ отъ дѣятельности силамъ. Добродѣтель есть движеніе къ усовершенствованію, такъ сказать, восхожденіе на крутую гору. Увеселеніе есть временная остановка, передышка, во время которой мы собираемся съ силами. Если таково отношеніе увеселеній ко всякой добродѣтели, таково же оно должно быть и къ добродѣтели христіанскаго милосердія, или благотворительности. Въ невинномъ увеселеніи можно дать отдыхъ уму, обремененному заботами о бѣдныхъ, сердцу, удрученному тяжкими впечатлѣніями, получаемыми при видѣ разнообразныхъ скорбей чловѣческихъ, тѣлу, уставшему отъ хлопотъ для облегченія горькой участи несчастныхъ, но найти въ увеселеніи большаго ничего нельзя. Для успѣха въ добродѣтели увеселеніе, кромѣ отдыха, ничего не даетъ. Поэтому увеселенію можете дать названіе: успокоительное, облегчительное, утѣшительное, но ужъ никакъ не *благотворительное*.

Что въ самомъ увеселеніи нѣтъ ни одной черты христіанской добродѣтели, это, по видимому чувствуютъ и сами защитники благотворительныхъ увеселеній. По этому иногда они выражаются о нихъ иначе, и, по моему мнѣнію, точнѣе: «увеселенія съ благотворительною цѣлю». Это названіе подаетъ мысль, что увеселеніе почитается только средствомъ для совершенія дѣлъ благотворенія. Но и здѣсь человѣкъ свѣжій, не привыкшій къ смѣшенію и запутанности понятій, къ которымъ мы привыкли, сейчасъ почувствуетъ противорѣчіе. Кто же, скажетъ онъ, для достиженія цѣлей выбираетъ такія средства, которыя по существу своему должны отвлекать отъ цѣли? Прямыя средства къ успѣхамъ въ дѣлахъ благотворенія,—это собранія для совѣщаній о бѣдныхъ, для возбужденія къ нимъ общественнаго участія и состраданія, для отысканія источниковъ и наилучшихъ способовъ вспомошествованія имъ. Тутъ обмѣнъ мыслей, свѣденій, сердечныхъ чувствъ, разказы о паразитическихъ страданіяхъ бѣдныхъ могутъ расположить къ дѣламъ милосердія и такихъ людей, которые никогда не были къ нимъ склонны. И чѣмъ чаще были бы такія собранія, тѣмъ больше бы развивалась у насъ общественная благотворительность. Это разумно и понятно для всякаго. Но разумно ли такое правило: собирайтесь и веселитесь какъ можно чаще и какъ можно больше, и вы больше будете преуспѣвать въ

добродѣтели милосердія? Т. е. какъ можно больше отдыхайте, и вы будете день ото дня трудолюбивѣе; какъ можно больше развлекайтесь, и вы будете серьезнѣе, сосредоточеннѣе въ вашихъ мысляхъ; какъ можно больше смѣйтесь, и вы будете внимательнѣе и сострадательнѣе къ бѣдному; какъ можно больше танцуйте, участвуйте въ спектакляхъ, и вы больше привыкнете трудиться для бѣдныхъ и служить имъ. Вѣдь это несообразность? И однако она у насъ въ полномъ ходу; это правило постоянно и день ото дня больше прилагается къ дѣлу въ современной, благотворительной практикѣ. И очень понятно, почему у насъ такъ быстро развивается этотъ новый родъ благотворительности, отъ чего наши газеты все чаще и чаще наполняются извѣстіями, что тамъ, и тамъ, въ самыхъ отдаленныхъ концахъ русскаго царства, въ маленькихъ городкахъ, въ скучныхъ крѣпостяхъ были благотворительные спектакли, концерты, живыя картины въ пользу раненныхъ, раззоренныхъ и пр. Такъ благотворить очень легко, и очень весело. Иной и гроша не далъ бы для скучныхъ дѣлъ милосердія, а тутъ охотно даетъ рубль. Тутъ не ходи въ сырой подвалъ къ бѣднымъ, не выслушивай тяжкихъ повѣстей о страданіяхъ вдовъ и сиротъ, не сиди въ душной комнатѣ у постели больного, не перевязывай его ранъ, не марай своихъ мягкихъ и чистыхъ рукъ. Поди въ ярко освѣщенную залу, проведи часа три въ из-

бранномъ, нарядномъ обществѣ, послушай музыку, или игру хорошихъ артистовъ, и воротишься домой съ пріятнымъ убѣжденіемъ, что вотъ къ суммѣ своихъ добрыхъ дѣлъ я прибавилъ еще новое дѣло милосердія. Такъ ли это? Если мы можемъ такъ легко попасть въ почтенное общество благотворителей, или служителей милосердія; то отъ чего же намъ такимъ же способомъ не пріобрѣсть и почетнаго имени патріотовъ и защитниковъ отечества? За чѣмъ становиться въ ряды воиновъ? За чѣмъ дѣлать изнурительные походы и носить съ собою тяжелое оружіе? За чѣмъ терпѣть голодъ и холодъ? За чѣмъ подвергать себя опасности ранъ и увѣчья, а можетъ быть и смерти? Устроимъ спектакль, или концертъ съ цѣлію употребить чистую выручку на военныя издержки и когда будутъ раздавать знаки отличія за подвиги на защиту отечества, тогда и мы предъявимъ свои права, скажемъ, что и мы пили, ѣли, плясали и слушали музыку за наше дорогое отечество. Не правда ли, что такой взглядъ на любовь къ отечеству и подвиги патріотизма всѣ назовутъ оскорбленіемъ и патріотизма, и отечества? Такъ. Но какъ же не чувствовать, что увеселеніями въ пользу бѣдныхъ оскорбляется, унижается, по выраженію св. писанія, *хулится* не только высокая добродѣтель христіанскаго милосердія, но и Тотъ, Кто намъ заповѣдалъ ее, Кто указалъ намъ, какъ и въ какомъ духѣ она должна быть совершаема?

Какого суда для нашей увеселительной, потѣшной благотворительности мы должны ожидать отъ небеснаго Судіи, Господа Иисуса Христа? По дѣламъ нашимъ узнаеть ли Онъ въ насъ своихъ учениковъ? Признаеть ли насъ своими? Нельзя этого надѣяться. Онъ во время своей земной жизни былъ величайшимъ благотворителемъ и благодѣтелемъ грѣшниковъ и всякаго рода страдальцевъ, но Онъ благотворилъ словомъ премудрости, молитвою, трудами, слезами, страданіями и крестною смертію, и преданіе говоритъ о Немъ, что часто видѣли Его плачущимъ, но *никогда не видали смѣющимся*.

Должно же однако въ благотворительныхъ увеселеніяхъ быть что нибудь такое, что обманываетъ простодушныхъ и добрыхъ людей *призраками* добродѣтели. Эти призраки состоятъ въ *добротѣ намѣреніи*, съ которымъ устроится какое либо благотворительное увеселеніе, и въ *чистой выручкѣ* отъ увеселенія, предназначаемой въ пособіе бѣднымъ.

Св. Іоаннъ Златоустъ въ словѣ, читаемомъ на утрени въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, говоритъ, что Богъ по милосердію своему и *намѣреніе цѣлуетъ и предложеніе хвалитъ*. Какія же намѣренія и предположенія? Конечно прямо добрыя, т. е. такія, которыя при своемъ осуществленіи выразились бы въ безукоризненно добромъ дѣлѣ. Намѣреній, не обѣщающихъ добра, или скрывающихъ въ себѣ какой либо за-

родышъ зла, Богъ благоволительно принять не можетъ. Доброе намѣреніе, сложившееся въ душѣ нашей, но не осуществленное по нашей немощи, или безпечности, должно заключать въ себѣ весь планъ, всѣ свойства, или черты, предполагаемаго добраго дѣла, какъ зерно заключаетъ въ себѣ жизнь и форму будущаго растенія. При первомъ движеніи къ исполненію, или даже при подробномъ разъясненіи намѣренія, свойства его должны опредѣляться по свойствамъ ожидаемаго отъ него дѣла, которое мы можемъ болѣе, или менѣе ясно себѣ представить. Такъ, на примѣръ, одинъ изъ моихъ знакомыхъ имѣлъ намѣреніе съѣздить въ Іерусалимъ для поклоненія св. мѣстамъ, другіи устроить на свой счетъ бѣдную сироту въ замужство, третій оставить страсть пьянства, повергнушую его въ тяжкую болѣзнь; но всѣ они умерли не успѣвши исполнить своихъ намѣреній. Если бы Богу угодно было продлить ихъ жизнь, и если намѣренія ихъ были тверды (что Господу извѣстно), мы можемъ угадать, въ какихъ дѣлахъ выразились бы ихъ намѣренія: одинъ, попутешествовавъ по святымъ мѣстамъ, вынесъ бы благочестивыя и добрыя впечатлѣнія изъ Палестины; другой безпріютной сиротѣ далъ бы возможность имѣть свой уголь и свое семейство и порадовался бы на ея радость, третій оказался бы трезвымъ и полезнымъ обществу человѣкомъ. Все это добрыя намѣренія и, безъ сомнѣнія, Господь благо-

волительно ихъ принялъ и вмѣнилъ покойникамъ въ нѣкоторую нравственную заслугу. Обсудите по этимъ чертамъ христіански—добрыхъ намѣреній, такъ называемыя добрыя намѣренія при устроеніи благотворительныхъ увеселеній, хоть на примѣръ домашняго спектакля въ пользу какой нибудь школы, или пріюта для бѣдныхъ. Какъ такое намѣреніе должно развернуться въ душѣ дамы, которая приняла бы на себя это дѣло? Первая забота выбрать пьесу позанимательнѣе и притомъ такую, чтобы на каждую роль можно было найти хорошаго исполнителя въ кругу знакомыхъ. Вторая забота—найти этихъ исполнителей, уговорить ихъ не отказаться отъ *добраго дѣла*, приготовить домъ, устроить декорации, костюмы и проч. Третья забота—набрать побольше зрителей, развезти и разослать билеты, навязать ихъ такимъ-то и такимъ-то людямъ богатымъ, но неохотникамъ до домашнихъ спектаклей. Четвертая забота о томъ, чтобы спектакль удался, чтобы не вышло скандала, чтобы зрители остались довольны и въ городѣ пронеслась добрая молва. Видите, какъ здѣсь доброе намѣреніе уклоняется отъ прямаго пути, въ какую бездну суеты и не христіанскихъ хлопотъ оно погружается при первыхъ покушеніяхъ къ исполненію его. Напередъ можно угадать, сколько тутъ потратится силъ и времени на труды, не имѣющіе въ существѣ своемъ ничего добраго, сколько тутъ будетъ неизбѣжныхъ и

досадныхъ затрудненій, и сколько нужно будетъ употребить усилій, которыя могли бы быть употреблены гораздо лучше. Что же послѣ этихъ хлопотъ пріобрѣтетъ для себя добраго душа бѣдной хлопотуньи?—Ничего, кромѣ крайняго и бесполезнаго утомленія, кромѣ разсѣянія, послѣ котораго не легко будетъ принятыся за истинно доброе дѣло. А между тѣмъ, прямыя обязанности на два, на три мѣсяца будутъ забыты, дѣла неотложныя по дому и семейству будутъ лежать и ждать, когда хозяйка и мать возвратится къ нимъ отъ своей благотворительной дѣятельности. Изъ всего этого и видно, что намѣреніе было добрымъ только въ мечтѣ, въ отвлеченіи, въ призракѣ, ужъ много сказать, въ движеніи сердца, а во всемъ своемъ обнаруженіи и развитіи оно *недоброе*. По суду христіанскому, да кажется, и по суду здраваго смысла, больше было бы прямаго добра въ намѣреніи связать своими руками пару чулокъ, отдать ихъ горничной дѣвушкѣ, чтобы та продала ихъ за двугривенный и на этотъ двугривенный купить бѣдному больному бѣлаго хлѣба, или лѣкарства. Отъ чего же наши современные благотворители легче поддаются добрымъ намѣреніямъ благотворить путемъ увеселеній, хотя бы и хлопотливыхъ, нежели простыми, смиренными, христіанскими трудами? Отъ того, что въ новомъ способѣ благотворительности больше, какъ говорится, *жизни*, иначе сказать, больше пищи для суетности и страсти къ

удовольствіямъ и пустымъ занятіямъ; отъ того, что трудъ христіанской любви имъ не по вкусу; отъ того, что они не приготовили себя въ достойныя орудія христіанскаго милосердія. Духъ времени опуталъ ихъ и ловко держитъ въ своихъ сѣтяхъ, успокоивая и убаюкивая ихъ дремлющую совѣсть пріятною пѣснею: «играйте, вселитесь; это хорошо; вы на прямомъ пути; вы дѣлаете добрыя, прекрасныя дѣла!» Вотъ гдѣ, по выраженію Апостола, *сатана принимаетъ видъ свѣтлаго ангела* (1 Кор. 11, 14.).

Самый благовидный и самый обманчивый призракъ добродѣтели въ благотворительныхъ увеселеніяхъ составляетъ, такъ называемая, *чистая выручка*. Ею утѣшаются наши защитники благотворительныхъ увеселеній изъ православныхъ христіанъ; на нее съ торжествомъ указываютъ наши политико-экономисты, въ сужденіяхъ которыхъ не осталось уже ничего не только православнаго, но и вообще христіанскаго; около нея вьется цѣлый рой софизмовъ. Объ ней много придется говорить; поэтому отложимъ сужденіе ея до другаго времени.

Апрѣля 13
1864 года.

Протоіерей Алексій Ключаревъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

О Т В Ѣ Т Ы

НА НѢКОТОРЫЕ

НЕДОУМѢНІЯ И ВОПРОСЫ.

(продолженіе) а).

3.) Есть ли возможность узнать истинное значеніе словъ Иисуса Христа, произнесенныхъ съ креста: „Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ?“ Ежели Божество хотя на мигъ оставляло Иисуса, то, значить, было время, когда Онъ былъ не Богочеловѣкъ, а просто человекъ (что богохульно); если же не оставляло, то напрасны тѣ слова, произнесенныя Иисусомъ, сущей Истиной (что нелѣпо. Середины, однако, не видно). Лица, писавшія объ этомъ предметѣ, едва касались предмета; слѣдовательно Онъ неясенъ и не точно извѣстенъ. Преосвящ. Иннокентій, въ своемъ сочиненіи: „Послѣдніе дни земной жизни Иисуса Христа,—не рѣшился сказать объ этомъ ничего болѣе, какъ только: „Богочеловѣкъ испилъ полную чашу страданій и былъ оставленъ Отцемъ, чтобы намъ не быть оставленными Богомъ“. Св. Левъ, папа Римскій, говоритъ, что Иисусъ Христосъ не могъ быть оставленъ Тѣмъ, отъ Кого не отдѣлимъ, и что Онъ спрашивалъ за насъ немощныхъ, а не за Себя. Подобно думаетъ и св. Ниль, подвижникъ

а) См. Душ. Чт. Декабрь 1863 г.

Синайскій. Но въ евангеліи нѣтъ этого, чтобъ Спаситель обратилъ тѣ слова къ Богу Отцу не отъ Себя и не за Себя, а отъ насъ и за насъ чловѣковъ; нѣтъ того и въ преданіяхъ апостольскихъ и въ ученіи вселенской церкви: слѣдовательно мысль эта произвольна, составляетъ частное мнѣніе только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, и потому не есть непременно истинна; между тѣмъ слова: „вскую *Мя* еси оставилъ?“ стоятъ въ Евангеліи.

Отвѣтъ. Для объясненія словъ: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ?* (Матѳ. 27, 46.), надобно обратить вниманіе на то, что Иисусъ Христосъ, будучи Богомъ, былъ въ то же время и чловѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Какъ чловѣкъ, Онъ имѣлъ нужду, для совершенія высокихъ подвиговъ, въ сверхъестественной помощи Божіей. Поэтому, хотя Онъ Самъ былъ Лице Божеское, но вступленію Его въ общественное служеніе предшествовало обильное изліаніе на Него Св. Духа отъ Бога Отца при крещеніи. И какъ личное соединеніе въ Иисусъ Христъ естества Божескаго съ чловѣческимъ нисколько не увеличилось вслѣдствіе ниспосланія на Него Св. Духа при крещеніи: такъ оно не могло и уменьшиться, или прекратиться въ томъ случаѣ, если сверхъестественная помощь Божія чловѣческому естеству Иисуса Христа была уменьшена, или совершенно прекращена. Такое уменьшеніе, или, можетъ быть, совершенное прекращеніе сверхъестественной помощи Божіей потерпѣлъ Искупитель нашъ въ послѣднія минуты Своихъ страданій, что и высказано Имъ въ словахъ: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ?* Такимъ образомъ, истинное значеніе сихъ словъ нисколько не благоприятствуетъ

мнѣнію, будто личное соединеніе въ Иисусъ Христъ естества Божескаго съ человѣческимъ когда либо прекращалось.

4.) Какъ должно думать о силѣ и дѣйствиіи словъ Христовыхъ на крестѣ: „Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творять“? — Слова Христовы не мимо идутъ: стало быть жидамъ — распинателямъ будетъ прощено Богоубійство. Св. Златоустъ думаетъ, что будетъ прощено, съ условіемъ, если покаются: ибо и Павелъ гналъ Церковь Христову, но обратясь, сдѣлался Апостоломъ. — Но рѣчь не о томъ, спасется ли раскаявшійся грѣшникъ? Извѣстно, что нѣтъ грѣха не простимаго, если только человѣкъ искренно и съ вѣрою въ Спасителя раскается. Вопросъ о томъ, безусловно ли отпустится жидамъ Богоубійство ихъ по той единственно причинѣ, что Самъ Спаситель молилъ о нихъ Бога—Отца: „отпусти имъ?“ Молитва, или все равно воля Его никогда не была и не можетъ быть не исполненной, а Онъ не предлагалъ въ ней никакихъ условій.

Отвѣтъ. Хотя въ молитвѣ Иисуса Христа объ отпущеніи и не высказано прямо условіе раскаянія, но это не значитъ, что онъ молился объ отпущеніи безусловномъ; потому что условіе раскаянія разумѣется само собой; кто не раскаивается въ своемъ грѣхѣ, тотъ не хочетъ прощенія; притомъ слова: *невѣдятъ бо что творятъ* указываютъ на возможность раскаянія; потому что кто творитъ грѣхъ по невѣденію, отъ того естественно ожидать, что, познавши свой грѣхъ, онъ раскается въ немъ. И нельзя думать, будто излишня была молитва Иисуса Христа объ отпущеніи грѣха подъ условіемъ раскаянія; потому что раскаяніе само по себѣ недостаточно для отпущенія грѣха; грѣхи отпускаются каю-

щимся по силѣ крестныхъ заслугъ Иисуса Христа; потому-то и молился объ отпущеніи вины распинателей *ходатай Бога и чловьковъ* Иисусъ Христосъ. Далѣе, г. Верцелмюсъ въ доказательство того предположенія, что Богоубійство будетъ безусловно прощено іудеямъ, напрасно ссылается на то, что слова Христовы не мимоидуть. Конечно, слова Христова буквально должны исполниться въ томъ случаѣ, когда въ нихъ что нибудь утверждается или отрицается; но разсматриваемыя слова Иисуса Христа не содержатъ въ себѣ утвержденія, или отрицанія, но выражаютъ желаніе. Иисусъ Христосъ желалъ, чтобы всѣ его враги раскаялись и получили прощеніе; но, въ случаѣ нераскаянности нѣкоторыхъ изъ нихъ, это желаніе могло и не исполниться. Господь всѣмъ желаетъ спастися и въ разумъ истины пріити; однакожъ не всѣ спасаются. Господь, обращаясь къ Іерусалиму, говорилъ: *коль краты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже кокошъ собираетъ птенцы своя подъ крыль, и не восхотѣсте*. Эти слова ясно показываютъ, что Господь самъ признавалъ возможность неисполненія своихъ желаній.

5.) Часто случается читать и слышать, что истина одна. Какъ одна истина? Истинъ много. Главная или истинная истина конечно одна — Богъ. „Азъ есмь истина“ — сказалъ Богъ воплотившійся. Частныхъ же истинъ безчисленное множество — богословскихъ, историческихъ, математическихъ, нравственныхъ и проч. Наприм.: Все сущее сотворено Богомъ—это истина; Моисей жилъ до Христа—другая истина; дважды два четыре—это тоже истина; порокъ противоположенъ добродѣтели — опять истина; я теперь живъ—и это истина, и каждая изъ нихъ говоритъ сама за себя. Сказать, что нѣтъ двухъ

истинъ—тоже, что сказать: нѣтъ двухъ причинъ. Пусть утверждающіе, что истина одна, назовутъ эту единственную истину, пусть сдѣлаютъ ей дефиницію—и они конечно назовутъ не единственную, а главную, основную истину. Само слово Божіе, говорящее о Св. Духѣ, что Онъ „наставитъ на всяку истину“ (Іоан. 16, 13.)—словомъ: „всяку“ утверждаетъ, что истинъ много.

Однако есть же конечно какое нибудь основаніе писать и говорить, что истина одна. Вѣроятно, это значить, что сущность истины одна, т. е. что во всякой истинѣ содержится только правда и вовсе нѣтъ лжи, иначе она уже не истина; или, можетъ быть, такъ принято отзываться объ идеѣ истины въ выспреннемъ, метафизическомъ смыслѣ; но тогда это понятіе неудобопонятно. Желательно бы объясненіе проще и вразумительнѣе.

Отвѣтъ. Хотя вопросъ этотъ, какъ чисто философскій, и не относится къ числу тѣхъ, которыми занимается нашъ журналъ; но такъ какъ авторъ коснулся нѣскольکو богословія, указавши на то, что верховная истина есть Богъ: то, чтобы понятіе о Богѣ не подвергалось недоразумѣнію, мы предлагаемъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ.

Выраженіе: истина одна, надобно понимать не въ томъ смыслѣ, будто невозможно бытіе *многихъ* истинныхъ положеній, а въ томъ, что объ одномъ и томъ же предметѣ, рассматриваемомъ въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ же отношеніи можетъ быть высказано только что нибудь одно. Напр., если извѣстный человѣкъ въ извѣстное время его жизни рассматривается по отношенію къ его возрасту, то ему можетъ быть приписанъ только одинъ какой нибудь возрастъ. Нельзя сказать,

что ему и 10, и въ тоже время 20 и 30 лѣтъ. Еслибы можно было сказать это, то истина была бы не одна, а нѣсколько. Что касается до выраженія, что Богъ есть истина,—это наименованіе усвоится Богу во-первыхъ въ томъ смыслѣ, что Онъ есть всевѣдущій, такъ что Богъ, и одинъ только Богъ, знаетъ истину вполнѣ; во-вторыхъ, въ томъ смыслѣ, что Богъ вполнѣ истиненъ или правдивъ, такъ что Онъ хочетъ, чтобы всѣ уразумѣли истину. Изъ этихъ двухъ свойствъ происходитъ то, что Богъ по отношенію къ разумнымъ тварямъ есть источникъ истины: то есть, онѣ съ полнымъ довѣріемъ могутъ обращаться къ Нему для познанія истины, потому что Онъ вполнѣ знаетъ ее и хочетъ, чтобы знали ее другіе. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи Онъ можетъ быть названъ истиною.

6.) Какую природу человѣческую воспринялъ Бого-человѣкъ? Адамову до паденія, или падшую? Если послѣднюю, то она была со грѣхомъ, а мы вѣруемъ, что, хотя Онъ сталъ полнымъ человѣкомъ, но кромѣ грѣха; если же невинную, то въ ней нечего было уврачевывать, и тогда не видно нужды вочеловѣченія. Какъ это объясняется?

Отвѣтъ. Въ этомъ возраженіи есть нѣкоторая спутанность понятій. По мнѣнію автора, падшая природа—тоже, что грѣховная, и невинная природа человѣческая—тоже, что Адамова до паденія. Но это неправильно. Мы вѣруемъ, что Сынъ Божій въ воплощеніи принялъ природу невинную, но это не значить, что Онъ принялъ природу Адамову до паденія. Невинною могла сдѣлаться и падшая природа, будучи очищена отъ всякой грѣховности посредствомъ сверхъестественнаго дѣйствія Духа Святаго въ безсѣменномъ зачатіи и непорочномъ

рожденіи Иисуса Христа.—Противъ вѣрованія, что Иисусъ Христосъ принялъ невинную природу, г. Верцелліусъ возражаетъ, что въ ней нечего было уврачевывать. Но Иисусъ Христосъ не для того и пришелъ въ міръ, чтобы уврачевывать *Свою* природу, но чтобы подать исцѣленіе другимъ людямъ; а для этого Ему и надлежало принять природу невинную; въ противномъ случаѣ, врачъ самъ имѣлъ бы нужду въ другомъ врачѣ для своего исцѣленія. — Можетъ быть, г. Верцелліусу представляется мысль, что, если Иисусъ Христосъ принялъ природу невинную, то о Немъ нельзя сказать, что Онъ принялъ одну и ту же природу съ тѣми, кого Онъ пришелъ искупить; а если Онъ принялъ иную природу въ сравненіи съ нашею, то не видно причины, почему Ему надлежало принимать и вообще — *человѣческую* природу.—Но, если и можно назвать *человѣческую* природу Иисуса Христа иною въ сравненіи съ природою другихъ людей, то развѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ и о каждомъ изъ людей можно сказать, что онъ имѣетъ иную природу въ сравненіи съ другими людьми, потому что отличается какими либо особенностями отъ всякаго другаго человѣка, что однакожъ не препятствуетъ всѣмъ людямъ имѣть одну общую *человѣческую* природу. Конечно, *человѣческая* природа Иисуса Христа безгрѣшна: но и другіе люди различаются между собою степенями нравственного совершенства; и какъ мы относимъ къ одной природѣ и *человѣка* съ высокими нравственными качествами, и *человѣка* весьма развращеннаго, такъ должны отнести къ той же природѣ и *человѣка* совершенно безгрѣшнаго.

ВАСИЛІЙ ПЕТРОВЪ

УЧИТЕЛЬ ИЗЪ СЕКТЫ СТРАННИКОВЪ а).

Вскорѣ по удаленіи Аѳанасія, къ странникамъ Сапелковскимъ явился другой учитель, по имени Василій Петровъ. Новый учитель сталъ вводить новости въ ученіе секты. Онъ написалъ цѣлую книгу „о печати сквернаго имени Антихриста“, въ которой доказывалъ что на всѣхъ лежитъ печать антихриста и потому спастись невозможно; въ мірѣ христіанину и жить нельзя, потому что все подѣ страшною печатью антихриста; ничего купить нельзя, потому что все его печатью знаменовано; нельзя воду пить; невозможно св. крещеніе принять, потому что по морямъ и рѣкамъ бѣгають сатанинскіе пароходы съ гербами и всю воду запечатлѣли скверною печатью антихриста. Если кто и познаетъ въ мірѣ истинную вѣру (странническую), того въ мірѣ, по правиламъ св. отецъ, крестить нельзя, его можно только огласить и отослать въ пустыню, гдѣ и окрестить св. водою.

Василій Петровъ училъ также, что нынѣшнее начальство не есть власть отъ Бога установленная,—а власть антихристова; ей не только повиноваться, но и попадать на встрѣчу не подобаетъ, потому что представители этой власти явно носятъ на себѣ печать антихриста, они во плоти діаволы; должно всячески избѣгать повиновенія имъ, податей не платить, въ рекруты не

а) Изъ разсказовъ Елпидифора Хованскаго. См. начало въ декабрьской книжкѣ Душ. Чт. за 1863 годъ, въ отдѣлѣ „Извѣстій“ стр. 112.

поступать, а если кого и отдадутъ въ службу, то ему немедленно должно бѣжать въ пустыню. Онъ укорялъ и называлъ богоотступными всѣ несогласныя съ нимъ секты раскольниковъ, какъ то: Θεодосіевцевъ, Филипповцевъ, Самокрещенцевъ, Спасовцевъ и Поморянъ; съ особенною силою возставалъ онъ на послѣднихъ за то, что ктитори ихъ въ Поморскихъ отвѣтахъ восхвалили и признали благовѣрнымъ Императора Петра 1-го. Церковь же православную называлъ еллинскою (т. е. языческою). Между своими послѣдователями онъ постоянно старался поддерживать мысль о близости втораго пришествія Спасителя и о страшномъ судѣ. Особенно старался онъ внушать эту мысль людямъ богатымъ, чтобы страхомъ скорой кончины міра заставить ихъ отдать ему все свое имѣніе и самимъ водвориться въ пустыню.

Для приходящихъ къ нему креститься, Василій Петровъ выкопалъ своими руками въ лѣсу яму въ ростъ человѣка, берега обложилъ камнемъ и провелъ въ нее желоба, сажень за 20, для скопленія дождевой воды. Вода эта считалась уже чистою, потому что падала съ неба и печати антихриста на ней не было; жолоба сдѣланы были изъ липоваго дерева и топоръ до нихъ не касался, потому что топоръ дѣлается изъ желѣза, а на желѣзѣ всегда кладется печать антихриста. Когда въ этой купѣли накоплялось достаточно воды, Василій крестилъ въ ней всѣхъ приходящихъ къ нему за крещеніемъ. Онъ разослалъ нѣсколько посланій къ послѣдователямъ своей секты по городамъ и селамъ, въ которыхъ, извѣщая ихъ объ устройствѣ св. купѣли, призывалъ всѣхъ къ крещенію и при этомъ увѣрялъ ихъ, что крестившіеся получали исцѣленіе отъ болѣзней и

скорбей и не разъ видали, какъ на нихъ во время крещенія сходилъ Духъ святой. Последняя выдумка болѣе всего прельщала легковѣрныхъ: въ скоромъ времени стали прїѣзжать въ пустынь купцы Казанскіе, Нижегородскіе, Ярославскіе, Пермскіе и привозили съ собою богатые подарки учителямъ. Василій тотчасъ ихъ оглашалъ и чрезъ 8 дней крестилъ въ устроенной имъ купели, увѣряя при этомъ всѣхъ, что во время крещенія видѣлъ сходящаго на главы ихъ Святаго Духа. Купцы вѣрили ему въ простотѣ сердца и день своего крещенія въ пустыни считали самымъ торжественнымъ днемъ своей жизни.

Не довольствуясь разосланными посланіями, Василій, для большаго распространенія своей вѣры, послалъ своихъ учениковъ съ устною проповѣдью по городамъ и селамъ, облекши ихъ при этомъ громкимъ именемъ апостоловъ. Самъ же мѣстомъ проповѣди избралъ Казань. Прибывъ въ этотъ городъ, Василій нанялъ квартиру у одного мѣщанина, тоже, какъ видно, не послѣдняго прохожи. Хозяинъ принадлежалъ къ поповщинской сектѣ и съ него началъ Василій свою проповѣдь. Въ три дня онъ успѣлъ его совершенно совратить въ свою секту и отъ него началъ развѣдывать о тѣхъ людяхъ, къ которымъ бы можно было обратиться съ своимъ ученіемъ. Мѣщанинъ указалъ на купца В. В. К—ва, хотя и принадлежавшаго къ православной церкви, но очень расположеннаго къ расколу и искавшаго истины между сектами. Василій явился къ нему, былъ принятъ имъ съ почтеніемъ и въ скоромъ времени успѣлъ убѣдить его со всѣмъ семействомъ въ истинѣ проповѣдуемаго имъ ученія. Обративъ К—ва, онъ переѣхалъ къ нему въ домъ и здѣсь продолжалъ свою проповѣдь съ та-

кимъ успѣхомъ, что въ три мѣсяца пріобрѣлъ себѣ до 150 послѣдователей. Въ скоромъ времени онъ купилъ, при посредствѣ тогоже купца К—ва, неподалеку отъ города рощу, устроилъ въ ней тайное подземелье, куда и перевелъ всѣхъ имъ обращенныхъ, помѣстивъ въ разныхъ отдѣленіяхъ мужчинъ и женщинъ.—Пещера эта была устроена безъ оконъ, и освѣщалась свѣчами и масломъ.

Жили у странниковъ, въ этой рощѣ, двѣ дѣвицы и сдѣлались беременны. Учитель распорядился перевести ихъ въ Казань и, до исхода ихъ беременности, помѣстилъ въ одномъ надежномъ мѣстѣ. Но дѣвицы, наскучивъ заключеніемъ, оттуда бѣжали и возвратились къ матерямъ своимъ, которыя послѣ долгихъ поисковъ потеряли было уже всякую надежду ихъ видѣть и оплакивали какъ умершихъ. Матери принадлежали къ поморской сектѣ и о возвращеніи своихъ дочерей тотчасъ объявили попечителю своего согласія купцу П. Д. С—ву, который немедленно доложилъ объ этомъ настоятелю Поморской секты въ Казани купцу Л. Ѳ. Ѳ—ну. Поморцы призвали къ себѣ этихъ дѣвицъ и заклинали ихъ рассказать по истинѣ все, что видѣли онѣ и слышали во время пребыванія своего у странниковъ. Дѣвицы поклялись передъ иконою ничего не утаивать и рассказали подробно все, какъ было.—Склонили ихъ въ странническую секту дѣвицы—сестры купца К—ва, сказали имъ, что это есть истинная вѣра, принесенная на землю Самимъ Господомъ, и хотя патріархъ Никонъ уничтожилъ св. вѣру и обитель соловецкую разорилъ, но нѣкоторые изъ св. отцевъ обители бѣжали въ лѣса, гдѣ и сохранили неповрежденно св. вѣру. Отъ нихъ-то въ цѣлости приняли ее и учителя Казанскіе, Василій

Петровъ и Семень Александровъ; когда посвящали ихъ въ санъ апостольскій, св. Іоаннь Златоустъ видимо сошелъ съ неба и возложилъ на нихъ свою руку; потомъ видѣли и сходящую на нихъ благодать Св. Духа; они часто бесѣдуютъ съ самимъ Богомъ, знаютъ всѣ даже и самые сокровенные помыслы человѣка и могутъ всѣхъ рѣшить и вязать. Когда въ первый разъ привели дѣвицъ въ собраніе странниковъ, бывшее въ саду у купца К—ва, онѣ увидѣли двухъ учителей, сидящихъ на галереи, вокругъ нихъ стоялъ народъ, слушалъ ихъ поученія, умилялся ими и плакалъ. Учители проповѣдывали, что въ мірѣ спастись невозможно, потому что если въ маломъ чемъ поклонись антихристу, то на вѣкъ погибнешь; порицали согласіе поморское и говорили, что въ книгѣ св. Кирилла іерусалимскаго есть сказаніе о скоромъ судѣ Божіемъ, и по знаменіямъ видно, что до пришествія Спасителя не болѣе 7 лѣтъ; они же Духомъ Святымъ провидятъ, что до втораго пришествія остается только 5 лѣтъ.... Сказавъ это, учителя сильно вздохнули и начали плакать, плакали и всѣ слушатели. Краснорѣчіе учителей и страшныя рѣчи ихъ тронули дѣвицъ, въ нихъ возгорѣлось пламенное желаніе спасти свою душу, и онѣ пали къ ногамъ учителей, прося принять ихъ въ свою секту. — Учители не отвергли ихъ и назначили день, въ который имъ должно было совсѣмъ перейти къ нимъ. Въ назначенный день онѣ, собравъ, сколько было возможно, своего имущества, продали его, съ деньгами явились къ странникамъ; ихъ приняли, деньги взяли учителя. На другой день ихъ огласили и 40 дней приготовляли къ крещенію, по истеченіи которыхъ надѣли на нихъ черную одежду, и вечеромъ вмѣстѣ съ воспріемниками повели въ слободу малоар-

хангельскую, въ $\frac{1}{4}$ версты отъ Казани. Ровно въ полночь пришли къ Кабану озеру, въ которомъ у нихъ устроено нѣчто въ родѣ купальни; здѣсь учитель прочиталъ трижды символъ вѣры и еще какія-то молитвы, и велѣлъ имъ трижды погрузиться въ водѣ; по выходѣ изъ воды, онъ объявилъ имъ, что видѣлъ, какъ сошла на нихъ съ неба бѣлая одежда. Дѣвицы этому повѣрили и очень возрадовались; послѣ того ихъ помѣстили въ пещерѣ, что въ рощѣ; тамъ онѣ увидѣли до 70 мужчинъ и столько же женщинъ, собравшихся изъ губерній Пензенской, Симбирской, Вятской и Казанской. Въ пещерѣ имъ всѣмъ давали готовую пищу и два раза въ день собирали на молитву, которая состояла только въ чтеніи псалтыря. Каждый вечеръ учитель приходилъ на женскую половину и проводилъ тамъ цѣлую ночь. Когда онѣ почувствовали беременность, учителя приказали имъ вытравить зародышъ, но онѣ, боясь Бога, на это не рѣшились, и хотя ядъ взяли, но бросили его, а учителямъ сказали, что онъ на нихъ не подѣйствовалъ; поэтому ихъ и перевели въ Казань, такъ какъ беременныхъ учителя не любятъ. Отсюда онѣ, убѣдившись, что въ ученіи странниковъ одна только ложь, рѣшились бѣжать и возвратиться въ свое поморское согласіе.

Учители Василій Петровъ и Семень Александровъ, при содѣйствіи купца К—ва, собрали въ Казани значительныя суммы денегъ и вздумали послать одного изъ своихъ агентовъ въ Сибирь для того, чтобы онъ прискалъ тамъ мѣсъ, въ которомъ удобно было бы поселиться имъ со всѣми братіями и сестрами. Повѣренный ихъ, иолучивъ довольно денегъ, отправился на пароходѣ въ Пермь; тамъ пропьянствовалъ цѣлый мѣсяцъ, потомъ по Волгѣ отправился въ Симбирскъ, пропьянствовалъ и

здѣсь два мѣсяца, наконецъ явился въ Казань и объявилъ, что онъ изъѣздилъ всю Сибирь, удобныхъ мѣстъ для пустынной жизни не нашель, а деньги всѣ издержалъ въ дорогѣ. Такимъ образомъ намѣреніе странниковъ перебраться изъ Казани въ Сибирь было оставлено безъ исполненія. Вскорѣ послѣ того захотѣлось погулять и самому учителю Василию Петрову; сказавъ братіи, что онъ идетъ на бесѣду въ слободу, онъ отправился въ гостинницу „*Россія*“, и пироваль тамъ цѣлыхъ два дня. Деньги, которыя были съ нимъ, онъ всѣ издержалъ; за нимъ еще оставалось не мало денегъ, взять было негдѣ, знакомыхъ тамъ не было, къ своимъ послать было невозможно. Между тѣмъ явилась полиція, его взяли въ частный домъ; здѣсь онъ показалъ себя не помнящимъ родства и вскорѣ былъ сосланъ въ Сибирь.—Такимъ образомъ лишились странники своего учителя. Они всячески старались скрыть подробности о томъ, какъ и гдѣ его схватила полиція, и распустили даже между своими слухъ, что это поморцы, по злобѣ, выдали его правительству. Мѣсто же учителя у странниковъ заступилъ сотрудникъ Василія, Семенъ Александровъ. Онъ гораздо находчивѣе и хитрѣе своего предшестгенника; когда вздумается ему погулять, онъ отправляется по Волгѣ въ Нижній, или Симбирскъ, и нагулявшись вдоволь, возвращается къ своимъ, какъ будто бы ѣздилъ для проповѣди въ какое нибудь дальнее село.

ИЗЪ БЫТА КРЕСТЬЯНЪ.

Въ быту простаго нашего народа промысль Божій перѣдко выражаетъ Свою правду и святость, Свою милость и благодать, въ живыхъ примѣрахъ и случаяхъ обыкновенной жизни. И наши простолюдины, эти дѣти природы, простымъ сердцемъ своимъ понимаютъ уроки Всевышняго, въ жизни имъ посылаемые, смягчаются душою своею, благоговѣютъ предъ Господомъ, дѣйствующимъ во очію ихъ, молятся, плачутъ, каются. Никакая проповѣдь, составленная по правиламъ нашего церковнаго краснорѣчія, не можетъ на нихъ такъ подѣйствовать, какъ эти случаи, или уроки.

Я расскажу нѣсколько случасвъ такихъ, гдѣ я самъ былъ или очевиднымъ свидѣтелемъ, или зналъ всѣ лица, которыхъ они касались.

I.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія жило въ селѣ Юрьевскомъ-Поволгскомъ, тверскаго уѣзда, одно крестьянское семейство. Оно состояло изъ вдовы, преклонныхъ лѣтъ старушки, Анны Галактіоновой, изъ сына ея Егора, жены его и дочери. Когда еще была молода эта старушка и живъ былъ ея мужъ, Василій Исаевъ, они не имѣя, на первыхъ порахъ своей супружеской жизни, своихъ дѣтей, взяли въ пріемыши себѣ сиротинку Луку, воспитали и возростили его, и женили на простой и доброй, безотвѣтной женщинѣ, Марьѣ Леоновой. Лука вскорѣ померъ, оставивши послѣ себя троихъ сиротъ: двухъ дѣвочекъ и мальчика. Между тѣмъ Анна Галактіонова, спустя нѣсколько лѣтъ супруже-

ской, бездѣтной жизни, и сама родила сына Егора,— но за то вскорѣ послѣ родовъ схоронила своего мужа.

Двѣ вдовы жили сначала мирно. Марья Леонова была женщина рабочая, трудолюбивая, безмолвная и покорная; дѣти ея были безотвѣтны предъ Анной. Но у Анны вскорѣ стала проявляться особенная, предпочтительная, неразумная любовь къ своему Егорушкѣ. Приемышей бывало Анна посылаетъ и уголья жечь, и косить, и молотить, и всякую работу работать; а Егорушка гдѣ нибудь около дома съ матерью. Приемышъ поди и дровъ наруби и воды принеси, и коровамъ дай корму; дѣвочки и туда и сюда сходи, и то сдѣлай, и другое сдѣлай; а Егорушка знать ничего не хочетъ. Егорушкѣ и лепешечку мать нарочно испечь, и молочка налить, и каши дать; а приемышамъ щи, да хлѣбъ. Приемыши и молитвъ хорошенько не знали: гдѣ и когда имъ учиться? Чуть встали, сейчасъ на ту, на другую, на третью работу; а Егорушку грамотѣ выучили, Егоруша читалъ часовникъ и псалтирь; Егорушка въ церкви на клиросѣ пѣлъ. Егорушка чистехонекъ, бѣлехонекъ, всегда причесанъ, всегда вымытъ, всегда прибранъ: а приемыши— какъ случится. Марья Леонова терпѣла, плакала, молилась Богу, и работала съ своими дѣтьми безъ устали.— „Ну чтожъ дѣлать: вѣдь она же насъ приголубила,“ говорила она про первые годы своей жизни въ домѣ Анны.

Наконецъ терпѣнье Марьи истощилось. Видя ежедневныя притѣсненія своимъ дѣтямъ отъ Анны, слыша ея брань и ворчанье, она рѣшилась отойти отъ грѣха съ своими дѣтьми въ особую избушку, и жить,—пока міръ не надѣлитъ ея дѣтей землю, хотя Христовымъ именемъ, да своимъ честнымъ трудомъ.

Анна осталась одна съ Егорушкою. Егорушка сталъ подростать. Понимая, что мать его чрезмѣрно любить и балуетъ, онъ началъ своевольничать и каприничать. „Того хочу; этого подай.“ Мать исполняетъ капризы сына. Работалъ Егоръ лѣниво и худо; за то мать старалась работать за троихъ. Егору было это и на руку. Хуже и хуже онъ дѣлался нравственно. Добрые люди, особенно сельскій священникъ, говорили Аннѣ, чтобъ она перестала баловать сына, чтобъ она вразумляла и останавливала его, что вѣдь это и ему будетъ во вредъ, и ей на горе. — Куда!... Мать и слышать ничего не хотѣла. — „Да онъ у меня такой смиренный, такой добрый.“ говорила она, такой послушный.... кажется, и на свѣтѣ-то нѣтъ никого лучше его.“ Добрые люди качали головой, и отходили отъ нея. Священникъ и самого Егора вразумлялъ и наставлялъ; но какъ можно вразумить человѣка, избалованнаго и испорченнаго съ младенчества?

Настало время женить Егора. Мать выбрала ему въ жену — женщину не глупую и добрую; и надѣялась, что сыночекъ женится, — переменится. Но Егора трудно ужъ было переменить. Если дерево уросло и окрѣпло, его скорѣе можно сломить, а не выпрямить: такъ и тутъ. Мать и сама наконецъ увидѣла непорядки его, да было ужъ поздно. — „Что ты батюшка? Христокъ съ тобой; ты то не хорошо дѣлаешь, другое — не хорошо. Хоть бы людей постыдился; вѣдь ты ужъ женатый,“ — бывало начнетъ она говорить Егору. Егоръ и слышать ничего не хотѣлъ: дѣлалъ все по своему. — Мать опять начнетъ говорить; „посмотри дитяtko; вотъ въ добрыхъ людяхъ-то такъ и такъ идетъ дѣло; а у тебя что?“ — Егоръ не только не слушаетъ матери, но ужъ начинаетъ и

перебраниваться съ нею. — „Поди прочь, надоѣла,“ скажетъ онъ. — Мать заплачетъ, и отойдетъ. — „Ну, расплакалась старая,“ скажетъ Егоръ, и хлопнетъ дверью.

Горько было матери, но она терпѣла. Егоръ сталъ браниваться съ нею чаще и чаще. Мать начала плакать, стала людямъ говорить о своемъ горѣ; стала священника просить пособить ея бѣдѣ. — „Вѣдь и не много пьеть,“ говорила она; а такъ, Богъ его знаетъ ужъ очень своенравенъ“. — Егора все это только больше раздражало.

Однажды — это было въ заговѣнье предъ великимъ постомъ, Егоръ безъ причины сильно бранилъ мать.

— Полно, Егоръ, образумься, говорила жена, оставившая его. Что ты дѣлаешь? Вѣдь она мать тебѣ.

— Прочь... не твое дѣло; и тебя убью! — Егоръ ходилъ, какъ левъ. Жена отстала. Егоръ не зналъ, какъ назвать мать свою; не зналъ, какъ сильнѣе и больнѣе уязвить ее; — даже ударилъ ее.

Мать въ слезахъ ушла на печку, и тамъ цѣлый день пролежала и проплакала.

Настало время ужинать и заговляться. Въ этотъ вечеръ, по обычаю христіанскому крестьяне ходятъ прощаться въ селѣ къ роднымъ своимъ, къ священнику къ знакомымъ. Егоръ и самъ никуда не ходилъ, и къ нему никто не показался: всѣ боялись взойти къ нимъ въ домъ, потому что слышали шумъ и крикъ. Когда стали садиться за ужинъ, жена говоритъ Егору: — Полно воевать-то, поди позови мать заговѣться, нехристь; да прости съ нею; нынѣ и съ чужими прощаются.

— Пускай съ голоду околѣваетъ тамъ, на печи, отвѣчалъ Егоръ во гнѣвѣ; сѣлъ за столъ.

Горько, горько стало матери; не вытерпѣло ея сердце.

— Богъ съ тобою, сынокъ любезный, молвила она ему сквозь слезы. По твоей милости я нынѣча куска въ ротъ небрала. Заговляйся одинъ. Дай Богъ, чтобъ тебѣ такъ пришлось и разговѣться, какъ я заговляюсь. Она взглянула на образъ и перекрестилась.

Наступилъ великій постъ. Матернее сердце забыло ссору, и простило сына, но у Егора тяжело было на душѣ. Думаль-было поговѣть онъ постомъ, но какъ-то раздумалъ. „Вотъ на страстной поговѣю, Богъ дастъ.“ Но настала и страстная недѣля; а Егоръ не собрался все поговѣть. Жена и мать приобщились св. Таинъ; а Егоръ все думалъ, да думалъ.

Наступила великая суббота. Егоръ и въ этотъ день не попалъ какъ-то въ церковь. Часу къ третьему дня жена истопила баню. По обычаю деревенскому Егоръ вмѣстѣ съ женою и дочерью,—которой было не болѣе шести лѣтъ, — отправились мыться. Когда они ужъ мылись, вдругъ жена слышитъ, что въ передбанникъ что-то затрещало; минута еще, трескъ сильнѣе и сильнѣе; она говоритъ мужу. Егоръ отворяетъ дверь изъ бани,—и видитъ, что передбанникъ весь въ огнѣ. Костра, солома, охлопки,—все горѣло; пламя быстро распространялось. Въ испугъ Егоръ нагой бросился вонъ изъ бани черезъ пылавшій передбанникъ. Это была единственная дорога вонъ изъ бани, потому что окно, по неразумному обычаю, дѣлается въ деревенскихъ баняхъ чрезвычайно маленькое. Одну минуту только бѣжалъ Егоръ передбанникомъ; но огонь обхватилъ его со всѣхъ сторонъ. Впрочемъ онъ выбѣжалъ изъ огня; и нагой же бросился съ крикомъ въ село сбить народъ, чтобы потушить пожаръ и спасти жену и дочь. Обгорѣвшая кожа

лоскутьями висѣла на немъ, и лопалась. Народъ дѣйствительно тотчасъ (*) увидѣлъ пожаръ, и бросился тушить его. Черезъ четверть часа огонь былъ залитъ; воды весной было много около бани, снѣгу тоже—довольно. Передбанникъ, построенный, или правильнѣе сказать, приставленный кое какъ къ банѣ, и состоявшій изъ нѣсколькихъ стойкомъ поставленныхъ заборинъ, живо былъ растасканъ. На банѣ крыша только занялась; ее скоро стащили. Отворили дверь въ баню; тамъ ни живы ни мертвы, сидѣла прижавшись къ углу жена Егорова съ малолѣтнею дочерью. Онѣ были чрезвычайно перепуганы, но ничѣмъ невредимы. Ихъ спасъ Господь отъ видимой смерти, и притомъ самой ужасной смерти. Когда Егоръ въ испугѣ бросился въ пламя, чтобы выбѣжать изъ бани, жена не помня какъ и почему, успѣла затворить за нимъ дверь, и осталась на волю Божию въ банѣ съ дочерью. Пламя не успѣло еще пробраться къ нимъ, какъ ужъ залитъ былъ пожаръ.

Между тѣмъ Егоръ, нагой, весь обожженный прибѣжалъ домой къ матери.—„Матушка, прости меня окаяннаго,—были первыя слова его. Господь наказалъ меня за тебя.“

Медицинскихъ пособій подать было не откуда, да и поздно. Антоновъ огонь быстро началъ обхватывать все обожженные мѣста тѣла Егорова. Позвали священника. Егоръ исповѣдался съ такимъ самоосужденіемъ и сокрушеніемъ, что подобнаго покаянія рѣдко можно встрѣчать. Егоръ мучился цѣлую ночь и весь слѣдующій свѣтлый день. Онъ все стоналъ и молилъ мать о прощеніи. Къ вечеру свѣтлаго дня онъ былъ покойникъ.

(*) Многіе были тоже въ своихъ баняхъ, которыя стояли рядомъ съ Егоровой.

Во все это время у Егора капли во рту небыло. И не разговѣлся онъ, какъ предсказала оскорбленная мать его.

Его смерть произвела страшное впечатлѣніе на весь приходъ. Бѣдная мать, какъ убитая стояла у гроба. Тѣло отпѣвали во вторникъ на Святой. Радостныя слова пѣснопѣній церковныхъ: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ,—какъ будто не касались ея слуха и сердца. Жена Егорова и дочь рыдали у гроба (*).

Вскорѣ послѣ похоронъ жена Егорова перебралась жить къ своимъ отцу и матери; а Аннѣ пришлось кланяться своимъ пріемышамъ, чтобъ они не покинули ея — сироты.

Отъ чего загорѣлся передбанникъ, неизвѣстно; вѣроятно заронено было раньше; или при входѣ въ баню не вынесена ли была головѣшка и неброшена ли гдѣ нибудь близъ передбанника, какъ это весьма часто бываетъ въ деревняхъ; вѣтеръ раздулъ эту головѣшку; а рядомъ солома, хворостъ, костра; это все равно, что порохъ; одна минута—и пожаръ.

Я былъ свидѣтелемъ этого страшнаго, потрясающаго душу, событія. Оно и до сихъ поръ живетъ въ памяти Юрьевскихъ крестьянъ, какъ грозное слово самого Господа.

Свящ. В. В—въ.

(*) Безъ всякой проповѣди гробъ этотъ былъ самымъ лучшимъ проповѣдникомъ для всѣхъ жителей села и цѣлаго прихода. Господь ясно говорилъ всѣмъ: смотрите, какое страшное наказаніе ожидаетъ и родителей за дурное воспитаніе дѣтей своихъ,—и дѣтей за непочтеніе къ родителямъ. Много и другихъ уроковъ можно извлечь изъ этого событія.

ЧТЕНИЕ ЕВАНГЕЛІЯ И МОЛИТВА ІІСУСОВА, КАКЪ СРЕДСТВА КЪ ПОБЪЖДЕНІЮ СТРАСТИ ПЬЯНСТВА,

Вотъ что разсказалъ мнѣ одинъ капитанъ, провожавшій преступниковъ въ Сибирь. Съ молодыхъ лѣтъ я служилъ въ арміи; зналъ службу и любимъ былъ начальствомъ, какъ исправный прапорщикъ. По несчастію, отъ частыхъ пирушекъ съ молодыми пріятелями я привыкъ пить, да такъ, что подъконецъ у меня образовался запой. Бывало, пока не пью, исправный офицеръ, а какъ закурю, то недѣль шесть и на службу не явлюсь. Долго терпѣли меня на службѣ, наконецъ, за грубости шефу, сдѣланныя въ пьяномъ видѣ, разжаловали меня въ солдаты на три года съ перемѣщеніемъ въ гарнизонъ; и если не исправлюсь, не перестану пить, то угрожали и строжайшимъ наказаніемъ. Въ этомъ несчастномъ состояніи сколько я ни старался воздержаться и сколько ни лечился отъ пьянства, никакъ не могъ освободиться отъ моей страсти; поэтому меня хотѣли уже перемѣстить въ арестанскія роты. Услышавъ это, я не зналъ, что съ собою дѣлать. Въ одно время я въ раздумь сидѣлъ въ казармахъ. Вдругъ вошелъ къ намъ какой-то монахъ съ книгою для сбора на церковь. Солдаты подавали, что могли. Монахъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: что ты такой печальный?—Я разсказалъ ему свое горе. Монахъ выслушалъ меня съ участіемъ и говоритъ: „точно тоже было съ моимъ роднымъ братомъ, и вотъ что ему помогло: духовный отецъ его далъ ему Евангеліе, и накрѣпко приказалъ, чтобъ онъ, когда захочетъ вина, то нимало не медля прочелъ бы главу

изъ Евангелія; если жажда вина не пройдетъ, то и еще читаль бы слѣдующую главу. Братъ мой сталъ такъ поступать,—и въ непродолжительномъ времени страсть къ пьянству въ немъ исчезла, и теперь, вотъ уже 15-ть лѣтъ, капли хмѣльнаго онъ не беретъ въ ротъ. Поступай-ка и ты такъ, — увидишь пользу! У меня есть Евангеліе, пожалуй, я принесу его тебѣ.“—Выслушавъ это, я отвѣчалъ ему: гдѣ тутъ помочь твоему Евангелію, когда никакія старанія мои, ни лекарственныя пособія не помогли мнѣ.—Я сказалъ это потому, что никогда нечитывалъ Евангелія. „Неговори этого, продолжалъ монахъ, увѣрю тебя, что будетъ польза...“ На другой день дѣйствительно монахъ принесъ мнѣ вотъ это Евангеніе. Я раскрылъ его, посмотрѣлъ, почиталъ, да и говорю: не возму я его; тутъ ничего не поймешь, да и печать церковную я читать не привыкъ. Монахъ продолжалъ убѣждать меня, что въ самыхъ словахъ Евангелія есть благодѣтельная сила; ибо писапо въ немъ то, что самъ Богъ говорилъ. Нужды нѣтъ, что не все понимаешь, только читай прилжно. Одинъ святой сказалъ: если ты не понимаешь слова Божія, такъ бѣсы понимаютъ, что ты читаешь, и трепещутъ; вѣдь въ страсти пьянства особенно старается удержать насъ врагъ нашъ діаволь. Да вотъ тебѣ еще скажу: св. Іоаннъ Златоустый пишеть, что даже та храмина, въ которой хранится Евангеліе, устрашаетъ духовъ тьмы и бываетъ неудобоприступна для ихъ козней. Я не помню, что-то далъ монаху, взялъ у него Евангеліе, положилъ въ сундучекъ съ прочими моими вещами, да и забылъ про него. Спустя нѣсколько времени пришло время мнѣ запить; почувствовавъ сильную жажду вина, я поскорѣе отперъ сундучекъ, чтобъ достать денегъ и бѣжать

въ корчму. Лишь только я открылъ крышку, первое, что попало мнѣ на глаза, было Евангеліе, и я вспомнилъ живо все то, что говорилъ мнѣ монахъ, развернулъ и началъ читать сначала первую главу Маттея. Прочетши ее до конца, ничего непонялъ, да и подумалъ: монахъ сказалъ, что тутъ писано то, что Богъ говорилъ, а тутъ одни какія-то имена. Дай прочту другую главу, прочель, и стало понятнѣе. Дай же прочитаю и третью. Какъ только ее началъ, вдругъ звонокъ въ казармѣ: къ мѣстамъ, на койки.... слѣдовательно, уже нельзя было идти за ворота; такъ я и остался... Вставши поутру и расположившись идти за виномъ, я подумалъ: прочту главу изъ Евангелія, что будетъ? Прочель, и непошелъ. Опять захотѣлось вина, и я еще сталъ читать, и мнѣ стало легче. Это меня ободрило, и при каждомъ побужденіи къ вину, я сталъ читать по главѣ изъ Евангелія. Что дальше, то становилось мнѣ легче. Наконецъ, какъ только я окончилъ чтеніе всѣхъ четырехъ Евангелистовъ, страсть къ вину у меня совершенно прошла и я почувствовалъ къ нему омерзеніе. И вотъ ровно 20 лѣтъ я совершенно неупотребляю никакого хмѣльнаго напитка. Всѣ удивлялись во мнѣ такой перемѣнѣ. По прошествіи трехъ лѣтъ опять произвели меня въ офицеры, чины пошли своимъ порядкомъ, наконецъ сдѣлали меня и командиромъ. Я женился; жену Богъ далъ мнѣ добрую; состояніе мое поправилось, и теперь, слава Богу, мы живемъ счастливо да по мѣрѣ силъ нашихъ и бѣднымъ помогаемъ, странниковъ принимаемъ. Вотъ уже и сынъ у меня офицеромъ и человѣкъ хорошій. Слушай же: съ тѣхъ поръ, какъ я изцѣлился отъ запоя, далъ себѣ клятву, каждый день во всю мою жизнь читать Евангеліе, по цѣлому евангелисту въ сутки, не-

взирая ни на какія препятствія. Такъ теперь и поступаю. Если очень много бываетъ дѣла по должности и я утомлюсь очень сильно, то вечеромъ, легши въ постель, заставляю прочесть для меня цѣлаго евангелиста жену мою, или сына; и такъ неопустительно выполняю свое правило. Въ благодарность и во славу Божію, я Евангеліе, данное мнѣ монахомъ, оправилъ въ чистое серебро и когда отправляюсь куда-нибудь по службѣ, ношу его всегда съ собою на груди моей.—Съ истиннымъ утѣшеніемъ я выслушалъ этотъ рассказъ капитана, и съ своей стороны рассказалъ ему подобный этому случай. Въ нашемъ селѣ на фабрикѣ былъ одинъ мастеровой, очень искусный въ своемъ дѣлѣ, добрый и дорогой мастеръ; но, къ несчастію, тоже запивалъ, да и часто. Одинъ богобоязненный человѣкъ посоветовалъ ему, чтобы онъ, когда захочется ему пить вина, произносилъ про себя молитву Исусову: Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго, 33 раза по числу тридцати трехъ-лѣтней земной жизни Исуса Христа. Мастеровой послушался, сталъ это исполнять и вскорѣ совершенно пересталъ пить. Да еще чтоже? Черезъ три года ушелъ въ монастырь. „А что полезнѣе?“ спросилъ капитанъ, „чтеніе Исусовой молитвы, или Евангеліа?“ Въ томъ, и другомъ, отвѣчалъ я ему, одна божественная сила имени Исуса Христа и благодати Святаго Духа.

ОПИСАНІЕ КОНЧИНЫ

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЕВФИМІЯ, ЕПИСКОПА САРАТОВСКАГО а,

Съ глубокою скорбію извѣщаю васъ, что преосвященнѣйшій Евѳимій—нашъ благодѣтельный архипастырь и отецъ, 17-го минувшаго октября въ 5 часовъ и 17 минутъ по полудни, волею Божіею скончался. Первоначальною причиною его болѣзни были изнурительные труды и поѣздка по епархіи. Весь августъ мѣсяць онъ занимался съ чрезвычайнымъ напряженіемъ, особенно—дѣломъ по улучшенію быта духовенства; 31-го августа отправился по епархіи; на пути 4-го сентября у него открылось разстройство желудка; два дня онъ лечился въ г. Сердобскѣ, поправился и продолжалъ путь; 9-го числа вечеромъ возвратился въ Саратовъ, и тотчасъ же послалъ меня за докторомъ. Послѣ двухдневнаго леченія, у него открылось геморройное кровотеченіе, продолжалось до 15 дней и совершенно изнурило его; онъ не могъ держаться на ногахъ, пересталъ принимать пищу и слегъ въ постель. 27-го ч. созванъ былъ консилиумъ; приняты мѣры для остановки кровотеченія, и оно остановилось на другой день; но вмѣсто того открылся изнурительный поносъ, опухоль въ животѣ и ногахъ, далѣе—молочница во рту и желудкѣ, и совершенный упадокъ силъ. Употреблены были всѣ медицинскія пособія; 8 разъ созывали для совѣщанія всѣхъ лучшихъ врачей,

---

(*) Изъ письма эконома Саратовскаго архіерейскаго дома, священника Іоанна Альбицкаго отъ 13 ноября 1863 года къ коллеж. совѣт. М. П. Соколову.

но все оказалось напраснымъ. Несмотря на жестокія страданія и мучительную тоску, въ Бозѣ почившій архипастырь не переставалъ до 10-го числа октября заниматься епархіальными дѣлами; письмоводитель вносилъ ему, по его требованію, бумаги и журналы—и онъ лежа въ постели писалъ резолюціи, утверждалъ журналы. 7-го числа вечеромъ позвалъ меня къ себѣ, приказалъ сѣсть около постели и спросилъ: „что тамъ говорятъ врачи?“—Говорятъ, Ваше преосвященство, отвѣчалъ я, что болѣзнь ваша очень серьезная и сомнительная, но надежда еще не потеряна. Вы очень изнурились; неудобноли вамъ исповѣдаться и пріобшиться св. Таинъ? „Да, я за тѣмъ и призвалъ тебя; распорядись, чтобы завтра пришли духовникъ и діаконъ“. Помолчавъ немного, сказалъ: „эти гг. врачи только обманываютъ меня и себя, я лучше ихъ знаю, что мнѣ ужъ не встать. Впрочемъ я не дорожу жизнію, что мнѣ жизнь? Въ прошедшемъ я ничего не видалъ пріятнаго, кромѣ трудовъ и болѣзней, и въ будущемъ не предвижу ничего лучшаго, кромѣ трудовъ и болѣзней, и потому чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше разсчитаться съ жизнію. Худо то, что у меня нѣтъ ни завѣщанія, ни порядочной описи имущества и книгъ. Ради Бога, займись ты у меня этимъ безъ отлагательства, пересматривай все, и пиши, пиши и пиши.“ Я тотчасъ же началъ заниматься и чрезъ два дня представилъ ему опись и каталогъ. Самъ покойный вчернѣ написалъ духовное завѣщаніе о погребеніи и имуществѣ, и другое завѣщаніе оставленной имъ паствѣ, прочитанное протодіакономъ у его гроба при совершеніи погребенія; кромѣ того написалъ также вчернѣ два письма—къ преосвященному Сергію Курскому о родственникахъ, и будущему своему преемнику. Съ уди

вительнымъ спокойствіемъ въ Бозѣ почившій готовился къ исходу въ жизнь вѣчную; до послѣдняго предсмертнаго часа былъ въ полномъ сознаніи и съ полною твердостію воли. На описи имущества самъ сдѣлалъ отѣтки, кому что отдать и разослать. 13-го числа (въ воскресенье) послѣ ранней обѣдни во второй разъ самъ приобщился св. Таинъ и приказалъ совершить таинство Елеосвященія; по окончаніи—всѣхъ благословилъ, приказалъ себя раздѣть; когда уложили его, перекрестился и сказалъ: „слава Богу, теперь я все сдѣлалъ, я спокоенъ; теперь уже совершенно предаю себя волѣ Божіей.“ — Въ послѣдніе дни два раза утромъ и вечеромъ разбиралъ со мною кабинетъ; я подавалъ ему бумаги и письма, а онъ карандашемъ надписывалъ: уничтожить... преемнику... въ консисторію... сжечь... и т. п. Послѣднее его рукописаніе было 16 октября. На канунѣ смерти (16-го октября ровно въ полночь, въ 12 часовъ) приказалъ владыка позвать духовника для чтенія канона на исходъ души; во время чтенія мнѣ приказалъ взять его правую руку, и ею изображать на немъ крестное знаменіе; послѣ прочтенія отходной благословилъ всѣхъ насъ и далъ послѣднія наставленія. На утро (17-го ч.) приказалъ себя умыть и причесать волосы и первые часы утра провелъ спокойно. Съ 11 часовъ началъ тосковать и зябнуть; въ 12 часовъ сказалъ мнѣ: „со мною тоска смертельная, прочитай акаѳистъ Іисусу Сладчайшему;“ я читалъ, а Онъ все крестился и какъ будто заснулъ; въ 3 часа приказалъ позвать къ себѣ всѣхъ, кто былъ въ домѣ. Въ это время были ректоръ семинаріи, инспекторъ и члены консисторіи; они вошли; преосвященный всѣхъ благословилъ молча, велѣлъ приодѣть себя всѣми одѣялами, переложить на правый бокъ, и въ этомъ положеніи тихо заснулъ на вѣки.

Погребеніе покойнаго совершено Самарскимъ преосвященнымъ Теофилономъ 21-го октября съ подобающимъ благолѣпіемъ, при многочисленномъ стеченіи народа. По завѣщанію въ Бозѣ почившаго честь имѣю препроводить къ вамъ Иверскую икону Божіей Матери въ сребропозлащенномъ окладѣ, описаніе порядка погребенія и портретъ покойнаго, скопированный съ портрета снятаго еще въ Новгородѣ.

О. Ректоръ семинаріи взялся написать и уже написалъ некрологъ покойнаго и собирается издать съ приложеніемъ словъ и рѣчей, сказанныхъ при выносѣ тѣла и погребеніи почившаго. Какъ скоро выйдетъ сочиненіе изъ печати, я непременно прислать вамъ.

Покорнѣйше прошу васъ не погнуваться за то, что я такъ нескоро извѣстилъ васъ о кончинѣ преосвященнѣйшаго и посылаю вамъ его послѣднее благословеніе. Причина въ томъ, что всѣ вещи составлявшія имущество покойнаго, по распоряженію консисторіи, были заперты и опечатаны; только 12-го числа снята печать и имущество отдано въ завѣдываніе душеприкащикамъ. Душеприкащиками назначены—протоіерей каѳедральный Воронцовъ и—я.

Послѣ владыки осталось капитала 4,900 р. въ 5% билетахъ и 400 р. въ наличныхъ деньгахъ. Изъ нихъ по завѣщанію приказано: 1000 р. передать въ Саратовскій Каѳедральный Соборъ; 1000 р. на устроеніе склепа, на погребеніе и поминавленіе; 1000 р. племяннику — ученику Богоявленскому; 1000 р. въ Церковь слоб. Радьковки; 300 р. келейнику Василью Благовѣщенскому, 300 р. въ крестовую Церковь арх. дома, 100 р. въ попечительство, 100 р. на училище для дѣвицъ духов. званія и 50 р. на дѣтскій пріютъ; 100 р. врачу. Серебро

приказано употребить на устроение ризы на икону при могилѣ покойнаго; ризничныя вещи раздать въ соборъ и крестовую Церковь. Икону Божіей Матери поднесенную вами владыкѣ во время его пріѣзда въ Саратовъ, писанную на камнѣ, я сегодня по назначенію покойнаго поднесъ губернатору князу Щербатову. Все платье, бѣлье и другія вещи приказано продать и изъ вырученныхъ денегъ — половину отдать матери съ сестрою, а другую половину—брату Григорію съ зятемъ.

Во время болѣзни преосвященнаго мы съ Васильемъ Благовѣщенскимъ безотлучно день и ночь находились около постели и теперъ я хлопочу постоянно о приведеніи въ исполненіе завѣщанія.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

ПАВЛЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ТУЧКОВЪ.

Надъ свѣжею могилой недавняго гостя земли сердце сжимается неодолимой тоской, умъ цѣпенѣеть предъ всемогущей волей Дающаго и Отъемлющаго жизнь.

Постараюсь собрать мысли, смущенныя внезапною кончины всѣми любимаго Павла Алексѣевича.

Не стану много распространяться о мірской службѣ генераль-адъютанта, Московскаго военнаго генераль-губернатора, генерала отъ инфантеріи, члена государственнаго совѣта, кавалера разныхъ орденовъ; о его походахъ, битвахъ и о всей его разнообразной служебной и общественной дѣятельности. Онъ уже—не нашъ. Стану говорить предпочтительно о человѣкѣ Божіемъ, о душѣ, отлетѣвшей изъ временнаго міра въ вѣчность, о жизни сердца, прерванной у гроба и воскрешенной за гробомъ.

Древній родъ Тучковыхъ извѣстенъ въ лѣтописяхъ нашихъ полезною и безкорыстною службою отечеству. Павелъ Алексѣевичъ показывалъ мнѣ свою родословную, съ любовію къ предкамъ достойнаго ихъ и дорожащаго честнымъ именемъ потомка. Мнѣ хотѣлось напечатать ее, съ поясненіями изъ его рассказовъ и по его указаніямъ.

„Если бы я — отвѣтилъ онъ на мое предложеніе — былъ не на виду по моей теперь службѣ, жилъ не замѣтный, позабытый въ своей бѣдной деревенькѣ — иное дѣло. А теперь это было бы нескромно.

— Чтожь тутъ нескромнаго, говорить о дѣдахъ о прадѣдахъ?

„Но это будетъ значить, говорить вмѣстѣ и о себѣ.

— Да вѣдь не вы, а другіе собрали нѣкоторыя о васъ свѣдѣнія.

„Такъ... да я не люблю самохвальства.“

— Диковинный вы, право, скромникъ! Напечатать родословную—хвастовство! Не утаивать же прародительскихъ заслугъ отечеству. Не снять же съ родословнаго дерева имя хоть бы Ирины Ивановны Тучковой, чтобъ не сказали, что вы гордитесь своимъ родствомъ съ бояриномъ Юріемъ Захарьевичемъ, который женился на ней. Исторія не таитъ, что отъ Юрія и Ирины родился Романъ—отецъ благочестивой Анастасіи, жены Іоанна IV—и, до ея кончины, не „Грознаго;“ что родной братъ Анастасіи, Никита—родитель Патріаха Филарета.

„Пусть, послѣ меня, дѣти мои, какъ еще не важные люди на бѣломъ свѣтѣ, напечатаютъ, что найдется въ семейныхъ бумагахъ любопытнаго, и, разумѣется, не изъ хвастовства, а ради исторіи. Историческіе матеріалы конечно не надобно держать подъ спудомъ.“

— Будутъ же тогда говорить о васъ?

„Будутъ, да меня не будетъ...“

Вотъ черта его смиренія.

Изъ смиренія истекли и основныя свойства его души—скромность и застѣнчивость. Долго прикрывали онѣ отъ людей другія качества его ума и сердца: обдуманность и осторожность во всѣхъ случаяхъ жизни, обществен-

ной и семейной; простоту вѣры и совершенную покорность судьбамъ Божиимъ; любовь къ ближнему и неизмѣнную вѣрность дружбѣ.

Какъ искренно, какъ любовно, бывало, спѣшитъ онъ на встрѣчу каждому изъ своихъ давнихъ товарищей по воспитанію, или по службѣ! Какъ радушно предлагаетъ ихъ хлѣбъ-соль по обычаю предковъ! Легко было съ нимъ дружить и служить. Всегда онъ былъ готовъ на добро. Никогда никого не оскорбилъ онъ укорительнымъ взглядомъ, не только жесткимъ словомъ, или спѣсивою вѣжливостію. И любили вездѣ, куда приводила служба, вначалѣ—образованнаго юношу, послѣ—испытаннаго и любознательнаго воина, наконецъ—саповника, облеченнаго довѣріемъ Царя.

Спокойный, невозмутимый и съ тѣмъ вмѣстѣ твердый въ строго изслѣдованныхъ и принятыхъ умомъ и совѣстью убѣжденіяхъ, онъ говорилъ и дѣлалъ все по совѣсти. Онъ говорилъ правду Царямъ — и достойно носилъ орденъ „за доблесть гражданскую“ св. равноапостольнаго Князя Владиміра 1 ст. — и Цари любили его. Вотъ строки участія Государя Императора и Государыни Императрицы ко вдовѣ усопшаго:

„ Съ крайнимъ прискорбіемъ узнали Мы сейчасъ о постигшемъ Васъ несчастіи и спѣшимъ раздѣлить съ Вами Ваше горе. Сердечное уваженіе Наше къ Вашему мужу Вамъ извѣстно. Да подкрѣпитъ Васъ Богъ къ перенесенію этого горькаго испытанія. “

Александръ.

Марія.

Заплакала вдова, прослушавъ эти строки, заплакали съ нею дочь и трое сыновей...

Воспитаніе готовило Павла Алексѣевича къ военной

и гражданской службѣ. Образованіемъ общимъ онъ обязанъ московскому университетскому благородному пансіону; образованіемъ военно-математическимъ — школъ колонновожатыхъ, возникшей изъ домашняго училища Н. Н. Муравьева, которое устроилось изъ частнаго „общества математиковъ.“ Члены-основатели его всѣ изъ московскихъ кандидатовъ и студентовъ (а).

Между тѣмъ воспитанникъ Антонскаго и Муравьева былъ и пажемъ. Заслуги его отца и двухъ дядей — героевъ бородинской битвы были поводомъ къ зачисленію Павла Алексѣевича въ пажескій корпусъ. Пажемъ названъ онъ и при опредѣленіи его на службу прапорщикомъ въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, въ концѣ 1817 (26 ноября). Онъ родился 7 апрѣля 1803 года въ Петербургѣ, откуда привезли его шести-семи недѣль въ Москву. Стало быть ему тогда было, считая изо дня въ день, 14 лѣтъ 7 мѣсяцевъ и 19 дней. Въ послужномъ спискѣ поставленъ 1802 годъ потому, что моложе 15 лѣтъ не позволялось производить въ первый чинъ вступающихъ на службу.

Повышаемый въ чинахъ и должностяхъ, въ 1836 году онъ былъ уже генералъ-маіоромъ и числился по генеральному штабу, изъ котораго (кромѣ трехъ лѣтъ, проведенныхъ внѣ военной службы) никогда не былъ отчисляемъ съ 1820 года до кончины.

Въ 1840 г. (25 декабря), онъ по болѣзни вышелъ

(а) Въ запискахъ своихъ, сказавъ, что учился въ У. Б. пансіонѣ — годъ, и годъ у Муравьева, Павелъ Алексѣевичъ прибавляетъ, что „успѣхи въ наукахъ дали ему право на званіе студента.“

въ отставку. По выздоровленіи, вступилъ въ министерство государственныхъ имуществъ, но не надолго. Императоръ, гуляючи по Невской набережной, встрѣтилъ своего прежняго флигель-адъютанта (съ 1834) и приостановился: „Тучковъ въ этой одеждѣ!“ замѣтилъ Государь. Павелъ Алексѣевичъ снялъ съ головы круглую шляпу.

„ Совсѣмъ выздоровѣлъ? “

— Слава Богу !

„ Ну, здоровъ, такъ опять на службу. “

— Я служу, Государь, членомъ министерства...

„ Надо тебѣ надѣть военный мундиръ. “

Павелъ Алексѣевичъ поклонился.

„ Ступай въ службу. “

— Куда прикажете.

„ Согласенъ? радъ? “

— Всегда готовъ исполнить волю Вашего Величества.

„ Прощай! “

На другой день военный министръ приглашаетъ „дѣйствительнаго статскаго совѣтника“ къ себѣ.

„ Поздравляю! сказала Чернышевъ. Государь больше не сердится на васъ за отставку. “

— Я вчера встрѣтился съ Его Величествомъ.

„ Ему угодно, чтобъ вы возвратились къ намъ, въ генеральный штабъ. “

— Куда прикажетъ.

„ Такъ подайте прошеніе. “

— Какое ?

„ Объ опредѣленіи васъ вновь въ военную службу съ прежнимъ чиномъ. “

— На это изъявлена вашему сіятельству высочайшая воля.

13 декабря 1843 г. Пвель Алексѣвичъ возвратился на военное поприще, котораго уже и не покидалъ до своей кончины. Любя занятія, онъ много писалъ, хорошо рисовалъ и прекрасно чертилъ. Мнѣ удалось видѣть нѣкоторые изъ его чертежей, художественной, можно сказать, отдѣлки. Языкъ его—чисто русскій, правильный, ясный языкъ. Послѣ него остались семейныя записки о его жизни, воспитаніи, службѣ и т. д. Незнаю, все ли уцѣлѣло изъ замѣтокъ и любопытныхъ бумагъ Павла Алексѣвича.

Какъ недавно еще, наканунѣ предсмертной болѣзни, видѣли его въ англійскомъ клубѣ! Привѣтливый и добровнимательный ко всѣмъ и каждому, онъ сѣлъ за обѣдъ, гдѣ случилось съ В. А. Казадаевымъ, съ которымъ былъ издавна въ дружескихъ отношеніяхъ. Многие, вѣроятно, и не знали, что тутъ сидитъ власть. Избѣгая поклоновъ подчиненности, онъ старался и войти и выйти незамѣтно.

Какъ недавно, за день до болѣзни, мы толковали съ нимъ о томъ и о семъ до 8-го часа послѣ обѣда! Не предчувствовалось мнѣ тогда, что я въ послѣдній разъ сидѣлъ за столомъ между имъ и бѣдной Елисаветой Ивановной, что въ послѣдній разъ бесѣдовали мы втроемъ въ его кабинетъ; что въ послѣдній разъ, прощаясь со мной, онъ повторилъ мнѣ свое искреннее, дружелюбное „когда же увидимся?“

— Утомительны для васъ четверги! молвилъ я имъ къ чему-то при этой послѣдней бесѣдѣ нашей.

„Нисколько! отвѣтила Елисавета Ивановна—мнѣ самой весело, когда я вижу, что наши гости не скучаютъ.“

— Однакожь, пережидать гостей до 3—4 часовъ за полночь...

„Хоть бы до 5—молвилъ Павелъ Алексѣвичъ.

Тутъ мы стали считать, сколько еще остается четверговъ до 19 февраля, когда радушные хозяева Москвы хотѣли угостить ее баломъ. . . И вотъ послѣдній четвергъ сталъ первымъ днемъ печали, днемъ предсмертной болѣзни незабвеннаго, добраго Павла Алексѣевича.

Не станемъ судить врачей: Господь умудряетъ врача. Господь уничижаетъ науку. Дни наши сочтены. Не станемъ испытывать судьбы Божіи. Подивимся несозвучности явленій въ свѣтской жизни: нерѣдко скорбь и печаль встрѣчаются на одномъ дворѣ, въ одномъ иногда домѣ! свадьба, или крестины въ одномъ жильѣ, погребальное пѣніе въ другомъ!.. Такъ и здѣсь: грустная вѣсть о кончинѣ страдальца не скоро разнеслась. Въ его домѣ плачь и рыданіе; въ другомъ, не въ дальнемъ разстояніи, музыка и роскошь угощенія. И моя жена отправилась туда съ племянницей на балъ, но, какъ бы по предчувствію, не въ веселомъ расположеніи, нѣхотя, изъ приличія по отношеніямъ къ хозяйкѣ. Черезъ 20—25 минутъ онѣ возвратились. Войдя въ однѣ двери, онѣ вышли въ другія, узнавъ о поразительной новости. Карета ихъ была гдѣ-то далеко; онѣ взяли чужую. Такое скорое возвращеніе ихъ должно было бы удивить меня. И однакожь я не догадался о причинѣ удаленія ихъ съ бала. Я узналъ о ней ночью. Снится мнѣ, что я прихожу къ Елисаветѣ Ивановнѣ. Она стремительно подошла ко мнѣ, съ воплемъ повела меня мимо накрытыхъ приборами столовъ; у cadaго прибора по два шампанскихъ бокала, одинъ обыкновенный, другой высокій, какъ церковныя предѣ мѣстными образами свѣчи, и темный, какъ бы обвитый черной дымкой. Входимъ въ спальню. Страдалецъ сидитъ на постелѣ въ военномъ пальто. Мы подали другъ другу руку—и оба зарыдали.

Вотъ я остался одинъ и думаю: онъ умеръ... Проснувшись, я сталъ припоминать тревожный сонъ... Глаза мои невольно устремились въ уголъ, гдѣ теплилась въ кіотѣ лампада предъ образами... Въ душѣ моей, безсознательно, сказалась молитва: Господи! съ миромъ прими душу раба Твоего Павла!

Поутру, выйдя изъ спальни, я говорю домашнимъ: Тучковъ умеръ. Нѣтъ—отвѣчаютъ мнѣ—не слышали, не знаемъ. Умеръ! повторяю имъ и вхожу въ кабинетъ. Мнѣ сказываютъ, что отъ Павлова (издателя Русскихъ Вѣдомостей) пріѣхалъ кто-то. „Приси.“ Входитъ молодой сотрудникъ его г. Скворцовъ.

„ Я къ вамъ отъ Николая Филиповича. “

— Что ему понадобилось?

„ Нѣсколько словъ, только поскорѣе. “

— О чемъ?

„ О генераль-губернаторѣ. “

— Такъ онъ точно умеръ?

„ Вчера въ 7 часовъ вечера. “

Бѣдная Елисавета Ивановна!... подумалъ я.

„ Сообщите же намъ о немъ, что знаете. “

— Извините. Я ничего написать теперь не въ состояніи. Дайте мнѣ образумиться.

Я спѣшу къ панихидѣ. Площадь передъ домомъ и сосѣднія кругомъ улицы запружены народомъ и экипажами. Комнаты переполнены искренно-печальными лицами. Тѣснота—отъ крыльца до гроба. И чувствовалось въ этой тѣснотѣ молитвенное настроеніе всѣхъ и cadaго. Крѣпкая смиреніемъ, вдова, окруженная дѣтьми, тихо внимала въ уголкѣ надгробному пѣнію и молитвамъ; погруженная въ безмолвную покорность Провидѣнію, она признательно приняла нѣсколько словъ утѣ-

шенія отъ Преосвященнаго Леонида. Отраднo запали въ осиротѣлую душу и слова нашего Архипастыря, которая передала ей на слѣдующій день игуменія Новодѣвичьяго монастыря Вѣра (въ мѣрѣ Варвара Михайловна Головина, по рожденію Львова): „Мнѣ жаль его... и за нее... и за Москву... и за себя!“

Митрополитъ любилъ Павла Алексѣевича. Кончина его смутила Святителя. Онъ молился за усопшаго крѣпкой молитвой упованія на благодать Божію—и, при совершеніи заупокойной литургіи, не смущаясь болѣе мыслями о томъ, что ждетъ отшедшаго за гробомъ, молился нетревожно. „Душа во мнѣ --сказалъ онъ на другой день кому-то — спокойно молилась.“ О! сильна молитва вѣры и любви! надежда не покидаетъ ее!.. Сильна и дѣятельна молитва церкви объ усопшихъ. А здѣсь у насъ, по мысли любвеобильнаго Пастыря, установилось сорокодневное поминовеніе о рабѣ Божіемъ Павлѣ во всѣхъ московскихъ храмахъ и въ Троице-Сергіевой Лаврѣ. Четыре дня бальзамированное тѣло покрывало благоуханное облако освященнаго кадила. Четыре дня съ утра до ночи, непрерывно почти возносился ѳиміамъ молитвы къ небесамъ о упокоеніи усопшаго со святыми, о вѣчной памяти ему. Оба московскіе викаріи поочередно совершали соборно панихиды утреннія, а архимандриты — вечернія. Въ эти дни вся Москва пребывала у гроба. Въ шестой день отъ кончины епископъ Можайскій, Викарій Савва сдалъ его могилѣ. Онъ предшествовалъ и печальной колесницѣ до Чудова монастыря. Митрополитъ, съ Викаріемъ Леонидомъ, епископомъ Дмитровскимъ, совершилъ послѣднее служеніе о душѣ въ виду ея земной одежды. Одинъ изъ извѣстныхъ моск. проповѣдниковъ А. К. сказалъ надгробное слово — въ урокъ властителямъ и подвластнымъ.

Унылое шествіе изъ храма сопровождалъ преосвященный Леонидъ до конца Арбата; а оттуда до обители преосвященный Савва. Образъ Спасителя, которымъ Владыка благословилъ покойнаго при вступленіи его на новое поприще (8 сентября 1859 г.) несли впереди шествія. Между тѣмъ, когда оно достигло Дѣвичьяго поля, громада благочестиваго народа пріостановила колесницу, выпрягла лошадей и повлекла ее на себѣ. Все это сдѣлалось стройно, безъ шума, безмолвно, съ христіанскимъ благоговѣніемъ къ непробудному сну почившаго.

Толпа, ожидавшая въ полѣ, главнѣйше состояла изъ временнообязанныхъ крестьянъ, которые, живучи въ Москвѣ по найму по фабрикамъ, по торговлѣ и промысламъ, часто видали и любили покойнаго за его доступность. Къ нимъ присоединились и прочіе изъ московскихъ простолюдиновъ. И тѣ и другіе желали нести гробъ отъ дома. Невозможно было имъ это дозволить: они стѣснили бы и войско и орудія, и растроили бы весь порядокъ многолюднаго шествія лицъ, назначенныхъ отъ разныхъ служебныхъ, учебныхъ, благотворительныхъ учреждений и городскихъ сословій.

Въ три часа по полудни громъ орудій возвѣстилъ Москвѣ, что погребеніе совершилось.

Могила Павла Алексѣевича, въ сосѣдствѣ съ могилой его отца, по дорожкѣ, противъ келій, признательная ему Москва не замедлитъ покрыть великолѣпнымъ памятникомъ. Два слова: „Москва Тучкову“ больше скажутъ о немъ и о ней потомству, нежели всѣ наши печатные листки. Гранитная лѣтопись прочнѣе мимолетныхъ словъ.

Елисавета Ивановна, уступивъ Москвѣ грустныя заботы о похоронахъ мужа ея, тѣ деньги, которыя могла

бы употребить на это, предназначила на богоугодное употребленіе.

Павель Алексѣевичъ не заискивалъ похвалъ у толпы, не добивался всевосхваленій (популярности), но приобрѣлъ любовь доступностію и справедливостію.

Москва, взявъ на себя, по чувству признательности къ его заботамъ о ней, отдавше послѣдняго ему долга, сохранила близкіе сердцу своему останки въ нѣдрахъ своихъ. — Такъ еще и недавно, прошлымъ лѣтомъ, движимые благодарностію, Москвичи простолюдины принесли покойному икону, на которой изображены апостолы Петръ и Павель, а также и Елисавета праведная, — въ благословеніе и руское „спасибо“ за дешевизну дровъ, достигнутую его распоряженіями, подобно тому, какъ прежде бѣдный народъ былъ обрадованъ удешевленіемъ хлѣба. И все это дѣлалось тихо, безъ огласки, безъ похвалы. И вотъ теперь *тайное* стало *явнымъ*.

Время обнаружить и другія черты доброй души. „Это была *жемчужина* неподдѣльная посреди служителей Государства,“ — слова, сказанныя при мнѣ, послѣ панихиды, однимъ маститымъ и славнымъ героемъ.

Теперь не время еще иное оглашать. Приведу хоть нѣкоторыя черты его прямоты, стойкости, самоотверженія. Не буду говорить о его запискѣ касательно преобразованій по военному вѣдомству; — о замѣчаніяхъ относительно военно-учебныхъ заведеній, упадка правственно-религіозныхъ убѣжденій въ молодомъ поколѣніи, потрясенія подчиненности. Скажу, о чемъ можно сказать.

Въ Новгородѣ, когда Павель Алексѣевичъ былъ начальникомъ штаба отдѣльнаго гренадерскаго корпуса, жилъ, подъ надзоромъ полиціи, одинъ изъ политическихъ преступниковъ. Это былъ полякъ. Забытый *своими*, онъ

до того нуждался въ средствахъ къ жизни, что, приходя въ гостинницу, гдѣ собирались въ объденное время несемейные чиновники, офицеры, прїѣзжіе и проч., онъ никогда не садился за столъ, а украдкой пробирался къ буфету и тамъ съѣдалъ по нѣскольку кусковъ хлѣба съ холоднымъ мясомъ, сыромъ и т. д., запивая свой тощій обѣдъ водою. Два молодыхъ офицера Чириковъ и Игнатъевъ замѣтили бѣдняка. Имъ стало жаль его. Они вызвали его на знакомство, сперва поклонами при ежедневныхъ встрѣчахъ, потомъ парюю словъ, наконецъ приглашеніемъ къ себѣ на чашку чаю. Исподоволь они дошли до того, что знакомецъ ихъ, не стыдясь уже своей нищеты, принялъ ихъ приглашеніе обѣдать съ ними. Нѣсколько времени сострадательные молодые люди кормили его, помогали ему на сколько были въ силахъ, единственно по чувству христіанскому. Не такъ глядѣли на это другіе... Ихъ заподозрили въ единомысліи съ польскими вольнодумцами, въ тайныхъ съ ними сношеніяхъ и т. п. Чириковъ и Игнатъевъ попали подъ судъ. По приговору они должны быть разжалованы въ рядовые. Покойный Императоръ не имѣлъ въ виду вполнѣ ихъ оправдывающихъ обстоятельствъ.

Павель Алексѣевичъ спѣшитъ въ Петербургъ, объясняется съ военнымъ министромъ, умоляетъ всѣхъ и cadaго о спасеніи отъ бѣды невинно-погибающихъ. Никто не рѣшался доложить о нихъ Его Величеству. Время было лагерное. Павель Алексѣевичъ отправляется въ Красное село. Не имѣя права вступить прямо за несчастныхъ, онъ старается попасть на глаза Государю такъ, чтобы Государь самъ спросилъ его: чего онъ хочетъ? Съ этой цѣлью смѣлый начальникъ штаба пустился ходить мимо императорской палатки. Послѣ нѣ-

сколькихъ поворотовъ онъ видитъ передъ собой Государя.

„Что ты тутъ все ходишь? что тебѣ отъ меня нужно? спросилъ Государь.

— Нужно доложить Вашему Величеству...

„Войди!“

Вошли въ палатку.

„Ну говори!“

— Офицеры Чириковъ и Игнатьевъ...

Государь нахмурился.

— Смѣю доложить...

„А тебѣ какое тутъ дѣло? Осуждены, такъ, стало, виноваты.“

— Въ томъ-то и дѣло, что не виноваты.

„Какъ! не виноваты, когда я... Ну, добро! объясняй—посмотримъ.“

Павель Алексѣевичъ объяснилъ всѣ обстоятельства, весь ходъ и развязку дѣла. Государь, подумавъ, сказалъ уже не строго:

„Какъ же ты осмѣлился вступиться за офицеровъ, которыхъ я призналъ виноватыми... а?“

— Вы справедливы и милостивы.

„Чтожь дальше?“

— Правда выше всего.

„Ну, иди!“

Защитникъ вышелъ. Офицеры прощены... Вѣчная память и Царю правдолюбивому, и подданному повѣдавшему ему правду!..

Былъ еще случай зрѣло обдуманнаго имъ неисполненія полученнаго отъ начальства приказанія—и когда? въ военное время, такое время, когда легко можно быть разстрѣяну за малѣйшее неповиновеніе.—Я расскажу

кратко; оставляю подробности военныя въ сторонѣ. О нихъ говорятъ военныя лѣтописи въ 1830 и 1831 годахъ. При движеніяхъ и передвиженіяхъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, дѣйствовавшаго противъ польскихъ мятежниковъ, оберъ-квартирмейстеръ, П. А. Тучковъ, тогда еще полковникъ, повелъ войско отъ мѣстечка Снядовъ къ селенію Желтки. На пути онъ получаетъ приказаніе приостановить движеніе и дать войску отдыхъ. Онъ отвѣчаетъ, что нѣтъ удобной мѣстности для „привала.“ Настигаетъ его второй приказъ уже съ угрозой, что онъ будетъ арестованъ. Шпагу мою лично доставлю—сказалъ полковникъ.—Но покуда, да ужъ и и недалеко, войско доведу до выгодной позиціи, для отраженія идущаго къ намъ непріятеля съ двойными—сравнительно съ нашимъ отрядомъ—силами.

Успѣхъ оправдалъ соображенія оберъ-квартирмейстера. Едва гвардія заняла с. Желтки, какъ показались полки мятежниковъ. Мгновенно завязался упорный бой. Наши отразили нападеніе и черезъ это получили возможность перейти, два дня спустя, изъ оборонительнаго въ наступательное дѣйствіе, соединиться съ войсками графа Дибича-Забалканскаго и одержать блистательную побѣду при Остроленкѣ.

Позже, будучи въ должности начальника штаба средней арміи, Павелъ Алексѣевичъ, по довѣрію къ нему командовавшаго ею генерала Паниютина, личными усиліями сберегъ огромныя суммы по продовольствію войскъ. Въ послѣдствіи обнаружено, что цѣны на поставку провіанта для средней арміи были несравненно ниже тѣхъ цѣнъ, по которымъ покупали его „въ томъ же районѣ“ (окрестности) для другихъ войскъ. Предсѣдательствуя въ комиссіи о разсмотрѣніи дѣйствій по провіантской,

госпитальной и инымъ частямъ во время борьбы нашей съ соединенными силами и флотомъ столькихъ союзниковъ и непримѣрной въ военныхъ лѣтописяхъ обороны Севастополя, Павелъ Алексѣевичъ неумолимо строго разбиралъ и судилъ всѣ намѣренные и ненамѣренные поступки разныхъ лицъ.

Жаль, что при такой твердости характера, при распорядительности и опытности служебной, при такой нравственной силѣ души, скромное мнѣніе о своихъ способностяхъ не дозволило ему посвятить себя дѣлу умирения обезумѣвшихъ Поляковъ. Еще до отправления въ Варшаву графовъ Ламберта и Лидерса, Вельепольскаго и Фелинскаго и другихъ, Государь Императоръ предлагалъ ему намѣстничество въ царствѣ польскомъ. Онъ рѣшительно отказался отъ всѣхъ почестей и выгодъ, не сознавая въ себѣ тѣхъ свойствъ безкорыстнаго мужества, при которыхъ, по выраженію проповѣдника, говорившаго надгробное слово, онъ „носилъ власть на себѣ, а не въ себѣ.“ И дѣйствительно: власть, которою онъ былъ облеченъ, была для него бременемъ, а не силой. Правда онъ тоже уклонялся и отъ назначенія своего въ Москву. Онъ искренно умолялъ оставить его на военномъ поприщѣ. Монаршая воля побѣдила скромность своего избранника.

— Досадно мнѣ на васъ! сказалъ я ему какъ-то, прогуливаясь съ нимъ по саду. Легко сказать: намѣстникъ въ царствѣ польскомъ. . . главнокомандующій войсками. . .

„ Не годился я на это дѣло. “

— Всежъ можно было бы испытать свои силы: побилъ Богъ—хорошо; не ладится—удалиться, хоть бы по болѣзни.

„ Не гожусь, повторяю вамъ. “

— И я повторю: черезъ годъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, если бы точно бремя пришлось не подь силу, вы могли бы удалиться изъ Варшавы, да все-же знатнымъ вельможей!

„ И жилъ бы въ отставкѣ, бесполезно, празднымъ человѣкомъ. “

„ Я былъ царемъ, “ сказали бы вы, какъ Эдипъ въ трагедіи Озерова.

„ Все это пустяки, тщеславіе, не въ моихъ правилахъ. “

— Пусть такъ. Я самъ не высоко ставлю случайную знатность, чины, звѣзды. Да вы, при небольшомъ состояніи, получили бы такое содержаніе, что могли бы приготовить дѣтямъ своимъ хоть нескудное наслѣдство.

„ Всѣ они на ногахъ. Дочь замужемъ. Сыновья служатъ. Пусть потрудятся, какъ я потрудился. Не умрутъ съ голода. “

Такимъ образомъ онъ остался въ Москвѣ. Крамольный духъ усиливался въ Варшавѣ. Подкупленные глашатаи прорицали распаденіе Россіи. Низкіе въ замыслахъ и подлые въ трусости сочинители и распространители подземной лжи, нелѣпостей, хулы и презрѣнные бѣглецы, клеветники отечества за границей, исчисляя мятежныя силы, вооружали въ своихъ адскихъ мечтахъ сельскій народъ топорами, призывали къ ружью городскихъ обывателей, помѣщиковъ, недоученную молодежь дворянскаго и духовнаго сословія, раскольниковъ и старообрядцевъ. Последнихъ они признавали передовымъ войскомъ противъ правительства. Обстоятельства показали противное. Старообрядцы не отстали отъ народа, дворянства и духовенства въ изъявленіи готовности

своей жертвовать достоянствомъ и жизнью на спасеніе Царя и Россіи отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, явныхъ и тайныхъ. Московскіе старообрядцы избрали изъ среды своей почетнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ представителей своего общества для изясненія ихъ вѣрноподданической преданности Царю, Царицѣ, наслѣднику, царственному дому. Родился вопросъ: можно ли дозволить имъ такое гласное заявленіе своей самостоятельности? Мнѣнія выразились противоположныя, даромъ что истекали изъ одного источника, изъ любви къ отечеству. Одни, смѣшивая старообрядческое согласіе съ потаенными молебными, часовными и скрывающимися въ лѣсахъ скитами отщепенцовъ разныхъ толковъ, находили допущеніе представителей старообрядцевъ Рогожскаго и Преображенскаго кладбищъ до Государя признаемъ расколовъ. Другіе, не смѣшивая этихъ старообрядцевъ съ послѣдователями иныхъ раскольниковыхъ толковъ, признавали ихъ за отдѣлившихся отъ православной церкви, не столько по духу, сколько по внѣшности обрядовъ. Павелъ Алексѣевичъ, не ожидая окончанія преній, дозволилъ выборнымъ лицамъ отправиться въ Петербургъ съ хлѣбомъ-солью; въ слѣдъ за ними самъ прибылъ туда, удостоился представить ихъ Императору и не подвергся гнѣву за такое рѣшеніе возникшаго вопроса: впустить или не впустить ихъ во дворецъ? Старообрядцы, обласканные и осчастливленные милостивымъ пріемомъ Царя-батюшки, возвратились въ Москву съ новою любовью къ Нему, преданностію. Время вполне сольетъ ихъ съ „единовѣрцами,“ образумитъ другихъ и, съ Божіей помощію, расколовъ не будетъ на Руси.

Первою заботою его въ Москвѣ было развить чувство

самостоятельности во всѣхъ мѣстахъ и лицахъ, больше или меньше ему подвѣдомственныхъ. Онъ желалъ, чтобъ всѣ они полноправно распоряжались въ кругу своихъ обязанностей, не выходя, разумѣется, за черту закона и отнюдь не вмѣшиваясь въ дѣла, имъ не подлежащія. Особенно не любилъ онъ покровительства или ходатайства со стороны. Не любилъ до того, что никто изъ близкихъ къ нему, изъ семьи, родныхъ, друзей, никогда не рѣшался, хоть бы мимоходомъ, замолвить словечко ему о чемъ и о комъ либо ни по какому дѣлу. Ни на что онъ такъ не досадовалъ, какъ если кто обратится съ представленіемъ къ нему по такимъ случаямъ, гдѣ не нужно разрѣшеніе или утверженіе генераль-губернатора. До какой степени онъ уважалъ права и постановленія всякаго учрежденія, приведу въ примѣръ одинъ изъ множества примѣровъ его вольной— такъ сказать—подчиненности установившимся правиламъ и обычаямъ. Вздумалось ему послушать чтенія въ обществѣ любителей русской словесности. Полиція и казаки не разчищали предъ нимъ дорогу. Неодолимые обозы и снующіе по улицамъ во всѣхъ направленіяхъ городскіе извозчики задержали его коляску. Онъ входитъ на лѣстницу. Ему докладываютъ, что чтеніе началось. Не желая беспокоить присутствующихъ, генераль-губернаторъ взялъ подъ руку Елисавету Ивановну и вернулся домой.

Вторая задушевная забота его была о томъ, чтобы при всякомъ случаѣ свидѣтельствовать и на опытѣ показывать предъ лицомъ Государя, что первопрестольная чисто русская, православная, вѣрноподданная Москва, до стойна того добраго мнѣнія, какое всегда имѣли о ней Русскіе Цари. Въ 1860 г. Государь Императоръ посѣтилъ Москву въ такую пору, когда почти все дворянство и

купечество отсутствуетъ, кто въ деревнѣ, кто на Нижегородской ярманкѣ и т. д. Павелъ Алексѣевичъ успѣлъ однако заранѣе многихъ предупредить объ ожидаемомъ гостѣ. Москвичи отовсюду спѣшили къ балу въ домѣ „россійскаго благороднаго собранія“, и домъ былъ полонъ вѣрноподданныхъ, съ любовію окружившихъ Царя. Государь благодарилъ градоначальника за добрый порядокъ по всѣмъ вѣтвямъ вѣрннаго ему управленія. „Добрый духъ мирной и вѣрной Москвы—доложилъ онъ—охраняетъ въ ней порядокъ. Не мнѣ, а ей принадлежитъ похвала за все, что удостоилось милостиваго вниманія Вашего Величества.“ Въ 1862 г. Государь изволилъ помѣститься въ Петровскомъ дворцѣ. По окончаніи лагерныхъ ученій московское купечество угостило войска обѣдомъ на Ходынскомъ полѣ. Вечеромъ былъ фейерверкъ. Въ палатку, гдѣ было приготовлено угощеніе дорогому Гостю, были приглашены многія лица изъ московскаго общества. И во время обѣда, и во время потѣшныхъ огней громады всѣхъ сословіій покрывали все пространство кругомъ столовъ и царской палатки. Государь замѣтилъ, что въ такихъ необозримыхъ толпахъ народа не было ни шума, ни толкотни. „Да тутъ полиція была бы безсильна“, молвилъ Павелъ Алексѣевичъ, уступая опять похвалу народу. Императоръ однако въ знакъ своего къ нему благоволенія изволилъ пожаловать къ нему на обѣдъ въ загородномъ его домѣ (въ паркѣ). Бѣлая мраморная ваза, отъ ранней весны до снѣга благоухающая цвѣтами, на четырехстороннемъ гранитномъ возвышеніи, въ саду противъ дома указываетъ на счастливый день для хозяевъ. На одной сторонѣ памятника высѣчены годъ, мѣсяць и число посѣщенія (23 августа 1862). Дай-то Богъ сохраниться въ родѣ Тучковыхъ этому памятнику, этому саду и дому.

Сердечная радость о всякомъ знакѣ благоволенія царева не ослабляла однако гражданскаго въ немъ мужества. Не боялся онъ вражды сильныхъ. Не смущался онъ даже и горькой истиной, что зависть и ненависть преслѣдуютъ иногда жертвы своей неутомимой злобы и за гробомъ. Такъ охладилъ онъ своей рыцарской правдивостью добрыя къ нему отношенія нѣсколькихъ, впрочемъ почтенныхъ и благородныхъ особъ. И благородные и благочестивые даже люди, по шаткости природы человѣческой, впадаютъ въ заблужденія, увлекаются страстью, родственными связями и т. п. Пріѣхала изъ заграницы вдова съ двумя сиротками. Богатая по мужъ, но бѣдная по связямъ, узнаетъ она здѣсь, что наследственное имущество ея дочерей нѣсколько разстроено несмышленостью или безпечностью довѣренныхъ отъ опеки управителей, распорядителей, ходатаевъ и проч. Личныя и письменныя объясненія вдовы съ близкими ея мужу родственниками оскорбили ихъ аристократическую увѣренность въ непогрѣшимости дѣйствій выбраннаго изъ среды ихъ уполномоченнаго. Прошенія и жалобы ея въ дворянскую опеку, и на опеку учрежденную не въ московской, а въ той, разумѣется, губерніи, въ которой находится главное имущество сиротъ, питали только канцелярскую дѣятельность законныхъ покровителей сирыхъ и вдовыхъ. Родственники покойнаго мужа ея обижались сомнѣніями вдовы. Одна только особа изъ всего родства поняла женскимъ сердцемъ ея правоту. Нравственная поддержка этой безпристрастной особы нѣсколько помогла безпомощной. Споръ пошелъ на мировую. Посредничество предоставлено московскому военному генераль-губернатору. И онъ защитилъ вдову. Опека переведена въ Москву; неправильныя или оши-

бочныя распоряженія на мѣстѣ уничтожены; права наслѣдницъ обезпечены; достояніе ихъ сбережено.

Чувство благодарности не такъ обыкновенно, какъ чувство злопамятованія. Съ умиленіемъ говорю, что я видѣлъ слезы вдовы у гроба Павла Алексѣевича. Да, только истинно благородныя сердца помнятъ добро и не стыдятся выражать свою признательность за добро искренно, гласно, при всякомъ случаѣ. Видѣлъ я и другую вдову у гроба. Она также приносила къ нему свою благодарность въ печальную пору молитвъ объ усопшемъ. Я былъ свидѣтелемъ ея отчаянія, когда она, разоренная тяжбой съ хитрымъ соперникомъ, принесла всѣ свои бумаги вечеромъ къ Павлу Алексѣевичу, отдыхавшему тогда отъ занятій въ саду. Долго, внимательно, терпѣливо слушалъ онъ женское изложеніе перепутанныхъ нитей тяжбы. . .

Никогда не узнаютъ люди, сколько изъ прибѣгавшихъ подъ его покровительство было поддержано его судомъ, совѣтомъ, кошелькомъ. Всѣ мы видѣли какую-то женщину, съ воплемъ цѣловавшую скрещенныя руки покойника, съ рыданьемъ причитавшую его дѣла христіанской любви, заявлявшую свою скорбь о немъ. И какъ не плакать о немъ бѣднымъ, которымъ онъ помогалъ, дѣтямъ, которыхъ содержалъ въ учебныхъ заведеніяхъ, подсудимымъ, наказаніе которыхъ облегчалъ по возможности! И какъ помогалъ онъ бѣднымъ? Самъ получившій помощь узнавалъ это только по возвращеніи своемъ домой. Просить, на примѣръ, обремененная семействомъ женщина единовременнаго пособія, по продолжительной болѣзни своего мужа. Служба бѣднаго чиновника не даетъ ему права ни на какую награду. Павелъ Алексѣевичъ тайкомъ кладетъ 150 рублей

въ поданное ему прошеніе и возвращаетъ его просительницѣ, съ сожалѣніемъ, что не можетъ удовлетворить просьбы. Чиновница удаляется, конечно, не съ чувствомъ благодарности, которой онъ всегда избѣгалъ. Она бросаетъ на столъ бумагу, объясняя мужу неудачу. Изъ бумаги выпали деньги... Является отставной штабъ-офицеръ, просить о прибавкѣ къ получаемой пенсіи. Невозможно. Павелъ Алексѣевичъ уходитъ въ кабинетъ, влагаетъ 100 р. въ его бумаги и молча возвращаетъ ихъ просителю. Онъ уходитъ. Онъ уходитъ разумѣется недовольный, даже немножко сердитый, и вотъ дома открываетъ кредитный билетъ. Такіе случаи были не рѣдки. Нечего ужъ и говорить о небольшихъ пособіяхъ, въ 10—15 руб., которыя были выдаваемы по просительнымъ письмамъ бѣднымъ.

Заботы градоначальника о преобразованіи, объ улучшеніяхъ, о сокращеніи всевозможныхъ расходовъ по благотворительнымъ учрежденіямъ; перестройка полицейской-Газовой больницы, такъ названной въ память о врачѣ христіанинѣ О. П. Газѣ; наблюденіе за содержаніемъ попадающихъ въ такъ называемыя сибирскіе и номощеніями при частныхъ домахъ; отдѣленіе мужчинъ отъ женщинъ, при задержаніи тѣхъ и другихъ; попеченіе о заключенныхъ въ тюремныхъ замкахъ или острогахъ, о пересылочныхъ арестантахъ, о переселяемыхъ изъ Польши и юго-западнаго края шляхетскихъ семействахъ и самыхъ государственныхъ преступникахъ, при нуждѣ ихъ въ пособіи; уничтоженіе дикаго названія ямы — (тюремы для заточаемыхъ должниковъ) и сооруженіе вѣсто ямы, сырой, темной, тѣсной—приличнаго, просторнаго, сухаго, свѣтлаго помѣщенія; все это — дѣла сердца, дѣла, не всегда видныя для людей, но видныя Богу!

Впрочемъ, при всемі желаніи его облегчить кару закона, когда представлялись обстоятельства, смягчающія вину и даже преступленія, къ явнымъ, закоснѣлымъ злодѣямъ, убійцамъ, зажигателямъ онъ былъ неумолимо строгъ.

Особенно грустенъ бывалъ онъ, когда доводилось ему заявлять свою власть. Такъ, скрѣпя сердце, онъ рѣшился однажды сказать тремъ-четыремъ лицамъ, которыя, изъ простаго впрочемъ любопытства, ходили въ польскій костель, когда въ немъ ксендзы предательски молились о мнимыхъ жертвахъ жестокости Русскихъ въ Варшавѣ: „Господа! вы все смотрите на Западъ. Остерегитесь: не повернуться бы на Востокъ.“

Пріѣхалъ въ Москву одинъ литераторъ отъ петербургской пишущей братьи къ московской съ какимъ-то порученіемъ. Правда, въ числѣ посылавшихъ его лицъ многихъ не было (К. Вяземскаго, Муравьева, Норова, Тютчева и другихъ). Не добываясь, по скромности, отъ нечаяннаго гостя, о чемъ будетъ рѣчь? и полагая, что рѣчь пойдетъ о ценсурномъ уставѣ (а тогда много было толковъ о преобразованіи цензуры), одинъ изъ московскихъ литераторовъ постарался соединить у себя членовъ о. любителей россійской словесности, ученыхъ мужей университета, всѣхъ издателей временныхъ листковъ, газетъ, журналовъ, и писателей всѣхъ цвѣтовъ, тѣней и оттѣнковъ. Была тутъ и писательница; она познакомила меня съ виновникомъ нашего чрезвычайнаго съѣзда. Не многіе изъ насъ знали, зачѣмъ собранъ этотъ ареопагъ. Уполномоченный провозгласилъ предложеніе своихъ довѣрителей: заступиться предъ правительствомъ за подсудимаго Михайлова. Нѣсколько секундъ никто ни слова. Всѣ какъ бы онѣмѣли.

Но вотъ раздался голосъ И С. Аксакова. Его разумная, безъ уклончивости и оговорокъ, рѣчь прослушана съ полнымъ вниманіемъ. Заговорили другіе. Всѣ въ томъ же смыслѣ, что литераторы не составляютъ отдѣльнаго сословія и, стало быть, не имѣютъ ни права, ни повода отряжать защитниковъ и представителей изъ среды своей къ слѣдственнымъ и уголовнымъ дѣламъ о поступкахъ какого бы то ни было стихотворца или прозаика. Пренія — и то въ полголоса и по угламъ — скоро прекратились. Предложеніе петербургцевъ дружно отринуто. На другой день, гуляючи, зашелъ я мимоходомъ поутру къ Елисаветѣ Ивановнѣ. Она повела меня въ кабинетъ Павла Алексѣевича. Гляжу — онъ что-то пасмуренъ и озабоченъ.

— Что съ вами?

„ Въ неприятное положеніе поставили меня... вотъ пишу телеграмму въ Крымъ... страхъ какъ досадно!.. “

— Вы, конечно, не скажете мнѣ, о чемъ телеграфъ заговорить. А я покуда надѣюсь васъ развеселить доброю вѣстью.

„ Чтожъ такое? “

— Вчера было сборище всей премудрости московской...

„ Какъ! и вы тамъ были? что за неволя!... “

— И очень доволенъ, что былъ тамъ.

„ У меня три списка лицъ бывшихъ въ этомъ собраніи. Вашего имени въ нихъ нѣтъ. Я долженъ внести. “

— Внесите.

„ Какъ вамъ отстать отъ другихъ! охъ, ваши мнѣ литераторы! “

— Не жалуйтесь, а прежде послушайте.

Тутъ я рассказалъ, какъ было дѣло, какъ первый за-

говорилъ Аксаковъ, какъ безъ спора и шума разошлись гости по домамъ,—лице градоначальника прояснилось.

„ Если такъ, то мое донесеніе будетъ окончательное. Нечего теперъ объясняться мнѣ съ вами, господами литераторами. Дѣло обойдется, безъ слѣдствія, безъ тревоги. “

— Вы смѣло можете порадовать Государя здоровымъ смысломъ и разумнымъ направлениемъ московскихъ профессоровъ, писателей и журналистовъ.

„ Не пострадать бы только петербургскому посланцу? “

— Посла ни казнять, ни вѣшаютъ.

„ Впрочемъ, что мнѣ о немъ распространяться? Онъ не нашъ. Пусть въ Петербургъ обсудятъ поступокъ тамошнихъ литераторовъ. “

Также мирно повершилъ Павелъ Алексѣвичъ и проказы студентовъ. Были изъ числа ихъ жертвы суда и закона. Но университетъ не былъ подъ опалой. Ни одинъ факультетъ не былъ закрытъ. Если же преподаваніе въ двухъ младшихъ классахъ или курсахъ было приостановлено, то это сдѣлано по распоряженію университетскаго начальства, безъ какого либо съ его стороны вліянія. Въ шумное утро появленія толпами студентовъ у крыльца генераль-губернаторскаго дома военная сила не была употреблена. Ихъ взяли такъ сказать блокадой, и размѣстивъ по гауптвахтамъ и частнымъ домамъ, *кормили калачами*. Тѣ, которые удалялись съ Марсова поля, не были преслѣдуемы полиціей. Если ихъ задерживали дворники и простолюдины вообще, то ужъ конечно такое содѣйствіе народа не входило въ стратегическія соображенія военного начальства. Здѣсь не мѣсто говорить о подробностяхъ печальныхъ и смѣшныхъ происшествій, какъ на улицахъ, такъ и въ оградѣ универ-

ситета, о твердости попечителя, о счастливомъ возгласѣ профессора О. М. Бодянского, когда припертый къ стѣнѣ, онъ не могъ уже ретироваться, отступать отъ осаждающихъ: „господа! мы уже у Геркулесовыхъ столбовъ! дальше идти нельзя; пойду впередъ!..“ и пр. Современемъ оцѣнять благоразуміе и осторожность въ дѣйствіяхъ военнаго генераль-губернатора отъ начала безпорядковъ и недоразумѣній въ университетѣ. Бережно (деликатно), отечески старался онъ умирить неопытную молодежь. Всѣ средства имъ въ послѣдствіи истощены къ уменьшенію числа подсудимыхъ.

7-го апрѣля покойнику минуло бы 61 годъ. Спрашиваютъ обыкновенно объ умершихъ, особенно такъ неожиданно, такъ скоро,—какъ умеръ, въ какомъ настроеніи, готовъ ли былъ? и т. п. Спросите: какъ жилъ? Какъ въ кругъ начало сходится съ концемъ, такъ и въ жизни: живешь честно и умрешь честно. Знаемъ ли мы, какъ духъ, покидая пелены тѣлесныя, молится внутренно и возносится къ небу? А конечно умирающій молится внутренно, подъ крыломъ Ангела-хранителя.

„Огнемъ страданія“—сказалъ намъ Пастырь-проповѣдникъ—„искушенная душа просіяетъ чистотою, а наконецъ и блаженствомъ.“

Несись же, душа, очищенная терзательной болѣзнію и безропотнымъ страданіемъ, несись къ обителямъ нищихъ духомъ, кроткихъ, алчущихъ и жаждущихъ правды, милостивыхъ и чистыхъ сердцемъ!..

Николай Сушковъ.

5 Февраля
1864.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНИИ ВРЕМЕННОГО 2-й гильдии купца НИКОЛАЯ
ГАВРИЛОВИЧА ГРЯЗНОВА а).

*Блаженни мртви, умирающіи
о Господь отнынь. Апок. 14. 15.*

Кто это умирающіе о Господѣ, которыхъ святой тайно-видецъ Иоаннъ Богооловъ называетъ блаженными? Ближайшимъ образомъ, конечно, можно разумѣть здѣсь тѣхъ, которые удостоились христіанской кончины, которые умерли съ вѣрою въ Господа, съ упованіемъ на Его милосердіе, съ сердечнымъ сокрушеніемъ о своихъ грѣхахъ, съ рѣшительнымъ желаніемъ, если Господь продлитъ имъ вѣку, жить въ славу Господа. Они по истинѣ блаженны, хотя бы и въ поздній часъ жизни своей вступили на путь покаянія и спасенія. Милосердый Господь пришедшихъ къ Нему и въ единонадесятый часъ одинаково награждаетъ своимъ благоволеніемъ, какъ и тѣхъ, которые съ перваго часа работали въ его вертоградѣ, т. е. съ ранняго возраста служили ему. Дай Богъ каждому изъ насъ по крайней мѣрѣ хоть умереть по-

---

а) Произнесено въ московской Николаевской, въ Толмачахъ, церкви, февраля 13 дня.

христіански, о Господѣ, если мы жили не о Господѣ. Но опытъ, къ сожалѣнію, показываетъ, что рѣдко умираютъ о Господѣ тѣ, которые жили не о Господѣ. Посему никто да не льститъ себя надеждою окончить не христіанскую жизнь христіанскою смертію. И святой Тайновидецъ, говоря о блаженствѣ умирающихъ о Господѣ, прибавляетъ: *ей, млаолетъ Духъ, да почиютъ отъ трудовъ своихъ; дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними* (Апок. 14. 16), - стало быть онъ имѣетъ въ виду не столько кратковременно, предъ самымъ отшествіемъ въ вѣчность, потрудившихся для Господа, сколько тѣхъ, которые домовременными, всю жизнь продолжавшимися подвигами угожденія Господу, засвидетельствовали предъ Нимъ, что достойны воспріять отъ Него вѣчный покой.

Братіе, окружающіе гробъ новопреставленнаго раба Божія Николая! Возблагодаримъ Господа, который сподобилъ его и умереть и жить похристіански. Такъ, кончина его по истинѣ была христіанская, о Господѣ. Онъ располагалъ большими вещественными средствами для жизни благополучной, имѣлъ въ обилии земныя блага, которыя притомъ не малаго труда стоило ему нажить, но несмотря на то онъ предъ смертію безъ смущенія и ропота разстался съ ними и съ удовольствіемъ успѣшилъ распределить ихъ между сродниками и на дѣла богоугодныя. Ему легко было это сдѣлать, потому что сердце его не привязано было къ земному, потому что онъ богатѣлъ не для себя, а для Бога, желая послужить Ему употребленіемъ во славу Его полученныхъ отъ Него даровъ. Съ самою жизнью ему не тяжело было разстаться: *мнѣ еже жити Христосъ и еже умерети пріобрѣтеніе есть*, повторялъ онъ слова Апостола. Когда приближалась смертная опасность, онъ, вопреки примѣру

иныхъ многихъ, находящихся въ подобной опасности, не заставилъ никого уговаривать себя къ принятію святыхъ таинствъ исповѣди и Причащенія; онъ самъ созналъ нужду въ сихъ духовныхъ врачествахъ, самъ поспѣшилъ послать за священникомъ, и съ умиленіемъ принялъ отъ него таинства. Таинство елеосвященія онъ принялъ съ такимъ великимъ удовольствіемъ, что, какъ самъ онъ говорилъ, чувствовалъ себя какъ бы въ раю. Другое утѣшеніе онъ находилъ въ слушаніи молитвъ и душеспасительныхъ книгъ, которыя, по его просьбѣ, читали у одра его сродники его. Сдѣлавъ ихъ наследниками вещественнаго своего имущества, онъ отъ сокровища сердца своего подѣлился съ ними духовными совѣтами и наставленіями, дышавшими ревностію о ихъ спасеніи. Дай Богъ, чтобы они подорожили этимъ духовнымъ наследіемъ больше, чѣмъ вещественнымъ. Благословенъ Господь, пославшій такую христіанскую кончину рабу своему.

Но какова кончина, такова была и жизнь новопре-
ставленнаго. Онъ былъ истинно благочестивый и набож-
ный человѣкъ. Молитвенное настроеніе было господ-
ствующимъ въ немъ настроеніемъ, которое неоставляло
его въ самыхъ житейскихъ занятіяхъ. Онъ образовалъ
въ себѣ *вкусъ* въ молитвѣ и находилъ въ ней величай-
шее удовольствіе. Особенно услаждала его молитва
церковная. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ онъ
имѣлъ обычай присутствовать за двумя литургіями, раннею
и позднею, и за вечернею, и выходилъ изъ храма послѣд-
нимъ, пока не облабызаетъ, сколько могъ, иконъ. Онъ
былъ усерднымъ посѣтителемъ храмовыхъ праздниковъ
многочисленныхъ Московскихъ церквей и во многихъ
изъ нихъ бывалъ по нѣскольку разъ въ году, и притомъ

ходилъ туда и обратно пѣшкомъ, но стѣснясь никакими разстояніями. Особенно привлекали его мѣста, ознаменованныя святынею чудотворныхъ иконъ и мощей. Прикоснуться къ нимъ устами, молиться возлѣ нихъ — это составляло для него неизреченное утѣшеніе. Въ часовнѣ Иверской иконы Богоматери онъ ежедневно неопустительно присутствовалъ на вечернемъ молебствіи. Нерѣдко онъ предпринималъ благочестивыя путешествія въ дальнія и близкія обители Русскія. Неспѣшное въ нихъ служеніе, благоговѣйное чтеніе, стройное пѣніе, постнической видъ иноковъ, ихъ подвижническіе труды, — все это умиляло его душу и отрѣшало ее отъ земли. Онъ дорожилъ всякимъ вещественнымъ знакомъ, напоминавшимъ ему святое мѣсто: иконою, крестикомъ, освященнымъ елеемъ, святою водою, просфорою и т. п., и благоговѣйно освящалъ себя прикосновеніемъ къ однимъ, увотребленіемъ другихъ. Одинъ изъ этихъ знаковъ вы видите въ самомъ гробѣ его. Эта покрывающая тѣло его тонкая пелена съ изображеніемъ креста и орудій распятія, — откуда она? Она изъ Іерусалимскаго храма гроба Господня, освящена прикосновеніемъ къ такъ называемому камню помазанія, тому самому камню, на которомъ лежало пречистое тѣло Богочеловѣка, когда готовится было къ погребенію чрезъ помазаніе благоговонными мастями, — и изготовлена въ мѣру этого камня. Покойный берегъ ее, какъ святыню, завѣщавъ покрыть ею свои бранные останки. Его утѣшала мысль, что онъ можетъ какъ бы спогребстися самому Христу, возложивъ на себя погребальную пелену, бывшую на камнѣ, на которомъ помазано было тѣло Иисусово. Покойный и самъ готовился совершить путешествіе въ Іерусалимъ и другія Палестинскія святыя мѣста, освященные стопами

Богочеловѣка. Онъ обѣщаль себѣ неизреченное блаженство поклониться Гробу Господню, повергнуться въ прахъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ водруженъ былъ міро-спасительный крестъ Христовъ, молиться и плакать тамъ, гдѣ были ясли Богочеловѣка, гдѣ Онъ крестился, гдѣ совершилъ знаменія и чудеса, гдѣ явилъ славу преображенія, воскресенія и вознесенія на небо. Путешествіе въ Палестину и также на Аѳонъ,—это была завѣтная, всегдашняя его дума, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ времени, когда приведетъ въ окончательное устройство свои хозяйственныя дѣла и на полной свободѣ, безпрепятственно можетъ исполнить свое давнее благочестивое намѣреніе. Сего мало, покойникъ самъ собирался оставить этотъ многоятежный міръ, чтобы провести остатокъ дней своихъ въ подвигахъ благочестія въ какой нибудь уединенной обители, хотя и въ мірѣ онъ жилъ помонашески, воздерживаясь отъ всѣхъ мірскихъ удовольствій. Господь не судилъ исполниться его обѣтамъ и желаніямъ, и если преселилъ его въ другія мѣста, несравненно болѣе святыя, чѣмъ земной Іерусалимъ и Аѳонъ, въ обители несравненно болѣе покойныя и безмятежныя, чѣмъ наши монастыри, то покойный безъ сомнѣнія и не жалѣеть, что не удалось ему при жизни быть ни паломникомъ, ни монахомъ. Самъ благочестивый, онъ любилъ общество людей благочестивыхъ; его домъ радушно открытъ былъ для монаховъ, для странниковъ и другихъ ревнителей благочестія, посѣщеніемъ ихъ онъ дорожилъ и назидался примѣромъ ихъ благочестія и бесѣдами о благочестіи. Не забудемъ еще одной поучительной черты его благочестія: любя молиться въ храмахъ, онъ заботился о самыхъ храмахъ и о ихъ благосостояніи: его иждивеніемъ, на его родинѣ воздвиг-

гнутъ новый придѣльный храмъ въ честь его ангела святителя Николая и возобновлена настоящая церковь. Онъ жертвовалъ значительныя суммы, также иконы, и въ другія недостаточныя церкви и часовни, для поддержанія ихъ благолѣпія. Самый домъ сего ревнителя церковнаго благолѣпія походилъ на церковь. Украшеніемъ его дома были не картины дорогія, не мебель великолѣпная, а многочисленныя святыя иконы, предъ которыми горѣли двѣ неугасимыя лампы. Среди такой обстановки какъ хозяинъ, такъ и посѣтитель невольно получали благочестивое настроеніе. Видъ святыхъ иконъ напоминалъ каждому о скромности и благоговѣніи въ рѣчахъ и поступкахъ.

Скажете: все это дѣла внѣшняго благочестія, которыя не имѣютъ цѣны, если не служатъ выраженіемъ внутренняго благочестія, сердечной любви къ Богу. Но нѣтъ нималѣйшей причины подозрѣвать покойнаго въ неискренности его внѣшняго благочестія. Одинъ всевѣдущій Богъ видитъ глубины сердець человѣческихъ; одинъ Онъ можетъ судить о томъ, что скрывается въ сердцѣ чловѣка, независимо отъ того, что выходитъ наружу. Намъ не дано такого всевѣденія; мы только по наружнымъ признакомъ можемъ судить о сердцѣ чловѣка, и если эти признаки благовидны, если имъ ничто не противорѣчить во всей совокупности жизни чловѣка, мы не имѣемъ ни права, ни причины недовѣрять имъ. Такое недовѣріе свойственно только тѣмъ, которые сами не имѣютъ искренняго благочестія и о другихъ судятъ по себѣ.

Но обратимся къ почившему. Съ благочестіемъ и любовію къ Богу въ немъ соединялась любовь къ ближнимъ. Она выражалась въ его благотворительности нуждающимся. Помня слова Апостола: "если кто о сво-

ихъ и особенно домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго, (1 Тим. 5, 8.), онъ съ охотою дѣлился своими недостатками съ нуждающимся сродниками, приемотривалъ родныхъ сиротъ, помогалъ вдовамъ, и обезпечилъ благосостояніе многихъ своихъ родственниковъ духовнымъ завѣщаніемъ. Покойный весьма внимателенъ былъ къ нуждамъ служителей церкви: его благословляютъ за благодѣянія члены причта въ томъ селѣ, гдѣ онъ родился; онъ заслужилъ вѣчную благодарность и отъ священнослужителей нашего прихода, завѣщавъ значительную сумму на обращеніе въ церковную собственность ихъ домовъ. Значительную сумму онъ завѣщалъ на нужды Алтайской миссіи. При жизни онъ особенно любилъ благотворить нищей братіи. Къ нему ежедневно стекались толпы нищихъ, и онъ никому не отказывалъ въ подаяніи. Онъ не внималъ рѣчамъ тѣхъ, которые изъ всѣхъ силъ быются втолковать русскому человѣку, что нищіе—тунеядцы, что подавать имъ грѣшно, что милостыня питаетъ ихъ праздность и даетъ средства къ жизни безпорядочной. Онъ не почиталъ себя въ правѣ разбирать достойныхъ и не достойныхъ милостыни; онъ подражалъ милосердію Отца Небеснаго, который, велитъ восходить солнцу своему надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и не праведныхъ“ (Мѡ. 5,45). У него не доставало духу надѣлять одними нравоученіями тѣхъ, которые просили хлѣба, отказывать въ подаяніи тѣмъ, которые во имя Христа протягивали руку за нимъ. Онъ боялся оскорбить самого Христа въ лицѣ тѣхъ, которыхъ Онъ на страшномъ судѣ назоветъ братьями своими меньшими (Мѡ. 25. 40). Не такъ разсуждаютъ нынѣшніе филантропы, которые думаютъ уменьшить число нищихъ не

столько разумнымъ удовлетвореніемъ ихъ нуждъ, сколько насильственнымъ запрещеніемъ просить себѣ подаянія, которые разборчивость свою въ отношеніи къ нищимъ простираютъ до того, что многіе изъ нихъ, потерявъ надежду кормиться добродетельными подаяніями, прибѣгнутъ, пожалуй, къ незаконнымъ и преступнымъ средствамъ, чтобы добыть кусокъ хлѣба.

Къ чести усопшаго ревнителя благочестія и милосердія скажемъ наконецъ, что онъ былъ любитель духовнаго просвѣщенія. Въ школѣ онъ не учился (онъ былъ изъ крестьянъ), и жажду духовнаго образованія утолялъ прилежнымъ чтеніемъ. Любимымъ его чтеніемъ были: Библія, прологъ, четь-минеи и разныя духовно-нравственныя книги, на пріобрѣтеніе которыхъ онъ не скупился. Онъ имѣлъ похвальный обычай ежедневно до отхода ко сну по два часа заниматься чтеніемъ духовныхъ книгъ и ложился спать, усладивъ напередъ свою душу этого духовною пищею и молитвою. Самъ любя чтеніе, онъ и домашнихъ пріучалъ къ нему и въ постороннихъ старался пробудить охоту къ этому занятію, распространяя между ними духовныя книги. Покойный былъ великій охотникъ до слушанія проповѣдей. Бывало всегда подойдетъ ближе къ проповѣдующему и не проронитъ ни одного его слова. Еслибы побольше было такихъ внимательныхъ слушателей, не было бы недостатка въ проповѣдникахъ. А то вѣдь большею частію въ городскихъ приходахъ бываетъ, что проповѣдникъ показался на амвонѣ, а слушатели изъ церкви вонъ. „Мы, разсуждаютъ они, слышали все это, и не хуже проповѣдника знаемъ то, чему онъ станетъ учить; мы не малолѣтки, чтобы насъ учить. И къ чему проповѣдь? Вѣдь это роскошь; мы пришли въ церковь молить-

ся, а не учиться⁴. Не такъ разсуждалъ почившій. Онъ былъ большой начетчикъ, но слушанія проповѣдей онъ не почиталъ излишнимъ. Онъ признавалъ въ священникѣ не совершителя только требъ, а законнаго, богопоставленнаго учителя, не слушать котораго значитъ не слушать Самого Христа Спасителя, рекшаго: *слушай васъ Мене слушаетъ и отвергаяся васъ Мене отвергается* (Лук. 10,16). Онъ зналъ, что *широка злыя заповѣдь Господня* (Псал. 118, 96), и потому справедливо ожидалъ, что проповѣдникъ можетъ указать въ ней и новую какую нибудь сторону, которую дотолъ иной не примѣчалъ. Онъ: чувствомъ сердца понималъ, что словеса Господни слаще меда и сота, и потому самымъ повтореніемъ ихъ не скучалъ. Онъ ободрялъ проповѣдниковъ не только вниманіемъ къ ихъ слову, но иногда и полезными совѣтами. Одинъ изъ знакомыхъ покойному священникъ завелъ было добрый обычай каждый праздникъ и каждое воскресеніе произносить въ церкви поученія и съ усердіемъ предавался этому труду. Но невниманіе многихъ слушателей охладило наконецъ его усердіе. Онъ оставилъ добрый обычай и никто не пожалѣлъ объ этомъ. Но не такъ относился къ проповѣднику почившій. Онъ всегда благодарилъ его за проповѣди, убѣждалъ его не прекращать ихъ, и на его недовольство невниманіемъ слушателей сдѣлалъ такой отзывъ: „еслибы всѣ разбѣжались, да одинъ остался, то и для одного надобно проповѣдывать, потому что этотъ одинъ дороже всѣхъ, когда вопреки всѣмъ показываетъ ревность къ слушанію слова Божія“. По истинѣ разумны и справедливы слово твои, приснопоминаемый рабъ Божій Николай.

Мы, указали, братіе, добрыя черты въ характерѣ почившаго не для того, чтобы похвалами возбудить въ

васъ безплодное удивленіе къ нему, а для того, чтобы побудить васъ къ благодарности Господу и къ подражанію ему. Итакъ возблагодаримъ Господа, сподобившаго его своею благодатию жить благочестиво и добродѣтельно, и поревнуемъ по его примѣру жить во славу Божию. Но вѣдь нѣтъ человѣка, который поживетъ и не согрѣшитъ. Не будемъ осуждать его за грѣхи, какіе кто знаетъ за нимъ. Это не наше дѣло. Наше дѣло только молить о немъ Господа, да проститъ и помилуетъ его. Итакъ, вознесемъ сію молитву отъ глубины сердець къ престолу благодати и скажемъ Господу: „Господи! рабъ Твой сподобился получить христіанскую кончину, даруй ему и добрый отвѣтъ на страшномъ судѣ Твоемъ; рабъ Твой старался угодить Тебѣ благочестіемъ и милосердіемъ, пріими и Ты его въ свое вѣчное благоволеніе. Рабъ Твой съ ревностію поучался въ словѣ Твоемъ: причти его къ лику тѣхъ, о которыхъ Ты сказалъ: *блаженни слышащии слово Божіе и храняще е.*“—Аминь.

Свящ. В. Нечаевъ.

ИЗЪ БЫТА КРЕСТЬЯНЪ.

II а).

Быль объявленъ рекрутскій наборъ. Изъ Юрьевского предназначено было вести въ пріемъ нѣсколько семей, и въ томъ числѣ семью Савелія Пантелеймонова. У Савелія въ семьѣ были: онъ самъ лѣтъ 55-ти, братъ его Димитрій лѣтъ 45 женатый, и съ пятерыми маленькими дѣтьми; братъ Власъ, ужь отдѣленный отъ семьи; дѣти

а) 1-й рассказъ см. въ январской книжкѣ „Душепол. Чтенія“ за текущій годъ.

Савелія: Яковъ лѣтъ 24-хъ женатый и имѣвшій троихъ дѣтей,—Кирилль лѣтъ 20-ти, холостой и Карпъ—малолѣтний, лѣтъ 13-ти. Что Савелію слѣдовало поставить рекрута, объ этомъ онъ самъ зналъ, и на это смотрѣлъ, какъ на святую, необходимую обязанность; но вотъ въ чемъ было горе его: кого отдать? Лукавая мысль шептала ему подъ часъ: вотъ еслибы брата Димитрія!.. Но онъ самъ скоро отгонялъ отъ себя эту проклятую, какъ онъ называлъ ее,—мысль. „На кого останутся дѣти его? Вѣдь малъ-мала-меньше; а ихъ пятеро. Ужъ лучше изъ своихъ ребятъ котораго нибудь.“ Такъ думалъ Савелій.

— Но котораго жъ изъ ребятъ? спрашивало его сердце.

Яковъ женатъ, думалъ онъ, трое дѣтей, да...“ Самъ Савелій сначала боялся доводить до конца свою думу.

И какъ это противорѣчіе самому себѣ улегалось въ его душѣ, это мы не беремся объяснить. О братѣ толкуетъ, дѣло хорошо идетъ; Савелій жалветъ его, жалветъ его дѣтей, онъ судить такъ честно, благородно; о дѣтяхъ своихъ заговорить тотъ же Савелій, да тянетъ въ другую сторону, ему ихъ меньше жаль брата и его дѣтей. Не отъ того ли Савелій такъ колеблется въ мысляхъ и мѣнялся въ сужденіяхъ, что дѣти — его собственность, его плоть и кровь? А по правдѣ, онъ легче бы поставилъ въ рекруты брата, чѣмъ дѣтей и только того боялся, что братъ заговорить, заспорить, закричить; за брата и міръ вступится.

— Или отдать Кирилла?

И сердце Савелія обливалось кровью при одной этой мысли. Кирилль былъ любимый сынъ у него и у матери. Молодой, стройный, умный, скромный, грамотный, Кирилль былъ дѣйствительно красою сельскихъ ребятъ. Никогда онъ не забуянить, никогда онъ не запьетъ;

никогда онъ не сдѣляетъ никакого безчинства на селѣ; живетъ, какъ красная дѣвица. Правда и Яковъ былъ хорошъ,— и трезвъ и не тупъ; но все не то, что Кирилль. Яковъ во первыхъ имѣлъ природный недостатокъ: онъ говорилъ какъ-то непріятно, гнусилъ; потомъ у Якова жена не совсѣмъ пришла по мыслямъ Савеллію и его старухъ. Она была женщина и добрая, и умная, и работающая, и дѣтей раждала; но какъ-то не лежало къ ней сердце свѣкора и свекрови. Имъ все думалось, что вотъ ихъ Кирюша возьметъ за себя жену, что ни есть-то первую красавицу, первую умницу; ужъ въ тысячу разъ и умнѣе и добрѣе Акулины, которая была за Яковомъ. Акулина съ своей стороны старалась вслѣдствіи снискать себѣ любовь и расположеніе стариковъ; всячески отстраняла всѣ столкновенія и непріятности, которыя готовъ былъ поднять изъ-за нея Яковъ съ отцемъ и съ матерью.

— Ну, Богъ съ ними, перетерпимъ; авось Господь увидитъ нашу правду, говорила она.

Когда объявленъ былъ наборъ, Акулина сдѣлалась еще ласковѣе къ свекору и свекрови, еще послушнѣе и почтительнѣе. И Якова еще неотступнѣе стала уговаривать, чтобъ онъ молчалъ больше. Яковъ и терпѣлъ, сколько могъ; только подъ часъ, когда ужъ больно тяжело ему будетъ, нѣтъ, нѣтъ, да и взгрустнется онъ, и выскажется, если не предъ отцемъ, котораго онъ боялся, то предъ матерью: „Господи Ты Боже мой! Ужъ я ли вамъ не работаю? Я ли вамъ не служу? Ужъ жена-ль моя вамъ не раба?.. И все-то мы у васъ постылые!.. Все-то только и хорошъ и пригожъ у васъ Кирилль.“ Мать бывало отвернется; даже слезы навернутся у ней; а взойдетъ въ избу Кирилль,—и она забыла объ Яковѣ; она всѣмъ сердцемъ, всей душой любила Кирилла.

Наступалъ октябрь. Акулина видѣла, что свекоръ дѣлается угрюмѣе и угрюмѣе; что чаще и чаще у него стали вырывать слова и рѣчи такія, которыя какъ ножомъ рѣзали ея сердце. „Что народили ребятъ, такъ и правы. Гм.“ — бывало скажетъ свекоръ, и хлопнетъ дверью.

Горячо начала Акулина молиться Богу, чтобъ Господь пронесъ тучу грозную; цѣлыя ночи стояла она на коленяхъ и плакала. „Мать Царица небесная, не покинь Ты насъ горькихъ! Покрой, защити Ты насъ грѣшныхъ Твоею милостію! Взгляни Ты на этихъ малютокъ нашихъ!..“ Свекоръ бывало увидитъ по мѣсяцу, какъ Акулина молится, повернется на другой бокъ, кашлянетъ, и завернется въ шубу.

Заплачутъ дѣти у Акулины; въ деревняхъ осенью и зимою съ ними никуда не уйдешь; ночь иногда цѣлую кричатъ. Савелій проснется, опять кашлянетъ, и только скажетъ сквозь зубы: „Что ты? не умѣешь что ли унять ребятъ-то?“ Акулина такъ притиснетъ ребенка къ груди своей, что тотъ не пикнетъ.

Октябрь приходилъ къ концу; а съ первыхъ чиселъ ноября начнется ужъ наборъ. Кириллу какъ холостому, дали по обычаю полную свободу гулять, ходить на посѣдки, пить, кататься. Последнее время онъ вовсе и не работалъ. Откуда бывало ни придетъ онъ, мать обниметъ его голову, прижметъ ее къ груди своей, начнетъ цѣловать и обливаетъ слезами. „Побѣдная ты головушка, горемычная; не долго тебѣ съ нами ворковать, голубъ сизокрылый.“

— Ну, перестань, молвить грозно Савелій, не забрили еще; что ревѣтъ-то? Еще посмотримъ. . . . А самъ сдѣлается чернѣе тучи.

На послѣднихъ дняхъ жена стала говорить Савелію: „чтожь? ужъ надо собирать ребятъ-то въ городъ. Ты бы благословилъ ихъ полюдски, какъ у добрыхъ людей ведется.“ А сама залилась горькими слезами.

— Успѣю.

„Да что успѣю? Вѣдь ужъ не долго: два или три дня всего. Что ты все какой грозный? Богъ съ тобою; благослови того и другаго.“

Савелій молчалъ.

— Пусть служитъ Царю и Богу, какъ Христосъ велѣлъ. Или жребій далъ бы что ли?

Старуха боялась указать прямо на Кирилла; онъ былъ любимецъ ея сердца, онъ былъ любимцемъ и отца. По настоящему, по Божески, никакого жребія и не слѣдовало давать; а слѣдовало бы прямо сказать Кириллу: „ну, сынокъ нашъ любезный, тебя Самъ Господь зоветъ на службу царскую; ступай, вотъ тебѣ и Божіе и наше благословеніе; послужи за насъ и за всѣхъ православныхъ Царю и Богу. Пока живы, мы тебя неоставимъ; а умремъ, брату твоему Якову накажемъ, чтобы онъ молился съ ребятами своими за тебя Богу, да не покидалъ Себя Своею помощію. И Самъ Царь небесный не оставитъ тебя Своею милостію. Былъ ты для насъ хорошъ; будешь ты и на службѣ царской хорошъ.“ Нѣтъ, такъ не умѣли говорить ни Савелій, ни старуха его; а стали толковать о жребіи.

Когда Акулина и Яковъ узнали мысли стариковъ о жребіи, они оба со страха чуть не упали. Они видѣли, что жребій только предлогъ, что отцу хочется не Кирилла отдать, а Якова. „Богъ съ ними, сказалъ Яковъ; они знать хотятъ тебя и дѣтей по міру пустить.“ Акулина плакала.

Насталъ прощальный вечеръ. Въ домъ къ Савелію

собралось почти все село. Старуха Савелльева плакала съ разными причитаньями. Яковъ былъ блѣденъ, какъ полотно; Акулину таскали какъ мертвую. Гореваль и Кирилль, но такъ-себѣ; ему было съ полугорья.

На столѣ была послана бѣлая скатерть; на ней положены хлѣбъ съ солью; около хлѣба—два образа; предъ ними теплились двѣ маленькія желтыя свѣчи. ѿ иконника тоже горѣли свѣчи.

— Ну, присядьте и помолимся Богу, сказалъ Савеллій.

Всѣ присѣли; чрезъ двѣ три минуты опять всѣ встали. Савеллій сдѣлалъ три поклона земныхъ предъ образами, и сталъ что-то копать въ кошелекѣ своемъ.

Замерло сердце у Якова и Кирилла, и у Акулины, и у старухи. Савеллій вынулъ грошъ.

— Ну, дѣти... сталъ-было онъ говорить Якову и Кириллу, вызывая ихъ на жеребій.

„Погоди, сказалъ Яковъ, тамъ... въ пріемъ... пусть здѣсь этого не будетъ...“

Савеллій остановился.

— Благослови насъ здѣсь обоихъ, продолжалъ Яковъ; когда взойдемъ въ пріемъ, тамъ и жребій. Я не откажусь, вотъ тебѣ Христось, отъ жребія. Яковъ перекрестился.

„И то погоди, Савелій, сказала мать; а то убьешь прежде времени. Ну, тамъ, что Богъ дастъ.“

Савеллій благословилъ обоихъ сыновей сначала св. иконами, потомъ хлѣбомъ съ солью. За Савеліемъ мать стала благословлять.

Какъ снопъ, Яковъ упалъ въ ноги матери. „Богъ съ вами,“ сталъ было онъ говорить, но слезы хлынули рѣкою. Мать тоже зарыдала; Акулина, дѣти Якова, посторонніе люди, бывшіе въ домѣ, все заплакало и застонало.

Заплакалъ и Савелій. „Ну, пора, съ Богомъ, сказалъ онъ чрезъ двѣ-три минуты; нечего реветъ; пора.“

Отправились въ Тверь. Въ Твери Савелій узналъ, что семья его записана довольно низко, такъ что только при самой большой браковкѣ вышезаписанныхъ семей, семья его будетъ на очереди; а то, пожалуй, и останется до будущаго набора. Много было пятерниковъ и шестерниковъ, какъ говорили, то есть много было такихъ семействъ, въ которыхъ у отца было пять быновъ, шесть сыновъ; а Савелій числился четверникомъ, хотя и братъ Дмитрій не былъ отдѣленъ отъ семьи его. У Савелія отлегло немножко отъ сердца.

Рано къ заутрени встала Акулина и побѣжала въ соборъ помолиться благовѣрному князю Михаилу; и долго горячо она молилась.

Къ десяти часамъ пошли въ приемъ. Около приѣма Савелью опять стали говорить, что его семья едва ли пойдетъ на очередь. „Не пойдетъ; гдѣ? видишь, сколько пятерниковъ и шестерниковъ!“ толковалъ волостной голова съ писаремъ. Вся волость стояла еще на дворѣ около рекрутскаго присутствія.

— Ахъ какъ бы Богъ далъ, не дошло до насъ! молилась жена Савеліева.

Акулина была блѣдна, какъ смерть, ея какъ будто не касались эти рѣчи.

Начался приемъ, дошло дѣло и до волости, къ которой принадлежалъ Савелій съ семьею. Сначала дѣло шло очень хорошо для Савелія. Семьи все были большія, люди здоровые и молодые; не было браку ни въ одномъ рекрутѣ. Часъ былъ второй въ исходѣ; оставалось съ волости взять только троихъ; а впереди Савельевой семьи было еще семей пятнадцать.

Не дойдетъ, слава Богу, подумалъ Савелій, и вышелъ изъ присутствія, сунувши писарю рублевикъ.

— Ты куда жь? спросила его жена.

„ Да пойду сбѣгаю на рынокъ, купить рукавицы и варешки для дома; а то ужó запоздаешь. Не дойдетъ до нашихъ. “

— Ты смотри, сказала жена.

„ Ну ужъ я знаю. “

Савелій побѣжалъ въ рынокъ. Яковъ и Кирилль остались въ приѣмъ.

Быстро смѣнялись тѣ семьи, которыя стояли выше Савельевой; у кого въ семьѣ были люди малорослые; у кого не очень здоровые; у кого черезъ-чуръ семейныя съ малолѣтними дѣтьми.

— Савелій Пантелеймоновъ! сказалъ предсѣдатель. Народъ зашевелился. Савелія не было; туда-сюда, нѣтъ нигдѣ. Писарь и голова переминались. Яковъ и Кирилль поблѣднѣли, какъ полотно.

„ Гдѣжь? “ спросилъ снова предсѣдатель.

— Онъ сейчасъ былъ здѣсь, робко сказалъ писарь; придетъ; семейство его здѣсь.

„ Кто въ семьѣ у него? “

Перечислили семью.

— Кирилль ты? обратился предсѣдатель къ младшему сыну Савельеву.

„ Я.

— Холость?

„ Холость.

— Сколько лѣтъ?

„ Двадцать. “

— Бравый молодецъ; въ мѣрку его!

„ Отецъ хотѣлъ жребій дать, “ выговорилъ было Кирилль.

— Что онъ съ ума сходитъ! Какой жребій! Ты одинъ, у брата охалка дѣтей; у дяди еще больше.

Кирилль блѣднѣлъ и молчалъ. По мѣркѣ онъ оказался совершенно годнымъ.

— Лобъ!.. сказалъ предсѣдатель.

Яковъ невольно перекрестился. Кирилль тоже немножко оправился и перекрестился. Онъ въ душѣ понималъ, что ему вѣдь слѣдъ идти за семью, да отецъ какъ-то все сбивалъ его съ толку.

— Знать Богу такъ угодно, сказалъ онъ Якову.

Савелій, ничего не зная, возвращался изъ рынка съ купленными варежками и рукавицами, и думалъ поскорѣе отправиться домой.

„Вѣдь твое семейство требовали, Савелій,“ сказалъ ему кто-то изъ знакомыхъ около приѣма.

— Савелій—вѣдь твоего отдали...

Савелій невѣрилъ своимъ ушамъ.

„Отдали, отдали; лобъ брѣютъ.“

— Котораго? Якова? спросилъ Савелій,—едва переводя духъ.

„Какого Якова? Кирилла.“

Какъ бѣлая береза, подрубленная подъ самый корень, падаетъ на землю, такъ повалился Савелій. Какъ будто что у него оборвалось около сердца. Его на рукахъ снесли на квартиру; ни у присяги въ церкви, ни у сборной онъ не былъ; на другой день его отправили домой. Тамъ онъ пришелъ въ себя, крестился, вздыхалъ и плакалъ. Черезъ два дня онъ былъ покойникъ. Предъ смертію своею онъ просилъ прощенія у Якова и у Акулины. Отпущенъ былъ къ нему на домъ и Кирилль, Савелій благословилъ его на службу царскую.

Кирилль, дѣйствительно, сдѣлался прѣкраснымъ солдатомъ. Какъ грамотный, онъ помѣщенъ былъ въ кан-

целярію одного изъ гренадерскихъ полковъ, былъ любимъ своимъ начальствомъ за свою честность и исправность. Лѣтъ черезъ восемь послѣ отдачи въ рекруты мнѣ пришлось его увидѣть; онъ зашелъ ко мнѣ, чтобы принять отъ меня благословеніе и повидаться со мною, какъ съ старымъ деревенскимъ товарищемъ.

— Ну что, другъ мой? Какъ ты служишь? спросилъ я.

„ Благодарю Господа Бога; лучше жизни мнѣ невидать.

— А помнишь, какъ отецъ твой не хотѣлъ тебя отдавать ?

„ Какъ не помнить? Царство ему небесное, онъ не понималъ, что дѣлалъ; вѣдь ужъ онъ больно меня любилъ. А я теперь ясно вижу, что еслибъ я остался въ селѣ, я былъ бы плохой работникъ, а семья брата Якова пропала бы вовсе.

— А теперь что они?

„ Живутъ и Бога хвалятъ. Я теперь отъ нихъ; приняли меня на славу.

— Слава Богу, сказалъ я.

„ Да, слава Богу“.

Я полюбовался на Кирилла, и благословилъ его на счастливое продолженіе его службы.

Священникъ В. В—въ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

(О ТЕАТРАЛЬНЫХЪ МАСКАРАДАХЪ).

Св. апостолъ Павелъ находилъ у древнихъ язычниковъ *тайные пороки*, о которыхъ почиталъ непристойнымъ и говорить предъ христіанами (Еф. 5, 3. 12.). Самимъ христіанамъ онъ внушалъ: „не участвуйте въ подобныхъ дѣлахъ тьмы, но и облчайте“ (ст. 11.). Добрые христіане всѣхъ временъ, вѣрные ученію слова

Божія, не только не дѣлали ничего подобнаго, не только стыдились говорить, но стыдились даже *думать* о чемъ нибудь намекающемъ на тайныя постыдныя дѣла язычниковъ.

У насъ нынѣ не то. Среди православныхъ христіанъ XIX-го вѣка, хвалящіеся своимъ просвѣщеніемъ, въ нашей первопрестольной столицѣ, называемой *столицею православія*, въ публичномъ общественномъ заведеніи пользующемся пособіями отъ правительства, эти тайныя пороки изображаются, какъ говорятъ русскіе люди, *въ лицахъ*, рисуются предъ многочисленными собраніями въ тѣлодвиженіемъ, рассчитанныхъ по правиламъ особаго искусства для возбужденія въ зрителяхъ всего, что кроется въ природѣ человѣческой нечистаго и постыднаго. Мы говоримъ о московскихъ театральныхъ маскарадахъ настоящаго времени.

Описывать въ подробности эти *живыя картины* разврата я не нахожу приличнымъ для вашего изданія. Довольно подробно о нихъ было говорено двумя благонамѣренными писателями въ 5-мъ N *Московскихъ Вѣдомостей* и въ 3-мъ N *Русскихъ Вѣдомостей* текущаго года. Я могу только прибавить, что видѣлъ своими глазами, какъ молодыя лица обоого пола 17-ти и даже 16-ти и 15-ти лѣтъ, т. е. люди перваго цвѣта молодости (слѣдовало бы сказать и невинности) подъ руководствомъ попечительныхъ учителей сценическаго искусства предаются для удовольствія *просвѣщенной публики* всѣмъ нистовствамъ *живописнаго* разврата. Что это такое? Намъ все говорили, что театръ назначается и существуетъ для развитія въ русскомъ обществѣ вкуса къ изящному, любви не искусствамъ, для очищенія общественной нравственности, для облагороженія грубыхъ русскихъ душъ. Какія же впечатлѣнія должны выносить

посѣтители подобныхъ маскарадовъ? Что будетъ изъ участниковъ и исполнителей этихъ живыхъ сценъ разсчитаннаго разврата? Или они прибавятъ намъ добрыхъ сыновъ церкви, честныхъ дѣятелей и героевъ на пользу отечества, добрыхъ отцевъ и матерей семействъ, почтительныхъ дѣтей, благородныхъ, пріятныхъ членовъ общества?.. Сноснѣе было бы, еслибъ все это дѣлалось еще гдѣ-нибудь въ балаганѣ (хотя не слѣдуетъ нигдѣ въ русской землѣ этому быть), а то—въ театрѣ, въ такъ называемомъ храмѣ искусства, съ помощію казенныхъ денегъ и казенныхъ воспитанницъ!

Мы все надѣемся на гласность, какъ на сильное орудіе для искорененія общественныхъ пороковъ и злоупотребленій. Вотъ вамъ и гласность! Статьи, о которыхъ мы говорили выше, давно уже напечатаны; злоупотребленіе обличено въ нихъ съ силою и живымъ чувствомъ справедливаго негодованія. Всѣ благомыслящіе русскіе люди прочитали ихъ съ радостію и благодарностію; всѣ думали: „наконецъ-то нашлись добрые люди, рѣшившіеся громко сказать слово правды и защитить наше общество отъ обдуманнаго распространенія въ немъ грязи и разврата“!—Ничего небывало! Маскарады продолжаются заведеннымъ порядкомъ, люди новаго времени, служители *новаго искусства* смѣются надъ благомыслящею частію общества, какъ надъ бессильною и беззащитною.

Скажите,—неужели нѣтъ средствъ нашему обществу избавиться отъ этого *насильственнаго* распространенія разврата? Неужели нѣтъ средствъ разбудить дремлющіе законы, существующіе для охраненія общественной правды? Или они бессильны противъ лжи, зла и разврата, которые прикрываются именемъ просвѣщенія и искусства, разливаются изъ общественныхъ учреждений?

Къ вамъ мы обращаемся, служители Церкви Христо-
вой, проповѣдники слова Божія. Лѣтописи нашей исто-
ріи свидѣтельствуютъ, что въ години бѣдствій Церковь
и духовенство спасали наше отечество отъ бѣдъ внѣш-
нихъ и внутреннихъ. Нынѣ грозятъ намъ, при внѣшней
безопасности, такія внутреннія бѣды, какихъ не видали
наши предки. Защищайте насъ; молитесь и проповѣ-
дуйте. Господь поставилъ васъ на великое дѣло пропо-
вѣданія истины; Онъ обѣщаль вамъ Свою помощь и
благодатное содѣйствіе. Ваше слово отъ имени Божія,
отъ имени св. Церкви скорѣе, чѣмъ наше, достигнется
до сердецъ нашего православнаго народа. Пишите, пе-
чатайте, проповѣдуйте въ церкви и по домамъ; разъяс-
няйте народу, *откуда* и *какія* опасности грозятъ его
вѣрѣ и нравственности. Пусть онъ самъ осудитъ и за-
клеплетъ печатію отверженія тѣхъ мнимыхъ служителей
науки и искусства, которые подъ именемъ науки про-
повѣдуютъ ложь, а подъ именемъ искусства распростра-
няютъ развратъ; пусть онъ отлучитъ изъ среды себя
(какъ отлучали по закону Моисееву прокаженныхъ), и ту
часть нашего общества, которая слѣпо и бессмысленно
глочаетъ все, что ни подадутъ ей мнимые распростра-
нители искусства и просвѣщенія.

Вразумляйте народъ, охраняйте его отъ наплыва лжи
и разврата подъ видомъ просвѣщенія; объясняйте ему,
что есть средства воспользоваться всѣми добрыми пло-
дами современнаго просвѣщенія и гражданственности и
избѣжать современнаго развращенія; есть возможность
быть глубоко образованнымъ, изящно воспитаннымъ че-
ловѣкомъ и остаться добрымъ, искренно вѣрующимъ и
и нравственно честнымъ православнымъ христіаниномъ.

Православный изъ свѣтскихъ людей.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ПРОТОПРЕСВИТЕРЪ

ІОАННЪ ПЕТРОВИЧЪ ПОЛУБЕНСКІЙ.

Имя протопресвитера Полубенскаго у насъ совсѣмъ почти неизвѣстно; краткое изчисленіе его печатныхъ сочиненій мы находимъ только у преосвященнаго Филарета въ его *обзоръ русской духовной литературы* ^{а)}. А между тѣмъ въ исторіи этой литературы онъ можетъ занять не послѣднее мѣсто, какъ человекъ принадлежавшій къ числу тѣхъ духовныхъ писателей временъ Екатерины и Александра, которые по своему основа-

---

а) Ч. II. стр. 119. Здѣсь указаны слѣдующія сочиненія Полубенскаго: 1). Слово на освященіе храма для московскихъ единовѣрцевъ (перепечатано въ изданной В. А. Сапелкинымъ книгѣ: свѣденія о единовѣрческихъ церквахъ л. 5). 2) Рѣчь при погребеніи княгини Касаткиной-Ростовской. 3) О внѣшнемъ богослуженіи. 4) Статьи выбранныя изъ катихизиса къ народу (у Сопикова это сочиненіе озаглавлено: статьи выбранныя изъ катихизиса *говореннаго* къ народу священникомъ Іоанномъ Полубенскимъ. ч. IV, стр. 502). 5) Христіанское ученіе о вѣрѣ и должностяхъ, переводъ съ латинскаго. Замѣтимъ здѣсь кстати, что у преосвященнаго Филарета не вѣрно указанъ годъ смерти Полубенскаго: онъ умеръ не въ 1807 году, какъ сказано въ „Обзорѣ“, а гораздо позднѣе, около 1830 года.

тельному образованію и горячей любви къ ученымъ трудамъ, должны быть названы лучшими представителями современнаго имъ русскаго духовенства б).

Полубенскій родился въ 1758 году в). По окончаніи богословскаго курса въ Тверской семинаріи, опредѣленіемъ преосвященнаго Арсенія епископа Архангелогородскаго назначенъ онъ въ учителя поэзіи и потомъ реторики въ Архангелогородскую семинарію, откуда переведенъ учителемъ по тому же предмету въ семинарію Тверскую. Должность учителя онъ проходилъ шесть лѣтъ. Въ концѣ 1779 года преосвященнымъ Феофилактомъ епископомъ Переславскимъ посвященъ въ священника въ имѣніе графа Чернышева—село Ераполчь, въ Волоколамскомъ уѣздѣ, принадлежавшемъ тогда

б) Сообщаемыя ниже краткія извѣстія о жизни Полубенскаго заимствуемъ изъ его послужнаго списка (за 1824 г.), а свѣденія объ ученыхъ и литературныхъ его трудахъ главнымъ образомъ изъ двухъ довольно объемистыхъ черновыхъ тетрадей, исписанныхъ собственной его рукой. Онѣ состоятъ большею частію изъ выписокъ и мелкихъ замѣтокъ, которыя дѣлалъ авторъ при чтеніи книгъ, особенно болѣе или менѣе замѣчательныхъ, и которыя должны были послужить со временемъ матеріаломъ для его собственныхъ сочиненій. Въ этихъ выпискахъ и замѣткахъ уже виденъ отчасти характеръ и вкусъ Полубенскаго—какъ писателя. Здѣсь же находимъ нѣсколько цѣльныхъ статей его собственнаго сочиненія, и переводовъ съ иностраннаго. Обѣ тетради писаны Полубенскимъ, уже въ двадцатыхъ годахъ; видно, что не мало подобныхъ тетрадей было написано имъ и въ прежнее время; но большая часть ихъ погибла въ 1812 году, во время нашествія непріятеля. Нѣкоторыя бумаги Полубенскаго, въ томъ числѣ и двѣ упомянутыя тетради, по смерти его поступили въ собственность извѣстнаго собирателя и знатока старопечатныхъ книгъ и рукописныхъ сочиненій изъ раскольниковъ литературы, Адриана Ивановича Озерскаго, съ которымъ Полубенскій находился въ дружескихъ отношеніяхъ.

в) Въ 1824 году ему показано 66 лѣтъ.

къ Переславской епархіи. Въ теченіе четырехлѣтней службы здѣсь онъ пользовался особеннымъ вниманіемъ епархіальнаго начальства: въ 1780 году, не смотря на молодость, сдѣланъ *закащикомъ* надъ церквами и духовенствомъ города Волоколамска и волоколамскаго уѣзда, имѣлъ порученіе составить опись церквей и духовенства въ городѣ Клину и уѣздѣ клинскомъ, былъ назначаемъ депутатомъ по уголовнымъ дѣламъ и съ 1781 года проходилъ должность втораго члена въ Волоколамскомъ духовномъ правленіи. Въ концѣ 1783 года перешелъ въ Московскую епархію и по желанію прихожанъ митрополитомъ Платономъ назначенъ во священника къ церкви святителя Николая, что въ Покровскомъ. При этомъ приходѣ Полубенскій служилъ пятнадцать лѣтъ. Въ 1793 году онъ лишился супруги и на пятомъ году вдовства поступилъ въ Спасовиѳанскій монастырь, не задолго предъ тѣмъ основанный митрополитомъ Платономъ; но крайне стѣсненные семейныя обстоятельства не позволили ему посвятить себя монастырской жизни: въ Виѳаніи онъ прожилъ только три мѣсяца. Отсюда въ ноябрѣ 1798 года назначенъ въ священника къ университетской церкви св. мученицы Татіаны, но, какъ сказано въ послужномъ спискѣ, „по отклоненію тогдашняго директора Университета“, въ декабрѣ тогоже года переведенъ къ церкви Николы Гостунскаго. Наконецъ въ 1800 году, при открытіи въ Москвѣ первой единовѣрческой церкви, по прошенію самихъ прихожанъ опредѣленъ настоятелемъ этой церкви. Надобно предположить, что Полубенскій былъ съ самой хорошей стороны извѣстенъ, не только митрополиту Платону, но и московскимъ жителямъ, когда на немъ въ настоящемъ случаѣ остановился выборъ самихъ

прихожанъ, только что присоединившихся изъ раскола и, конечно, расположенныхъ не слишкомъ довѣрчиво смотрѣть въ первое время на взятыхъ отъ православной церкви священниковъ. При единовѣрческой церкви Полубенскій прослужилъ около 25 лѣтъ, пока не принужденъ былъ просить по слабости ногъ объ увольненіи на покой; прихожане въ обезпеченіе его существованія назначили выдавать ему ежегодно въ видѣ пособія по 500 рублей: обстоятельство, которое также служитъ доказательствомъ особеннаго къ нему съ ихъ стороны уваженія. Полезное служеніе его при единовѣрческой церкви почтено было наградами довольно значительными въ то время: въ 1807 году онъ произведенъ въ санъ протоіерея и особымъ опредѣленіемъ митрополита Платона предоставлено ему право именоваться протопресвитеромъ; въ 1806 году онъ награжденъ скуфьею, въ 1811—каплавкою и въ 1818—бронзовымъ наперстнымъ крестомъ, установленнымъ для пошени священнослужителямъ въ память отечественной войны. Онъ пользовался и вообще личнымъ расположеніемъ къ нему митрополитовъ Платона, Амвросія и Серафима.

Полубенскій учился, какъ было замѣчено выше, въ Тверской семинаріи, и кончивъ полный семинарскій курсъ оставленъ въ тойже семинаріи учителемъ. Молодому учителю было въ то время не болѣе семнадцати лѣтъ отъ роду: доказательство, что Полубенскій обладалъ замѣчательно—острыми способностями и прошелъ весь курсъ семинарскаго образованія съ особеннымъ отличіемъ. Дѣйствительно, изъ школы онъ вынесъ основательное знаніе наукъ, какія тогда преподавались духовнымъ воспитанникамъ, и особенно основательное

знаніе языковъ. Онъ въ совершенствѣ зналъ языки латинскій и французскій, также еврейскій и греческій, читалъ понѣмецки и даже поанглійски (чему выучился, конечно, ужъ не въ семинаріи). Изъ школы же онъ вынесъ и тотъ прочный навыкъ къ серіозному, усидчивому труду, которымъ вообще отличались духовные воспитанники, особенно прѣжняго времени. Шестилѣтнія занятія по должности учителя семинаріи конечно не прошли даромъ для его умственнаго развитія и еще болѣе укрѣпили въ немъ любовь къ ученымъ занятіямъ. Любви этой не измѣнилъ онъ и въ послѣдніе преклонные годы своей жизни; напротивъ, пользуясь свободою отъ служебныхъ обязанностей, предался имъ тогда съ новой, почти юношеской энергіей. Въ его тетрадяхъ нашлось одно черновое письмо его къ митрополиту новгородскому Серафиму, относящееся именно къ этому времени его жизни (писано около 1825 года). Со всей ясностію изображаетъ оно горячую любовь старца къ литературной дѣятельности, и вмѣстѣ можетъ дать общее понятіе о характерѣ и разнообразіи ученыхъ трудовъ его. Оно писано по поводу порученія, которое пресвященныи Серафимъ сдѣлалъ Полубенскому и которое, какъ можно догадываться, касалось распространившихся тогда въ обществѣ вредныхъ книгъ мистическаго содержанія. Митрополитъ Серафимъ вѣроятно поручалъ Полубенскому наблюсти за ихъ появленіемъ и распространеніемъ въ обществѣ и въ противодѣйствіе ихъ вліянію написать противъ нихъ сочиненіе. Вотъ что отвѣчалъ ему Полубенскій по этому случаю.

„Архипастырское милостивое Вашего Высокопреосвященства писаніе имѣлъ счастье получить, равно и милостивое ваше препорученіе. Оно наполнило душу

мою радостію и восторгомъ. Занятіе въ сихъ матеріяхъ — жизнь моя, радость моя и выслуга предъ Царемъ славы Христомъ и невѣстою Его святою Церковію, юже стяжа честною своею кровію. Мысль Вашего Высокопреосвященства о матеріи сей во всемъ сообразна въ Бозѣ почивающему Высокопреосвященному Амвросію Новгородскому, котораго ко мнѣ милостивое письмо Вашему Высокопреосвященству при семъ всенижайше препровождаю. Такъ точно! Наружное благочестіе и дисциплина церковная чувствительно противъ прежняго упала и требуетъ поправки, для чего и препровождаю при семъ пять анекдотовъ, въ наше время и недавно приключившихся, которые Вамъ знать кажется не бесполезно, какъ сѣдѣющему при кормилѣ церковномъ.

„Счастіе имѣю Вашему Высокопреосвященству препроводить 10 экземпляровъ вновь перепечатанной книжки моей: *разсужденія о французскомъ языкѣ*. Къ сочиненію ея сперва идея взята изъ словъ покойнаго свѣтлѣйшаго князя Потемкина, сказанныхъ покойнымъ преосвященнымъ Екатеринославскому Амвросію и Моисею за столомъ въ какой-то праздникъ. Михаилъ Завьяловъ, бывшій прежде въ академіи учителемъ и мнѣ короткой, будучи въ канцеляріи свѣтлѣйшаго, былъ тутъ же и издалека слышалъ, и мнѣ лично словесно сообщилъ. Князь говорилъ: вотъ у Французовъ много книгъ защитительныхъ о религіи; приходитъ время (это было въ осьмидесятыхъ годахъ), чтобъ и наши не дремали и не плошали (князь Даламбертовской и Дидротской философіи, также и противуядія оной Ливорнской, въ Петербургѣ еще будучи, до возвышенія своего сильно начитался, какъ бы о немъ не судили). Съ тѣхъ поръ я, послѣдняя спица въ колесницѣ, предпріялъ намѣре-

ніе, что нибудь и отъ себя въ публику выдать, и теперь съ Божіею помощію что нибудь хочу прозвонить въ препровождаемой при семь рукописи: *Совѣтъ благъ*. До цензуры беру смѣлость въ надеждѣ вашей отеческой ко мнѣ милости и благоволенія препроводить ее къ Вашему Высокопреосвященству, и если изволите найти, что она годится къ изданію, то благоволите сдать ее Алексѣю Ивановичу Суслову, которому я послалъ на сей же почтѣ въ С.-Петербургскій духовный цензурный комитетъ объявленіе для подачи ему оной, чрезъ кого онъ заблагоразсудитъ. Буде же не годится, пусть останется у Вашего Высокопреосвященства для употребленія, какое Вы сами соблаговолите ей сдѣлать.

„Другая оной часть и книга, состоящая въ примѣчаніяхъ на книгу перевода русскаго Сигизмунда Флейшера о душѣ, якобы истекшей изъ Бога, а не сотворенной имъ, на мнѣніе Платона и масонское, съ сильнымъ того опроверженіемъ, такъже на масонскую Лопухина книгу, въ Парижѣ сперва имъ напечатанную, а нынѣ здѣсь въ Росіи уставною, приеменною въ масоны книгой служащую: *Le cheualier spirituel*. Ироида Князю Багратіону, латинская моего сочиненія съ рускимъ, ода о роскоши, стихотвореніе Пруденція о Евлаліи дѣвицѣ—русское съ оригиналомъ, пять моихъ проповѣдей г). . . Она у меня уже готова и надобно только выправить кой гдѣ и переписать, что учинивши потщуся также къ Вашему Высокопреосвященству въ свое время препроводить. И изъ нея благоволите употребленіе сдѣлать по вышепи-

---

г) Это мѣсто въ черновомъ письмѣ не совсѣмъ ясно. Вѣроятно Подубенскій исчислилъ здѣсь сочиненія, которые должны были войти въ составъ второй части его книги: *совѣтъ благъ*.

санномужь. Если годится, благоволите сдать Алексѣю Ивановичу; еслижь не такъ, то пусть останется у васъ. *Nis labor, nos opus*; и безъ особливаго покровительства Вашего Высокопреосвященства мудрененько ихъ на свѣтъ выпустить. Но я безусловно отдаюсь на ваше отеческое благоразсужденіе. Боюсь только, чтобы сорокапятилѣтнее мое приуготовленіе къ тому не пошло со мной во гробъ безъ всякаго дѣйствія, и чтобъ мнѣ на судъ Божіемъ за то не отвѣчать. Благодарю Бога, время напрасно не терялъ. Библиотеки графа Чернышева въ Ераполчѣ, гдѣ я сперва былъ, Бутурлина, Синодальная, типографская, тверская, архангелогородская, одного здѣсь Англичанина по Ливорнской енциклопедіи, старообрядственныхъ тайныхъ большое количество,—книги рускія и французскія—все это не мало матеріаловъ мнѣ доставило и выписокъ о важнѣйшихъ вещахъ довольно. Такъ здѣсь-то потребно высокое ваше покровительство и защита сихъ двухъ книгъ, особливо второй, на которая въ препоручаемомъ будетъ ссылка, чтобы по напрасну не повторять и чтобъ четыре, или пять книгъ дѣйствовали за одно. Я по письму покойнаго преосвященнѣйшаго Амвросія хотѣлъ было подать въ цензуру книги о *внѣшнемъ богослуженіи*, но разсудилъ оставить. Три книги не такъ удобно могутъ расходиться, а одна изъ нихъ сокращенная лучше.

„Еще беру смѣлость утруждать Ваше Высокопреосвященство моею всенижайшею прозвобой. При жизни еще преосвященнаго Платона подана была въ духовную цензуру московскую книга моего сочиненія: *новый опытъ доводовъ къ увѣренію старообрядцевъ о всѣхъ спорныхъ съ старообрядцами предметахъ*, тетрадей до 50-ти. Но бывшій тогда цензоръ священникъ Благовѣ-

щенскаго собора Василій Ивановъ, по смѣшному случаю съ нимъ приключившемуся, одобреніе ея отклонилъ и послалъ ее въ святѣйшій Синодъ. Преосвященному Платону я посылалъ ее вчернѣ, на что и милостивое письмо получилъ, которое при семъ Вашему Высокопреосвященству для соображенія всенижайше и препровождаю. Онъ мнѣ изволилъ говорить, чтобъ я въ святѣйшій Синодъ подалъ прошеніе о ея обратномъ ко мнѣ возвращеніи; но я до сихъ поръ, имѣя другія еще пособія, такого прошенія не подавалъ, да и не смѣлъ. Къ сожалѣнію въ черновыхъ моихъ во время нашествія многія тетради распропали и приводовъ тамъ со тщаніемъ учиненныхъ теперь ни за какую цѣну не могу уже обрѣсти; потому что и люди померли и книги распропали. Если она во время большаго наводненія въ Святѣйшемъ Синодѣ уцѣлѣла, то всенижайше прошу Ваше Высокопреосвященство у кого слѣдуетъ о ней благоволить спросить, цѣла ли она и можноль мнѣ обратно ее получить. Во второмъ томѣ *заочнаго разговора съ старообрядцемъ* многимъ бы я могъ въ ней воспользоваться; иначе она такъ пропадетъ втуне. . . .

„ P. S. Хочу посидѣть хорошенько въ двухъ здѣсь библіотекахъ для чтенія, французской и русской. И если тамъ окажутся гади, имѣже нѣсть числа, не примину въ свое время доставить свѣденіе Вашему Высокопреосвященству. А есть много. Но хорошихъ ни въ лавкахъ французскихъ, ни въ библіотекахъ нѣтъ и небывало, или очень мало, а худыхъ тьма. Слышалъ, что тамъ жадно нѣкоторые читаютъ книжку *Le dernier coup porte aux préjuges et á la perstition. Londres 1789 (Catechismus incredulorum)*. За *Le vrai systeme de la nature* принужденъ послать чрезъ типографщика Семена въ

Парижъ и надѣюсь скоро получить. Сію книгу въ Академіи при преосвященномъ Нижегородскомъ Миссіонаріи переводили, но цѣлой отыскать невозможно, развѣ только нѣсколько тетрадей, да и того нынѣ нельзя. Нынѣ, какъ я отъ единовѣрческой церкви съ честью уволенъ за слабостію ногъ, съ пособіемъ отъ прихода 500 рублей на годъ по смерть мою, то и хочется послѣднее время жизни моей употребить на изданіе моихъ книгъ готовыхъ уже и другихъ, если пройдутъ счастливо цензурное горнило. Въ виду есть книгъ до десяти на славу небеснаго Учителя, Великодаровитаго благодѣтеля нашего—*μεγαλεία εὐεργετῶν...*“ д)

д) Изъ анекдотовъ, упоминаемыхъ въ письмѣ, приведемъ здѣсь два слѣдующіе:

„1. Случай, по которому препровождаемая мною книжка сперва была выдана. Въ 1814 году, по счастливомъ во Франціи королевской власти утвержденіи, пришелъ радостный манифестъ о благодарственномъ молебніи. Покойный преосвященный Августинъ ѣдетъ въ Успенскій соборъ въ воскресенье служить литургію. Народу въ кремлѣ тьма. Знакомый мнѣ мѣщанинъ Щепетилловъ, охотникъ до книгъ, не знаю какъ спознакомился съ Максимомъ Невзоровымъ, сидѣвшимъ въ крѣпости съ Новиковымъ, котораго думаю помните и вы, ваше высокопреосвященство, и который у преосвященнаго Августина не разъ обѣдывалъ. Тутъ въ кремлѣ они сошлись противъ покоевъ главныхъ Чудова монастыря. Народъ кланяется преосвященному, преосвященный благословляетъ. Какъ же скоро карета подъѣхала къ покоямъ съ балкономъ, Щепетилловъ поклонился, а Невзоровъ вдругъ спиной отворотился. Щепетилловъ въ удивленіи говоритъ: Максимъ Иванычъ, что это значить, развѣ тебѣ стыдно, что подлѣ меня стоишь? Невзоровъ отвѣчалъ: нѣтъ, вѣдь кланяется только глупая народная толпа, а мы иначе о томъ думаемъ. Онъ годится еще самъ сидѣть на... онъ молодъ еще. У Щепетилова волосы поднялись дыбомъ; поговоривъ съ нимъ, простился и отдалился. Въ вечеру приходитъ съ заплаканными глазами ко мнѣ и рассказываетъ всю сію исторію и говоритъ: видно у нихъ какая-то есть

Итакъ по сознанию самаго Пулубенскаго, въ теченіе сорока пяти лѣтъ своей литературной дѣятельности онъ не терялъ времени по напрасну; пользуясь доступомъ во многія богатая книгами бібліотеки, онъ познакомился здѣсь съ твореніями лучшихъ и наиболѣе замѣчательныхъ писателей, дѣлалъ изъ нихъ многочисленныя вы-

---

блажь на умъ, видно-де это въ Франціи случившееся имъ не по нутру, видно де Невзоровъ не добрый человекъ. То-то, я тебѣ ужъ говорилъ, что съ ними обращаться, надобно глядѣть въ оба по-растопчински (Растопчинъ такъ говорилъ тѣмъ, которые при нашествіи непріятеля у него спрашивали, выѣзжать, или не выѣзжать изъ Москвы. Онъ ни утверждая, ни отрицая отвѣчалъ только: смотрите, глядите въ оба). Тогда я и выдалъ сію малую книжку, которая есть только prospectus и сокращеніе содержанія сихъ послѣднихъ моихъ рукописей. О Ма-сонской сектѣ открыто говорить тогда было опасно. . . Теперь же обстоятельства, кажется, перемѣнились, да и сумнѣваться о помощи Божеской ко мнѣ будетъ смертный грѣхъ“.

„2. О ректорѣ университета дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Антонскомъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ умре прежде бывшій Донской архимандринъ Викторъ Антонскій, братъ родной ректору и другому въ сенатѣ. Многіе священники изъ любопытства были на погребеніи. Одинъ передъ тѣмъ сказалъ, что ректоръ Антонскій надсядется съ печали и въ землю будетъ молиться. А другой возразилъ: я объ закладъ бьюсь, что ни разу не перекрестится, ибо его прсвосходительство не очень это жалуется. „Какъ, говоритъ первый, что вы это говорите, ужъ по родномъ братѣ не станетъ молиться?—увидите, что станетъ“. Начался выносъ: ни тутъ-то было, ни разу не перекрестился. Началась литургія,—тоже. Херувимскую пропѣли—тоже. Началось и кончилось отпѣванье, все тоже. Наконецъ, какъ тѣло понесли въ могилу, къ удивленію Антонскій слабо по брюху перекрестился, нисъ отъ печали, нисъ отъ радости... Какъ въ университетѣ въ двухъ приходныхъ комнатахъ нѣтъ ни одного образа, вопреки всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, то одинъ священникъ изъ жалости, что подрядчики съ бородами это крайне пересужаютъ, принесть въ даръ образъ Спасителя, чтобъ поставить его въ той комнатѣ правленія, гдѣ обыкновенно стоятъ подрядчики, церковные и раскольники: комнаты безъ образа это для нихъ очень дико“.

писки о разныхъ *важныхъ матеріяхъ*, которыми потомъ и воспользовался при составленіи собственныхъ сочиненій. И въ то время, когда по слабости здоровья отказался уже отъ служебныхъ обязанностей, онъ намѣревался еще *хорошенько посидѣть* въ русской и французской бібліотекахъ для чтенія. Читалъ онъ по преимуществу латинскія и французскія книги и, вѣроятно, только со времени поступленія священникомъ въ единоувѣрческую церковь, когда самыми обстоятельствами поставленъ былъ въ близкія сношенія съ старообрядцами, съ усердіемъ занялся и чтеніемъ старопечатныхъ и старописьменныхъ славянскихъ книгъ. Сохранившіяся черновыя тетради его замѣтокъ и выписокъ изъ разныхъ книгъ могутъ сообщить нѣкоторое понятіе о томъ, что по преимуществу любилъ онъ читать и какія *важныя матеріи* наиболѣе занимали его.

Изъ латинскихъ книгъ онъ читалъ преимущественно богословскія, церковно-историческія и изданія отеческихъ твореній. У него находимъ напр. обширныя выписки изъ книгъ: *Thesaurus catholicus Coccii* ^{с)}, *Historiae ecclesiasticae scriptores*, *Cent Magden.* и др. Изъ книгъ типографской бібліотеки онъ отмѣтилъ у себя, какъ наиболѣе важныя и нужныя для него: *Baronii annales*, *Bibliotheca patrum*, *Epistolae Photii Patriarchae*, *Examinus locorum controversorum Novi testamenti*, *Noerae hebraicae et talmudicae in IV Evangelistas* и др.; изъ Синодальной *Concilia generalia et provincialia*, *Luciani dialogi et alia multa opera*. Многочисленныя выписки изъ отцевъ и учителей церкви—Златоуста, Васи-

---

с) Обширныя выписки изъ этого сочиненія, въ русскомъ переводѣ, вошли въ составъ втораго тома книги о *вышнемъ богослуженіи*.

лія великаго, Аѳанасія, Кирилла Александрійскаго, Амвросія, Августина, свидѣтельствуя о знакомствѣ его съ ихъ твореніями. Особенно любимымъ его авторомъ былъ, кажется, Пруденцій. Въ его тетрадахъ часто встрѣчаются не только изреченія и отдѣльныя стихи изъ Пруденція, но и переводы цѣлыхъ его стихотвореній. Полубенскій имѣлъ намѣреніе перевести избранныя гимны Пруденція и издать ихъ въ свѣтъ. Въ одномъ мѣстѣ, приведя отрывокъ изъ гимна святому мученику Роману, онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „сей Пруденціевъ гимнъ есть всѣхъ прочихъ длиннѣйшій и столь выразительный, что читать его и переводить безъ слезъ и вздоховъ никакъ не возможно, хотя бы у кого и каменное было сердце. Но кто изочтетъ всѣ красоты Пруденціева стихотворенія?—Пруденцій значитъ—разумникъ“... Полубенскій, бывший въ молодости учителемъ поэзіи, и самъ былъ великій охотникъ писать стихи (чѣмъ и объясняется, вѣроятно, особенное расположеніе его къ Пруденцію), и нѣкоторые изъ сдѣланныхъ имъ переводовъ Пруденція не лишены достоинства. Для образчика приведемъ здѣсь переводъ гимна передъ сномъ:

Когда зоветъ тебя сонъ,
 Когда ложишься на чистое ложе,
 Тогда чело и мѣсто, гдѣ находится сердце,
 Креста образомъ знаменай.

Крестъ гонитъ всякое беззаконіе,
 Отъ креста бѣжитъ тьма;
 Симвъ огражденная знаменіемъ
 Душа волноваться не умѣетъ.

Далече, далече отъ насъ бѣгите,
 Чудовища блудящихъ сновидѣній;
 Далече бѣги ты—прельщающій
 Нераскаянно и упорно грѣшить.

О змій, извивающійся
 Тысячью меандровъ ж),
 И ухищренными кознями
 Колеблущій спокойныя сердца!

Отойди, тебѣ приказываютъ; здѣсь Христосъ!
 Здѣсь присутствуетъ Христосъ: ты какъ воскъ
растаетъ.
 Въдъ знаменіе, про которое знаешь ты,
 Во адъ гонитъ тебя и всю твою вереницу.

Хотя утомленное тѣло
 Не много прилегло для успокоенія;
 О Христѣ однакоже и въ самомъ снѣ
 Помышлять будемъ.

По тому, какого рода книги Полубенскій выбиралъ себѣ для чтенія, можно заключать уже, что онъ вообще интересовался учеными *матеріями* изъ области богословской и церковно-исторической литературы. Это показываютъ и выписки его изъ этихъ книгъ, весьма разнообразныя и касающіяся всякаго рода ученыхъ богословскихъ предметовъ. Но изъ тѣхъ же выписокъ видно, что и читая латинскія ученыя книги, особенно же тво-

---

ж) „Меандръ фригійская рѣка, столь излучистая и извилистая, что часто кажется, будто опять къ вершинѣ ея приходишь“; примѣч. переводчика.

ренія отеческія, онъ постоянно имѣлъ въ виду религіозное направленіе, господствовавшее въ современномъ ему русскомъ обществѣ, искалъ въ нихъ свидѣтельства, которыя можно противопоставить разрушительному ученію энциклопедистовъ XVIII вѣка и вызванному имъ противоположному, ложно мистическому ученію масоновъ. Все, что относилось къ разъясненію и опроверженію этихъ ученій, которыя въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія проникли въ наше, такъ называемое образованное общество, его занимало по преимуществу и составляло для него наиболѣе *важную матерію*. Свѣденія, нужныя для усиленной борьбы противъ безвѣрія энциклопедистовъ и масонскаго мистицизма, онъ искалъ и почерпалъ, какъ мы сказали сейчасъ, въ ученыхъ и отеческихъ твореніяхъ. Знакомство же съ содержаніемъ обоихъ вредныхъ ученій, кромѣ русскихъ книгъ въ родѣ *Сіонскаго вѣстника*, ему доставляла преимущественно французская литература, особенно обогатившаяся въ то время сочиненіями этого рода. Изъ приведеннаго выше письма можно видѣть, какъ заботился онъ о приобрѣтеніи въ свое распоряженіе такихъ книгъ, какъ *Le derniere coup porte aux gréjuges* или *Le chevalier spirituel*, и какъ желалъ вообще познакомиться съ новѣйшими сочиненіями этого рода въ московскихъ библіотекахъ для чтенія, равно какъ и то, съ какимъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за распространеніемъ въ русскомъ обществѣ и вліаніемъ на него масонскихъ и другихъ сочиненій. Будучи такимъ образомъ довольно обстоятельно знакомъ съ сочиненіями энциклопедистовъ и такъ называемыхъ масоновъ, хорошо видя все вредное вліаніе ихъ на общество, и имѣя значительный запасъ свидѣтельствъ и доказательствъ,

которыя могъ противопоставить имъ, Полубенскій и рѣшился посвятить свою ученолитературную дѣятельность особенно полемикѣ противъ господствовавшаго въ его время антирелигіознаго и ложнорелигіознаго направленія: занятіе въ сихъ матеріяхъ, по его собственному выраженію, было его жизнію, радостью и заслугой предъ Богомъ. Большая часть печатныхъ и не изданныхъ сочиненій Полубенскаго, дѣйствительно, написаны противъ безвѣрія энциклопедистовъ и ложнаго мистицизма масоновъ, — таковы: три книги *о вѣншнемъ богослуженіи* 3),

---

3) Полное заглавіе этого сочиненія слѣдующее: о вѣншнемъ богослуженіи и наружныхъ дѣйствіяхъ челоѣка христіанина. Издано въ трехъ томахъ, въ 1803 году. Особеннаго вниманія заслуживаютъ предисловія, или предварительныя разсужденія къ каждому тому, въ которыхъ авторъ говоритъ о религіозномъ и нравственномъ состояніи современнаго ему общества и объясняетъ имъ цѣль своего сочиненія. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ напр.: „Въ началѣ сего девятаго-надесять столѣтія особливо кажется нужно призвать на помощь древнюю церкву дисциплину, когда внутреннее христіанства растройство и философическія заблужденія произвели наконецъ чудовищное великое дѣло, какъ стихотворецъ выражаетъ:

О русскій бодрственный народъ,
 Отчески хранящій нравы!
Когда разслабъ весь смертныхъ родъ,
 Какой ты не причастенъ славы!

(ода Держав. вельмож.).

Въ общемъ потокъ развращенія можетъ быть и не одинъ россиянинъ разслабъ и никуда больше негодится, какъ только развѣ на то, чтобъ сдѣлать изъ него шкелеть бывшаго нѣкогда христіанина для любопытнаго храненія въ покаянной больницѣ. Челоѣкъ разслабъ столько, что со всѣхъ сторонъ видны его порывы отдалить отъ себя спасительную церкву практику

розсужденія о французскомъ языкѣ, совѣтъ благъ, примѣчанія на мысли Адама Смитзмунда Флейшера, примѣчанія на книгу духовный воинъ или рыцарь "). Надобно полагать, что эти труды его, и вообще его дѣятельность противъ распространившихся вредныхъ учений, въ свое время не лишены были значенія, если митрополитъ Серафимъ обратился именно къ нему съ помянутымъ выше порученіемъ. Рассматривая указанныя

въ разсужденіи содержанія физическаго и нравственнаго. Ему во всемъ не нравятся церковныя книги, но весьма напротивъ пріятны *добрыя философы утѣшители*. Сочиненія, къ покаянію возбуждающія, изгнаны изъ его сердца и напротивъ всякая книга льстящая страстямъ имѣеть къ нему свободный доступъ, или паче единственное есть упражненіе. Французская литература, благодаря прошедшему столѣтію, снабжаетъ довольно всѣмъ, чѣмъ можно затмить слабую вѣру"... „Но съ тѣхъ поръ, какъ Парижъ крестился кровавымъ крещеніемъ по примѣру Коринѳа, который испыталъ огненное, ожидать надлежитъ всего полезнаго для христіанства. Кажется уже послѣдовала возвратъ солнца христіанскаго съ зимы на лѣто“, и проч. (т. 3. стр. 10—12.). Еще: „времена заблужденія проходятъ и міръ, опытомъ горестей изучившійся, открылъ уже очарованные глаза. Философамъ мало уже вѣрять. Однакожъ, чтобъ закравшіяся по мѣстамъ заблужденія не оставались на своемъ мѣстѣ, то да позволено будетъ взглянуть мимоходомъ, какими люди большаго свѣта занимаются книгами, что значать сіи *Oeuvres de... editione Saperbe... сіе сочиненіе divin... сіи отборные авторы grands-hommes*. Возмемъ всѣ книги о системѣ природы, о деизмѣ и проч. и проч. Подойдемъ и рассмотримъ вблизи подробно сей философическій *террибль* безъ всякаго опасенія, по извѣстному правилу государя Петра Великаго: „*чѣмъ ближе къ пушкамъ, тѣмъ меньше вреда и опасности отъ нихъ*“ (т. 1. стр. 36.).

и) Три послѣднія сочиненія едва ли были напечатаны. Замячанія на книгу *духовный рыцарь*, сохранились въ рукописи, переписанныя набѣло, совсѣмъ готовыя къ изданію; изъ сочиненія о Флейшерѣ есть отрывки въ черновыхъ тетрадяхъ, свидѣтельствующія о замѣчательной эрудиціи автора.

сочиненія Полубенскаго, дѣйствительно нельзя не признать за ними значительныхъ по своему времени достоинствъ. Особенно замѣчательна обширная начитанность автора, слѣды которой можно видѣть почти на каждой страницѣ. Страсть приводитъ мѣста изъ различныхъ сочиненій, замѣчательныя изреченія разныхъ авторовъ, особенно латинскихъ и французскихъ, доходить у него даже до крайности. Другую особенность сочиненій Полубенскаго составляетъ частое употребленіе разнаго рода остроумныхъ оборотовъ и выраженій, также ироніи, облеченной перѣдко въ стихотворную форму. Его остроуміе и иронія для настоящаго времени значительно утратили свою силу; но для своихъ современниковъ авторъ считалъ, кажется, принятую имъ форму изложенія особенно удобною, надѣясь можетъ быть посредствомъ нея привлечь вниманіе того круга читателей, для котораго по преимуществу назначалъ онъ свои сочиненія и который воспитался на произведеніяхъ современной французской литературы, усвоившихъ себѣ, съ легкой руки Вольтера, столь опасное для религіознаго чувства оружіе остроумія и насмѣшки. Имѣла ли успѣхъ попытка русскаго писателя противопоставить произведеніямъ такого рода благонамѣренную христіанскую иронію,—рѣшить это не легко і). Мы впрочемъ

і) Въ предисловіи къ одному сочиненію Полубенскій самъ дѣлаетъ такое замѣчаніе о принятомъ имъ способѣ изложенія: „смѣшное остроюю часто лучше сѣчетъ дѣло. Сократа называли также *scurra atticus*, *забавникъ аттической*, и ироніи его нравились даже самимъ тѣмъ, на которыхъ онъ ихъ бросалъ. У отцевъ Церкви, на многихъ мѣстахъ видна сія аттическая соль, для вящаго опроверженія заблужденій... Итакъ въ отраженіи строптивыхъ мнѣній о вопросахъ богословскихъ иронія вмѣсто соли у насъ иногда служить будетъ.“ И въ предисловіи

не намѣрены входить въ подробныя замѣчанія о сочиненіяхъ Полубенскаго, имѣвшихъ предметомъ опроверженіе современныхъ ему вредныхъ ученій, занесенныхъ къ намъ съ запада; для насъ гораздо интереснѣе полемическіе труды его противъ русскихъ раскольниковъ.

Мы замѣтили выше, что обстоятельнымъ изученіемъ раскола и полемикой противъ раскольниковъ Полубенскій занялся собственно съ того времени, какъ поступилъ во священника къ единовѣрческой церкви. Основательное знакомство съ богословской литературой и особенно съ твореніями отеческими служило для него самымъ лучшимъ пособіемъ и на этомъ новомъ поприщѣ дѣятельности. Но теперь онъ посвятилъ себя, кромѣ того, тщательному изученію и той литературы, которая имѣетъ ближайшее отношеніе къ расколу, и которую составляютъ уважаемыя раскольниками старопечатныя и старописменныя славянскія книги, а также сочиненія самихъ расколуучителей. По запискамъ Полубенскаго видно, что изъ этой, такъ называемой, раскольничей литературы онъ прочелъ, дѣйствительно, очень многое и очень внимательно. Онъ занимался напр. сличеніемъ старопечатныхъ церковно-богослужебныхъ книгъ разнаго изданія какъ между собою, такъ и съ подлиннымъ текстомъ; дѣлалъ выписки изъ Максима Грека, Іосифа Волоколамскаго и другихъ старинныхъ рукописей, которыми могъ пользоваться изъ драгоцѣннаго собранія Синодальной бібліотеки; внимательно прочелъ важнѣйшія раскольничьи творенія, — разныя сочиненія Аввакума,

---

къ замѣчаніямъ на *духовнаго рыцаря*: „предпринято намѣреніе сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія въ слогъ Сократовомъ. Сократъ же весельчакомъ аттическимъ назывался, поелику смѣючись обыкновенно училъ и всѣ его разговоры и состязанія растворены были пріятною даже и тѣмъ ироніею, на кого она цѣлила.

челобитныя, отвѣты поморскіе и др. Недовольствуясь этимъ, онъ заботился особенно пріобрѣтать современныя ему раскольникы произведенія, въ чемъ и успѣвалъ благодаря своимъ личнымъ близкимъ отношеніямъ къ вліятельнымъ лицамъ въ расколѣ и особенно къ нѣкоторымъ изъ ревнителей православія, имѣвшимъ ближайшій доступъ въ раскольникы общество. Изучивши такимъ образомъ со всею обстоятельностью мнѣнія раскольниковъ, Полубенскій вступалъ съ ними въ состязанія, изыскивая къ тому всевозможные случаи. Но такъ какъ свиданія и устныя бесѣды съ старообрядцами не могли быть такъ часты и происходить такъ удобно, какъ желалъ бы того Полубенскій, то онъ придумалъ средство дать имъ болѣе правильный порядокъ; именно съ этою цѣлю, по удаленіи на покой, когда могъ свободнѣе распорядиться своимъ временемъ, онъ рѣшился изъ лицъ принадлежащихъ къ расколу и пользующихся уваженіемъ между старообрядцами за свою начитанность, такъ же изъ православныхъ любителей и знатоковъ старины устроить цѣлое общество подъ названіемъ: „приватной дружественной старообрядственной бесѣды,“ которое должно было имѣть засѣданія въ условенныя предварительно времена и разсуждать также объ условенныхъ предварительно предметахъ. Мѣстомъ собранія онъ назначилъ большую бесѣдку при своемъ вновь устроенномъ домѣ (подъ Андреевскимъ), въ которой, по собственнымъ словамъ его, могло помѣститься до 30 и болѣе человѣкъ. Непременнымъ условіемъ поставлялось, чтобъ разсужденія происходили въ порядкѣ, спокойно и непринужденно к). Устроилось ли дѣйствительно такое

к) Вотъ что именно писалъ онъ объ этомъ обществѣ А. П. Озерскому: „прошу повѣстить всѣмъ вашимъ заблаговременно,

общество и какой имѣло успѣхъ, этого къ сожалѣнію мы незнаемъ; но самая мысль устроить такое общество, съ такою цѣлію и на такихъ основаніяхъ, заслуживаетъ полного сочувствія и дѣлаетъ честь Полубенскому. Но все-таки устнымъ собесѣдованіямъ о расколѣ и съ раскольниками, онъ не усвоилъ особенно важнаго значенія; напротивъ, гораздо большаго успѣха въ отношеніи къ обращенію раскольниковъ ожидалъ отъ письменнаго изложенія доказательствъ противъ раскола. Съ этою цѣлію онъ написалъ не мало замѣтокъ и цѣлыхъ сочиненій о разныхъ раскольничьихъ мнѣніяхъ и старался распространять ихъ между старообрядцами и тѣми любителями старины, которые дѣйствовали въ защиту церкви противъ раскола 1).

чтобы всѣ непременно были, если не хотятъ эпитиміи полтора поклона. У Павла Дмитриевича, или у Александра Ивановича должна быть Библия Острожская и Апостолъ Іосифовскій. У меня же будутъ греческій завѣтъ новый, еврейскій переводъ, латинскіе, нѣмецкій и польскій. 16 числа августа, съ помощію царя славы Христа Бога нашего, будетъ приватное годовое собраніе дружественной старообрядственной бесѣды. На первый разъ предложено будетъ собранію мѣсто изъ 321 зачала къ Евреямъ. Будетъ читана выписка изъ харатейныхъ апостоловъ Синодальной ризницы. Потомъ справки въ вышеписанныхъ завѣтахъ. И предоставлено будетъ до будущаго собранія давать на то рѣшительное мнѣніе, нималѣйше не стѣсняя вольности, кто какъ о томъ думаетъ, и чрезъ то истина удобно откроется. Притомъ дано будетъ понятіе, какъ на соборахъ говорили и разсуждали, т. е. съ крайнею аккуратностію. Собраніе продолжится не болѣе получасу; а тамъ можно о другихъ матеріяхъ, кто о чемъ захочетъ, говорить. Начало будетъ съ предисловіемъ таковымъ: „съ помощію всесильнаго царя славы Христа, истиннаго Бога нашего, годовое приватное дружественное старообрядственной бесѣды собраніе открывается“; а при концѣ—„собраніе закрывается“.

1) Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и А. И. Озерскій. Въ одномъ письмѣ къ нему Полубенскій писалъ между про-

Первымъ, какъ надобно полагать, опытомъ полемической дѣятельности Полубенскаго противъ раскольниковъ, который онъ имѣлъ намѣреніе издать въ свѣтъ, было сочиненіе: *новый опытъ доводовъ къ увѣренію старообрядцевъ о вѣрхъ спорныхъ съ старообрядцами предметахъ*. Это было обширное сочиненіе (на 50 тетрадяхъ) и, судя по заглавію, очень полезное. Самъ авторъ въ послѣдствіи придавалъ ему важное значеніе, особенно за тѣ свидѣтельства, какія въ немъ были собраны и которыхъ, по его собственнымъ словамъ, послѣ двенадцатаго года онъ „ни за какую цѣну не могъ уже найти, потому что и люди померли и книги распропали.“ Съ этимъ сочиненіемъ Полубенскаго, какъ видно изъ приведеннаго выше письма его къ митрополиту Серафиму, случилось несчастіе. Цензоръ по какому-то „смѣшному случаю“ не рѣшился пропустить его и отослалъ рукопись въ Синодъ, гдѣ она потомъ и осталась и едвали,

---

чимъ: „отвѣты Ильи Алексѣевича и разсужденіе новожена Зайцевскаго и другіе при семъ посылаю. А Андреяну Сергѣеву недовѣряйте. Онъ плутовство свое доказалъ тѣмъ, что, можно сказать, золотой мой листокъ, данный мною Лукѣ Горлову въ Таганкѣ, выманилъ у него для прочтенія и безсовѣстно заглоталъ. А я было приотворялъ его для мношихъ, а не для него одного дурака. Будьте осторожны, ибо онъ что выманить, то уже никогда не возвратитъ. А о тетрадяхъ, о которыхъ я вамъ говорилъ, данныхъ Гаврилѣ Никитичу для прочтенія въ дружественной бѣздѣ, или если кто переписать захочетъ, еще васъ прошу постараться, чтобы выданы были вамъ. Пусть лучше онѣ у васъ останутся, чѣмъ индѣ. Ибо я увѣренъ, что вы вездѣ ихъ съ пользою употребить способны и если когда мнѣ для справки понадобятся, то я ихъ всегда вѣрно у васъ найти могу. Весьма, весьма для меня жалко будетъ, если какимъ нибудь образомъ запропадутъ.“ Отрывокъ этотъ даетъ понятіе и о кругѣ знакомыхъ Полубенскаго и о томъ, какъ охотно дѣлился онъ своими рукописями съ людьми, способными извлечь изъ нихъ пользу.

какъ опасался Полубенскій, не погибла во время наводненія. Такимъ образомъ Московскій пожаръ и Петербургское наводненіе лишили насъ возможности читать его первое полемическое сочиненіе противъ раскола; вѣрно по крайней мѣрѣ то, что оно утрачено.

Послѣ этого *опыта* Полубенскій составилъ еще два слѣдующія сочиненія: *заочный разговоръ съ старообрядцами* м) и *разсудная книга для старообрядцевъ*. Оба сочиненія въ 1825 году представлены имъ въ учрежденный при С.-Петербургской Александроневской академіи цензурный комитетъ. Достойно замѣчанія, что онъ писалъ въ прошеніи, при которомъ препроводилъ ихъ въ цензуру: „прошу всепокорнѣйше высокое имя Іс, у грековъ также и нынѣ подъ титуломъ пишемое, также слова *церкви* (вмѣсто *церковь*) и прочія сему подобныя оставить такъ, какъ написаны. По долговременному опыту моему мнѣ извѣстно, что фанатики изъ раскольниковъ совсѣмъ не стануть читать книгу, если иначе будетъ, а то родитъ въ нихъ довѣренность и заохотитъ къ чтенію книги. Для бѣднаго и слабого умомъ народа надобно сдѣлать сіе снисхожденіе.“ Какая судьба постигла эти два новыя сочиненія Полубенскаго, также неизвѣстно. Сохранилось въ черновыхъ бумагахъ только любопытное предисловіе къ *заочному разговору*, гдѣ авторъ указываетъ главное содержаніе сочиненія и побужденіе къ его составленію. „Здѣсь, говоритъ онъ, выставляются на видъ главнѣйшія вещи, которыя для

м) Полное названіе этого сочиненія слѣдующее: „заочный разговоръ и собесѣдованіе съ старообрядцами и старообрядками, особливо такими, которые принадлежатъ къ преображенскому Феодосіевскому согласію, отъ вселенской Церкви на сто миль отстоящему.“

старообрядцевъ служить матеріей соблазна и предметомъ раздѣленія. Безпристрастные, если только можно сему быть, и разсуднѣйшіе изъ нихъ могутъ сами по себѣ безъ предводителя усмотрѣть, что всѣ споры происходятъ почти изъ ничего и, если повнятиѣ дѣло разсмотрѣть, то множайшія недоумѣнія сами по себѣ исчезнуть должныствуютъ. Ибо онѣ не въ существѣ своемъ суть, но въ головахъ только и въ призракъ мнѣній человѣковъ: „является призракъ мужамъ, но опять отъ нихъ превращается въ ничто, что прежде было ничто“... „Впрочемъ до кого достигнетъ сіе сочиненіе, прошу не почитать его такимъ, которое будто бы написано было въ оскорбленіе старообрядцамъ: не въ оскорбленіе, а въ разумленіе, Богу свидѣтельствуящу! *Не бо побѣдити ищемъ, но иривати братію, ихъже о разлученіи болимъ*, по Григорію Богослову. Священники по совѣсти обязаны отвѣтствовать на страшномъ судѣ не только за души единовѣрныхъ своихъ, но и за души прикосновенно съ ними живущихъ и по обращенію къ нимъ близкихъ. На словахъ оговаривать матеріи не такъ удобно, какъ на письмѣ, да и случаетъ недостааетъ вступать въ разговоръ. Итакъ сіе да будетъ нѣкоторымъ родомъ *заочнаго разговора*. Знаемые мнѣ и незнаемые старообрядцы, да уважатъ мое къ нимъ усердіе. Не бойтесь, Божій бо есмь.“

Итакъ наиболѣе важныя и совершенно обработанныя сочиненія Полубенскаго противъ раскольниковъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно гдѣ находятся, если только не совершенно утрачены. За тѣмъ въ черновыхъ его бумагахъ находится нѣсколько мелкихъ полемическихъ сочиненій, написанныхъ по нѣкоторымъ частнымъ побужденіямъ, большею частію въ отвѣтъ на какія либо сочи-

ненія самихъ раскольниковъ. Таковы: *замѣчанія на поморскіе отвѣты*; *замѣчаніе на житіе Аввакума*; *Зеркало живо представляющее шатающуюся и падающую громаду старообрядственныхъ мнѣній*; *вразумленіе на отвѣтъ старообрядственнаго сочинителя*; *предложенія старообрядца поморскаго согласія и рѣшенія на оныя противъ каждаго его слова*; сюда же слѣдуетъ отнести разсказъ подъ названіемъ: *повѣсть достоверна и злыо душеполезна*. Изъ нихъ болѣе другихъ обширно и болѣе стоитъ вниманія — *Вразумленіе на отвѣтъ старообрядственнаго сочинителя*. Оно написано по слѣдующему случаю. Явилась какая-то тетрадка, составленная, какъ надобно думать, православнымъ (Полубенскій и самъ не видалъ ея), въ которой доказывалось, что клятвы собора 1667 года положены на людей противившихся церкви, а не на предметы, изъ-за которыхъ эти люди возстали на Церковь. Противъ нея явился *отвѣтъ* одного изъ писателей — старообрядцевъ, на который въ свою очередь Полубенскій и составилъ *вразумленіе*. Здѣсь ему пришлось говорить о всѣхъ важнѣйшихъ обрядовыхъ разностяхъ, которыми старообрядцы отличаются отъ православныхъ, въ значительной степени обнаружить то обстоятельное знаніе дѣла, которымъ, какъ мы выше замѣтили, онъ отличался. Къ сожалѣнію сочиненіе это неполнѣ обработано и не приведено въ надлежащій порядокъ.

Теперь нѣсколько словъ о характерѣ полемическихъ сочиненій Полубенскаго и вообще полемической его дѣятельности противъ раскола. Отъ тѣхъ главныхъ особенностей, которыя составляютъ общую принадлежность его литературныхъ произведеній, онъ, разумѣется, не могъ вполне отрѣшиться и въ своихъ сочиненіяхъ про-

тивъ раскола. И здѣсь онъ не оставляетъ своей привычки приводить любимыя латинскія изреченія (конечно въ переводѣ, или съ переводомъ), равно какъ употреблять то, что онъ называлъ *аттической солью*, остроумные обороты рѣчи, приправленные ироніей и выражаемые иногда въ стихотворной формѣ. Но въ томъ и другомъ случаѣ, — надобно отдать ему справедливость, — онъ не доходилъ до крайности; умѣлъ сохранять приличныя границы. Притомъ, что касается обилія разнаго рода свидѣтельствъ, которыя онъ заимствовалъ преимущественно изъ твореній отеческихъ, то они составляютъ даже достоинство полемическаго сочиненія противъ раскольниковъ, для которыхъ имѣетъ силу не столько самостоятельное сужденіе полемика, сколько авторитетъ святоотеческихъ писаній, на которыя онъ можетъ опереться въ своемъ сужденіи. Но самую замѣчательную особенность полемическихъ сочиненій Полубенскаго и вообще его дѣятельности противъ раскольниковъ, составляетъ духъ миролюбія, которымъ онъ проникнуты. „Не бо побѣдiti ищемъ, но привести братію, ихъ-же о разлученіи болимъ,“ писалъ онъ словами Григорія Богослова, въ своемъ предисловіи къ *заочному разговору съ старообрядцами*, желая обозначить внутреннія побужденія, руководившія имъ при составленіи этого сочиненія. Еще лучше выражаетъ онъ характеръ своихъ отношеній къ старообрядцамъ въ письмѣ къ одному изъ нихъ ^н). „Царь славы Христосъ заповѣдалъ

м) Это письмо (къ крестьянину новой деревни — Андроновки Ульяну Тихонову) писано по случаю предстоящаго бракосочетанія сына его, изъявившаго желаніе присоединиться къ единовѣрью: Полубенскій убѣждалъ его дать согласіе и благословеніе на бракъ. Онъ писалъ также, что и сыну внушалъ сохранять

намъ поступать съ тѣми, иже отъ сопротивныхъ нашихъ, такимъ образомъ, какъ онъ самъ поступалъ: *трости сокрушенны не преломитъ и лена снѣмшася*, то есть свѣтильны въ лампадѣ уже угасающей, *не угаситъ, дондеже изведетъ въ побѣду судъ*, то есть дондеже не увѣритъ. Въ Евангеліи это писано. Мы, грѣшные его слуги, какимъ инымъ образомъ дерзнемъ поступать? Хуленіемъ ли васъ за вѣру во Христа?—Но за это Онъ же воздастъ *мѣру полну и потряснѣ*. Безумнымъ ли проискательствомъ и гоненіемъ? Но въ этомъ мѣшаетъ его святое слово: *Азъ (Самъ) воздамъ судъ*, а вы этого не предпринимайте. По Аѳанасію великому,

Мы не судьи чужимъ дѣламъ,
Разсудить каждаго Создатель Самъ.

„Итакъ оставляя дѣло въ судьбахъ Божіихъ, а не гордостно на васъ поступая (потому что и мы сами суда Божія трепещемъ), прошу васъ не разумѣть о насъ,

---

почтеніе къ родителямъ: „при первомъ съ нимъ свиданіи, говорилъ ему, что отца и мать должно чтить по Божіей заповѣди, не только христіанъ, какъ вы, но даже ежелибъ былъ еллинъ и жидовинъ. Въ одномъ только случаѣ не велѣно слушаться отца, когда онъ въ истинной вѣрѣ будетъ препятствовать, по глаголу Спасову: *иже не возненавидитъ отца или мать, и вслѣдъ мене грядетъ, нѣсть мене достоинъ*. Но какъ отъ васъ сего запрещенія нѣтъ, то тѣмъ паче сыну родителей уважать должно“. Достойно замѣчанія самое обращеніе къ старообрядцу въ началѣ письма: „любезный о Христѣ, въ Христа царя славы со Отцемъ и Духомъ Святымъ, купно съ нами вѣрующій, хотя и внѣ вселенской Церкви, яже отъ востокъ солнца до западъ, по не пришлому еще душевному просвѣщенію состоящій.“

какъ о какихъ либо излишно тяготѣющихъ фанатикахъ (то есть умовредныхъ), но какъ о такихъ, о которыхъ Златоустъ сказалъ: *въ царство Божіе и самъ вниди и онаго введи.*“ Такъ почтенный протопресвитеръ единовѣрческой церкви понималъ обязанности православнаго пастыря въ отношеніи къ заблудившимся отъ церкви,— и въ своей дѣятельности остался вѣренъ своему убѣжденію. Въ его полемическихъ сочиненіяхъ противъ раскола мы повсюду замѣчаемъ преобладающее желаніе— не раздражать противниковъ, а посредствомъ разъясненія истины привести къ миру и единенію. Замѣтно, правда, что онъ дѣлаетъ различіе между поповцами и безпоповцами, неодинаково ведетъ себя въ отношеніи къ тѣмъ и другимъ. Считая послѣднихъ, по его собственному выраженію, на сто миль отстоящими отъ Церкви, онъ въ отношеніи къ нимъ гораздо менѣе снисходителенъ и чаще направляетъ противъ нихъ оружіе негодованія и ироніи; но состраданіе къ заблудшимъ и искренняя заботливость о ихъ просвѣщеніи лежатъ въ основаніи и всѣхъ сочиненій его противъ Ѳедосѣевцевъ и другихъ безпоповщинскихъ сектъ. Что же касается собственно такъ называющихся старообрядцевъ, то съ негодованіемъ и горечью онъ отзывается только о ихъ упорствѣ и нежеланіи прямо, внимательно и безпристрастно разсмотрѣть причины и основанія ихъ отчужденнаго отъ Церкви состоянія, почему напоминаетъ имъ нерѣдко латинское изреченіе: *propius vide*, съ оригинальнымъ русскимъ переводомъ: *смотри въ оба*. За тѣмъ живое участіе къ противникамъ и искреннее желаніе мира съ ними остаются главнымъ и постояннымъ побужденіемъ въ его полемическихъ сочиненіяхъ противъ раскола, и отсюда — господствующее въ нихъ

безпристрастное изслѣдованіе спорныхъ вопросовъ и спокойное изложеніе дѣла. Эти похвальные ихъ качества легко можно замѣтить при чтеніи ихъ.

Н. С—из.

ВѢСТИ ИЗЪ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

Въ Соловецкой обители 9 февраля въ недѣлю мытаря и фарисея совершился трогательный обрядъ присоединенія къ св. православной церкви раскаявшагося раскольника поповской секты московскаго мѣщанина Димитрія Димитріева Крынина. Мѣщанинъ Крынинъ, родившись въ расколѣ, не былъ никогда въ общеніи съ православною церковію и доселѣ былъ ревностнымъ защитникомъ раскольническихъ заблужденій. Какъ богатый человекъ, онъ имѣлъ всѣ средства къ поддержанію вещественныхъ и духовныхъ силъ раскола въ Москвѣ, въ которой онъ родился и жилъ всегда; какъ большой начетчикъ, онъ имѣлъ сильное вліяніе на единомысленныхъ съ нимъ купцовъ и мѣщанъ, такъ что они признали его достойнымъ званія ихъ духовнаго отца. Въ пятидесятыхъ годахъ, по желанію раскольниковъ, Крынинъ былъ произведенъ во лже-іерея извѣстнымъ бѣглецомъ, лже-епископомъ Антоніемъ, получившимъ мнимое архіерейство отъ запрещеннаго митрополита Амвросія. За ревность къ поддержанію и приращенію раскола поповской секты между Москвичами новый лже-іерей Крынинъ скоро высшимъ начальствомъ былъ подвергнутъ сначала увѣщаніямъ, а потомъ за упорство и заключенію сперва въ Александроневской лаврѣ, потомъ съ 1859 года въ Соловецкомъ монастырѣ. Первые годы

Крынинъ, будучи въ Соловецкомъ острогѣ, упорно стоялъ за свое мудрованіе по вѣрѣ. Но кроткія, частыя увѣщанія о. настоятеля обители архимандрита Порфирія и нѣкоторое позволительное снисхожденіе въ заключеніи побѣдили гордость Крынина. Онъ сталъ уже выслушивать увѣщанія, сталъ охотно принимать и читать предлагаемыя о. настоятелемъ священныя книги, писанныя Церковію противъ раскола; наконецъ съ 1863-го года сталъ изрѣдка заходить въ храмъ Божій въ праздничные дни. Здѣсь, какъ послѣ сознавался онъ самъ, на его душу дѣйствовали проповѣди о настоятеля и особенно тѣ, кои были направлены противъ раскола. Въ концѣ 1863 года Крынинъ совершенно убѣдился въ истинѣ св. Православной Церкви. Съ разрѣшенія святѣйшаго Синода, 9 февраля 1864 года онъ присоединенъ къ православной Церкви. Обрядъ присоединенія къ Церкви совершилъ настоятель обители архимандритъ Порфирій за божественной литургіей въ присутствіи многочисленной братіи и годовыхъ богомольцевъ. Нельзя было не умилиться при этомъ зрѣлищѣ. Крынинъ, подобно воспоминаемому въ этотъ день мытарю, стоялъ съ поникшею головою вдали отъ алтаря Господня, гдѣ совершалась литургія, у самыхъ дверей Церкви. На маломъ выходѣ съ св. Евангеліемъ настоятель прошелъ чрезъ всю длинную трапезу къ раскаявшемуся. Послѣ предварительныхъ вопросовъ о архимандрита: *„хочеша ли отрещися заблужденія... хочеша ли быти и жити въ соединеніи въры православно-каѳолической* и т. д.— и отвѣтовъ раскаявшагося, мы видѣли уже новопріобрѣтенную овцу Христову держащеюся за пастыря, который велъ ее въ стадо Христово. Предъ олтаремъ и св. Евангеліемъ новый сынъ Церкви муропомазанъ, вписанъ

въ книгу жизни, по обряду святой Церкви, и сталъ членомъ Христовымъ.—Истинное раскаяніе обращеннаго было ясно для всѣхъ; о немъ свидѣтельствовали слезы умиленія, орошавшія глаза его. Въ первый разъ сподобился Крынинъ причастія св. Христовыхъ таинъ, отъ руки своего наставника о. архимандрита, который не оставилъ послѣ литургіи утѣшить новопросвѣщеннаго своею рѣчью. Послѣ литургіи Крынинъ былъ за братскою трапезою первый разъ, и потомъ помѣстился на житье между братією.

М. I.

12 Февраля 1864.

Соловецкій монастырь.

Р ъ Ч ъ

ОБРАТИВШЕМУСЯ ВЪ ПРАВОСЛАВІЕ РАСКОЛЬНИКУ ПОПОВСКОЙ СЕКТЫ МОСКОВСКОМУ МѢЩАНИНУ КРЫНИНУ.

Отъ души привѣтствую тебя, новый сынъ святой православной Церкви нашей. Искренно сорадуюсь твоей радости, которою въ эту минуту исполнено твое сердце... О, да будетъ вѣчная слава и благодареніе Господу, благоволившему явить надъ тобою свою неизреченную милость. Не напрасно ты молился къ Нему день и ночь, не напрасно зывалъ къ Нему втайнѣ отъ полноты души твоей: *настави мя Господи на путь Твой и пойду во истинѣ Твоей*. Молитвы и милостыни Твои а) взошли на память предъ Господомъ. Благодать

а) Крынинъ неоднократно дѣлалъ пожертвованія въ пользу Соловецкаго училища, братіи и арестантовъ.

Его неумедлила коснуться твоего сердца; ты позналъ сладость слезъ умиленія... И гдѣ теперъ та угрюмость на челѣ твоемъ, тотъ суровый видъ, тотъ блуждающій взоръ, съ которымъ ты обыкновенно встрѣчалъ насъ? Въ глубокомъ сокрушеніи и умиленіи духа, ты добровольно притекъ къ священному алтарю святой Церкви православной, — притекъ къ той, которой такъ прежде чуждался, такъ тщательно убѣгалъ, которую такъ усиленно порицалъ вмѣстѣ съ единомысленниками своими, какъ недостойную Невѣсту Христову. Все уже забыто... Она съ любовію отвергла тебѣ Свое матернее лоно, приняла тебя какъ роднаго, успокоила тебя, умиротворила твою мятущуюся совѣсть, согрѣла благодатію Духа Святаго твое сердце, напитаала тебя святѣйшимъ таинствомъ Тѣла и Крови Христовой, уготовила тебѣ наслѣдіе вѣчныхъ благъ на небесѣхъ. О, не истинная ли это мать, безпредѣльно любящая, пекущаяся о чадахъ своихъ? Нужны ли послѣ сего какія либо убѣжденія отвнѣ, что эта святая Церковь есть единственная скинія Божія на землѣ, есть единственный ковчегъ спасенія во всемъ мірѣ, внѣ коего гибель неизбежна? Эта Церковь съ своими святыми догматами и уставами есть *жизнь наша*, есть наше спасеніе и залогъ блаженства вѣчнаго. Эта Церковь—одна есть тѣло Христово, и Христосъ ея основатель, стяжавшій ее кровію Своею, единственная верховная Глава ея. Это есть та Церковь, о коей сказалъ Спаситель: *созижду Церковь Мою, и врата адава не одолѣютъ ей*. Это есть та Церковь, съ коею общалъ Онъ *пребытъ во вся дни до скончанія вѣка*; это есть та Церковь, коей общалъ Онъ ниспослать Духа Святаго, да будетъ съ нею *во вѣкъ, наставляя ее на всяку истину*. Эту самую Церковь апостоль

именуетъ *домомъ Божиимъ, столпомъ и утверждени-емъ истины*. Эта Церковь есть та, которую мы исповѣдуемъ *единою, святою, соборною и апостольскою*. Эта Церковь ведетъ преемственно свою іерархію отъ самихъ Апостоловъ; въ этой Церкви есть все необходимое для нашего спасенія—есть благодать и истина; она во всемъ вѣрна древней первенствующей Церкви, ни въ чемъ не погрѣшила, ни въ чемъ не отступила отъ нея. Эту-то Церковь *кто преслушаетъ*, говоритъ Господь, *буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Матѣ. 18, 17.). Очевидно старообрядческая Церковь, къ которой ты доселѣ принадлежалъ, нетакова. Гдѣ у ней іерархія? Гдѣ епископы? Уже 120 лѣтъ какъ она ихъ неимѣетъ. А гдѣ нѣтъ епископа, тамъ нѣтъ и Церкви, и кто не съ епископомъ, тотъ не въ Церкви. Старообрядческая Церковь, слѣдовательно, есть ложная Церковь, церковь лукавнующихъ.

Для тебя, возлюбленный рабъ Божій Димитрій, теперь излишни подобныя убѣжденія вѣншія. О достоинствѣ св. Церкви ты имѣешь уже непререкаемое и не умолкающее свидѣтельство въ себѣ; имѣешь помазаніе отъ Святаго, которое само тебя нынѣ учитъ. Всякому вопрошающему тебя можешь сказать по чистой совѣсти твоей: *„прииди и виждѣ и осяжи!* Я опытомъ дозналъ, что значить: *вкусите и видите, яко благо Господь*, и какъ блага и свята и чиста сокровище-хранительница и раздаятельница этихъ благъ св. православная мать наша—Церковь греко-россійская! *Господь мой и Бог мой*—здѣсь для меня, въ православной Церкви. Нынѣ только могу сказать я съ праведнымъ Симеономъ: *Ты Владыко отпуцаешь меня раба Твоего съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе Твое, уготованное*

для меня и пріятное мною здѣсь въ православной Церкви“!...

О, эти святые чувства, возлюбленны, непрестануть одушевлять тебя во всю жизнь, если ты пребудешь вѣренъ во всемъ св. завѣтамъ этой матери твоей Церкви, если будешь твердо хранить догматы вѣры, повиноваться уставамъ, ею заповѣданнымъ. Внемли для сего словамъ богодухновеннаго мудреца Израильскаго: *Сыне, храни законы Отца Твоего (Небеснаго) и не отрини наказанія Матери Твоея (Церкви). Навязжи же Я на твою душу присно и обяжи о Твоей выи... Зане свѣтильникъ—заповѣдь закона и свѣтъ и путь жизни (Притч. 6, 20. 21. 23.).*

Тебѣ предстоитъ конечно особый трудъ, и даже борьба. Но не бойся. Какъ добрый воинъ Христовъ, ты будешь ратовать за святую вѣру Его подъ знаменемъ самаго подвигоположника вѣры Господа Иисуса Христа, а не подъ знаменемъ исконнаго врага діавола, подъ коимъ ратовалъ доселѣ. Не думай, что на этомъ скорбномъ пути, ты будешь оставленъ одинъ, безпомощнымъ. Нѣтъ, кромѣ вседѣйствующей благодати Духа Святаго, съ тобою отселѣ не разлученъ твой небесный стражъ—Ангель хранитель, соименитый тебѣ св. великомученикъ Селунскій, сильный у Бога молитвою и предстательствомъ; твоими помощниками въ скорбяхъ и искушеніяхъ пребудутъ навсегда усердные предстатели за насъ предъ Господомъ святые и преподобные отцы Зосима и Савватій, въ святой обители коихъ ты принялъ православіе. Тебѣ готовы на помощь всегда вся Церковь—небесная и земная, т. е. Пастыри ея, на небесахъ прославленные, и на землѣ право правящіе слово истины.

Гряди же съ миромъ и буди вѣренъ Господу даже до смерти. Если ты былъ нѣкогда многимъ и многимъ изъ прежней богоборной братіи твоей *на паденіе* — на соблазнъ, на вѣчную гибель, къ которой стремился и самъ, то теперъ потщися вѣрою, любовію и образомъ житія твоего быть многимъ и *на восстаніе*, на назиданіе, на вѣчное спасеніе.—Господь съ тобою! Онъ всегда готовъ изъ Савловъ гонителей, содѣлывать Павловъ ревнителей. Аминь.

ЗНАМЕНІЕ БЛАГОДАТИ БОЖІЕЙ

ВЪ ПРОСТОМЪ НАРОДѢ.

(изъ письма въ редакцію).

Въ настоящемъ письмѣ передаю вамъ рассказъ о дивномъ знаменіи благодати Божіей, котораго удостоилась одна благочестивая христіанка. Не смѣю умолчать о немъ въ томъ убѣжденіи, что оно можетъ служить разительнымъ доказательствомъ безпредѣльнаго къ намъ милосердія Царицы Небесной, и новымъ явленіемъ чудодѣйственной силы и помощи Божіей всѣмъ призывающимъ ее во истинѣ. Событіе это было рассказано мнѣ очевидицей, правдивой, смиренной, жившей въ Богѣ, и украшавшейся многими христіанскими добродѣтелями, нынѣ въ Бозѣ почившей дѣвицей Марьей Егоровной Бельгъ, православной, хотя и носившей нѣмецкую фамилію а).

а) Дѣвица эта была очень коротко знакома и любима дорогими моими друзьями, Софьей и Евдокіей Николаевнами Посниковыми, а жила она съ Марьей Александровной Брянчаниновой, сестрой Игнатія, бывшаго архимандрита Сергіевской пустыни, что близъ С-Петербурга, послѣ епископа Ставропольскаго.

Въ мартѣ 1857 года, проѣздомъ изъ Костромы въ Ярославль, М. Е. остановилась на одномъ постояломъ дворѣ въ селѣ Н. Войдя въ малую сельскую избу, она увидѣла въ отдѣльномъ углу передъ иконами колѣно-преклоненную молившуюся старушку, которая до такой степени была углублена въ молитву, что вниманіе ея не развлекалось ничѣмъ происходившимъ вокругъ ея. Ожидая окончанія ея молитвы, М. Е. желала вступитъ съ нею въ разговоръ, но тщетно было ея ожиданіе; прошло нѣсколько часовъ, а молитва старушки не прерывалась. Тогда М. Е. обратилась съ распросами о ней къ хозяину дома, который оказался сыномъ молитвенницы. Онъ разсказалъ, что мать его давно лишилась зрѣнія, но терпѣливо сноситъ свое несчастіе, что всегда усердная къ молитвѣ, строгая исполнительница заповѣдей Христовыхъ и уставовъ св. Церкви, она въ особенности усугубляетъ подвиги поста и молитвы передъ праздникомъ Благовѣщенія, и, ежегодно говѣя въ сіе время, за три дня до сего праздника ни съ кѣмъ не говоритъ ни слова, пища никакой почти не принимаетъ, а только постоянно молится; вообще она служитъ какъ для семейства, такъ и для сосѣдей примѣромъ христіанской благочестивой жизни. Въ самый день Благовѣщенія, по приобщеніи св. Христовыхъ Таинъ, она *прозрываетъ*, видитъ свѣтъ и всѣхъ ее окружающихъ; духъ ея бываетъ полонъ спокойной, тихой радости и духовнаго восторга. По истеченіи же дня сего, она опять ничего не видитъ.

Растроганная такимъ разсказомъ, М. Е. подошла къ старушкѣ, просила ея молитвъ, а на память ради христіанской любви и общенія предложила ей принять что нибудь изъ запаса ея дорожной пищи, прося нѣсколько

вкусить ее на другой день, въ самый праздникъ. Старушка ласково обернулась къ ней, и сказала: „хотя мнѣ не должно было бы говорить сего дня, но любви ради твоей, не могу не поблагодарить тебя за твое участіе ко мнѣ и за предлагаемую пищу, которую я и вкушу завтра“. Съ этими словами она поклонилась ей и снова принялась молиться. Тогда М. Е. отошла отъ нея, не желая болѣе ее беспокоить. Въ этомъ событіи нельзя не видѣть Божіей благодати, просвѣщающей не только духовныя, но и тѣлесныя очи нѣкоторыхъ—достойно сръбтающихъ и торжествующихъ праздникъ, коимъ положено начало всемірнаго спасенія нашего. Передавая вамъ простой рассказъ о семъ событіи, прошу по усмотрѣнію вашему, если найдете удобнымъ, помѣстить его въ вашемъ изданіи.

Анна Небольсина.

1864-го года,
февраля 25-го дня.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е

ОТЪ СОТРУДНИКА АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ.

Въ теченіе 1863 года поступили въ пользу Алтайской Духовной Миссіи и въ пособіе бѣднѣйшимъ изъ новообращенныхъ въ христіанство инородцамъ слѣдующія пожертвованія: отъ Н. Н. Аристовой 10 р.; отъ П. А.—ва 2 р.; отъ Е. Б. Ч—ой на церковь во имя св. Николая 100 р.; отъ неизвѣстной о здр: Стефана и Анны съ чадами, и о упок: Михаила, Елисаветы, Іоанна 7 р.; отъ неизвѣстныхъ 15 р.; отъ нихъ же 7 р.; отъ неизвѣстнаго 150 р.; отъ Александры Ил. Дьяковой въ пользу устроемой женской общины при Улалѣ 100 р.; отъ М. Г. П. и сестры ея 6 р.; отъ А. О. Россетъ 50 р.; отъ неизвѣстной 3 р.; отъ св. А. С. Мил—ва 3 р.; отъ А. П. Ж. 15 р.; отъ А. Д. С. 15 р.; отъ В. Н. Куркина 10 р.; отъ А. П. Ч. о здравіи Алексія и Евдокіи съ чадами 5 р.; отъ неизвѣстныхъ 9 р.; отъ неизвѣстной на пріобрѣтеніе для Кебезенской миссіон. церкви дарохранильницы, богослужебныхъ книгъ и проч. 103 р.; отъ неизвѣстной для отдачи первому новокрещенному Кебезенскаго стана 5 р.; отъ кн. Н. П. М. 15 р.; изъ Бѣлсва отъ неизвѣстнаго за упокой Елисаветы; отъ неизвѣстныхъ 4 р.; отъ Е. П. С. 3 р., отъ неизвѣстной 3 р.; отъ іерея Симеона и Любови въ пособіе новокрещеннымъ изъ Моршанска 1 р.; отъ лица покойной Елисаветы П. Терновской на поминованіе ея 30 р.; отъ А. Х. М. о здравіи Александра, Евдокіи, Татіаны, и Ирины; о упок: Харлампія, Маріи, Екатерины 1 р. и нѣсколько разныхъ вещей; отъ неизвѣстныхъ 12 р.; отъ неизвѣстнаго на нужды Миссіи и на поминаніе за упокой: Василія, Варвары, Софіи, Николая надежды, Димитрія; о здравіи бол. Георгія 400 р.; чрезъ А. И. Т. отъ неизв. 1 р.—А всего: 1085 рублей.—Кромѣ сего разными неизвѣстными лицами пожертвовано нѣсколько облаченій священническихъ и другихъ ризничныхъ вещей, нѣсколько книгъ, платковъ и другихъ вещей принадлежащихъ къ одѣждѣ.

Извѣщая о семъ, свидѣтельствую искреннюю благодарность отъ лица Миссіи Христолюбивымъ благотворителямъ, о здравіи и спасеніи которыхъ, а равно и о упокоеніи душъ усопшихъ ихъ сродниковъ Алтайская Духовная Миссія имѣетъ священною обязанностію совершать поминованіе въ церквахъ своихъ, молясь и уча творить молитву о благодѣтеляхъ своихъ всѣхъ новокрещенныхъ инородцевъ.

Сотрудникъ Миссіи Свящ. Николай Лавровъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

АЛТАЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССІЯ.

Алтай великолѣпнѣе, какъ Аѳонъ: повсюду грозно величественныя картины природы въ чрезвычайно разнообразномъ смѣщеніи съ видами невыразимо-пріятными. То вѣчные льды, въ видѣ изумляющихъ величіемъ шатровъ и конусообразныхъ столбовъ, возвышающихся надъ Алтаемъ и исчезающихъ въ синевѣ небесъ; то самая роскошная флора. Какъ будто разноцвѣтные ковры разостланы по горамъ и долинамъ, на свободныхъ отъ лѣсу мѣстахъ. Надъ-облачныя скалы увѣнчаны всегда зеленѣющими кедрами. Долины и ущелья орошаютъ съ шумомъ скачущія рѣки и рѣчки, и никогда незамерзающіе ключи; на самой высотѣ горъ въ озерахъ *стоятъ воды*.—Красота и величіе Алтая возвышаютъ духъ до восхищенія; смотря на эти *горы Божіи*, невольно чувствуешь какой-то благоговѣйный ужасъ.

Но Аѳонъ сіяетъ истиннымъ Богопочитаніемъ и благочестіемъ; тамъ церковь земная—воинствующая и церковь небесная—торжествующая, благодатію Божіею, имѣютъ свое духовное общеніе. А въ Алтаѣ еще господствуетъ древняя тьма идолослуженія; темныя силы имѣютъ здѣсь свои орудія; 36,000 кочевыхъ татаръ и калмыковъ приносятъ кровавыя жертвы бѣсамъ (курюмъсь): *Ульденю*, какъ главѣ добрыхъ духовъ, и *Эрлику*, какъ началь-

нику всякаго зла, со множествомъ подчиненныхъ ему *пткерей* (олицетворенныя напасти); обожаютъ души умершихъ, въ честь коихъ дѣлаютъ куклы (*чалю*), и какъ Богу (*кутай*) поклоняются имъ; молятся хозяевамъ горъ, рѣкъ и озеръ (ту-ээзи, сү-ээзи, коль-ээзи) и олицетворяя болѣзни: оспу, горячку, лихорадки и проч., чествуютъ ихъ угощеніемъ и поклонами. Знаютъ они и творца (яячи), но не всемогущаго, а только имѣющаго въ своей власти одно: творить души младенцевъ, назначать имъ времена и мѣсто рожденія и судьбу земной жизни ихъ. Имѣютъ вонятіе о всемірномъ потопѣ и знаютъ Ноя, подъ именемъ *намь*; величаютъ его царемъ потопя (яякъ—ханъ), приписываютъ ему власть наводить потопъ въ жилищахъ умершихъ сродниковъ ихъ, по просьбѣ кама (шаманъ), для того, чтобы можно было ему, при потопѣ и общей отъ того суматохѣ умершихъ, угнать у нихъ приплодъ скота, и такимъ образомъ возвратитъ, будто бы отнятую ими, плодovitость скоту, принадлежащему живымъ сродникамъ. — Каждый родъ (сѣбкъ, собств. кость) имѣетъ своего фамильнаго бога; такъ, живущіе близъ р. Біи и занимающіеся сплавкою плотовъ чтутъ *сальтыана* (царь плотовъ) и вѣрятъ, что ихъ праотцы не участвовали въ общемъ потопѣ, а спаслись на плотяхъ и проч.

Если внимательно разсмотрѣть состояніе дикости ихъ, понятія и вѣрованія, обладающій ими страхъ мщенія бѣсовъ, за отступленіе отъ рабскаго служенія имъ, раззорительные обычаи суевѣрій, тѣсно связанный со всѣмъ этимъ чрезвычайно нечистый и до крайности бѣдный кочевой бытъ ихъ, дикостію и суевѣріемъ, какъ желѣзными оковами, содержимое въ вѣковой неподвижности и оцѣпененіи умственно-правственное состояніе ихъ, и осо-

бенныя (пока еще не объясненныя) ужасныя болѣзни, какъ слѣдствія ихъ вѣрованій и нечистой жизни и проч.; то понятно будетъ, что отъ этого гибельнаго состоянія, отъ этого мучительства истинно-сатанинскаго, въ которомъ столько вѣковъ держатся эти жалкія племена, можетъ освободить ихъ только христіанская вѣра и не разлучно, рука объ руку съ нею, водворяемая у нихъ осѣдлость и грамотность.

Невѣденіе о Христѣ поистинѣ есть тма и тѣнь смертная. Сколь велико это несчастіе для души, и каковы бѣдствія отъ того происходящія для общественныхъ связей, это можетъ быть понято только тѣми, коимъ возсіяетъ свѣтъ евангелія. Самъ Господь Іисусъ Христосъ, насъ ради чловѣковъ и нашего ради спасенія, снисшелъ съ небесъ, дабы открыть намъ объ истинномъ Богѣ и научить закону Его, исполняя который, мы могли бы достигнуть вѣчнаго блаженства. Сіе Божественное ученіе Онъ запечатлѣлъ своею кровію и смертію, которыми мы искуплены огъ вѣчной смерти.

Сей святой законъ Его, т. е. евангеліе проповѣдано намъ апостолами и ихъ преемниками, которые подъяли безчисленные труды, пролили свою кровь и жизнь свою положили единственно за то, чтобы людей, покрытыхъ смертною тмою невѣденія о Богѣ, просвѣтить животворнымъ свѣтомъ евангелія и наставить ихъ на правый путь заповѣдей Христовыхъ. Ихъ проповѣдію нынѣ во всѣхъ концахъ вселенной сіяетъ слава креста Христова.

Но вотъ соотечественные намъ народы не знаютъ своего Спасителя и Господа Іисуса Христа, ради ихъ на крестѣ умершаго; имъ доселѣ еще не возвѣщено то спасеніе, которое уготовано предъ лицомъ всѣхъ на-

народовъ, и не принесенъ къ нимъ тотъ *свѣтъ*, который сіяетъ въ Церкви Христовой, *въ откровеніе языковъ*; среди всемірной славы имени Божія, они погибаютъ во тмѣ суевѣрій, и отвратившись отъ животворнаго свѣта святой истины, дошли, среди смертнаго мрака, до состоянія скота, стали подобны безсловеснымъ.

Иисусъ Христосъ сказалъ: *какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы любите другъ друга* (Іоан. 13, 34.). Посему, подражая Иисусу Хросту и Его ученикамъ св. Апостоламъ, мы должны стараться, дабы и отдаленныя наши братія познали своего Искупителя и Господа, и познали бы не поверхностно только, но съ подробностію; изучили бы Его святой законъ и получили способность исполнять его, т. е. чтобы и среди ихъ учреждались церкви; школы, богадѣльни, больницы и т. под., раздавались бы книги и оказывалась бы помощь въ первыхъ потребностяхъ жизни, которыя часто останавливаютъ успѣхъ Евангелія въ семействахъ, подавленныхъ неотвратимыми нуждами.

Эту именно цѣль своихъ дѣйствій имѣетъ Алтайская духовная Миссія, т. е. братство, посланное по Высочайшему повелѣнію (отъ 15 дек. 1828 г.), и по благословенію Святѣйшаго Синода, для обращенія сихъ племенъ, язычниковъ шаманскаго суевѣрія, въ христіанскую вѣру. Алтайская Миссія, дѣйствующая на югъ западной Сибири, Томской губерніи, въ уѣздахъ бійскомъ и кузнецкомъ, открыта въ 1830 году, блаженной памяти отцемъ архимандритомъ Макаріемъ, мужемъ дѣятельно—духовной жизни, высокоученымъ и прозорливымъ. Онъ почти 14 лѣтъ провелъ въ трудахъ апостольскаго служенія своего сему народу, съ полнымъ самопожертвованіемъ; какъ свѣтильникъ предъ сидящими

во тѣхъ племенахъ, сіялъ онъ словомъ истины, примѣромъ строгаго благочестія и чистоты, весьма многообразными, по состоянію и нуждамъ сего народа, дѣлами благотвореній и милосердія къ погибающимъ. — Такимъ образомъ, при Божіемъ благословеніи, онъ положилъ твердое основаніе святой и животворной вѣры на Алтаѣ, обративъ ко Христу и научивъ истинному благочестію 675 душъ Алтайцевъ.

Доселѣ Алтайская Миссія успѣла при помощи Божіей призвать огъ тьмы идолослуженія, пагубныхъ суевѣрій и дикости къ свѣту спасительнаго православія, ввести въ благоотышную ограду Церкви Христовой, приучить къ осѣдлости и расположить къ трудолюбивой жизни, уже около 3200 душъ; всѣхъ же христіанъ Алтайцевъ съ семействами нынѣ до 5000 душъ. Это составляетъ уже весьма значитильное пріобрѣтеніе для Царствія Божія, гдѣ бываетъ великая радость и о единомъ обращающемся на путь спасенія, тѣмъ болѣе, что новообращенные, по мѣрѣ пріемлемости, обстоятельно обучаются истинамъ св. вѣры и христіанскому благочестію. — Въ настоящее время въ Алтаѣ надъ утвержденіемъ новопросвѣщенныхъ о Христвѣ братій и обращеніемъ въ христіанство еще блуждающихъ въ тѣхъ язычества, трудятся 9 миссіонеровъ ^{а)}. Среди еще господствующаго мрака, свѣтъ Христовъ сіяетъ уже во многихъ мѣстахъ Алтая. Миссія имѣетъ нынѣ 8 своихъ отдѣленій (становъ), съ 11-ю церквами въ разныхъ мѣстахъ Алтая (на пространствѣ примѣрно до 1000 верствъ въ

а) 1 Протоіерей, 4 женатыхъ священника и 4 іеромонаха, изъ коихъ два сверх-штатные. Кромѣ того, 1 іеродіаконъ, 1 женатый діаконъ и 8 причетниковъ.

длину и 150—700 въ ширину ⁶⁾. Изъ новокрещенныхъ кочевыхъ инородцевъ образовалось уже 22 селенія , большею частію заведенныя Миссіею на избранныхъ ею мѣстахъ, удобныхъ для осѣдлаго домохозяйства. При станахъ Миссіи заведено ею 10 школъ для обученія инородческихъ дѣтей мужскаго и женскаго пола русской грамотѣ, закону Божию и церковному пѣнію; нѣкоторыя изъ дѣвочекъ обучаются и рукодѣльямъ, приличнымъ состоянію ихъ.

Изъ обучавшихся въ сихъ школахъ инородцевъ есть уже исправляющіе должность церковнослужителей, которые современемъ могутъ быть въ многихъ отношеніяхъ *особенно* полезными миссіонерами, и нынѣ помогаютъ Миссіи уже во многихъ дѣлахъ ея служенія. Есть столь усердные къ чтенію священнаго писанія, что и отправляясь на полевая работы, не оставляютъ Евангелія, но берутъ его съ собой, и во время отдыховъ и утоленія голода пищею, укрѣпляются и духовною пищею, чтеніемъ Слова Божія.

Десять инородческихъ дочерей, изъ обучившихся при Миссіи грамотѣ и закону Божию, возымѣли желаніе посвятить себя иноческой жизни, съ тѣмъ, чтобы помогать Миссіи при обращеніи изъ идолопоклонства женщинъ и дѣвиць, — то есть обучать ихъ, служить въ болѣзняхъ и многоразличныхъ нуждахъ сего пола отъ рожденія и до гроба. Съ этою цѣлію, согласно просьбѣ ихъ, по благословенію святѣйшаго Синода, съ Высочайшаго разрѣшенія, учреждена въ прошедшемъ

---

6) 15 Февр. сего 1864 г. Высочайше разрѣшено заведеніе мужскаго монастыря въ Алтаѣ за Телецкимъ озеромъ при устьѣ р. Чулышмана, съ цѣлію распространенія Евангельскаго свѣта и духа христіанскаго благочестія между язычниками.

1863 году въ с. Улалѣ, инородческая женская община новокрещенныхъ на Алтаѣ, состоящая нынѣ изъ 20 сестеръ в). Для назиданія незнающихъ русскаго языка Алтайцевъ, миссіонеры перевели на ихъ языкъ кромѣ молитвъ, десяти заповѣдей Господнихъ съ толкованіемъ ихъ, и символа вѣры, многія мѣста изъ священнаго Писанія, почти все Евангеліе, чинъ литургіи св. Іоанна Златоустаго, много церковныхъ пѣсней; книгу св. Геннадія о вѣрѣ и жизни христіанской и нѣкоторыя мѣста изъ другихъ отцевъ Церкви; написали на этомъ Татарско-Калмыцкомъ нарѣчій краткое огласительное ученіе; вопросы при крещеніи и исповѣди, простые рассказы о земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, Его страданія, смерти и воскресеніи и проч. г).

Прежде появленія *воскресныхъ школъ* въ великороссійскихъ губерніяхъ, онѣ уже существовали и нынѣ существуютъ при нѣкоторыхъ изъ становъ Алтайской духовной Миссіи, только не для наученія грамотъ (на этотъ трудъ есть 6 дней въ недѣлѣ), а для другой цѣли: въ воскресные и праздничные дни (когда нѣтъ служебныхъ препятствій) послѣ богослуженія и обѣда, по звону колокола собираются въ училищную залу всѣ, кто пожелаетъ: грамотные и безграмотные, молодые и престарѣлые, родители и дѣти обоюго пола; слушаютъ, а иногда и сами читаютъ, по руководству членовъ Миссіи, священныя и духовно-нравственныя писанія и особенно повѣствованія; чтеніе разнообразится назидательными бесѣдами, вопросами и отвѣтами, пѣніемъ церковныхъ

в) См. Хрис. Чт. 1863 г. іюль.

г) Составляется: 1.) Сравнительный лексиконъ Алтайскихъ Татарско-Калмыцкихъ нарѣчій съ языкомъ Тобольскихъ Татаръ, по словарю Гиганова, и 2.) грамматика сихъ нарѣчій.

вѣсней, псалмовъ Давида и духовно-нравственныхъ гимновъ (сочин. покойн. о. архиманд. Макаріемъ), которые у новокрещенныхъ инородцевъ замѣняютъ народныя пѣсни. Бесѣды наши здѣсь съ народомъ имѣютъ цѣлю не только наученіе, но иногда и обличеніе и исправленіе; даже совѣты и наставленія, относящіяся къ сохраненію здоровья, къ домохозяйству, къ улучшенію быта общественнаго и семейнаго. Сюда заходятъ иногда и не крещенные, которые, слыша назидательныя бесѣды и священныя повѣствованія на родномъ своемъ языкѣ и стройное пѣніе священныхъ пѣсней, выходятъ иногда съ замѣтно-отраднымъ настроеніемъ духа и видимымъ желаніемъ присоединиться къ обществу вѣрующихъ во Христа, хоть еще и не созрѣвшимъ до рѣшимости е).

Въ церквахъ Миссіи поютъ почти всѣ инородцы. Пѣніе установлено здѣсь покойнымъ основателемъ Миссіи, о. архимандритомъ Макаріемъ особенное, самое простое, только на двухъ нотахъ ж), монотонное, съ повышеніемъ голоса, гдѣ нужно; но несмотря на то, при многочисленномъ собраніи христіанъ, такое пѣніе бываетъ весьма пріятно, правильно и благоговѣнно: въ немъ господствуетъ сила мысли, а не эффектъ звуковъ, котораго, впрочемъ, не лишено и такое пѣніе. Общее

д) Невозможно, чтобы между сѣяніемъ и жатвою не было значительнаго промежутка. Если же подобные факты скорого убѣжденія и обращенія язычниковъ иногда объявляются миссіонерами, то это значитъ, что они не высказываютъ, не обозрѣваютъ и не дознаютъ (что не всегда и возможно) всѣхъ прежнихъ обстоятельствъ, впечатлѣній и переворотовъ, совершившихся въ душѣ новообращеннаго.

е) О. архиманд. Макарій такое пѣніе литургіи своеручно написалъ вмѣсто нотъ такъ: Го—спо—ди—по—ми—луй (протяжное). Го + спо + ди + по + ми + луй (скорое).

народное пѣніе въ богослуженіи по моему мнѣнію весьма важно; и если оно стройно, правильно, а для того просто, то ничѣмъ незамѣнимо въ нашихъ миссіонерскихъ церквахъ. При всеобщемъ стройномъ пѣніи у всѣхъ бываетъ одна мысль, одно чувство; тутъ нѣтъ уже мертвыхъ зрителей, которые тѣломъ въ церкви, а душою на распутяхъ міра; невольно чувствуешь, что это живая Церковь живаго Бога э).

Дѣло миссіонера есть не только проповѣдь Евангелія и духовно-нравственное и обрядовое христіанское обученіе новообращенныхъ; ему подлежатъ также весьма немаловажные и многообразные труды, хлопоты и попеченія относительно благоустроенія домашняго и общественаго быта новообращенныхъ, только со времени крещенія начинающихъ жизнь осѣдлую и переселяющихся въ христіанское общество. Миссіонеру необходимо имѣть о новокрещенныхъ, какъ о дѣтяхъ, искреннее отеческое попеченіе во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ для нихъ и единственный лекарь, онъ и защитникъ въ обидахъ, миротворитель и совѣтный судья; онъ и попечитель угнетенныхъ неотразимою бѣдностію, престарѣлыхъ, безпріютныхъ дѣтей и вдовъ. Посему въ дѣлѣ миссіонерскаго служенія значительная часть трудовъ требуетъ помощи женскаго пола. Улалинская женская община можетъ оказывать свое содѣйствіе Миссіи, особенно важное на мѣстѣ своего пребыванія, когда бу-

---

ж) Кромѣ того, при всеобщемъ пѣніи всегда готовы пѣвчіе, и священникъ не бываетъ вынужденъ ожидать (иногда и напрасно) прихода пѣвчихъ и терпѣть непріятную и стѣснительную зависимость отъ нихъ. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы стало входить такъ называемое красное пѣніе (партесное); а это уничтожаетъ всеобщее простое пѣніе.

дуть устроены при ней: больница, пріютъ и школа для обученія новокрещенныхъ грамотъ, руководьямъ и проч.; но не можетъ замѣнить того ближайшаго всегдашняго пособія, какое доставляютъ женатымъ миссіонерамъ въ дѣлахъ сего служенія семейства ихъ, особенно въ другихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Трудный путь служенія миссіонерскаго, какъ требующій самопожертвованія и свободы, болѣе приличенъ монахамъ, но какъ состоящій въ средѣ народа и въ непрерывныхъ соотношеніяхъ и тѣсныхъ связяхъ съ семействами, ближе всего къ семейнымъ миссіонерамъ. — Положеніе монаха въ монастыря, постоянно среди мірскихъ людей всякаго пола и возраста, которыхъ миссіонеръ долженъ имѣть на своемъ ближайшемъ попеченіи, иногда даже въ своемъ домѣ,—есть положеніе вовсе не нормальное. Потому-то лучшіе монахи миссіонеры, сознавая на пути сего служенія необходимость въ пособіи женскаго пола, просили дозволеніе имѣть постоянныхъ помощницъ при себѣ. Но и эта мѣра едвали была бы болѣе удобна, если только не болѣе опасна. Не служить ли это яснымъ указаніемъ на то, что и люди семейные, чувствующие призваніе къ миссіонерской дѣятельности, если и семейства ихъ расположены къ тому, не должны быть лишаемы чести сего служенія? Это ихъ путь; здѣсь они вполнѣ на своемъ мѣстѣ, какъ имѣющіе болѣе способовъ и удобствъ къ выполненію многообразныхъ требованій въ служеніи народу. Свобода монаха имѣетъ свою цѣну и важность; но свобода есть только возможность къ усердной дѣятельности; а отъ возможности къ дѣйствительности заключеніе несправедливо, если оно безусловно. Поистинѣ безкорыстное усердіе, крѣпкое любовію къ Богу и человѣкамъ, возможно и свойственно

женатому миссіонеру столько же, сколько и монаху, и сильно побѣдить всякое житейское попеченіе, выработать себѣ свободу для сего служенія и преодолѣть всякую трудность. И бѣльцы и монахи нужны и полезны, если они служатъ по призванію, тѣ и другіе имѣютъ свой жребій въ служеніи миссіонерскомъ. Удѣлъ первыхъ въ мѣстахъ населенныхъ новообращенными и болѣе доступныхъ къ проѣзду, а доля приличная послѣднимъ преимущественно тѣ мѣста, гдѣ еще нѣтъ христіанства и удобныхъ путей сообщенія. Впрочемъ изъ опыта вотъ что извѣстно: всѣ начинанія Евангельской проповѣди въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ Алтая, за исключеніемъ первыхъ дѣйствій о. архимандрита Макарія, принадлежать не монахамъ, а женатымъ миссіонерамъ. На долю семействъ ихъ падаетъ весьма много такихъ дѣлъ необходимаго служенія сему народу, коихъ миссіонеры одинокіе выполнять не могутъ. Вообще миссіонеры и семейства ихъ имѣютъ необходимость расположить новокрещенныхъ къ тому, чтобы они учились земледѣлію, заводили огороды, и пріучались къ другимъ занятіямъ осѣдлаго домохозяйства,—и пецись о доставленіи имъ возможности къ тому; пріучать новокрещенныхъ женщинъ печь хлѣбы, прясть, шить простыя одежды и обувь, садить овощи и имѣть уходъ за огородомъ, вообще пріучать къ домоводству и опрятности; оглашенныхъ и возрастныхъ инородцевъ и инородокъ, готовящихся ко крещенію, часто нигдѣ неимѣющихъ пристанища, содержать въ своемъ домѣ, прививать оспу мужчинамъ, женщинамъ и младенцамъ; лѣчить больныхъ (особенно гомеопатією) крещеныхъ и не крещеныхъ всякаго возраста и пола; имѣть попеченіе о нихъ, и давать имъ и сиротамъ пріютъ у себя или въ селеніяхъ

новокрещенныхъ; даже принимать иногда младенцевъ на свое попеченіе ^{н)}); оказывать медицинское пособіе родильницамъ; стараться предупреждать и уничтожать дурные и вредные обычаи, принятые въ сихъ случаяхъ у алтайцевъ, принимать иногда на свое попеченіе жестоко страдающихъ отъ особенной болѣзни (родъ Витовой пляски), существующей въ этомъ народѣ въ слѣдствіе идолослуженія; нигдѣ и ни въ чемъ не находя отрады, они прибѣгаютъ къ пособіямъ, христіанскою вѣрою подаваемымъ, и требуютъ иногда постоянного наблюденія и ухода,—до облегченія. По самому быту и обстановкѣ этого крайне бѣднаго и жалкаго народа, случаевъ требующихъ такого служенія Миссіи бываетъ очень не мало. Христіанское же милосердіе, оказываемое таковымъ, укрѣпляетъ новообращенныхъ въ христіанствѣ и даетъ самимъ язычникамъ чувствовать благотворность и отраду нашей божественной вѣры.

Нужды, требующія благотворительнаго служенія Миссіи, многочисленны; удовлетворять симъ нуждамъ по требованію христіанской любви и состраданія и ради самаго утвержденія христіанства на Алтаѣ и развитія гражданственности, миссіонеры и чувствуютъ долгъ и, по мѣрѣ возможности, исполняютъ оный; напримѣръ, необходимо бываетъ вспоможеніе приѣмлющимъ св. крещеніе бѣднѣйшимъ семействамъ, при перекочевкѣ ихъ въ христіанское селеніе; пропитаніе нѣкоторыхъ оглашенныхъ во время приготовленія ко крещенію и по

з) Отецъ архимандритъ Макарій съ бывшимъ при немъ 80 лѣтнимъ послушникомъ изъ поселенцевъ о. Петромъ, долгое время имѣлъ у себя на воспитаніи двухъ безпріютныхъ младенцевъ (1—2 л.), пока не нашлась женщина, которая согласилась за плату воспитать ихъ.

случаю перемѣны образа жизни, по крещеніи; тогда какъ до обращенія въ христіанство, бѣдные питались травяными кореньями *кандыка* и *сараны*, листьями дикаго ревеня, взваромъ переогодовавшихъ подъ снѣгомъ листьевъ травы *бадана*, вмѣсто чаю, съ молокомъ или съ солью, много разъ перевариваемыми костями животныхъ, употребленныхъ въ пищу богатыми, и лакомились иногда полуизгнившимъ мясомъ издохшаго скота, или убитыхъ ими нечистыхъ и отвратительныхъ звѣрковъ всякаго рода; вообще, случайныя, но нервѣдія вспомошествованія бѣднымъ, убогимъ, слѣпымъ и престарѣлымъ: хлѣбомъ, одеждами, посудою, хозяйственными принадлежностями, земледѣльческими орудіями, сѣменами и т. под., иногда постройкою домовъ ^{н)}, покупкою скота для работъ и для пропитанія больныхъ и младенцевъ и проч.

Кромѣ сего, Миссія имѣетъ на своемъ попеченіи многіе другіе необходимыя предметы своего служенія, требующіе весьма значительныхъ издержекъ, на покрытіе которыхъ правительствомъ не отпускается никакого пособія; это: построеніе церковей въ селеніяхъ новокрещенныхъ инородцевъ и снаряженіе ихъ всѣмъ потребнымъ къ отправленію богослуженія; постройка домовъ со службами для членовъ Миссіи и домовъ для школъ грамотности у новокрещенныхъ; плата грамотнымъ изъ инородцевъ за пособіе въ обученіи другихъ грамотъ, въ служеніи церковномъ и вообще въ дѣлахъ по службѣ, заведеніе новыхъ селеній близъ стойбищъ кочевыхъ некрещенныхъ инородцевъ и проч.

н) Въ продолженіе послѣднихъ 6 лѣтъ устроено 37 избъ для бѣдныхъ.

Всѣ таковыя и симъ подобныя нужды доселѣ удовле-творялись, сколько это было возможно, пожертвованіями не многихъ благотворителей, имѣвшихъ возможность получить свѣдѣніе о важности сего служенія, о трудахъ и нуждахъ Алтайской Миссіи; но и эти средства были очень незначительны и вполнѣ *случайны*; въ послѣдніе пять лѣтъ они простирались отъ 400 до 3500 рублей въ годъ ^к), и съ процентами съ меньшаго капитала Миссіи, изъ случайныхъ же пожертвованій составившагося. *Постоянныя* же средства Миссіи крайне недостаточны и для пропитанія самихъ миссіонеровъ и семействъ ихъ съ сослуживцами, и особенно нынѣ, при развитіи дѣла Миссіи и умноженіи ея членовъ.

Трудится ли гдѣ духовенство безъ жалованья и безъ доходовъ, неизвѣстно; что касается до Алтайскихъ миссіонеровъ, то они до 1858-го года не получали никакого жалованья, а доходами и нынѣ никакимъ не пользуются; содержаніе же всѣ члены имѣли *общее*, на которое, а вмѣстѣ и на всѣ служебныя нужды Миссіи, отпускалось изъ казны по 571 р. 41 коп. сер. ежегодно, содержаніе столь скудное, что изъ всѣхъ источниковъ, со включеніемъ пожертвованій, приходилось на человѣка отъ 10 до 40 руб. въ годъ, и никогда не болѣе 80 руб. и на старшихъ членовъ Миссіи. Съ 1858 по 1863 кромѣ сихъ 571 р. отпускалось въ штатное содержаніе Миссіи, на жалованье и на служебныя нужды, изъ суммъ Святѣйшаго Синода по 4000 р. сер. въ годъ.—Въ эти послѣдніе шесть лѣтъ, при служеніи Миссіи обратилось въ христіанство до 900 душъ Алтайцевъ; заведено 3 новыхъ селенія, состоящія изъ новокрещенныхъ коче-

---

і) А прежде были еще скуднѣе.

выхъ инородцевъ; устроено при Миссіи 8 деревянныхъ небольшихъ церквей, открыто 5 школъ грамотности, и при такомъ развитіи дѣла оказалось необходимымъ открыть два новыхъ отдѣленія Миссіи сверхъ штата, въ которыхъ устроены станы Миссіи со всѣми нужными постройками. Посему означенный окладъ, при умноженіи служебныхъ нуждъ Миссіи и возвышеніи цѣнъ на всѣ жизненныя потребности, въ послѣдніе годы оказался крайне недостаточнымъ.—Но отпускъ 4000 рублей былъ опредѣленъ былъ только на 5 лѣтъ и 1863 годомъ прекратился. — Нынѣ на содержаніе Миссіи и на всѣ ея служебныя потребности, какъ то: содержаніе и жалованье миссіонеровъ, церковно-служителей и толмачей (всего 29 человѣкъ, съ семействами же 60 человѣкъ), содержаніе 11 церквей, 10 школъ, на необходимыя вещи при крещеніи инородцевъ, путевыя издержки, братскія квартиры въ г. Бійскѣ, Кузнецкѣ и въ Уралѣ, на канцелярскіе и почтовые расходы, отопленіе и освѣщеніе и поддержку миссіонерскихъ зданій, на лекарства и книги,—на все это осталось только 571 р. 41 к. сер. постоянного оклада отъ казны ¹⁾).

Очевидно, что трудность и не очень быстрый успѣхъ распространенія христіанства на Алтаѣ зависитъ не отъ

к) Эта крайняя нужда Миссіи, послѣ многихъ безуспѣшныхъ хлопотъ на мѣстѣ о ея удовлетвореніи, побудила меня выѣхать въ Спб. для личнаго ходатайства предъ начальствомъ. Собравъ на проѣздъ всевозможныя послѣднія средства, и войдя въ долги, я прибылъ въ Москву со всѣмъ моимъ семействомъ, въ числѣ 12 человѣкъ. Но успѣхъ по сему дѣлу ограничивается доселѣ только тѣмъ, что Св. Синодъ нашелъ возможнымъ отпустить еще на одинъ годъ, прежній окладъ 4000 р., хотя число служащихъ, служебныя нужды и цѣнность на все весьма значительно увеличились противъ прежняго.

одного недостатка въ благовѣстникахъ, и естественныхъ преградъ, представляемыхъ дикостію и бѣдностію народа, характеромъ мѣстности, трудностію верховыхъ проѣздовъ по горамъ, соединенныхъ съ опасностію лишенія жизни ¹⁾, разсѣяніемъ кочевыхъ жителей на

л) Каждый изъ нашихъ миссіонеровъ не разъ подвергался этой опасности. О. архимандритъ Макарій однажды проѣзжая по *черни* (горы, покрытыя густымъ хвойнымъ лѣсомъ по правой сторонѣ рѣки Катуні) былъ зацѣпленъ за ремень бывшей при немъ сумочки со св. Дарами,—конь на бѣгу вышелъ изъ подъ него, а онъ повисъ на сучкѣхъ и висѣлъ дотолѣ, пока воротился и снялъ его ухватившій впередъ провожатый, уже соскучившійся ждать оставшагося назади о. Макарія.—У каждаго изъ насъ сердце замираетъ и кружится голова, даже и привычный конь дрожитъ иногда при переѣздѣ по высокому *бѣму*; это узкая тропинка ($\frac{3}{4}$ 1 арш.), опоясывающая гору, гдѣ по одну сторону тропинки высокая скала, а по другую отвѣстный обрывъ до рѣки, которая синѣетъ въ низу, какъ ленточка; — особенно когда приходится перескакивать чрезъ большіе камни на этой тропинкѣ высунувшіеся, или спускаться внизъ по довольно гладкой каменной плитѣ, и дѣлать крутые повороты, лицомъ къ обрыву; — на такомъ проѣздѣ вполнѣ ввѣряешься коню; но онъ бессмысленный и голодный часто тянется за травкой; и удерживать бываетъ опасно, и давать свободу страшно.—Скажу о себѣ: много разъ бывалъ я подъ конемъ, упавшимъ на бѣгу, и въ два такихъ паденія былъ вдавленъ по-уши въ грязное болото; разъ сажень 10-ть летѣлъ я вмѣстѣ съ оборвавшимся конемъ съ крутизны почти отвѣсной горы; подруги лопнули и я невредимо отдѣлился отъ коня, и выбрался на дорожку; два раза улеталъ съ горы въ перевертѣ вмѣстѣ съ конями и повозочкой, и въ одинъ разъ уцѣлѣлъ, ухватясь за вѣтви дерева, а въ другой кочки сохранили меня отъ раздробленія повозкой, упавшей на меня.— Одинъ разъ упалъ вмѣстѣ съ конемъ и телѣгой съ крутаго косогора прямо въ рѣку *Сарасу*, и все перемочивъ, ѣхалъ мокрый и подъ дождемъ, въ холодное осенне время, еще 45 верстъ до деревни *Черти*. Много разъ топулъ я, при переправахъ въ бродъ черезъ довольно глубокія и весьма быстрыя горныя рѣки. Разъ при переѣздѣ весною по льду черезъ рѣку *Майму*, ледъ подъ нами обрушился черезъ всю рѣку, конь

огромныхъ пространствахъ, такъ что каждому миссіонеру нужно бываетъ искать погибающихъ овецъ дому Божію по дебрямъ, ущельямъ, и лѣсамъ Алтайскимъ горъ и предгорій, на разстояніяхъ, измѣряемыхъ сотнями верстъ по бездорожной и дикой мѣстности. Скудость средствъ для удовлетворенія многочисленнымъ и разно-

---

всплылъ и я мгновенно очутился плавающимъ уже позади саней; но успѣвъ схватиться за сани, былъ вытасненъ выплывшимъ конемъ. Въ другой разъ при переѣздѣ лѣтомъ черезъ ту же рѣку, отъ сильнаго дождя внезапно прибывшую, кони всплыли, повозка перевернулась, бывшая со мною одежда и вещи потонули; я же успѣлъ выбраться на лежащее въ водѣ, близъ острова, большое дерево, и спасъ бывшаго со мною и утопавшаго новокрещеннаго мальчика. Много разъ промокалъ отъ дождя и промерзалъ отъ зимняго морозу до того, что былъ не въ состояніи идти и говорить.—Много разъ былъ въ страшной опасности погибнуть подъ удушающимъ бураномъ. Случалось ночевать, послѣ цѣлодневной ѣзды верхомъ, на горѣ и на болотѣ безъ дровъ и воды и слѣдовательно безъ возможности обогрѣться и укрѣпиться чаемъ, который въ дорогѣ единственная пища съ неразлучными сухарями; а ночевье въ чрезвычайно нечистой берестяной юртѣ кочеваго Алтайца, гдѣ развѣшанное мясо издохшаго коня или убитаго звѣря бываетъ въ полномъ соответствіи съ посудой, которую никогда не моютъ, и съ кожаными продымленными мѣшками, гдѣ помещаются на 6—8 кв. арш. и люди и животныя (телята, ягнята, собаки и кошки), — гдѣ при 30—40° мороза нѣтъ ни печки, ни камна, и дымъ отъ разложеннаго посрединѣ огня (особенно при вѣтрѣ) выѣдаетъ глаза, гдѣ морозъ и жаръ, сходясь вмѣстѣ, производятъ на голову самое вредное вліяніе,—это уже такъ обыкновенно, что миссіонеры почти вовсе о семъ не упоминаютъ въ своихъ запискахъ; это мѣсто *успокоенія* послѣ продолжительной верховой ѣзды, гдѣ чайникъ миссіонера, стоя рядомъ на огнѣ съ винокуреннымъ котломъ хозяина, обыкновенно замазывается конскимъ пометомъ съ глиной, составляетъ единственное *нѣкое утѣшеніе* и *укрѣпленіе* изнемогшему; это храмъ и кафедра, гдѣ мы должны проповѣдывать Евангеліе полунагимъ слушателямъ, вниманіе коихъ *до единаго на потребу* должно доводить, начиная разговоръ съ трубки или огнива и проч.

образнымъ потребностямъ миссіонерскаго дѣла служить главнымъ препятствіемъ къ желаемымъ успѣхамъ. При всѣхъ благопріятныхъ видахъ и надеждахъ на развитіе этого святаго дѣла, миссіонеры нерѣдко бываютъ въ необходимости, со скорбію въ душѣ, отлагать полезное дѣло, не имѣя въ виду никакихъ средствъ къ выполнению и поддержанію онаго, и ограничивать свою дѣятельность возможно тѣсными предѣлами. — Такъ, напримѣръ, въ одной изъ миссіонерскихъ мѣстностей, ближайшей къ русскому населенію, въ Кузнецкомъ уѣздѣ, Алтайскіе миссіонеры видятъ, что племя Ачкиншимцевъ, живущихъ въ Тарабинскихъ и другихъ ближайшихъ улусахъ, народъ примѣрно добродушный и ласковый, довольно привыкшій къ осѣдлости и трудолюбію, — весьма склонно къ христіанству; по замѣчанію преосвященнаго Аванасія, бывшаго епископа Томскаго, нынѣ архіепископа Казанскаго, „это зрѣлая ягода, готовая упасть, только нужно подставить руку“; но и видя это, мы должны до сихъ поръ довольствоваться однимъ безплоднымъ жалѣніемъ о сихъ овцахъ, остающихся внѣ церковнаго двора единственно потому, что нѣтъ никакой возможности завести на этой мѣстности новый миссіонерскій станъ и опредѣлить туда хотя одного сверхштатнаго миссіонера съ новокрещеннымъ мальчикомъ для служенія.

Всѣ эти усилія миссіонеровъ, всѣ пріобрѣтенія и отрадные успѣхи христіанства въ Алтаѣ есть только начатокъ Христовой Церкви, на мѣстѣ подвиговъ пріснопамятнаго основателя Миссіи, покойнаго о. архимандрита Макарія. Сколько еще погрязшихъ въ гибельномъ суевѣріи соотечественниковъ нашихъ! Предъ взорами Алтайской Миссіи десятки тысячъ Алтай-

цевъ—фетишистовъ, сотни тысячъ (въ одной Семиполатинской области) Киргизовъ — полу-магометанъ, полужычниковъ, при пособіи правительства обучаемыхъ магометанству (!), и столько же пограничныхъ уранхайцевъ, чало-казаковъ *) русскаго происхожденія и другихъ племенъ! — *Жатвы много, а дѣлателей мало!*— Но всѣ эти и другія не просвѣщенные свѣтомъ истиннаго Богопознанія племена не для того ли въ особенности вручены Провидѣніемъ Россійской державѣ, чтобы православная Церковь передала имъ Евангеліе Иисуса Христа, этотъ даръ Божій, переданный народу русскому, по благоволенію Божію, народомъ старѣйшимъ? Посему эти десятки, эти сотни тысячъ и едва ли не милліоны душъ, не знающихъ Христа Спасителя, нельзя не почестъ заслуживающими нашего общаго вниманія и попеченія христіанскаго правительства о просвѣщеніи ихъ свѣтомъ Евангелія *ради вѣчной жизни*: и за нихъ такъ же какъ и за насъ пролилъ на крестѣ безцѣнную кровь Свою Спаситель нашъ и всѣхъ человѣковъ, Богочеловѣкъ—Христосъ Иисусъ!

Это священное дѣло Россійской Церкви принадлежитъ не одному духовному правительству, которое и не имѣетъ столько матеріальныхъ средствъ, чтобы обезпечить всѣ пужды онаго,—это есть нравственная обязанность всѣхъ сословій христіанскаго общества, и каждаго живаго члена Христовой Церкви. *Въ насъ должны быть тѣже чувстваванія* (безмѣрной любви къ Богу

---

*) Чало—казакъ—значитъ человѣкъ „*подъ именемъ киргиза*“; это бѣглецы русскіе люди, въ китайской части Алтая скрывающіеся; эти люди уже потеряли и христіанство и народность,—какъ это утверждаютъ люди бывавшіе тамъ.

и милосердія къ человѣкамъ), *какія и во Христвъ Іисусъ*. Не должно забывать намъ слова Спасителя: *нѣтъ воли Отца вашего небеснаго, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ*.

Благочестивые соотечественники! не преставайте изливать теплыя молитвы къ Отцу небесному о распространеніи царствія Христова на землѣ; да ускоритъ Онъ время, въ которое и эти, отчужденныя отъ жизни Божіей племена, услышали бы животворное Слово Божіе; вашимъ соучастіемъ, вашими ртзговорами и распространеніемъ свѣдѣній о семъ великомъ и св. дѣлѣ Церкви Божіей—воинствующей возбуждайте въ другихъ сочувствіе и готовность къ соучастію, достойному истиннаго христіанина.

Святѣйшій Синодъ, во вниманіи къ крайнему недостатку средствъ на покрытіе нуждъ Алтайской Миссіи, дозволилъ мнѣ производить сборъ доброхотныхъ пожертвованій, для чего и выдалъ мнѣ сборную книгу. — Обращаюсь къ благочестивымъ соотечественникамъ съ покорнѣйшею просьбою оказать содѣйствіе Алтайской Миссіи въ распространеніи и утверженіи христіанства, осѣдлости и грамотности между Алтайцами, кто чѣмъ можетъ, деньгами и вещами разнаго рода. Денежныя пособія могутъ быть безъ особеннаго назначенія или *съ назначеніемъ*, по желанію жертвователя, на которуюнибудь изъ слѣдующихъ нуждъ Миссіи: 1.) на устроеніе церквей и вообще церковныя потребности; на двѣ новыя церкви (въ Сары-Копшѣ и Паспаулѣ) уже изготовлена значительная часть матеріаловъ, но болѣе ничего нѣтъ, для устроенія и снаряженія ихъ. 2.) На пред-

меты благотворительнаго служенія инородцамъ: а) къ облегченію перехода ихъ изъ кочеваго быта въ осѣдлый, по крещеніи; б) на лекарства и пособія больнымъ, престарѣлымъ, безпріютнымъ и подавленнымъ бѣдностію и сиротствомъ; в.) на предметы обученія грамотъ, ремесламъ и руководѣльямъ, земледѣлію, домоводству и проч.

3.) На служебныя нужды Миссіи (какъ-то: на постройку и поправку заведеній и проч.) и на нужды служащихъ (именно: кожаная одежда, матрацы дорожные, сумы, сѣдла, палатки; на книги и журналы; на обезпеченіе вдовъ, сиротъ и увѣчныхъ изъ членовъ Миссіи, и вообще на пособіе служащимъ въ особенныхъ случайныхъ нуждахъ и проч.). Изъ вещей нужны: а.) *до Богослуженія относящіяся*: сосуды, напрестольные кресты и Евангелія, кадила, подсвѣчники, плащаницы, хоругви, иконы, священническія ризы, одѣянія на престоль и на жертвенникъ и ковры; при двухъ церквахъ вовсе нѣтъ колоколовъ; б.) *вещи для пріемлющихъ св. крещеніе необходимыя*, какъ-то: кресты, возлагаемые при крещеніи, иконы, бѣлье, платки, шубы и другія одежды простыя и обувь, особенно для престарѣлыхъ и дѣтей сиротъ; холстъ и простое сукно, посуда и другіе предметы домашняго быта; в.) книги для назидательнаго чтенія, обученія полезнымъ ремесламъ; г.) препараты медицинскіе и оспенные, руководства къ леченію, и лекарства гомеопатическія и аллопатическія, особенно допускаемая гомеопатіею, гомеопатическіе журналы и проч. д.) *вещи нужныя для сохраненія здоровья миссіонеровъ* въ проѣздахъ по Алтаю. У насъ нѣтъ ни кожаныхъ одеждъ къ защитѣ отъ дождя, ни удобныхъ палатокъ, ни матрацовъ дорожныхъ; очень нужны пояса эластическіе, употребляемые при плаваніи для предот-

вращенія опасности утонуть при переправахъ черезъ рѣки; а также респираторы для защищенія отъ удушающихъ путника сибирскихъ бурановъ и т. под. е.) Самая доставка вещей изъ Москвы и С.-Петербурга до г. Бійска требуетъ благотворительной помощи и отправленія съ транспортомъ въ г. Барнаулъ или Томскъ.

Желающихъ оказать какое либо пособіе Алтайской Миссіи прошу обращаться съ своими приношеніями исключительно *въ Москву*, къ сотруднику Алтайской Духовной Миссіи священнику Московской Спиридоновской Церкви Николаю Димитріевичу Лаврову; или прямо *въ г. Бійскъ*, Томской губерніи, въ Алтайскую духовную Миссію.

Всѣ приношенія будутъ записываемы въ сборную книгу и своевременно объявляемы въ газетахъ и духовныхъ журналахъ.

При семъ прошу благотворителей прилагать имена ихъ и сродниковъ, живыхъ и умершихъ. Миссія имѣетъ священнымъ долгомъ возсылать о нихъ усердныя молитвы, при служеніи литургіи въ 11-ти церквахъ, вмѣстѣ съ новопросвѣщенными Алтайцами.

Начальникъ Алтайской Духовной Миссіи
Протоіерей *Стефанъ Ландышевъ*.

П О У Ч Е Н І Е

**ПРИ ПОГРѢВЕНІИ КУПЕЧЕСКОЙ ЖЕНЫ МАРЬИ В.
ДРОЖАЛИНОЙ, СКОНЧАВШЕЙСЯ ВСКОРѢ ПОСЛѢ
РОДОВЪ а).**

*Жена спасется чадородіа ради, аще пре-
будетъ въ вѣрѣ и любви и во святыни
въ цѣломудріемъ (1 Тим. 2, 15.).*

Многія матери сѣтуютъ на чадородіе, недовольны многочадіемъ, желаютъ дѣтямъ смерти и рады бываютъ, если исполняется ихъ желаніе. Это сѣтованіе и недовольство впрочемъ понятны. На каждой матери исполняется приговоръ Божескаго правосудія: *въ болъзняхъ родиши чада* (Быт. 3, 16.); кому же хочется терпѣть болъзни? Родивши дѣтей, надобно воспитать ихъ, а это еще труднѣе, чѣмъ родить. Много трудовъ требуетъ воспитаніе физическое, еще больше нравственное. Матерью можетъ быть всякая, но воспитательницею не всякая. Нужно много самоотверженія, любви къ дѣтямъ, знанія ихъ нуждъ, чтобы для ихъ спокойствія и здоровья нерѣдко проводить безсонныя ночи у ихъ постели, чтобы не дать развиться въ нихъ дурнымъ склонностямъ, чтобы дать имъ христіанское направленіе; нужно притомъ для успѣха воспитанія дѣтей, воспитательницѣ потрудиться надъ воспитаніемъ самой себя, чтобы не подать дурнаго примѣра дѣтямъ, чтобы напротивъ самая жизнь ея могла быть для нихъ живымъ урокомъ благонравія, благовоспитанности. Но какъ ни тяжело по всѣмъ этимъ причинамъ (не говоримъ о дру-

а) Произнесено 29 марта.

гихъ, на примѣръ нужды и бѣдности) рожденіе и воспитаніе дѣтей, мать христіанка не должна падать духомъ подъ этою тяжестію, не должна унывать. Отъ ней зависитъ, чтобы это тяжелое дѣло было для ней же спасительно. Вѣрно слово св. Апостола: *жена спасется чадородія ради*. Почему вѣрно? Потому что вѣрно слово самого Христа Спасителя: *уже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по Мнѣ ирдетъ*. Если спастись нельзя, не слѣдуя за Христомъ, а слѣдовать за Христомъ значитъ по Его примѣру взять крестъ свой, то понятно, почему чадородіе можетъ быть спасительно. Вѣдь чадородіе есть крестъ, свойственный каждой матери, да еще какой! Иногда тяжелѣе тѣхъ, какіе несутъ пустынники и затворники. Но дѣло не въ томъ одномъ, чтобы несть крестъ, а въ томъ, какъ несть. Чадородіе—крестъ, но этотъ крестъ надобно носить умѣючи. Кто не умѣетъ его носить, какъ слѣдуетъ истинному ученику Христову, тому онъ во вредъ, а не во спасеніе послужить. Въ чемъ же состоитъ это умѣнье?—Въ томъ, отвѣтствуетъ св. апостоль, „если (мать) пребудетъ въ вѣрѣ и любви, и въ святости съ цѣломудріемъ“. Кратки слова Апостола, но въ нихъ указаны всѣ обязанности, какія каждая мать должна исполнить, чтобы спастись чрезъ чадородіе.

Такъ, она должна пребывать *въ вѣрѣ*, или въ христіанскомъ благочестіи. Обязанность многосложная, но по отношенію собственно къ матери она состоитъ въ слѣдующемъ: пусть каждая мать взираетъ на дѣтей, какъ на благословеніе Божіе и симъ благословеніемъ пусть дорожить; пусть, если имѣетъ много дѣтей, не ропщетъ на Бога, а благодаритъ за нихъ Бога, ибо чѣмъ больше у кого дѣтей, тѣмъ больше молитвенниковъ за него предъ

Богомъ; пусть, если при обилии дѣтей терпитъ скудость въ средствахъ жизни, воодушевляется упованіемъ на промыслъ Божій и молитъ Бога, чтобы Онъ милосердый, дающій пищу птенцамъ врановымъ призывающимъ Его (Псал. 146, 9.), не оставилъ безъ своего благого попеченія ея дѣтей, разумныя Его созданія; а паче всего пусть умоляетъ Его, да поможетъ Онъ своею благодатію воспитать ихъ во славу Его святаго имени.

Вѣрующая мать должна быть любящею матерію. Она должна пребывать, по слову апостола, *въ любви*. Она должна любить всѣхъ ближнихъ, радуясь ихъ счастію, сочувствуя ихъ горю, стараясь быть полезною каждому въ нуждахъ; но ближайшимъ предметомъ ея любви безъ сомнѣнія должны быть ея дѣти и мужъ. Любовь ея къ дѣтямъ пусть проявляется въ заботливости не о томъ только, чтобы они были здоровы, сыты, одѣты, обугы, пристроены къ мѣсту, но главнымъ образомъ о духовномъ преспѣваніи ихъ, а паче всего о ихъ спасеніи; пусть она постарается воспитать въ нихъ дѣтей Отца небеснаго, вѣрующихъ въ Него, любящихъ Его, послушныхъ Ему, съ которыми она могла бы небоязненно предстать на судъ Божій и съ дерзновеніемъ сказать Господу: се азъ, и дѣти, которыхъ Ты далъ мнѣ Господи; пусть позаботится вкоренить въ нихъ любовь къ святой церкви, государю и отечеству; пусть радуется не столько о внѣшнемъ благополучіи дѣтей, сколько о нравственныхъ достоинствахъ ихъ, и горюетъ о дѣтяхъ не столько тогда, когда они впадутъ въ нужду, бѣдность и горе, сколько тогда, когда они совратятся съ пути истины и добродѣтели. Пусть показываетъ одинаковую любовь къ дѣтямъ, не приближаетъ къ себѣ однихъ и не отталкиваетъ другихъ, и чрезъ то не сѣетъ

между нами зависти и раздора. Самая любовь ея къ мужу должна проявляться главнымъ образомъ въ содѣйствіи ему объ устроеніи блага дѣтей, должна одушевляться мыслию не столько о томъ, что онъ ея мужъ, столько о томъ, что онъ отецъ, глава семейства.

Наконецъ, по слову Апостола, она должна пребывать *во святыхъ съ цѣломудріемъ*. Это значитъ, что личное ея поведеніе должно быть неукоризненное и строго-христіанское, такъ чтобы ея дѣти могли въ ней самой видѣть образецъ той жизни, въ которой она старается утвердить ихъ своими внушеніями. Для сего пусть она держитъ себя какъ можно дальше отъ житейскихъ суетъ и общественныхъ развлеченій, и въ тишинѣ домашней жизни пусть воспитываетъ въ себѣ тотъ кроткій и молчаливый духъ, который, по слову св. апостола Петра, составляетъ преимущественное украшеніе женщины (1 Петр. 2, 3. 4.). Особенно же пусть она какъ отъ огня бѣжитъ отъ тѣхъ обществъ, въ которыхъ могутъ быть встрѣчи, опасныя для ея цѣломудрія и супружеской вѣрности.—Таково должно быть поведеніе каждой матери, если она желаетъ спастись чрезъ чадородіе, если желаетъ, чтобы чадородіе вмѣнилось ей въ заслугу предъ Богомъ.

Обратимся теперь, братія, къ новопреставленной рабѣ Божіей Маріи и прежде всего возблагодаримъ Господа, благословившаго ее чадородіемъ и многочадіемъ, и такимъ образомъ даровавшаго ей средство спастись чадородія ради. Возблагодаримъ Господа и за то, что она при благодатной помощи Его воспользовалась симъ средствомъ. Заботы о многочисленной семьѣ не отвлекали ее, какъ иныхъ матерей, отъ благочестивыхъ занятій. Она была истинно благочестивая и набожная

женщина, судя уже по тому, что бывало не только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, но нерѣдко и въ будни ходила въ церковь и здѣсь отдыхала душею отъ домашнихъ заботъ. Надобно удивляться, какъ у ней доставало на это времени, тогда какъ другія женщины и при гораздо меньшемъ семействѣ, и даже бездѣтныя, не выберутъ времени посѣтить церковное богослуженіе иногда въ самые праздники. Но вотъ что значитъ истинное благочестіе! Кто истинно благочестивъ, тотъ не только не будетъ отвлеченъ отъ дѣлъ благочестія домашними занятіями, напротивъ въ самыхъ этихъ занятіяхъ найдетъ побужденіе къ благочестію, ибо знаетъ, что заботы о житейскомъ облегчатся для него и пойдутъ успѣшнѣе, если напередъ попечется онъ о нуждахъ духовныхъ, о снисканіи благъ небесныхъ, по слову Христа Спасителя: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. 6. 33.). Благочестивая и богобоязненная, почившая была строга къ самой себѣ. Она не любила свѣтскихъ развлеченій, общественныхъ удовольствій, хотя въ средствахъ для принятія въ нихъ участія у ней не было недостатка. Она почитала грѣхомъ веселиться и предаваться праздности, когда на ней лежали обязанности жены, матери, хозяйки.—Свойственный ей духъ благочестія и строгія правила жизни она старалась передать дѣтямъ. Бывало, она стояла въ храмѣ Божіемъ, окруженная своими дѣтьми, зорко слѣдя за ихъ поведеніемъ при богослуженіи и поощряя ихъ къ молитвѣ своимъ примѣромъ. Вообще она дѣйствовала на дѣтей не столько словами, сколько добрымъ примѣромъ. Такой порядокъ воспитанія господствуетъ въ большинствѣ нашего народа, и безъ сомнѣнія она поступала какъ

нельзя лучше, слѣдуя тому же порядку. Хорошая примѣрная жизнь родителей — лучшая школа для дѣтей. Наставленія и толкованія, какъ вести себя, дѣти не такъ легко усвояютъ, какъ примѣръ, — примѣръ — дѣло наглядное. Смотри на примѣръ, дитя становится благонаправленнымъ, благовоспитаннымъ, прежде чѣмъ можетъ дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, въ чемъ состоитъ благонаравіе и благовоспитанность. — Наконецъ какъ истинная мать своихъ дѣтей, почившая сама была для всѣхъ ихъ (всѣхъ у ней было пятнадцать) и кормицей и нянькой, хотя, благодаря нескуднымъ средствамъ жизни, могла бы освободить себя отъ этихъ хлопотъ и поручить уходъ за дѣтьми и отдоеніе ихъ наемницамъ. Она не хотѣла слѣдовать дурнымъ обычаямъ свѣтскихъ матерей, которыя изъ любви къ собственному спокойствію и удовольствіямъ отказываются отъ естественныхъ обязанностей въ отношеніи къ дѣтямъ.

Итакъ, братія и сестры, окружающіе гробъ новопреставленной рабы Божіей, возблагодаримъ Господа за все то добро, которое при помощи Его она могла сдѣлать при жизни; но вмѣстѣ съ симъ возблагодаримъ Господа за ея христіанскую кончину. Тяжки и продолжительны были ея предсмертныя страданія послѣ неблагополучнаго разрѣшенія отъ бремени, но въ продолженіи ихъ она вела себя, какъ истинная христіанка, подкрѣпляя себя молитвою и святыми таинствами, и другихъ прося молитвы за себя. Помолимся и теперь о ней, братія и сестры, усердно помолимся, чтобы Господь за ея временныя тяжкія страданія избавилъ ее отъ вѣчныхъ мукъ и водворилъ ее тамъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ страданій и болѣзни. Аминь.

Свящ. В. Нечаевъ.

И С Ц Ъ Л Е Н І Е .

Переписываемъ два сказанія со словъ получившаго исцѣленіе написанныя, и имъ собственноручно подписанныя, первое 11 января сего 1864 года, второе 13 января.

„Обучаясь въ Т. гимназій, отъ усиленныхъ ли занятій или отъ ревматизма, какъ полагали врачи, или отъ другой какой причины я съ годъ назадъ тому совершенно ослѣпъ лѣвымъ глазомъ. Вслѣдъ за тѣмъ стало постепенно слабѣть зрѣніе въ правомъ глазѣ такъ, что мѣсяцевъ за семь назадъ тому я пересталъ видѣть и этимъ глазомъ. Съ продолженіемъ времени болѣзнь болѣе и болѣе увеличивалась и наконецъ глаза мои обложились непроницаемою тмою: зажженная свѣча, поднесенная на самое близкое разстояніе къ глазамъ, не производила на нихъ дѣйствія или не болѣе давала свѣта, какъ какой представляется закрытымъ глазамъ среди яснаго дня. Врачебныя пособія въ Т. оказались безуспѣшными. По предложенію нѣкоторыхъ особъ, принявшихъ во мнѣ участіе, одинъ знакомый, отправляясь въ Москву, взялъ меня съ собою, чтобы посоветоваться относительно моей болѣзни съ здѣшними врачами. Прибыли мы въ Москву въ концѣ прошлаго года и остановились въ гостинницѣ; а потомъ товарищъ мой, уѣзжая изъ Москвы, помѣстилъ меня у знакомыхъ ему г-жѣ Х, въ домѣ протоіерея. Лучшіе московскіе врачи, въ томъ числѣ окулисты, внимательно разсматривали мои глаза, совѣщались между собою, и наконецъ признали болѣзнь неизлѣчимою. Больно

„было моему сердцу. Потерявъ надежду на помощь
 „человѣческую, я сталъ посѣщать соборные храмы
 „столицы и прикладываться къ св мощамъ въ надеждѣ,
 „не получу ли облегченіе болѣзни свыше. 2 числа янва-
 „ря этого года отправляюсь съ одною изъ г-жъ X. въ
 „Чудовъ монастырь и тамъ при мощахъ святителя
 „Алексія выслушала литургію, прося ходатайства этого
 „угодника Божія. При чемъ отслужилъ молебенъ. При
 „выходѣ изъ церкви, признаюсь, подумалъ, что другіе
 „отъ мощей получаютъ исцѣленіе, а мнѣ грѣшному
 „и мощи не помогаютъ. Едва мелькнула эта мысль,—
 „я правымъ глазомъ увидѣлъ свѣтъ, и въ радости го-
 „ворю спутницѣ: „я вижу“. Видя, что она не обратила
 „вниманія на мои слова или не поняла ихъ, снова го-
 „ворю: „я вижу“. Не понимая или не вѣря этому, она
 „спрашиваетъ: „что же ты видишь?“ Я въ доказатель-
 „ство сталъ указывать на предметы, какіе были предъ
 „нами. Съ этой минуты я вижу правымъ глазомъ такъ,
 „какъ видѣлъ до болѣзни. Не знаю навѣрное, какъ
 „смотрятъ на мое прозрѣніе врачи, коимъ я потомъ
 „показывался; но я вполне принимаю это дѣло за чудо
 „Вышней милости ко мнѣ недостойному“.

Собственноручная подпись: воспитанникъ Т. Г.
гимназіи Е. А. П.

1864 года
Января 11 дня.

„Къ бѣльшей моей радости присовокупляю, что со
 „вчерашняго числа, именно на обратномъ пути изъ Чу-
 „дова монастыря, я сталъ видѣть и лѣвымъ глазомъ,
 „хотя еще не совсѣмъ ясно.“

Собственноручная подпись: воспитанникъ Т. Г.
гимназіи Е. А. П.

1864 года
Января 13 дня.

ДОПОЛНЕНІЕ. Могутъ спросить: почему здѣсь не написаны полныя имена?—Отвѣствуемъ. Когда Митрополитъ Московскій спросилъ исцѣленнаго: желаетъ ли онъ, чтобы сіе событіе приведено было въ общую извѣстность? — Онъ отвѣчалъ: не желалъ бы; впрочемъ какъ угодно. Отвѣтъ соотвѣтственный хрістіанскому смиренію; и безъ особенной нужды не должно было дѣйствовать несогласно съ онымъ. Души вѣрующихъ поражаются благодатному дѣлу Божію, не любопытствуя, надъ кѣмъ оно совершилось. Опыты показываютъ, что получившимъ особенную милость Божію гласность обращается иногда въ искушеніе, подвергая ихъ любопытству и разнообразнымъ сужденіямъ людей, болѣе пытливыхъ, нежели вѣрующихъ.

Сказываютъ, что одинъ изъ врачей, пользовавшихъ юношу П., приписываетъ исцѣленіе глазъ его своему лѣченію. Можно бы спросить сего врача, случалось ли ему, чтобы эго лѣкарство мгновенно, какъ бы однимъ выстрѣломъ, обращало тяжкую болѣзнь въ совершенное здоровье, какъ ето случилось съ юношею П., который отъ совершенной слѣпоты обонхъ глазъ мгновенно перешелъ къ полному зрѣнію правымъ глазомъ, а чрезъ 10 дней подобно и лѣвымъ глазомъ? И почему лѣкарство такъ необыкновенно дѣйствовало не въ иное время и не въ иномъ мѣстѣ, а непосредственно послѣ смиренной молитвы при мощахъ Святителя Алексія? — И врачъ, и не врачъ можетъ понять, что дѣло произошло не по рецепту врача, а отъ благодати Божіей и по молитвѣ Святителя Алексія.

Подлинный актъ, который здѣсь переписанъ, хранится въ Каѳедральномъ Чудовѣ монастырѣ.

О Т Ч Е Т Ъ

ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНІЯ О БѢДНЫХЪ, ЖИВУЩИХЪ
ВЪ ТРЕХСВЯТИТЕЛЬСКОМЪ ПРИХОДѢ, У КРАСНЫХЪ
ВОРОТЪ ВЪ МОСКВѢ.

Прошедшаго 1863 года января 30 дня по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Архипастыря нашего Московскаго Митрополита Филарета въ храмовый праздникъ Свв. трехъ Святителей къ общей радости прихожанъ открыто въ нашемъ Трехсвятительскомъ, у Красныхъ воротъ, приходѣ попечительное учрежденіе о бѣдныхъ, по примѣру первенствующей Апостольской Церкви, имѣвшей свои учрежденія для удовлетворенія потребностей нуждающимся.

Прежде нежели состоялось общее согласіе въ необходимости открыть сіе учрежденіе, не мало было недоразумѣній и разногласія (рѣдкій не возражалъ, хотя и сочувствовалъ предпринимаемому дѣлу милосердія), какъ это обыкновенно бываетъ при всякомъ новомъ дѣлѣ. Душа радовалась въ собесѣдованіяхъ со многими. Видно было горячее сочувствіе и усердное намѣреніе приступить къ дѣлу, только благоразумно, обдуманно. Между тѣмъ время длилось. Приблизился храмовый праздникъ и своимъ приближеніемъ окончательно скрѣпилъ согласіе. Подано было прошеніе къ нашему Архипастырю, съ приложеніемъ проекта ни для кого изъ прихожанъ не стѣснительнаго, и сходнаго съ проектомъ попечительнаго совѣта о бѣдныхъ при церкви Казанской, что у Калужскихъ воротъ.

Вотъ что предположено было сдѣлать :

1) При общемъ нашемъ участіи переписать всѣхъ истинно бѣдныхъ нашего прихода, для сего завести книгу, въ которой значилось бы мѣсто жительства каждаго бѣднаго, званіе его и обстоятельства бѣдности, поведеніе и мѣра пособія.

2) Устроить въ храмѣ нашемъ при 2-хъ боковыхъ выходахъ изъ него двѣ кружки съ надписью: „Бѣднымъ Трехсвятительскаго прихода.“ Въ сіи кружки по долгу христіанскому всѣ и каждый изъ насъ можетъ ввергать лепты своего доброхотнаго усердія.

3) Избрать изъ среды себя безъ всякихъ обязательствъ и по свободному желанію благонамѣренныхъ и усердныхъ прихожанъ безъ опредѣленія числа ихъ, — чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше. Сими прихожанамъ (или домохозяевамъ или жильцамъ ихъ) съ полною довѣренностію мы поручаемъ а) обще съ священникомъ и старостою церковнымъ высыпать деньги изъ кружекъ, отъ которыхъ ключъ долженъ быть у старосты церковнаго; б) развѣдывать дѣйствительныя нужды каждаго истинно-бѣднаго, и чѣмъ онѣ могутъ быть лучше облегчены, и в) выдавать то или другое вспоможеніе по ихъ усмотрѣнію и сообразно съ средствами, имъ порученными.

4) Сумму для бѣдныхъ по ежемѣсячной выспкѣ хранить старостѣ церковному, почетному гражданину и временно московскому 1-й гильдіи купцу Ивану Кузмичу Бакланову въ общемъ церковномъ казнохранилищѣ; для записки же прихода и расхода денегъ завести другую книгу, въ которой какъ приходъ, такъ и выдача денегъ бѣднымъ должны быть засвидѣтельствованы кромѣ подписи священника и старосты церковнаго хотя двоими

избранными отъ насъ довѣренными лицами. Знающіе грамотѣ бѣдные могутъ такъже расписываться въ полученіи вспоможенія.

5) Сія книга, равно какъ и книга о бѣдныхъ, объ прошнурованная и съ церковною печатію всегда должны быть открыты для каждаго прихожанина. Ибо всѣ должны видѣть, на что тратится лепта ихъ усердія. Кромѣ того иной можетъ быть пожелаетъ лично посѣтить бѣдныхъ и помочь еще матеріальными средствами; другой захочетъ подписаться на ежегодное постоянное пожертвованіе.

6) По окончаніи года составлять подробный отчетъ о приходѣ и расходѣ суммы, и прилагать его къ книгамъ или раздавать напечатанный, чтобы также всѣ видѣли добросовѣстное исполненіе дѣла милосердія.

7) Въ случаѣ пожертвованія кѣмъ либо или денежной суммы для бѣдныхъ на вѣчное время или какого либо Государственнаго билета, приносящаго проценты, изъявлять радушное согласіе свято исполнять желаніе жертвователя.

Нашъ Архипастырь съ радостію принялъ прошеніе съ означеннымъ проэктомъ и открытіе попечительнаго учрежденія о бѣдныхъ благословилъ слѣдующею милостивѣйшею резолюціею отъ 28 числа января за N 557: *„Божіе благословеніе да будетъ надъ симъ учрежденіемъ христіанскаго челолюбія и да принесетъ оно плодъ духовный благодѣющимъ и облегченіе бѣдствующимъ. — Добре, братія, что образца своему начинанію взыскали вы въ дѣлняхъ первенствующей Апостольской Церкви.“* Прихожане съ благоговѣніемъ и радостію перекрестились, услышавши резолюцію, и въ тотъ же день единодушно были избраны попечители:

отставной полковникъ С. В. Бѣльскій, титулярный совѣтникъ Д. И. Кротковъ, почетный гражданинъ В. М. Переплетчиковъ, Ростовскій купеческій сынъ А. Н. Дьячковъ, Рязанскій купецъ С. А. Раевскій, московскій купецъ І. К. Осиповъ и московскій купецъ П. И. Альгинъ,—выбывшій за отъѣздомъ.

Наступилъ храмовый праздникъ. Всѣ собрались въ храмъ Божій съ особеннымъ настроеніемъ души. Отъ самаго богатаго прихожанина до послѣдняго бѣднаго, питающаго себя съ семействомъ трудами рукъ своихъ, всѣ кто былъ въ храмѣ, съ усердіемъ испрашивали благословенія Господня на начинающееся дѣло приходскаго милосердія. Наконецъ послѣ Литургіи, выслушавши въ проповѣди приходскаго священника ученіе Свв. Трехъ Святителей о милосердіи къ бѣднымъ, кому и какъ изъ нихъ помогать должно въ нуждахъ, приступили и къ самому благотворенію. Одинъ изъ попечителей почетный гражданинъ В. М. Переплетчиковъ, въ память сего учрежденія, пожертвовалъ на вѣчное время 5% билетъ во 100 рублей сер. на имя неизвѣстнаго съ тѣмъ, чтобы проценты выдавались тому или другому бѣднѣйшему семейству два раза въ годъ, января 17 за упокой Алексія, и января 30 въ память дня открытія сего попечительнаго учрежденія. Съ сего же дня и кружки начали наполняться. Отыскано не мало бѣдныхъ, узнаны всѣ обстоятельства ихъ жизни, и въ послѣднихъ числахъ каждаго мѣсяца по окончаніи богослуженія въ храмѣ попечители высыпали изъ кружекъ добротныя дары любви къ бѣднымъ, и обще съ священникомъ и старостою церковнымъ назначали воспоможеніе.

Вотъ перечень ежемѣсячной высылки изъ кружекъ въ продолженіи цѣлаго года :

ФЕВРАЛЬ 45 р. 64 коп. **МАРТЪ** 45—13. **АПРѢЛЬ** 28—85. **МАЙ** 22—52. **ІЮНЬ** 19—60. **ІЮЛЬ** 23—78. **АВГУСТЪ** 24—4. **СЕНТЯБРЬ** 24—41. **ОКТАБРЬ** 22—50. **НОЯБРЬ** 49—33. **ДЕКАВРЬ** 28—70. **ЯНВАРЬ** 45—7.

ВСЕГО 379 р. 57 коп.

Роздано бѣднымъ : въ **ФЕВРАЛЬ** 12 р. 50 к., въ **МАРТЪ** 30—50. въ **АПРѢЛЬ** 17—50. въ **МАЙ** 19—50. въ **ІЮНЬ** 19—50. въ **ІЮЛЬ** 22—50. въ **АВГУСТЪ** 20—50. въ **СЕНТЯБРЬ** 20—50. въ **ОКТАБРЬ** 23—50. въ **НОЯБРЬ** 23—50. въ **ДЕКАВРЬ** 25. въ **ЯНВАРЬ** 24—50.

ВСЕГО 259 р. 50 коп.

Осталось къ нынѣшнему году (исключая 5⁰/₀ во 100 р. Государственный билетъ), **120** р. **7** коп. Самое высшее пособіе было 6 р. 50 к. сер. Менѣе же одного рубля не выдавалось.

Бѣдные получали пособіе единовременно и ежемѣсячно. Единовременныя пособія выданы были тремъ семействамъ, значущимся въ книгѣ о бѣдныхъ подь NN 10, 15 и 17. *Первое* семейство состояло изъ 4 лицъ—мужъ, жена, малолѣтний сынъ и больная мать. Отецъ семейства, пропитывая семью свою шитьемъ башмаковъ, не смогъ хозяйничать безъ убытка; и заплатить за квартиру нечего, и купить товару не на что, чтобы пріобрѣсти хотя что нибудь для пропитанія. При сдѣланномъ ему вспомошествованіи и деньгами для уплаты долга и покупки товара, и заказомъ работы, данъ ему былъ отъ попечителей совѣтъ оставить плохое хозяйство и идти въ подмастерья къ какому нибудь зажиточному хозяину, что имъ вскорѣ было исполнено не безъ содѣйствія попечителей. *Друное* семейство состояло изъ 3 лицъ: матери чиновницы и двухъ дочерей—

одна 7 лѣтъ, другая 8 мѣсяцевъ. Не имѣя никакого состоянія воспитывать свою дочь, она пріѣхала изъ С.-Петербурга въ Москву, чтобы пристроить дочь въ какое либо казенное заведеніе. Проживши въ Москвѣ безъ успѣха въ своемъ дѣлѣ, она израсходовала все, что необходимо было на проѣздъ съ семьей въ городъ Курскъ. Грустно было смотрѣть на положеніе матери, которой и отдать за квартиру нечего и пропитать себя нечѣмъ и ѣхать не на что. Счастіе ея, что она остановилась въ домѣ попечителя у съемщика квартиръ для бѣдныхъ. Всѣ ея нужды вскорѣ были удовлетворены и она была отправлена въ г. Курскъ. *Третье* семейство состояло изъ 2 сестеръ возрастныхъ, дочерей чиновника 7 класса, одна больная, другая престарѣлая. Содержа себя трудами рукъ своихъ, онѣ крайне нуждались въ средствахъ жизни, ибо не всегда имѣли работу. Постоянная работа была найдена для нихъ, и необходимое денежное обезпеченіе въ родѣ залога выдано отъ учрежденія.

Ежемѣсячное пособіе получено 31 лицомъ. Семействъ получившихъ вспоможеніе было 8-мь. Одинокихъ 6 человекъ. Изъ нихъ чиновниковъ и ихъ вдовъ и сиротъ 8-мь. Изъ духовнаго званія 1 престарѣлая дѣвица; мѣщанъ 14; цѣховыхъ 1; изъ военнаго званія 8-мь и крестьянъ 6 человекъ.

Почти всѣ сіи бѣдные нуждались крайне въ теплой и сухой квартирѣ. „Только неволя и горе, говорятъ они, живетъ въ такой квартирѣ, въ которой со стѣнъ течетъ и подъ поломъ вода. Ужъ ни на что не смотришь, лишь бы только не гнали; но и изъ такой квартиры почасту гоняють. Иной разъ и копѣйки нѣтъ въ карманѣ, не только что рубля. И поработалъ бы что,

да никто ничего не даетъ. То руки не успѣваютъ работать, то ужъ нигдѣ не найдешь сподручной себѣ работы. То прихворнется и радъ бы сходить къ своимъ благодѣтелямъ ближнимъ, которые помогаютъ намъ въ нуждѣ, да ноженьки не ходятъ. Другой разъ пойдешь: то дома нѣтъ, то приди дня чрезъ два. Ты все жди, да другой разъ приди; а съемщикъ-то нашихъ квартиру живеть съ нами и, какъ бѣльмо на глазу, все докучаетъ и грозитъ выгнать. А куда пойдешь, какъ выгонять? Кто приметъ бѣднаго?—Всѣ опасаются. Велика, очень велика благодать намъ отъ Господа—эта помощь отъ храма Божія на квартиру. И работу-то себѣ найдешь почище, попокойнѣе и подороже: а то вѣдь брать нельзя, положить не на что. Какъ ни береги, не усмотришь,—то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ пятно. И довѣренности больше намъ отъ дающихъ работу. Ибо живемъ теперь не кое-какъ, по милости Божіей; и хозяинъ покоенъ. Сходи съ дому вѣрнѣй, нами уже теперь дорожатъ. И намъ сухо и тепло и радостно“.

Одному только семейству, значущемуся по книгѣ о бѣдныхъ подъ № 1-мъ оказано пособіе и на квартиру и на содержаніе, ибо состоитъ изъ 7 человекъ. Какъ только заявлено было попечителемъ о нуждѣ помочь ему, всѣ удивились, ибо есть у семейства отецъ и мать. На дѣлѣ же что оказалось? Отецъ больной человекъ, на помощь отъ него семейству нѣтъ пока никакой надежды; ибо два года безъ мѣста и по болѣзни неспособенъ къ службѣ. Мать же страдаетъ давно головою болью. Одна только дочь возрастная подъ руководствомъ и слабою помощію матери и 9-лѣтней сестры безъ устали работаетъ то на ту, то на другую лавку въ городъ и симъ усиленнымъ трудомъ доставляетъ средства для жизни всему семейству.

Вообще всѣхъ получавшихъ пособіе и единовременное и ежемѣсячное было мужскаго пола 16, женскаго 32. Въ числѣ ихъ дѣтей мужскаго пола 12, женскаго 9. Малолѣтныя выше 7-ми лѣтъ еще прежде открытія у насъ учрежденія попечительства о бѣдныхъ помѣщены были въ пріютахъ. Одинъ только сынъ бѣдной вдовы праздно проводилъ время, почему былъ устроенъ въ народное училище. На бумагу, перья, чернила и книги выдается матери ежемѣсячное пособіе. Граматнымъ бѣднымъ выдано въ собственность три экземпляра новаго Завѣта, еще даются для чтенія книги изъ церковной бібліотеки, ежегодно пополняемой вновь издаваемыми духовно-нравственными книгами и журналами. Малолѣтнымъ дѣтямъ, находящимся при родителяхъ, выдано нѣсколько азбукъ и Начатковъ христіанскаго ученія.

Между бѣдными находится одна престарѣлая женщина просящая милостыню, только при нашей Трехсвятительской, у Красныхъ воротъ, церкви.

Въ заключеніе сего отчета необходимо заявить о высоко-нравственныхъ примѣрахъ истинно христіанскаго милосердія. Кромѣ означенной по приходорасходной книгѣ о бѣдныхъ суммы, поступившей въ пользу ихъ въ прошедшемъ 1863 году, у нѣкоторыхъ попечителей были немалыя суммы такія, которыя пожертвованы были неизвѣстными благотворителями съ просьбою раздавать бѣднѣйшимъ семействамъ по ихъ усмотрѣнію и незаписывать въ книгу на приходъ. Желанія сихъ благотворителей согласно 7-му правилу нашего устава свято исполняются. Ихъ благотворенія не отмѣняютъ пособій опредѣленныхъ бѣднымъ отъ попечительнаго учрежденія, но только присоединяются къ нимъ.

Трехсвятительской у Красныхъ воротъ церкви священникъ Николай Васильевъ Орловъ.

ОБРАЩЕНІЕ КЪ ПРАВОСЛАВІЮ ЧЕРКЕСА И ТАТАРИНА.

Предлагаемый разсказъ мы записали со словъ знакомаго намъ священника (села Фаустова Броницкаго уѣзда), Григорія А. Звѣрева, который былъ духовникомъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ этого разсказа, — черкеса, и слышалъ отъ него исторію обращенія какъ его самого, такъ и татарина. Черкесь И. М. воспитывался въ С.-Петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ поступилъ офицеромъ въ уланскій полкъ. Живя среди товарищей, принадлежащихъ къ разнымъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, пылкій юноша Кавказа хотѣлъ узнать, какое изъ этихъ вѣроисповѣданій (православнаго, римско-католическаго, протестанскаго) есть лучшее и правое, — съ намѣреніемъ — присоединиться къ нему. Много онъ бесѣдовалъ съ людьми, къ которымъ питалъ уваженіе и довѣріе, много размышлялъ самъ и желалъ пріобрѣсти собственное убѣжденіе посредствомъ чтенія нравственно-религіознаго; ему особенно нравились творенія св. Отцевъ, и учителей восточной церкви (которыя онъ читалъ на французскомъ языкѣ). Нужно сказать, что, когда онъ для разъясненія своихъ недоумѣній обращался къ инославнымъ пасторамъ и къ православному священнику, то всегда ему нравился послѣдній.—И офицеръ принялъ православіе вопреки волѣ своихъ родителей, которые тщетно старались удержать его въ магометанствѣ угрозою лишить его наслѣдства и всякаго матеріальнаго ему пособія. — Священникъ, со словъ котораго мы записали этотъ разсказъ, не скрылъ своего удивленія къ дивнымъ

судьбамъ Промысла о спасеніи человѣка, когда отъ самаго офицера выслушалъ исторію его обращенія. Тогда офицеръ передалъ священнику болѣе замѣчательный способъ обращенія грѣшника на путь истины. — Одна рота тогоже уланскаго полка пришла на стоянку въ приходъ села „Михайловской слободы“ а). Одинъ крестьянинъ означеннаго села приходилъ къ ротному командиру, усердно прося поставить къ нему солдата, который бы былъ почестнѣе; проситель былъ уже старъ, кромѣ жены никого не имѣлъ у себя въ домѣ, и потому не желалъ, чтобы военный постоялецъ нарушалъ чѣмънибудь его мирную жизнь. — Ротмистръ охотно обѣщаетъ исполнить просьбу старичка и говорить: „есть у меня въ ротѣ солдатъ добрый-малый, но незнаю, полюбится ли онъ тебѣ.“ — Коли добрый онъ, батюшка, такъ какъ же его не полюбить? „Да вѣдь онъ — татаринъ.“ — Что нужды, кормилецъ; вѣдь онъ добрый человѣкъ: мнѣ больше и не нужно; а тамъ Господь его разсудитъ!... Поставили татарина къ старичку. Приходитъ первый праздникъ, — хозяева встаютъ къ заутрени, будятъ солдата и просятъ его за ними запереть и покараулить ихъ домъ. Приходитъ другой и третій праздникъ, — старички спокойно молятся въ храмѣ, и благодарятъ Бога и добраго начальника, что теперь есть у нихъ возможность ходить обоимъ въ церковь, — а бывало, по одиночеству своему, ходили поочередно. Но вотъ, разъ будятъ солдата съ обычною просьбою — запереть и покараулить... „Нѣтъ, говорить солдатъ, я не останусь здѣсь, и меня возьмите съ собою въ вашу церковь.“ Хозяева съ крайнимъ удивленіемъ стали спрашивать,

---

а) Бронницкаго уѣзда.

почему онъ не остается,—и какъ онъ пойдетъ въ церковь Божію, когда онъ *не нашъ*? Долго не объявлялъ солдатъ истинной причины, по которой не хочетъ болѣе одинъ оставаться въ домѣ во время заутрени. „Мнѣ, говорилъ онъ, страшно здѣсь одному быть часа три ночью“ (это происходило зимою).—Да отъ чего же тебѣ страшно?... Въ этихъ распросахъ прошло довольно времени; старушка ушла въ церковь,—а старикъ—хозяинъ любопытствовалъ наединѣ узнать, что именно страшитъ ихъ постояльца. По уходѣ старушки солдатъ сталъ рассказывать, что почти въ самомъ началѣ поступленія его на квартиру, когда онъ оставался одинъ въ праздничныя заутрени, какой-то невидимый голосъ сталъ посылать и его въ церковь: „иди, говорить, и ты молиться въ церковь!“ Этотъ голосъ вначалѣ солдатъ объяснялъ себѣ просто—дѣйствіемъ воображенія въ полусонномъ состояніи. Но когда подобный голосъ повторился ему раза два—три, солдатъ сталъ призадумываться днемъ и давать себѣ вопросъ, ктѣ его посылаетъ въ церковь, и за чѣмъ посылаетъ въ такое мѣсто, куда онъ никогда не ходилъ... Послѣ такихъ размышлений, въ первый воскресный день, когда онъ по прежнему остался одинъ, онъ рѣшился не ложиться спать, и вдругъ онъ видитъ, предъ нимъ предсталъ благолѣпный старецъ, никогда имъ невиданный. Старецъ сей кротко говоритъ солдату: „ступай въ церковь и молись Богу,“ и сказавъ это, мгновенно скрылся. Подобное явленіе повторилось и во время слѣдующей утрени; въ третью утреню, когда солдатъ уже ожидалъ таинственнаго старца и приготовился ему сдѣлать свои вопросы, вдругъ старецъ предсталъ въ видѣ грозномъ и сказавъ: „иди въ церковь нынѣ же, иначе худо тебѣ будетъ,“—мгновенно

но скрылся; это было послѣднее явленіе; и теперь,— закончилъ солдатъ, — я рѣшилъ ходить въ вашу церковь.— Хозяинъ объяснилъ, что ему нельзя ходить въ церковь некрещенному, и посовѣтовалъ ему объявить объ этомъ видѣніи полковому священнику, который квартировалъ тогда въ городѣ Бронницахъ. Солдатъ въ тотъ же день отправился въ означенный городъ, рассказалъ все подробно полковому священнику, и тутъ же объявилъ, что онъ желаетъ быть христіаниномъ православнымъ. По сдѣланномъ ему *оглашеніи* ^{б)} и по исполненіи всего, что требуется отъ приступающаго къ крещенію, солдатъ, нареченный *Иваномъ*, принялъ св. крещеніе предъ обѣдней, во время которой причастился св. таинъ. По окончаніи обѣдни, когда новокрещенный прикладывался съ благоговѣніемъ къ св. иконамъ, онъ сталъ внимательно вглядываться въ икону св. Іоанна Богослова, которая стояла на столбѣ за клиросомъ, и со слезами радости сказалъ окружающимъ (крестьянинъ — старичекъ намъ знакомый былъ его восприемникомъ, и теперь предшествовалъ своему крестнику, который прикладывался по его указанію къ иконамъ), что „вотъ истинное подобіе того таинственнаго старца, который ему неоднократно являлся, приказывая идти въ церковь“. Св. Іоаннъ Богословъ былъ ангеломъ тезоименитаго, новокрещеннаго солдата! . . .

Что объ этомъ событіи скажутъ люди маловѣрные и легкомысленные, мы не знаемъ; но по свидѣтельству обращеннаго Черкеса-офицера многіе изъ товарищей

а) Наставленіи въ истинахъ вѣры православной, что продолжалось около мѣсяца.

его, которые хотя именовались православными христианами, но жили хуже татаръ,—когда узнали о чудесномъ обращеніи товарища, стали жить по христіански! Новокрещенный Иванъ отличался всегда особеннымъ послушаніемъ къ высшимъ, услужливостію товарищамъ, скромностію въ рѣчахъ; *никое* слово никогда не выходило изъ устъ его, и никто никогда не видалъ его смѣющимся. По крещеніи онъ сдѣлался еще строже къ себѣ самому. Чрезъ годъ или два послѣ описываемаго событія Уланскій полкъ этотъ ушелъ на границу Россіи съ Австріею по случаю Венгерской компаніи въ 1848 году. И съ тѣхъ поръ священникъ Гр. А. Звѣревъ не имѣлъ объ упомянутыхъ лицахъ никакихъ свѣдѣній. Мы съ своей стороны закончимъ разсказъ сей словами апостола Петра, которыя онъ произнесъ по выслушаніи разсказа Корнилія сотника: *во всякомъ языкѣ бойся Бога и дѣлай правду, пріятенъ Ему есть* (Дѣян. 10, 35.).

Февр. 28 дня
1864 года.

Свящ. І. Виноградовъ.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Я Н В А Р Ъ.

	<i>стр.</i>
1.) Слово на новый годъ. <i>Священника Алексѣя Ключачева</i>	3
2.) Жизнь святаго Василія Великаго, архіепископа Кесарін Каппадокійскія. <i>Архимандрита Порфирія</i>	15
3.) Изъясненіе молитвы Господней. <i>Свящ. В. Нечаева</i>	55
4.) Изъясненіе заимствованныхъ изъ ветхаго завіта наименованій Пресвятыя Богородицы, содержащихся въ благодарственномъ ей канонѣ и акаѳистѣ. <i>Діакона Николая Воинова</i>	81
5.) Слово при погребеніи господина московскаго военнаго генералъ-губернатора, генерала отъ инфантеріи, генералъ-адъютанта Павла Алексѣевича Тучкова. <i>Свящ. Алексѣя Ключарева</i>	94
6.) Какъ понимать слова св. апостола Павла о крещеніи мертвыхъ ради. <i>Свящ. В. Нечаева</i>	

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Отвѣты на нѣкоторые недоумѣнія и вопросы (*Продолженіе*).—Василій Петровъ, учитель изъ секты странниковъ.—Изъ быта крестьянъ. *Свящ. В—ва*.—Чтеніе Евангелія и молитва Иисусова, какъ средства къ побѣжденію страсти пьянства.—Описаніе кончины преосвященнаго Евфимія, епископа саратовскаго.

Ф Е В Р А Л Ъ.

1.) Жизнь святаго Василія Великаго, архіепископа Кесарін Каппадокійскія. <i>Архимандрита Порфирія</i>	113
2.) Голосъ матери о первоначальномъ воспитаніи дѣтей. <i>Е. П.</i>	144
3.) Очерки быта народа Божія. <i>Н. З—ва. (Продолженіе будетъ)</i> ...	168
4.) Исповѣдь и страшный судъ. <i>Свящ. Александра Серіевскаго</i>	195
5.) Рѣчь къ причастникамъ Святыхъ Таинъ. <i>Свящ. В. Нечаева</i>	212
6.) О важности грѣха. <i>Священника Александра Романовскаго</i>	215

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Воспомяніа о Павлѣ Алексѣевичѣ Тучковѣ. *Николая Суикова*.—Слово при погребеніи временнаго 2-й гильдіи купца Николая Гавриловича Грязнова. *Свящ. В. Нечаева*.—Изъ быта крестьянъ. *Священника В. В—ва*—Письмо въ редакцію о театральныхъ маскарадахъ. *Православнаго изъ свѣтскихъ людей*.—Отъ московскихъ братчиковъ Фастовскаго братства (Гродненской губерніи, Бѣлостокскаго уѣзда въ селѣ Фастахъ). *Священника Александра Ильинскаго*.

М А Р Т Ъ.

- 1.) Жизнь святаго Василія Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійскія (окончаніе). *Архимандрита Порфирія*. 113
- 2.) Очерки быта народа Божія. *Н. З—ва*. 261
- 3.) Великій постъ съ концертами, живыми картинами и другими подобными увеселеніями. *Е. П.*. 291
- 4.) Братья и сестры. *Свящ. В. Нечаева*. 311
- 5.) Въ какомъ смыслѣ Пресвятая Богородица именуется руномъ одушевленными, купиною неопальною, облакомъ всесвѣтлымъ, столпомъ огненнымъ. *Діакона Николая Воинова*. 329

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Протопресвитеръ Іоаннъ Петровичъ Подубенскій. *Н. С—на*.—Вѣсти изъ Соловецкаго монастыря. *М. І.*—Рѣчь обратившемуся въ православіе раскольнику поповской секты московскому ищанину Крынину.—Знаменіе благодати Божіей въ простомъ народѣ. *Анны Небольсиной*.

А П Р Ъ Л Ъ.

- 1.) Отпаденіе западной Церкви отъ союза съ восточною. Историческій очеркъ. (*Продолженіе будетъ*). *Алфіана Лебедева*. 337
- 2.) Свѣтиса, свѣтиса новый Іерусалиме. *Діакона Николая Воинова*. 383
- 3.) Очерки быта народа Божія. *Н. З—ва*. 390
- 4.) О благотворительныхъ увеселеніяхъ. Письмо первое. *Протоіеря Алексія Ключарева*. 403

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Алтайская духовная миссія. Начальника Алтайской Духовной Миссін протоіеря *Стефана Ландышева*.—Поученіе при погребеніи купеческой жены Марьи В. Дрожалиной, скончавшейся вскорѣ послѣ родовъ. *Свящ. В. Нечаева*.—Исцѣленіе.—Отчетъ попечительнаго учрежденія о бѣдныхъ, живущихъ въ Трехсвятительскомъ приходѣ, у Красныхъ воротъ въ Москвѣ. *Священника Николая Васильева Орлова*.—Обращеніе къ православію черкеса и татарина. *Свящ. І. Викорадова*.